Рәсәй халыҡтары телдәре диалектологияһының көнүҙәк мәсьәләләре

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

РФА Тел ғилеме институты
РФА Өфө ғилми үҙәге
РФА ӨҒҮ Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты
Башҡортостан Республикаһы Фәндәр академияһы
Башҡортостан Республикаһының Мәғариф министрлығы
Башҡортостан Республикаһының Дәүләт телдәре советы
Башҡортостан Республикаһының Йәмәғәт палатаһы
Башҡортостан халыҡтары ассамблеяһы

Рәсәй халыҡтары телдәре диалектологияһының көнүҙәк мәсьәләләре

X төбәк конференцияһы материалдары
(Өфө, 21-23 сентябрь, 2010 й.)

Өфө
2010

Институт языкознания РАН
Уфимский научный центр РАН
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Академия наук Республики Башкортостан
Министерство образования Республики Башкортостан
Совет по государственным языкам Республики Башкортостан
Общественная палата Республики Башкортостан
Ассамблея народов Башкортостана

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы X региональной конференции
(Уфа, 21-23 сентября 2010 г.)

Уфа
2010

УДК 8 : 389 : 7 (063)
ББК 81 : 83 82 : 85

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. — Уфа, 2010. — 272 с.

ISBN 9-785916-080391

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников региональной конференции “Актуальные проблемы диалектологии языков народов России”. В статьях нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, проблемы и перспективы изучения диалектов башкирского языка.

Сборник адресован лингвистам, фольклористам, этнографам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем тем, кто хочет узнать больше о диалектах языков народов России.

DOI: https://doi.org/10.31833/probl_dial.2010

Редакционная коллегия:
А.В. Дыбо, Ф. А. Надршина, Н.Ф. Суфьянова,
Ф.Г. Хисамитдинова, Р.М. Юсупов

Составитель:
Р.Н. Каримова

ISBN 9-785916-080391

©ИИЯЛ УНЦ РАН

БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ
ПРЕЗИДЕНТ

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН
ПРЕЗИДЕНТ

ПРИВЕТСТВИЕ
Президента Республики Башкортостан Р.З. Хамитова участникам X региональной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» г. Уфа, 21-23 сентября 2010 года

Уважаемые участники конференции! Приветствую вас в столице Башкортостана – городе Уфе!

Проведение в нашей республике научного форума по проблемам диалектологии языков народов России закономерно. В Башкортостане проживают представители более 125 народов и здесь создаются все условия для сохранения их языков, культуры и национальных традиций.

Насыщенная программа десятой региональной конференции включает обсуждение проблем и перспектив изучения тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, различных аспектов обучения родным и государственным языкам в условиях диалекта. Эта работа призвана способствовать развитию родных языков, совершенствованию деятельности по их изучению, в целом, сохранению этнического своеобразия народов России.

Уверен, что ваше глубокое, заинтересованное обсуждение в рамках форума будет плодотворным и даст ответы на многие поставленные вопросы.

Желаю всем участникам, организаторам и гостям конференции здоровья, благополучия, новых творческих достижений!

Президент
Республики Башкортостан Р.З. Хамитов

Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И БАШКИРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ СЕГОДНЯ

Башкирский язык – национальный язык башкирского народа, один из государственных языков Башкортостана, принадлежит к одному из крупных тюркских языков России. Генетически он относится к кыпчакской группе тюркских языков, однако в нем имеются особенности, характерные для огузских, булгарских и южносибирских тюркских языков.

Башкирский язык состоит из трех диалектов, каждый из которых включает в свой состав несколько говоров. Восточный диалект включает в свой состав 7 говоров и распространен в восточных районах Башкортостана, отдельных районах Челябинской, Курганской и Свердловской областей. Северо-западный диалект, включающий 4 говора, распространен в башкирских деревнях северо-западного Башкортостана, Пермского края и Восточного Татарстана. Южный диалект, состоящий из 3 говоров, распространен в юго-восточном, юго-западном и центральном районах Башкортостана, Саратовской и Самарской областях. Диалекты и говоры башкирского языка близки между собой. Различия незначительны, и они не мешают взаимопониманию и общению носителей диалектов между собой.

Основные отличия башкирских диалектов связаны с фонетикой говоров. Во-первых, в башкирских диалектах и говорах зафиксированы различные этапы перехода пратюркского и общетюркского звука ***С*** в ***һ*** через межзубный ***Ҫ***. Интересно отметить, что древний общетюркский ***С*** сохранился в основном в северо-западном диалекте и ряде лексем других диалектов башкирского языка. Переходный, промежуточный межзубный звук ***Ҫ*** в основном сохранился в южном и ряде лексем восточного диалектов. А щелевой ***һ***, возникший из пратюркского ***С*** через ***Ҫ***, в основном встречается в восточном диалекте и ряде говоров южного диалекта. Характеризуя современное состояние диалектов, следует отметить, что под нивелирующим влиянием башкирского литературного языка происходят существенные изменения в них. В частности, судя по экспериментальным материалам новосибирского фонетиста Н. С. Уртегешева, в результате воздействия башкирского литературного языка демский ***Ҫ*** переходит в увулярный, щелевой ***һ***. Под влиянием татарского литературного языка в речи молодого поколения носителей нижнебельского говора башкирского языка исчезает общебашкирский ***Ӡ***, употребляемый вместо общетюркского ***Д***. Звук ***Ӡ*** сегодня сохранился лишь в речи старшего поколения. Что же касается среднего и молодого поколения, то в их речи, судя по данным диалектологов, отмечено употребление близкого по артикуляции звука ***З***. Под влиянием татарского литературного языка, являющегося языком обучения и изучения в северо-западном регионе, существенные изменения происходят в употреблении и других звуков в разговорной речи башкир этого региона.

Как известно, в языке сохраняется история народа, в нем запечатлена его национальная картина мира, он одно из главных достояний культуры народа. Поэтому изменения, происходящие в северо-западном диалекте башкирского языка, волнуют не только ученых, но и все башкирское общество. Негативное отношение к происходящим в говорах северо-западного диалекта изменениям отмечается и у старшего поколения башкир этого региона. Возможно, поэтому часть из них обращается к нам в Институт, в средства массовой информации с предложением о введении обучения в школах западных районов Башкортостана на северо-западном диалекте башкирского языка.

Однако языком обучения и изучения в школах республики, как и в других официальных сферах, является башкирский литературный язык, который базируется на общенародном разговорном языке, шлифованном языке фольклора и письменном языке "тюрки", общем для многих тюркских языков России. Современный башкирский литературный язык является одним из развитых языков народов России. Он, как государственный язык, является языком обучения и изучения, СМИ и культуры, отчасти языком государственного управления и сферы обслуживания. Безусловно, государственный статус и радикальные изменения, происходящие в стране и мире, не могли не отразиться в развитии башкирского литературного языка. В частности, в последние годы практически изменилась общественно-политическая терминология, существенные сдвиги произошли в научной терминологии. Появилось множество новых заимствований, связанных с компьютерными технологиями. Поменялись местами ряд устаревших слов и неологизмов. В частности, сегодня в ряд историзмов уходят такие неологизмы советской эпохи, как *совхоз, колхоз, колхозник*. Из серии историзмов стали возвращаться в современный башкирский язык такие слова, как *мөхәррир, сәркәтип, табип* и др. В языке появились и новообразования, часть которых прижилась в башкирском языке. В частности, такие новые слова, как *көйәрмән* "болельщик", *йәнһүрәт* "мультфильм", заняли достойное место в современном башкирском языке. В литературный язык стали проникать некоторые разговорные, просторечные слова и формы. Ср.: *гәзит, урыҫ* и др. Безусловно, изменения в области лексики существенны, т.к. она быстро реагирует на события в общественной жизни. Казалось бы, грамматика башкирского языка, живущая по своим внутренним законам, не должна была бы изменяться. Но и здесь появились некоторые изменения. Под влиянием русского языка активизировались сложные предложения с придаточными, в словообразовании – калькирование и др.

Сегодня активно меняется орфоэпия. Под влиянием орфографии практически исчезает из разговорной речи молодого поколения звуки Ў, Ӯ мягкий ***в*** вместо них употребляются ***б, в***. Ср.: *ваҡ, Вәсилә, сәбәп, бабай*. Безусловно, жизнь не стоит на месте. Башкирский язык, как и русский, татарский и другие языки, будет реагировать на него. Что-то будет в нем сохраняться, что-то исчезать, а что-то уйдет на периферию. Но ядро

башкирского языка, сложившееся в течение многих тысячелетий, останется. Наша задача, задача ученых – изучать состояние башкирского языка, его историю, дать экспертную оценку изменениям, инновациям, чтобы общество могло пользоваться едиными нормами литературного языка. Главное учреждение, занимающееся изучением башкирского языка – это Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, который вместе с лингвистическими кафедрами вузов немало сделал и делает для сохранения и изучения башкирского языка. Результат деятельности Института налицо. Это толковые, орфографические, синонимические, терминологические, диалектные, а также двуязычные словари, академическая грамматика, академические монографии по различным аспектам башкирского языкознания.

Современная башкирская лингвистика существенно продвинулась в решении тех задач, которые были поставлены ее предшествующим развитием. Получены интересные данные по этнолингвистике, социолингвистике, компьютерной лингвистике. Огромный прорыв совершен в области диалектологии, диалектной лексикографии и лингвогеографии. Об этом свидетельствует, во-первых, "Диалектологический атлас башкирского языка", включающий 163 карты и интерпретации к ним. В нем освещены специфические явления башкирского языка с их региональными разновидностями. Атлас дает много диахронного материала и материала, характеризующего современное состояние разговорного языка башкир. Во-вторых, об этом свидетельствуют монографии по всем трем диалектам и отдельным говорам, а также словари диалектов башкирского языка в трех томах и сводный том, разработанные и изданные Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН. В-третьих, об этом же свидетельствуют и этнолингвистические исследования Института, по которым вышли ряд монографий, словарей, статей, но самое главное – защищено восемь кандидатских диссертаций. Следует отметить, что сегодня диалектология – это уже не описание того или иного говора. Время описаний прошло. Да и ВАК признал такие темы недиссертабельными. Сегодня диалектология взаимодействует с этнолингвистикой, культурологией, мифологией, этнографией, психолингвистикой, лингвогеографией. Поэтому все этнолингвистические работы, основанные на диалектном материале, свидетельствуют о том, что диалектологические исследования в Институте продолжаются, но на новом витке. Наука лингвистика не стоит на месте. Ее способность использовать методы естественных, физико-математических и других наук вывела ее за рамки традиционной филологии. В результате в Институте появились исследования по компьютерной лингвистике, которые дали возможность сегодня создать машинный фонд башкирского языка, специально разработанную систему поиска филологической информации. Сегодня информационная система имеет семь баз данных, которые образуют подфонды единого машинного фонда:

— подфонд генеральной картотеки;

— лексикографический подфонд;
— грамматический подфонд;
— каталоги рукописных и старопечатных книг;
— экспериментально-фонетический подфонд;
— диалектологический подфонд.

Отметим, что машинный фонд башкирского языка является вторым фондом после фонда русского языка на всем постсоветском пространстве.

За год с лишним своего открытого функционирования машинный фонд башкирского языка стал явлением не только сугубо научного, но и культурного и образовательного значения. При этом наблюдается динамика роста как посещений, так и обращений на обработку запроса. К машинному фонду обращаются как из дальнего зарубежья (Австрия, Великобритания, Норвегия, Германия, Польша, Турция, Йемен, Сербия), так и из постсоветских республик (Азербайджан, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан) и др. Все эти факты говорят о том, что фонд становится средством активной пропаганды и ознакомления мировой цивилизации с башкирским языком.

За последние годы много сделано в Институте в области лексикографии. Подготовлены и изданы двухтомный толковый, однотомный башкирско-русский, двухтомный русско-башкирский, академический, мифологический, однотомный орфографический словари. Начата работа над фундаментальным двуязычным академическим словарем башкирского языка в 10 томах, первый том которого уже готов к изданию.

В постсоветский период в Институте бурное развитие получили социолингвистические исследования. Особенно они активизировались после принятия Закона “О языках народов Республики Башкортостан” и разработки двух программ (“Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2000 –2005 гг.” и “Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006 – 2010 гг.”). Данные документы создали правовую базу для расширения социальных функций башкирского языка как одного из государственных языков РБ. В числе основных мероприятий Госпрограммы среди прочих указано научное исследование государственных языков РБ в целях совершенствования и развития их литературных норм. В результате проведения исследований в этой области учеными республики получены интересные данные о функционировании башкирского и других языков и диалектов РБ, социальной дифференциации современного башкирского языка, особенностях современной городской речи, тенденции развития терминологической базы, письменной и устной речи башкир, взаимодействии и взаимовлиянии языков народов Башкортостана, двуязычии и многоязычии. В целом, достижения башкирского языкознания значительны, но в то же время башкирским лингвистам, как и лингвистам всей многонациональной России, предстоит сделать еще больше. Каковы же актуальные задачи, стоящие

перед башкирским языкознанием, каковы же научные вызовы современности? Научные вызовы и задачи связаны прежде всего с естественными изменениями в башкирском языке и его функционировании. Во-первых, в последние десятилетия в Башкортостане, как и в России в целом, произошли существенные перемены в социально-политической, экономической и культурной жизни населения. Это способствовало активизации языковой жизни. Появились новые термины, понятия. Изменились коммуникативные стратегии публичной и бытовой речи. Появились проблемы нормы, стандартизации. Сегодня башкирская художественная литература практически утратила свою определяющую функцию при нормировании, стандартизации языка. Эта функция сегодня перешла к телевидению, радио, газетам и другим средствам СМИ. Снижается престиж литературного языка. В СМИ культивируется смешанная башкирско-русская, башкирско-татарская речь. Это проблемы внутреннего порядка.

Главным вызовом внешнего порядка является возрастающая роль Интернета в информатизации общества и образования. Поэтому важнейшими задачами, стоящими перед башкирским языкознанием, являются следующие:

— функционирование башкирского языка в современных условиях и проблемы нормы;

— принципы кодификации норм башкирского литературного языка конца XX - начала XXI века;

— стандартизация терминологии;

— современные процессы в фонетике разговорного башкирского языка и его диалектов;

— история лексики и история культуры;

— язык и мифология;

— язык и стиль башкирского фольклора;

— описание памятников письменности и т.д.

Для решения поставленных задач необходимо сделать следующее:

— в ближайшее пять лет подготовить и издать многотомный (запланировано 10 томов) академический двуязычный толковый словарь башкирского языка. Сегодня полностью подготовлен I том, частично 2, 3, 4, 5, 6 тома;

— подготовить и издать коллективную монографию “Историческая грамматика башкирского языка”. В этой области уже есть существенные заделы. Во-первых, опубликован ряд монографий по исторической лексикологии, фонетике и морфологии, во-вторых, изданы “Диалектологический атлас башкирского языка”, диалектологические словари, монографии по всем диалектам и говорам, создан машинный фонд, включающий не только лексическую, но и грамматическую и экспериментально-фонетическую базы;

— в области компьютерной лингвистики в ближайшие годы необходимо создать национальный корпус башкирского языка.

Выполнить поставленные задачи башкирские лингвисты в силах. Сегодня создан квалифицированный научный потенциал почти по всем направлениям башкирского языкознания, введен в оборот огромный диалектный материал, опубликованы письменные источники как по башкирскому, так и другим тюркским языкам, разработана методика сравнительно-исторических исследований в тюркологии и т.д.

Аллаяров З.А., министр образования Республики Башкортостан

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

У каждой национальной республики Российской Федерации свой неповторимый колорит, свой уклад и свои традиции. Связано это, прежде всего, с особенностями национальной культуры и системы образования, от которой зависит отношение молодого поколения к традициям и обычаям предков.

Национальная школа как подсистема национально-региональной образовательной системы, отвечающая потребностям нации и отражающая ее культурно-исторические и духовные ценности, особенности этнопедагогики, существует не изолированно, а в определенной взаимосвязи с другими системами социального уклада общества и особенностями природного характера: общественно-политической, производственно-экономической, социально-бытовой, культурной, природно-экологической.

В Республике Башкортостан исторически сложилась система образовательных учреждений, в которых бережно сохраняются и развиваются самобытные этнокультурные традиции.

В современных условиях формирование и реализация образовательной политики и как одно из ее конкретных воплощений – национально-региональная образовательная система – должны быть нацелены на гармоничное сочетание образовательных запросов населения и государственных интересов.

Проводимая в последние годы многоплановая политика в области культуры и сохранения языков есть доказательство серьезных усилий руководства республики, направленных на обеспечение конституционных гарантий свободного развития языков населяющих ее народов и диалога национальных культур.

На языках наиболее многочисленных этносов издаются газеты и журналы, работают национально-культурные центры, которые живут полноценной, полнокровной жизнью. Поиск оптимальных путей развития многонациональной общности народов – дело непростое, широкий круг вопросов, которые решает сегодня Министерство образования Республики Башкортостан, включает следующие:

- разработка нормативно-правовой базы национального образования;

- создание условий для осуществления обучения и воспитания на родном языке, изучения государственных языков;
- выявление и развитие способных и талантливых учащихся;
- обновление содержания образования национальной школы;
- контроль над преподаванием родных и государственных языков;
- совершенствование управления национальной системой образования;
- организация изучения родного языка учащимися башкирской национальности, проживающими за пределами Республики Башкортостан.

Происходящие на протяжении последних 20 созидательных лет процессы «регионализации» во многих сферах жизнедеятельности общества неизбежно ведут к становлению национально-региональных образовательных систем, в совокупности образующих российское образовательное пространство.

В Республике Башкортостан отношение к национальной культуре и языкам особенное, башкирский язык как государственный изучается здесь всеми учащимся с 1-го по 11-й класс. Однако примечательно, что помимо башкирского в республике организовано обучение на пяти родных языках. Здесь умеют уважать не только свою башкирскую культуру, но и нравы и традиции других народов – русского, татарского, чувашского, мордовского, украинского. При этом выпускники школ Республики Башкортостан из года в год показывают высокие результаты по русскому языку при сдаче ЕГЭ.

Между прочим, по рейтингу Высшей школы экономики по общему образованию Башкортостан занимает третье место в России после Москвы и Брянской области, а по консолидированным показателям по всем уровням – 9-е.

Имеющийся опыт обеспечения межнационального и межконфессионального согласия становится основой для разработки в Республике Башкортостан документа, определяющего общие принципы и механизмы решения проблем национального образования. Им стала Концепция развития национального образования в Республике Башкортостан, утвержденная Указом Президента Республики Башкортостан в конце 2009 года. Она разработана с учетом Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, образовательной инициативы «Наша новая школа».

Концепция базируется на двух приоритетных положениях: необходимости всестороннего развития башкирского языка как языка коренного населения и обеспечения равных условий для развития языка и культуры народов, проживающих на территории республики. В ее основу положены ценности современного российского общества: обеспечение социальной справедливости, межнационального мира, развитие благосостояния людей, сохранение и приумножение семейных традиций, формирование духовной личности.

Основные задачи, которые ставит Концепция перед общеобразовательными учреждениями – это развитие национального самосознания, укрепление гражданских основ общества, обеспечение непрерывности, целостности и системности национального образования, объединение усилий семьи и образовательных учреждений в процессе обучения и воспитания, повышение этнокультурной компетенции учителей и родителей, создание системы мониторинга состояния и тенденций развития национального образования в Республике Башкортостан и др.

Приоритетными направлениями развития национального образования являются:

а) сохранение этнокультурной направленности образования;

б) повышение качества национального образования путем:

укрепления материально-технической базы национальных образовательных учреждений;

обновления методологии и технологии разработки учебников и образовательных программ этнокультурной направленности;

в) создание условий для повышения уровня профессиональной подготовки и квалификации педагогических кадров.

Большое значение при освоении многогранных аспектов национальной культуры мы отводим родному языку, который имеет принципиальное значение для воспитания учащихся в коренной культурной традиции своего народа. Только в условиях активно функционирующего и развивающегося родного языка возможно полноценное формирование ценностей национальной культуры учащихся, усвоение его этического и художественно-эстетического компонентов, этнического самосознания.

Национальное образование представляют 768 общеобразовательных учреждений, в том числе в 414 филиалах, что составляет 39% от общего количества общеобразовательных учреждений республики. Организовано обучение на 5 родных языках; обучаются на родном башкирском языке 38% учащихся, на татарском – 8,4%, на марийском – 20,7%, чувашском – 7,7%; удмуртском – 8,6% учащихся.

В общеобразовательных учреждениях с русским языком обучения в качестве самостоятельных предметов изучаются 14 родных языков.

В целом 73% обучающихся нерусской национальности республики обучаются на родном языке или изучают его как предмет.

В республике сформировалась целостная система подготовки кадров для национального образования. В вузах и ссузах республики готовят учителей родных языков по семи специальностям.

Учитывая, что только высокообразованные слои населения образуют ядро интеллигенции нации, обеспечивающее прогресс общества, во всех городах и районных центрах в рамках реализации Государственной программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан были открыты национальные гимназии и лицеи.

Национальные гимназии и лицеи республики в инновационном режиме работают достаточно долго, первые гимназии открылись еще в начале 90-х годов. За это время большинство из этих школ превратилось в привлекательные учебные заведения, укрепилась их материально-техническая база, заметно выросли в профессиональном отношении педагогические коллективы школ.

В то же время эти новые типы школ призваны не только обеспечить высокий уровень образования, но и сохранить и развить родной язык культуру. К сожалению, некоторые национальные гимназии, постепенно переходя на русский язык обучения, начали менять свой статус, что является совершенно недопустимым. Не нужно забывать, что степень сохранности языка определяется, прежде всего, количеством детей, обучающихся на этом языке.

Одними из результатов предшествующих лет являются начавшиеся изменения по обновлению содержания образовательных программ. Разработаны и будут внедряться с 2011 года новое поколение федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. Также разработаны новые стандарты по профессиям всех уровней профессионального образования.

В целях обеспечения качественного перехода к новым стандартам в 16 школах республики ведется экспериментальная апробация. Эта работа будет продолжена. Предстоит в течение ближайших 3-4-х лет подготовить всех учителей к работе с новым содержанием образования и умению применять новые педагогические технологии.

Изменения в законодательстве, связанные с введением новых госстандартов, ведут к потере регионами рычагов влияния на формирование содержания образования. В сложившихся условиях нам следует обеспечить сохранение и развитие национально-регионального компонента содержания образования в прежнем его понимании.

Весь прошлый год мы тесно работали в составе рабочей группы Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации. Два изменения, внесенные в закон «Об образовании», в том числе и в статью 29, которая касается полномочий регионов, существенно дополнили наши права в разработке образовательных стандартов.

К настоящему времени вопросов по выделению учебного времени на изучение родных языков нет, они вносятся в инвариантную часть учебных планов. А другие предметы регионального компонента – культура, история, география региона – объединены в один предмет, и, начиная с текущего учебного года будут изучаться в 1-9 классах. Что касается башкирского языка как государственного, можем уверенно сказать, что его изучение будет продолжено на основании соответствующих статей федерального и республиканского законов.

Остаются проблемы с контрольно-измерительными материалами по ЕГЭ, они учитывают лишь федеральную часть содержания. Также

уточнения требуют механизмы обеспечения учебно-методическими комплексами преподавания предметов прежнего национально-регионального компонента.

К сожалению, из-за неоднозначных тенденций в изменении содержания образования, идущих из федерального центра, в 55% национальных учреждениях обучают на родном языке только в начальных классах. В то же время обучение детей нерусской национальности на русском языке зачастую приводит не только к утрате родного языка, но и к отставанию их в интеллектуальном и речевом развитии. Вместо ожидаемого двуязычия они, в конечном счете, не владеют ни русским, ни родным языком.

За эти годы снизились проценты обучения на родном башкирском языке в Абзелиловском, Баймакском, Альшеевском, Архангельском, Белорецком, Буздякском, Зианчуринском, Кармаскалинском, Кигинском, Кугарчинском, Мечетлинском, Нуримановском, Салаватском, Стерлибашевском, Хайбуллинском, Чишминском, Янаульском районах и в гг. Кумертау, Салават, Стерлитамак, Межгорье. Причем в Хайбуллинском районе это снижение составляет почти 30%: было 68%, стало 38%, а в Кигинском, Кугарчинском, Нуримановском районах – почти на 10%.

Увеличилось количество обучающихся в Белокатайском, Гавфурийском, Давлекановском, Дуванском, Караидельском, Федоровском районах, в гг. Уфа, Сибай.

За последние 8 лет количество башкирских школ сократилось на 146 школ. Большое количество школ закрыты в Баймакском (13), Зианчуринском (14), Зилаирском (7), Кугарчинском (10), Мечетлинском (7), Мелеузовском (6), Салаватском (6), Учалинском (16), Хайбуллинском (8), Чишминском (7), Янаульском (9), Белорецком, Миякинском (5) районах. Основной причиной является стремительное сокращение количества учащихся в деревнях и селах. И сегодня в республике есть школы, в которых на 15-16 учащихся приходится 9-10 учителей. Одно дело – экономическая нецелесообразность, другое – низкое качество обучения в этих школах. Возникает сложная дилемма: сохранить маленькую школу в деревне (ибо есть школа – живет деревня) или же создавать мощные базовые школы и дать детям качественное образование.

По-прежнему проблемой остается комплектование школ учителями естественно-математических дисциплин, способными вести уроки на башкирском языке. Педагогические вузы остаются в федеральном подчинении, поэтому открытие специальных отделений для детей башкирской национальности в различных факультетах пока практически не представляется возможным. Что касается учителей башкирского языка, мы в состоянии обеспечить школы учителями с высшим образованием. Однако проблемой остается качество подготовки этих специалистов на факультетах башкирской филологии. Мы должны подготовить педагогов, которые смогут заинтересовать детей своим предметом, сформировать в

них качества настоящего гражданина страны и патриота своего народа. Чтобы подготовить таких педагогов, нам нужно пересмотреть содержание и методику подготовки педагогов в педагогических вузах республики.

Необходимо повысить качество преподавания родных и государственных языков. В настоящее время Министерством образования Республики Башкортостан совместно с Институтом развития образования РБ, педагогическим вузами разрабатывается комплекс мер, направленный на улучшение качества преподавания государственных языков.

Важной задачей является усиление воспитательного потенциала школы, обеспечение индивидуализированного психолого-педагогического сопровождения каждого обучающегося. Должна измениться и инфраструктура школы.

Все эти требования к современной школе нашли отражение в предложенной Президентом Российской Федерации национальной образовательной инициативе «Наша новая школа».

В целом, трудности и многообразие задач, стоящих перед национально-региональной образовательной системой, многовекторный характер государственной национальной и образовательной политики Республики Башкортостан, а также территориальные и другие особенности функционирования конкретных образовательных учреждений предполагают поиск наиболее оптимальных инновационных векторов развития, постановки новых задач дальнейшего развития национальной школы.

Абубакирова Л. Ф., г. Оренбург

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Территория современного Оренбуржья на протяжении всей его истории была местом тесного соприкосновения европейских и азиатских народов. По данным переписи населения 2002 г., здесь проживало 2 млн. 179, 5 тыс. человек, которые являются представителями более ста этносов: русские (73, 9 %), татары (7, 6 %), казахи (5, 8 %), украинцы (3, 5 %), башкиры (2, 4 %), мордва (2, 4 %) и др. [6]. Таким образом, Оренбуржье - естественным образом сложившийся этнокультурный регион, в котором в результате длительного исторического процесса сформировались оптимальные условия для взаимодействия сразу нескольких и не всегда генетически родственных языков, диалектов и говоров.

По данным переписи 1989 г., 13,7% [7] оренбургских башкир считали национальный язык неродным. Анализ показывает (см. таблицу), что более высока доля считающих русский и другие языки родным на приграничных территориях, где преподавание башкирского языка не введено в школьную программу, нет учреждений культуры, занимающихся возрождением и развитием традиционной башкирской культуры и т. д. (Абдуллинский район - 50 %, Бузулук – 34 %, Бугуруслан – 29 %, Соль-Илецк – 35 % и др.).

Там же, где башкирское население проживает компактно своей традиционной жизнью, местные жители через столетия пронесли и сохранили язык, традиции и культуру, расширили школьное образование, наблюдается совершенно иная картина: башкирский язык неродным признали всего 2-5 % населения (Александровский – 2 %, Красногвардейский – 3 %, Новосергиевский – 5 %, Тюльганский – 5 %, Гайский – 5 % и др.)

Административные районы и города Оренбургской области	Башкирское население (чел.)	Удельный вес башкир (в %)	Считают башкирский родным языком (чел.)
Абдуллинский	67	0, 4	34
Адамовский	496	1, 7	371
Акбулакский	94	0, 3	64
Александровский	1862	8, 3	1828
Асекеевский	176	0, 7	150
Беляевский	164	0, 8	121
Бугурусланский	39	0, 2	28
Бузулукский	92	0, 3	61
Гайский	2734	22, 4	2617
Грачевский	153	1,0	123

Домбаровский	96	0, 5	69
Илекский	71	0, 3	51
Кваркенский	990	4, 1	841
Красногвардейский	5378	19, 2	5224
Кувандыкский	6864	25, 4	6582
Курманаевский	36	0, 2	28
Матвеевский	84	0, 5	67
Новоорский	1882	2, 4	566
Новосергивский	2446	6, 7	2333
Октябрьский	918	4, 1	827
Оренбургский	654	1, 1	535
Первомайский	123	0, 5	109
Переволоцкий	1036	3, 5	966
Пономаревский	218	1, 2	187
Сакмарский	204	0, 8	163
Саракташский	1881	4, 6	1695
Светлинский	406	2, 2	323
Северный	38	0, 2	27
Соль-Илецкий	127	0, 2	83
Сорочинский	95	0, 6	86
Ташлинский	75	0, 3	54
Тоцкий	179	0, 5	128
Тюльганский	2916	12, 5	2792
Шарлыкский	79	0, 3	71
Ясненский	60	0, 7	46
г. Абдулино	81	0, 4	49
г. Бугуруслан	71	0, 1	45
г. Бузулук	196	0, 2	141
г. Гай	1965	4, 7	1504
г. Кувандык	2718	9, 6	2449
г. Медногорск	2899	7, 9	2540
г. Новотроицк	2360	2, 1	1557
г. Орск	4521	1, 7	3275
г. Оренбург	6211	1, 1	4714
г. Сорочинск	244	0, 9	200
г. Ясный	460	1, 7	305

Необходимо подчеркнуть, что изменения, обусловленные языковыми контактами, претерпевает не только башкирский язык, они есть в истории каждого языка. Исход языкового взаимодействия может быть различным. Он может зависеть от интенсивности и глубины контактов с соседствующими языками, миграционных процессов, от характера взаимоотношений пришельцев с прежней родиной (языковая связь не прекращается) и др.

В книге А. Е. Кибрик «Проблема исчезающих языков в бывшем СССР» [Кибрик 1992, 67] предложена следующая градация языков по их «жизнестойкости»: *здоровые, больные, исчезающие, мертвые языки*. О том, что «около 60 000 башкир Оренбургской области... находится перед социальным фактом исчезновения как нация; ... все больше становится число не владеющих родным языком», ученые писали еще в начале 90-х годов [Максютова 1996, 194]. Однако этот процесс тогда был приостановлен тем, что последовала новая языковая политика, были предприняты меры по расширению обучения национальных языков как учебных предметов. И результат долго не заставил себя ждать: «в 1992-1993 учебном году, по сравнению с 1987–1988 учебным годом, количество языков обучения выросло на 13 и достигло 35 языков; за этот же период количество языков, изучаемых как предмет, увеличилось на 17 и достигло 76 языков») [Мечковская 2006, 228]. Данная ситуация интересно отразилась и в результатах переписи 2002 года: в 2002 г. в Оренбургской области проживало 52, 7 тыс. башкир и из них родным признали русский и другие языки уже 6, 7 % (на 5 % меньше, чем в 1989 г.).

Сегодня, когда повсеместно наблюдается процесс сворачивания родных языков, в Оренбургской области количество классов и школ с изучением башкирского языка только за 2008-2010 годы сократилось в 2-3 раза.

Между тем именно миноритарные языки нуждаются в законодательной поддержке школьных уроков. Выдающийся лингвист Бодуэн де Куртенэ рассматривал изучение языка «иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы» как задачу первоочередную, более насущную, чем изучение языков, «получивших всемирное значение (вроде немецкого, французского, английского, эсперанто и т.п.)» [Бодуэн де Куртенэ 1913, 78]. Распространение рыночных отношений усиливает роль русского, английского и др. языков. В этих условиях восстановление и развитие школьного образования на языках коренных народов – самый надежный показатель перспективы языков, в том числе и башкирского, в будущем.

Башкирский язык в Оренбуржье нельзя назвать вымирающим. Как письменный язык в районах компактного проживания башкир и как средство бытового общения в селах, а в последние годы и в городах Оренбургской области, он держится устойчиво. Однако в последние годы его престиж снова неуклонно начал падать. Основные причины этого явления: продолжают закрываться школы и классы с изучением башкирского языка; прекратилась подготовка кадров по башкирскому языку в Оренбургском педагогическом колледже и педагогическом университете; закрыты программы на областном телевидении и радио, транслирующие на башкирском языке; прекратил свою деятельность башкирский общественно-культурный центр – курултай и др.

Если не принимать меры, мы, современники, станем свидетелями исчезновения еще одного феномена многонациональной культуры – башкирского языка в Оренбуржье. И это будет потерей не еще одной грамматики и словаря (а первая учебная литература на основе говора оренбургских башкир появилась на свет именно в Оренбурге), а целого мира, системы знаний о мире, ведь своеобразный оренбургский говор до сих пор продолжает выявлять своеобразную лексику и фольклор, которые можно еще сохранить.

Исходя из вышеизложенного, первоочередными задачами представляются учреждение совместных (Республика Башкортостан и Оренбургская область) гимназий-интернатов на базе школы одного из районов компактного проживания башкир; скорейшая фиксация языковых явлений, этнографических и фольклорных образцов. Последнему будет способствовать проектируемый кафедрой языкознания и методики преподавания русского языка ОГПУ «Лингвистический атлас Оренбургского края».

Литература:

Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии. СПб, 1913 г.

Максютова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. - Уфа: Китап, 1996.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная типология языков: учеб пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. М.: Флинта: Наука, 2006.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области: стат. сб. Оренбург, 2006.

Характеристика национального состава населения Оренбургской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. : [сб.] / Госкомстат РСФСР, Оренбург. Обл. управление статистики. Оренбург, 1990.

Аҙнабаева Г.Ш., Ишембай к.

ИШЕМБАЙ РАЙОНЫ ОНОМАСТИКАҺЫНДА ДИАЛЕКТ САҒЫЛЫШЫ

Юрматы башҡоттарының аралар, йыландар тигән тармаҡтары тәшкил иткән Һәләүек башҡорттары үҙҙәренең һөйләштәренең йомшаҡ, яғымлы, һәлмәк булыуы менән айырылып торалар. Телмәрҙең ошо сифаты ономастикала ла асыҡ сағылыш тапҡан. Мәҫәлән, башҡорттарҙың Һәләүек буйҙарына килеп ултырыуы тураһындағы легендала шулай әйтелә: “бигерәк матур ерҙәр, һыуы күп, үҙе таҙа, был ерҙәр беҙҙең “һәлләү урыны булһын” тигәндәр. Йылғаһын да шуға Һәләүек – хәл алайыҡ – “Һәлләйек” тип атағандар. Бында “хәл” һүҙе ябай ерле һөйләш буйынса “һәл ” тип алынған. Әле лә оло кешеләр ауыҙынан “һәлем бөттө”, “һәл алайыҡ” тигән һүҙҙе ишетәбеҙ. Ошоға оҡшашлы хәҙер – “һәҙер”, сабыр – “һабыр”, Хәйрулла –“Һәйрулла”, Һөйөрсәк тауы – (һөйөр саҡ тамырҙарынан яһалған) әйтелештәр йыш осрай. Бәлки һәләүек тәүҙәрәк Һәлләүлек тип тә йөрөтөлгәндер, ваҡыт үтеү менән ул

ҡыҫкарып, шымарып, бөгөнгө формаһын алғандыр. Бында башҡорт телендәге лыҡ–лек ялҡауҙарының аффиксаль мәғәнәһе тураһында фекер уяна. Кәмәлек, Йәйләүлек тигән һүҙ мәғәнәләре менән ауаздаш икәнлеге күҙгә ташлана. Телдәге бындай күренеш башҡа өндәрҙең дә ерле һөйләш нигеҙендә үҙенсәлекле ҡатып ҡалыуы тарихи – тәбиғи формалашыуға алып килгән. Мәҫәлән Оҙон + ҡыр һүҙҙәре быуаттар һуҙымында үҙенең асыҡ әйтелешенән ситләшеп ерле халыҡса “Оҙоңғор”ға әйләнеп киткән, Эткол – “Откол”, “Ҡол ғына” тамыры “Ҡолғона” рәүешендә әйтелеп, шул тирәләге халыҡҡа ғына хас яңғыраш алған. Ишембай ерендә йыш осраған ике тамырҙан торған атамаларҙың үҙенсәлекле атама килтереп сығарыуы ла ономастика менән диалекттың тығыҙ бәйләнешен раҫлай: Туғар Салған, Ҡалыу-Айры, Ун алты Һумлыҡ, Кәлми осҡан кеүек атамалар һис шикһеҙ диалект һәм ер–һыу атамаларының хикмәтле легендалары менән бәйле. Бер нисә тамырлы атамаларҙың да был тирә топонимияһы өсөн үҙенсәлекле булыуын әйтеп китергә кәрәк. Билдәле булыуынса, тел үҙенең йәшәү процесында ҡыҫҡарыуға, шымарыуға табан барғанлығын беҙ йыш күҙәтәбеҙ. Ә шул уҡ ваҡытта халыҡ бер ер–һыу атамаһына ике, өс һүҙ һыйҙырып та атамалар биргән: Урман Бишҡаҙаҡ, Арҡаялан тауы, Дөйәмуйын, Ҡортъятмаҫ, Яр–Бишҡаҙаҡ һ.б. атамалар. Ғөмүмән, Һәләүек урта һөйләше үҙенең һүҙ яһалышында бик йыш иркәләү-кесерәйтеү, йомшатыу, нәҙек тамырлы һүҙ алырға ынтылған. Шулай итеп был тирә һөйләше үҙенең йомшаҡ яңғырашы менән айырылып тора: Иҫәкәй, Кинйәкәй, Кинйәкәү, Ҡанаҡай, Алаҡай, Һәргәй, Һәләүек, Үрек, Тәйрүк, Рәүҙәк, Бөгөлсән, Ҡағылсан, Гөрләүек атамалары ономасти-кала диалект менән бәйле тыуҙырылған атамалар булараҡ бик әһәмиәтлеләр. Уларҙа осраған –ҡай, -кәй, -ғына, -үк, -сан –сән морфемалары халыҡтың үҙ төбәгенә булған мөнәсәбәтен дә асыҡ күрһәтә, ә иң мөһиме халыҡ теленең фантазияһы, байлығы асыҡ сағылыш таба уларҙа.

Аксенова А.Л., Мишкинский район

ОБУЧЕНИЕ РОДНЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТА

Изучение языковой ситуации нашего села позволяет сделать вывод о том, что существенным компонентом в ее структуре являются местные говоры, исторически распространенные здесь и сохранившиеся в своих основных традиционных чертах.

Отмечу основные фонетические, грамматические и лексические диалектные черты, свойственные речи детей нашей школы.

Фонетические черты.

В речи детей выявлено характерное для окающих говоров русского языка различение [о] и [а] во всех безударных слогах после твердых согласных и в начале слова: ст[о]лица, з[о]ла, д[о]ма, [о]кно.

Следует отметить, что говоры характеризуются также оканьем в широком смысле, когда после мягких согласных, как и после твердых, в безударном положении гласные различаются. В первую очередь, это касается гласных [е] и [а], которые в литературном произношении совпадают в звуке [и]. В речи же наших детей [е] и [а] совпадают в звуке [э]: [рэ]ка, г[лэ]ди, [вэ]дут.

Также отмечено произношение в конце слов твердых губных согласных на месте мягких: голу[п], любо[ф].

Характерная для речи северян вокалическая разрядка сложных групп согласных, которая устанавливается за счет сохранения редуцированного гласного, свойственна и нашим детям: к[о] врачу, ж[е]вачка, пирож[е]ное. Также выявлено произношение долгого шипящего на месте буквы щ: [ш]ука, и[ш]у, [шо]ка, е[ш]о.

Морфологические черты.

Имя существительное.

В речи школьников выявлены диалектные падежные формы, не совпадающие с литературными: формы дательного падежа по грязе, к пече, к лошаде; предложного падежа единственного числа: в лесе, в городу. Разносклоняемые существительные ср. рода на -мя в говорах утрачивают свойственное литературному языку наращение -ен- и склоняются как существительные 2 склонения, например: без имя, от семя, (родительный падеж); к имю, к семю (дательный падеж); с имем, с семем (творительный падеж).

Отмечены диалектные формы существительных, обозначающих молодых животных, с основой мн. числа на -онк (-енк) в отличие от литературной на -ат -(ят): формы им. род., дат. падежей [теленки, поросенки, теленков, поросенков].

Местоимение.

Отмечены местные формы личных местоимений; тея, у мене, у тя и формы родительного падежа личного местоимения она с предлогом, но без начального н: у ее, у ей, у его.

Глагол.

В глагольных формах отмечено выпадение [й] в интервокальном положении и стяжение гласных в один долгий звук: работ[а]шь, дел[а]шь, не зн[а]м.

Фиксируются формы с основой на г, к без чередования г//ж, к//ч, свойственного литературному языку и присутствующего во всех формах, кроме форм 1 лица единственного числа и 3 лица множественного числа: берегу, берегёшь, берегёт, берегём; стерегу, стерегёшь, стерегёт, стерегём; лягу, лягет, лягем и т. п.

Местные реликтовые формы инфинитива на -ти и -чи на месте литературного на -ть и -чь: сести, класти, пекчи, стерегчи, волокчи, стригчи. Также встречаются диалектные формы глаголов, образованные от основы настоящего времени: трать (тереть), сотрать, трал, сотрал.

Кроме того, отмечены диалектные формы страдательных причастий прошедшего времени: поломаты, порваты, отдато, вскопата.

Лексика.

Диалектная лексика, незнакомая литературному языку, имеющая локально ограниченное распространение, не редкость в речи учащихся нашей школы. Наиболее часто встречаются слова, обозначающие те предметы быта, трудовые процессы, явления природы, с которыми дети сталкиваются постоянно в их обыденной жизни. Можно выделить несколько групп диалектной лексики, характерной для речи наших детей.

1. Специфические местные по своему звучанию слова, обозначающие предметы, действия, обстоятельства: вича (прут), батог (шест), кислица (щавель), мураш (муравей), подловка (чердак), пятра (сеновал), загребалка (мотыга), вехоть (половая тряпка), литовка (коса), шаять (тлеть), мяргать (мяукать), стряпаться (кормить скот), айда сюда (идем сюда), нарастопашку (нараспашку).

2. Лексика, фонетически тождественная лексике литературного языка, но обладающая в говоре иной семантикой (семантические диалектизмы: иголка (вязальная спица), кашка (клевер), козел (приспособление для пилки дров), стайка (небольшой загон для скота), водиться (нянчиться), лететь (ходить).

3. Слова, характеризующиеся в говорах иным, чем в литературном языке, ударением: кило'метр, мага'зин.

Литература:

Чернышев В.И. В защиту живого слова. – М., 1912.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1968.
Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

Алишина Х.Ч., г. Тюмень

«РАДЛОВСКАЯ» ЛЕКСИКА СИБИРСКИХ ТАТАР

Многие народные сказания, записанные В.В. Радловым в 1865-1867-х гг., вошли в книги “дастанов”. Впервые дастаны сибирских татар были выпущены Ф.В. Ахметовой-Урманче в составе 12-томного свода татарского устного народного творчества, подготовленного в отделе фольклора ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в Казани. Через 20 лет вышел в свет отдельным томом сборник «Татар эпосы. Дастаннар». Если в издании 1984 г. опубликовано всего 27 дастанов, то в издании 2004 г. напечатано 50, половина из которых принадлежит В.В. Радлову. Это такие, как “Идегә Пи”, “Туктамыш хан”, “Мырза дус”, “Мырат Пи”, “Мешәк Алып”, “Йәстәй Мөңке”, “Ка-дыш Мәргән”, “Кара Күкел”, “Алтаин Саин Сүмә”, “Йиртөшлек”, “Ак күбәк”, “Күр улы”, “Мәргәннәр җыруы”, “Бүрихан”, “Картлар җыруы”, “Кузы Көрпә”, “Сәйфелмөлек”, “Йыр”, “Атулы Батыр”, “Би Агыш”, “Ак бога”, “Хуҗаш”, “Сәит”, “Әбелкасыйм”, “Купланды”, “Караца” и др.

Лексика сибирских татар, зафиксированная в «Образцах народной литературы...» В.В. Радлова, изучена недостаточно. Ею занимались Флора Вагаповна Ахметова-Урманче, давшая толкование многих исторических терминов в примечаниях к опубликованным дастанам, и академик Диляра Гарифовна Тумашева, включившая более 400 слов с пометой «Р. IV.» в «Словарь диалектов сибирских татар».

По классификации академика В.В. Радлова, иртышские диалекты относятся к западной группе тюркских языков совместно с Киргизско-каракалпакской подгруппой, башкирским и поволжско-татарским языками.

Краткий обзор «радловских» слов[1] позволил сделать предварительные выводы и замечания следующего характера.

1. Слова записаны у барабинских, тарских, тобольских, тюменских татар.

2. Лексика барабинских татар отличается употреблением сочетания «ДЗ»: әдзәл – әҗәл – смертный час, смерть, кончина; әдзәү – эчәк – кишка; әдзирге – матурлык өчен ияр киезе өстенә җәелә торган көрпә – черпак (подстилка под седло поверх потника, служащая для украшения); әлдзи – илче – посланник; идзик – (иң итек) – ату – читек – мягкие сапожки: Қортқайақлар ату кийәтеген; имдзи – имче – знахарь; йабындзық – бит челтәре – вуаль и др.

3. В интервокальной позиции в некоторых словах зафиксировано озвончение: **ә**ж**и**к Бар. Р. – ишек – дверь; ба**ж**ақ Тар. Р. – ук очлыгы – наконечник стрелы; қа**ж**ық Бар. Р. – зур кашык, шабала – большая кухонная ложка; күдүци Бар. Р. IV. / көтүце – көтүче – пастух: Тағы пир палық күдүци амыцқаға йитте; па**д**ыр Бар. Р. – батыр – герой, силач. Озвончение глухих согласных такого рода отмечается не только у барабинских татар. Оно записано нами в 1990-е гг. у татар Вагайского района, проживающих по берегам р. Агитка.

4. При сравнении с современным произношением в системе вокализма отмечаются закономерности, характерные для середины XIX в.: тә**г**и**р**мән Бар. Р. / тирмән – тегермән – мельница; **Ә**дил Тоб. Р. – Идел – река Волга; к**үрү**ц Тоб. Р. – дөге – рис; м**и**цә**р** Тоб. Р. – см. мыцыр, миләш – рябина; м**үә**ү**ш**ә Тар. Р. IV. / мүш Тоб. Р. / мөйөш – почмак – угол: Үйүмнең түрт мүәшәдә түрт йылан күрдем; к**үс**кә Бар. Р. / айнәк – көзге – зеркало и др.

5. Лексика, обозначающая названия месяцев и созвездий, в современном разговорном языке сибирских татар вышла из оборота: сүнбелә Тоб. Р. /– Кыз йолдызлыгы – созвездие Девы, август; цәдди Тоб. Р. /– декабрь кәҗә-мөгез йолдызлыгы – созвездие Козерога; ақрап Тоб. Р. /– Чаян йолдызлыгы – созвездие Скорпиона, октябрь; әсәт Тоб. Р. / - июль ае, зодиак тамгасы – арслан, созвездие Льва; цауза Тоб. Р. /–

[1] Выборку лексики В.В. Радлова из «Словаря диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой выполнила студентка 4 курса отделения татарского языка и литературы Тюменского государственного университета Азалия Радиковна Габдрахимова.

май ае, Игезәкләр йолдызлыгы – созвездие Близне-цов; бирнең айы Бар. Р. – апрель; йил ай Бар. Р. – январь; кидзү суук ай Бар. Р. – ноябрь; кидзү ызы айы Бар. Р. – июнь; кидзүгән ай Бар. Р. – февраль; қарға ай Бар. Р. – март; мизан Тоб. Р. / сарғақ ай – сентябрь.

6. Русские заимствования: сауаснай/сауасна К-дак Р. IV. – клəт – кладовая: Йир астына үзенең айлазымынан сауасна йазады; пəршəк Тар. Р. IV. – карыш – вершок: Санайдың йуанлығы түрт пəршəк бар иде. мунасыр Тоб. Р. – христиан чиркəве – христианская церковь; ōгарат Бар. Р. – яшелчə бакчасы – огород; балқаунық Тоб. Р. IV. – полковник: Үсененңке балқаунықларына əйтте: “Сабыр қылың!”; баструқ Төм. Р. – баструк – острог; кəрчək К-дак Р. IV. – зур чүлмək – корчага: Бу унбиш ақчаға бир кəрчək сүт ал!; манар Тюм. Р. – фонарь; күдəлə Бар. Р. – аслық, бала чүпрəге – подстилка, подгузник.

7. Арабские и персидские заимствования: сындам Тоб. Р. IV – зиндан – тюрьма: Бу кешене алып сындамға ташлаң; пада / падиқа Бар. Р. – фатиха, гыйбадəт – благословие, молитва; мəзин Тюм. Р. – мəзин – муэдзин; ахирəт Тоб. Р. – əхирəт – загробная жизнь; би-риштə К-дак Р. IV. – фəрештə – ангел: Əлидəйин нурлу уғлым, бириштəдəйин битлү уғлым; буржа Тар. Р. / мунара – манара – ми-нарет, башня; маип Тоб. Р. – гарип – калека; пақмам Бар. Р. – қызыл плюш – красный плюш; қамға У-И Р. IV. – қытай ефəге – китайский шелк: Қасына малым қамғаға, үлгү салмай бичкəнмен; қатыба У-И Р. IV. – хəтфə – бархат: Қатыбаны қурласам, тōн тōрғадан кийəрмен.

8. Историческая лексика: алпағыт Тоб. Р. – алпавыт – дворянин, помещик; илци Тар. Р. IV. / илдзи Бар. Р. – илче – посол: Əскəр қалқы илци йибəрде; миргəн Тар. Р. IV. / мəргəн Себ. – яхшы атучы – меткий стрелок: Күц киши булса, күрəш қылсын, миргəн киши булса, атышсын; əйкəр Тоб. Р. – көбə күлмək, кабырчык – панцирь; кəникə К-дак Р. IV. – 1. кəнизək – рабыня; 2. хезмəтче хатын – служанка: Кəникəне қурлазаң, кəникəне қайдан қучарзын? Кəникəне қурлазам, хан қызындан қучманмы?; кəрəмəт Тар. Р. IV. – кирəмəт – кереметь, идол; күбə Тоб. Р. – көбə күлмək – панцирь; саут К-дак Р. IV. – көбə, көбə кием – кольчуга: Саудун тəрləп килгəндə тиҗеп қырына салды. Ике мəргəн шайланып чыгыптылар саут киип.

9. Этнографическая лексика, вышедшая из употребления: сырауц Тоб. Р. – чəч тасмасы – лента для волос; айақ Туралы Р. IV. – тустаган – чаша: Үц айақ үцəүнə тəре килтерде; мүгүрдək К-дак Р. IV. – өсте капланган артлы чана, читəн арба – крытый возок, тарантас; сақтайан Тоб. Р. – сəхтиян – сафьяновая кожа; цамца Бар. Р. – көйлək – Себ. – күлмək – платье; Р. IV.: Тōқтамыш Қанны йатқан цакындада мамық йастыққа игнə белə цамцазына күклōп қойды; цудзуқ Бар. Р. – колбаса; арсул Бар. Р. IV. – арцуыл – Бар. – яулык – платок: Цаан Пай мойнында торға арсул пар иде; қыйғыц Бар. Р. – туздан ясалган кашык – ложка из бересты.

10. Устаревшая лексика, сохранившаяся в топонимике сибирских татар: там Тар. Р. IV. – 1. стена; 2. өй, бина – дом, здание (в отличие от

юрты): Хан шундый үй қылдырыпты, таштан ике қабат там қылдырыпты, арасына күмир күйдүрүптү; ōба Тоб. Р. – өем, кибән, калкулык – куча, стог, холм, курган; аңған Тоб. Р. – агачлык – дубрава; марау Бар. Р. – көтү көтү – пастьба; цаған ағац Тоб. Р. – чаган, өрәнге – клен; түрген У-И Р. IV. / түркүн К-дак Р. IV. – хатын-кызның туганнары – родственники жены: Түргенем билгән түрәм бар, башымны билгән батышам. Түртүнчели ни йаман? Түркүнү йōқ қыс йаман; түргүн Тар. Р. – кияүгә барган кызның атасы йортына кайтуы – дом отца, в который возвращается замужняя дочь.

11. Экзотическая лексика: ажашцыл Бар. Р. – лунатик; аза Тоб. Р. – явыз рух, иблис – злой дух, демон йадырған Бар. Р. – гөслә - музыкальный инструмент, лежащая арфа и др.

12. Названия растений: йумрут Бар. Р. – шомырт – черемуха; амрут Тоб. Р. – груша; ирмән Тар. Р. – полынь, богородская трава (очень полезная для корма лошадей) и др.

13. Ритуальная лексика: сүке Тоб. Р. – төрбә – гробница әрцә Тюм. Р. – носилки; көрүстән Бар. Р. – зират – кладбище, курган; устуған Тоб. Р. – мәетләр куела торган сарай, йорт – сарай, дом, где ставятся трупы и др.

14. Названия болезней: қōпулдуқ Тоб. Р. – бүсер – грыжа; шал Тар. Р. IV. – паралич: Инә алып килгән қуа шал булып йатты, қымылдамай; тәргәр- Туралы Р. IV. / тәрүци, Бар. Р. IV. – тәбип – лекарь: Хатыны патша булып, үс халқына тәре биреп үлкән тәргәр булды и др.

Несомненно, исследование лексики сибирских татар середины XIX в. необходимо продолжать. Завершим статью авторитетным высказыванием Д.Г. Тумашевой, опубликованным в журнале “Идель” в 1994 г.: “Лексика языка сибирских татар, несомненно, очень богата. При составлении словаря их языка это было особенно заметно... Диалекты сохраняют богатство народного языка, каждый говор и диалект отражает мышление, дух, воззрения на жизнь, обычаи, формы быта, историю народа, проживающего на отдельно взятой территории. Но допущены серьезные ошибки в разъяснении необходимости знания литературного языка, в методах его обучения: началась борьба с диалектами, диалектальный выговор, диалектальные слова расценивались и признавались “неправильными”. Вот поэтому слово диалект породило пренебрежительное к себе отношение. С этим нельзя согласиться. Диалект – родной язык каждого человека, посредством его он знакомится с окружающим миром. Будем помнить, что диалект – источник обогащения литературного языка!”

Литература:

Алишина Х.Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Казань, 1992.

Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области) В 2-х частях. (Монография) Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. – Часть 1.

Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области) . В 2-х частях. (Монография) Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. – Часть 2.

Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. - Казань, 1994.
Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Ташкент, 1965.
Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.
Ахметов В. Тобол-Төмән татарлары диалекты // Совет мәктәбе. - Казан, 1940. - № 2, 3.
Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... к.ф.н. - Казань, 2002.
Баязитова Ф.С. Себер татарлары. Казан, 2001.
Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. - Л.: Наука, 1981.
Дмитриева Л.В. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1951.
Иосыпов Фәрит. Россия татарлары. Себер татарлары // Мирас, 2003. № 12.
Материалы научной конференции с международным участием "Немецкие исследователи на Алтае", посвященной 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007.
Насибуллина А.Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах). Автореф. дис. ... к.ф.н. - Казань, 2000.
Насибуллина А.Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Тюмень, 2001.
Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.
Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб, 1872. – 411 с.
Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. т. 1-4. СПб., 1893-1911.
Рамазанова Д.Б. Себер диалектларыннан материаллар. Казан, 2001.
Рахимова А.Р. Лексика диалектов сибирских татар. Казань, 2001.
Рахимова А.Р. Промысловая и хозяйственная лексика диалектов сибирских татар. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998.
Сибирские татары. Казань, 2002.
Сунгатов Г.М. Фонетическая система заболотного говора тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Автореф. дис. ... к.ф.н. Казань, 1991.
Татар халык ижаты. Дастаннар. Составитель, автор предисловия, примечаний и словника Ф.В. Ахметова-Урманче. Казань, 1984. – 384 с.
Татар эпосы. Дастаннар. Составитель, автор предисловия, примечаний и словника Ф.В. Ахметова-Урманче. Казань: изд-во Раннур, 2004. – 640 с.
Тумашева Д.Г. Диалект – основа // Идель. – Казань, 1994. - № 4.
Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань: изд-во КГУ, 1977.
Тумашева Д.Г. Көнбатыш себер татарлары теле. Казан, 1961.
Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. - Казань, 1992.
Тумашева Д.Г. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1952.
Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.
Тумашева Д.Г., Насибуллина А.Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000.
Тумашева, Д.Г. Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень, 1997.

Аллаярова З.Р., г. Стерлитамак

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Современный татарский язык, как и любой национальный язык, представляет собой весьма сложное и многообразное явление. Его основа – литературный язык со своими письменной и устной

формами и диалектный язык в его территориальных разновидностях. В татарском языке имеется 3 основных диалекта: средний (булгарский), западный (мишарский) и восточный (диалект западносибирских татар). В татарских деревнях РБ распространены говоры среднего и мишарского диалектов.

Республика Башкортостан является многонациональной и многоязычной республикой, где проживают свыше 100 национальностей: башкиры, татары, русские, чуваши, мордва, удмурты и т.д. Исторически так сложилось, что разные народы жили в тесном контакте друг с другом. Это отразилось, в первую очередь, в лексике языка. В говоре татар Южного Приуралья встречается очень много заимствованной лексики из русского языка. Проблема исследования русских заимствований в татарской диалектологии не нова. Данная проблема исследована в монографиях Ахунзянова Г.Х., Абдуллина И.А., Рамазановой Д.Б., в башкирской лингвистике проблемой заимство-ваний занималась Терегулова Р.Н. Однако, несмотря на это, исследование заимствованной диалектной лексики до сих пор не завершено.

В татарских говорах южного Приуралья русские слова претерпевают различные изменения: и фонетические, и лексические, и морфологические. Большинство заимствованной лексики относится к имени существительному (81,8%). Это и неудивительно, ведь имя существительное обладает общим значением *предметности*: обозначает предметы, вещи, вещества, людей, животных и т.д. Например: *мирке* (мерка) – посудина, вмещающая пуд зерна, пудовка (менз., стерл. гг.) [Д.С.Т.Я., II, 1993, 223]; *бөрләнтин* (бриллиантин) – один из видов хлопчатобумажной ткани, ситец (тпк. г.) [Д.С.Т.Я., I, 1993, 71]. В русском языке имени существительному свойственна грамматическая категория рода. Значение рода выражается с помощью флексий. Если в заимствованном слове ударение падает на первый слог, т.е. флексия находится в безударном положении, то в татарских говорах она редуцируется: *гиря* ж.р. – *гер (*менз., стр. г.); *крыса* ж.р. – *крис (*стр.г.), *дыня* ж.р. – *дын* (менз., тпк г.). В отличие от русского языка, в татарском языке грамматическая категория рода отсутствует. Соответственно, в слабой позиции безударная флексия отпадает. В случае же сильной позиции (ударная) флексия при заимствовании сохраняется, но уже свою основную функцию (определение рода) не выполняет: *кольцо́ – калчу* (стрл.г.), *ведро – бидерә* (тпк.г.).

При морфологическом анализе заимствованных из русского языка имен существительных наблюдается процесс транспозиции в области частей речи (переход слова из одной части речи в другую). В данном случае это переход имен прилагательных в существительные, т.е. субстантивация: *яровая* (какая? имя прилагательное) > *йәрчә* - рожь (менз., стр.г.). *Йәрчәнең тәме шул арыш икмәге сыман* – стер.г.

[Д.С.Т.Я., II, 1993, 120]. *Воздушный* (какой? имя прилагательное) > wəздуш помещение из самана (менз., стр. г.). *Бер-ике көн өйдә кундырабыз да, wəздушка чыгарабыз* менз.г. [Д.С.Т.Я., II, 1993, 76].

В белебеевском подговоре мензелинского говора среднего диалекта и в стерлитамакском говоре мишарского даилекта при заимствовании из русского языка наблюдался переход имен собственных в разряд нарицательных: *Мəскəү* – волан, оборки (менз., стр г.). *Мəскəү итəкле күлмəк тектердем* [Д.С.Т.Я., II, 1993, 230]; *Мичурин* – дача (стр. г.). *Ул төшләрне мичурин итеп җасадылар* [Д.С.Т.Я., II, 1993, 224].

По структуре заимствованные имена существительные в татарских говорах в основном однокоренные: *пай* > *бай* (менз., стрл. г.), *погреб* > *бөгәрәп* (тпк., стрл. г.). В стерлитамакском говоре мишарского диалекта только единожды встретилось слово, которое образовано от русского слова путем присоединения татарского аффикса: *веник* + *-лек* = *винеклек* (сртл.г.). Это наиболее продуктивный способ словообразования в татарском языке – морфологический или аффиксальный. В данном случае производное слово *винеклек* от производящей основы образован при помощи словообразовательного аффикса –*лек*.

В татарских говорах Южного Приуралья встречаются слова, образованные синтаксическим способом, при котором образуются составные слова: *лампа* > *лам майы* – керосин (тпк.г.), *круг* >– *тур кыругы* – бордюр, занавеска вдоль стены (стрл.г.), *пенек* > *пəнүг умарта* – борть, продольный улей (менз.г.).

Таким образом, в татарских говорах Южного Приуралья много лексики, заимствованной из русского языка. Это результат исторического, географического, экономического и культурного взаимодействия двух народов.

Литература:

Диалектологический словарь татарского языка. В II т. Т.I – Казань, 1993.

Диалектологический словарь татарского языка. В II т. Т.II – Казань, 1993.

Рамазанова Д.Б. Тепекеевский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 6. – Казань, 1988.

Рамазанова Д.Б. Русские заимствования в татарских говорах современной юго-западной Башкирии // Двуязычие: Типология и функционирование. – Казань, 1990.

Атаманов М.Г., г. Ижевск

ДРЕВНЕУДМУРТСКИЙ СЛЕД НА БАШКИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Удмурты – один из крупных и сплоченных финно-угорских этносов на территории России. История удмуртов тесным образом связана с Волго-Уральским регионом и живущими здесь народами финно-угорской, тюркской, славянской этноязыковых семей, а в древности – с носителями индоиранских языков.

Со второй половины XVI века, после падения Казанского ханства и Арского (Удмуртского) княжества, с началом массового притока русских на Вятку началось отступление удмуртов на восток – на территорию современного Башкортостана, Пермского края и Свердловской области.

Переселенческие группы удмуртов расселялись дисперсно среди башкирских, татарских, марийских селений, что способствовало сравнительно быстрому воздействию на них башкирской этнокультурной среды. Пришлых удмуртов башкиры «припускали» в свои общинные владения и разрешали им пользоваться частью общинных угодий на условиях внесения в казну определенной доли, выполнения ими других повинностей для уплаты общинниками оброка. Численное превосходство башкир, определенная зависимость (особенно в землепользовании) пришлых групп от башкирских общинников обусловили направленность этнического взаимодействия: удмурты испытывают сильное языковое и культурное влияние башкирского населения [Кузеев 1968: 357; Садиков 2001]. В удмуртских говорах Закамья зафиксировано около 1600 тюркских заимствований (Тараканов 1982: 158). Из всех групп удмуртов закамские испытали наиболее сильное тюркское влияние не только в языке, но и в материальной и духовной культуре.

Этнокультурные контакты не ограничивались лишь лексическими и морфологическими заимствованиями: немало удмуртских переселенцев Закамья, особенно ее зажиточная его часть, под влиянием агитации мусульманского духовенства переходила в ислам. В настоящее время удмурты живут в семи северо-западных районах и в центральном – Ермекеевском районе Башкортостана.

Переселенцы-удмурты на вновь освоенной территории создали небольшой пласт географических названий, в основе которых лежат названия воршудно-родовых и племенных групп: д. Конигово: *Коньга*; Можга: *Можга*; Чючча: *Чудьюа*; Будья-Варяш: *Бёдья*; Ватка (офиц. Нократ): *Ватка* – племенное объединение северных удмуртов, живущих в бассейне р. Вятки; Шудек: *Шудэг* – личное имя общепермского проис-хождения. Все эти селения расположены в Янаульском районе [Атаманов 1997: 63–65].

В наши дни удмуртские населенные пункты сохранились только в северо-западных районах республики, в местах их компактного расселения.

Говоря о лексических заимствованиях в удмуртском языке, следует отметить: не только удмурты испытали сильное тюркское влияние, но и башкиры испытали определенное влияние со стороны удмуртского языка. Так, С. Миржанова, Н. Ишбулатова и др. отмечали удмуртские заимствования.

Подводя итоги, можно сказать, что удмуртско-башкирские связи нашли отражение в языке как удмуртов, так и башкир.

Литература:

Атаманов М. Г. Микроэтионимы удмуртов и их отражение в топонимии. - Ижевск, 1980. - С. 3-66; его лее: Удмуртская ономастика. - Ижевск, 1988; его же: Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. - Ижевск, 1990; его же: История Удмуртии в географических названиях. - Ижевск. 1997: его же: По следам

удмуртских воршудов. - Ижевск. 2001: его же: От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. - Ижевск, 2005.

Гетшг В. Ф. Проблемы изучения железного века Урала. Вып. 1. - Свердловск, 1961; его же: История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. - Свердловск. 1970.

Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских пародов в эпоху железа// Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. 19S7. С. 6-36; ее же: Древняя и средневековая история удмуртского народа. - Ижевск, 1999.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. - М., 1975.

Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья-3. – Уфа, 1973, – С- 9-21; его же: Происхождение башкирского народа. - М., 1974

Насипов И. С. Об источниках по удмуртским заимствованиям в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск, 2010.- С. 9-16.

Пшеничнюк А. Х. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. -Уфа, 1973.- С. 162-243.

Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов. - Уфа, 2001.

Спицыи А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. - М.. 1893.

Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка. // Материалы по этногенезу удмуртов. - Ижевск, 1982. - С. 145-173; его же: Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). - Ижевск, 1982

Худяков М. Г. Древности Малмыжского уезда. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. - Вятка, 1917.- С. 3 -64

Ахмедьянова А.Х., г. Учалы

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В УЧАЛИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В данной статье на примере школ Учалинского района Республики Башкортостан приведем статистическую справку о статусе башкирского языка в условиях диалекта. В 2010 году в образовательных учреждениях МР Учалинский район обучаются всего 9341 учащийся. Из них башкирской национальности – 6211 учащихся. В 36 школах обучаются 2624 учащихся, что составляет 43% от общего числа учащихся башкирской национальности. В 20 школах башкирский язык изучают 3587 учащихся – 57% от общего числа учащихся-башкир. В одной школе (МОУ СОШ с. Ахуново) 370 учащихся обучаются на татарском языке – 22% от общего числа учащихся татарской национальности по району. В трех школах – башкирском лицее №12 г. Учалы, башкирском лицее с. Учалы, Уразовском лицее ведется углубленное изучение башкирского языка по специальной программе. Всего 3130 учащихся небашкирской национальности изучают башкирский язык, что составляет 100% от общего числа учащихся небашкирской национальности.

В рамках успешной реализации Закона «О языках народов РБ» каждый год проводятся олимпиады по башкирскому языку и литературе, конкурсы сочинений, творческих работ Учащиеся ежегодно участвуют в республиканских мероприятиях: в конкурсах юных сказителей «Акмулла варистары» и сказителей эпоса «Урал-

батыр», занимаются исследовательской работой «Моя родословная». Каждый год по плану ОУ проводятся праздники «Шэжэрэ байрам», детские сабантуи исключительно на родном языке. Во всех школах ведется большая внеклассная работа по башкирскому языку, литературе и культуре Башкортостана: празднование Дня республики; конкурс рисунков по темам «Мой родной край», «Родина в стихах башкирских поэтов», «Цвети, мой Башкортостан», «За верность творчеству писателей»; постановка театрализованных номеров, спектаклей и концертов – «Эх, Уфа кызлары», «Здравствуй, сказка», «Долгое-долгое детство»; мероприятия, посвященные юбилеям наших башкирских поэтов, композиторов и писателей. Учителя башкирского языка и литературы постоянно совершенствуют свою методику преподавания.

Учителя башкирского языка и литературы ведут активную работу по обмену опытом с учителями башкирского языка и литературы Челябинской области. Проводятся совместные семинары учителей башкирского языка и членов исполкома курултая. Учителя башкирского языка и литературы МОУ СОШ №3 Усманова Д.А. и МОУ БГ с. Учалы Хакимова Г.А. показали мастер-классы в Сирюсинской СОШ Сосновского района Челябинской области для учителей башкирского языка и литературы Челябинской области. На базе МОУ ООШ д. Курамино также совместно с представителями Челябинской области на высоком уровне прошел семинар учителей, членов исполкома и УПО по презентации исторической книги С.М. Ильясова «Память барын-табынцев». Учителя башкирского языка и литературы активно участвуют на районных, республиканских конкурсах «Учитель года башкирского языка и литературы», «Лучший учитель России». Восемь учителей башкирского языка и литературы являются победителями Гранта в рамках национального проекта «Образование». Во всех школах имеются кабинеты башкирского языка и литературы, оснащенные учебниками по башкирскому языку, картографическими материалами и компьютерами.

Подводя итоги, можем сказать, что система обучения башкирскому языку, сложившаяся в школах Учалинского района, формирует языковое самосознание учащихся, уважение к своей культуре и ответственность в передаче ее будущему поколению, так как это и есть залог бытия самих башкир и их национальной традиционной культуры.

Багаутдинова М.И., г. Уфа

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках науки, которая изучает быт, нравы, обычаи народов, т.е. бытовые и культурные особенности народов мира, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений их, - этнографии - зародилась диалектология. Диалектология в переводе с гре-

ческого означает «*разговор, говор, наречие*» + «*слово, учение*». Следовательно, раздел языкознания, изучающий диалекты того или иного языка в их синхронном состоянии и историческом развитии, называется диалектологией.

Изучением языковых единиц в культурно-историческом и этнографическом контексте занимается этнолингвистика. А этнолингвистические исследования невозможны без учета данных этнографии и лингвистики.

Этнографы рассматривают в предметах отражение этнических особенностей материальной и духовной культуры народа, обычаев и традиций. Языковедам необходимо знать, какими результатами научного поиска располагают фольклористы и этнографы.

Многовековая история башкир, их материальная и духовная культура, национальные традиции и обычаи, хозяйственно-экономический уклад жизни и т.д. – все это находит отражение в языке, получая наиболее полное воплощение в этнографической лексике. Этнографическая лексика в семантическом отношении разнопланова. Она включает слова, отражающие национальные особенности материальной культуры, специфические этнические свойства духовного облика, черты национально-этнического характера.

Этнографическую лексику, как определенную тематическую группу лексического разряда, можно разделить на общеупотребительные и диалектные. Под этнографическими диалектизмами понимаются лексические единицы, связанные по своей семантике или внешней форме с особенностями местного быта. При этом наблюдаются следующие типы связей:

а) диалектное слово, отсутствующее в литературном языке, слу-жит обозначением специфической местной реалии, не знакомой носителям литературного языка;

б) в диалектном слове, принадлежащем к литературному лек-сико-семантическому типу, актуализируются семантические признаки, отсутствующие у соответствующего литературного слова.

В вопросе об отношении этнографической лексики к литера-турному языку можно сказать, что некоторые этнографизмы служат лексическими дублетами своим параллелям из литературного языка. Например: лит. *науруз* - диал. *йыл башы* (навруз - первый день нового года, совпадает с днем весеннего равноденствия - 21 марта по солнечному календарю); лит. *Һебә*- диал. *бүкә, мөсә, байһөйәк* - первый подарок (обычно кусок жирного мяса) во время свадебных состязаний. Хотя такого рода дублеты не входят в состав литературного языка, писатели при необходимости могут использовать их в художественных произведениях для передачи местного колорита.

Несмотря на то, что этнографизмы в основном обладают диалектными свойствами, они характеризуются существованием

параллелей в литературном языке. Например, ряд этнографизмов типа: *аҡлашыу* (минзәлә), *ҡыҙ һоратыу* (көнсығыш), *туҫтаҡ эсеү; ҡыҙ йәрәшеү, тартыу* (көнбайыш), *ҡыҙ хаҡы (*кариҙел), *терлек (*кариҙел, ғәйнә) имеют в литературном языке свои параллели: *ҡыҙ әйттереү, яусы ебәреү* - сватать; *ҡалым* - калым, *бирнә (*подарки невесты жениху и его родителям). Такие этнографизмы вошли в словарный состав литературного языка и активно употребляются в нем. Таким образом, одни этнографизмы переходят в литературную норму, другие же остаются диалектными формами вне литературного языка. Например, слова *әберкә* (оборка), *һырма салбар* (стеганые брюки), *мәрйен (*бусина),*калын шәл* (плед) вошли в литературный язык, укрепились в нем и стали лексической нормой, а этнографизмы *ялпылдаҡ* (ҡыҙыл), *балитәк (*инйәр), *абыръа* (дим), *әберәк* (урта), - мелкие оборки, *көбөлгән салбар (*арғаяш), *һырылъан салбар* (һалйоғот), *көпө салбар* (урта) - стеганые брюки; *һаҡалта* (құбәләк), *сәйләп* (дим, төй) - бусина, бисер*; бәйҙәмә шәл (*көнсығыш), *шаҡмаҡ* (еҙем), *санашәл (*инйәр), употребляясь в речи местного населения, являются диалектными формами.

Бадамшина В.В., Балтачевский район

ОСОБЕННОСТИ ЛАБИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ БАЛТАЧЕВСКОГО ГОВОРА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Балтачевский говор в отношении гармонии гласных представляет интерес, в нем имеются оба вида гармонии: и палатальная, и лабиальная: они выступают одновременно, переплетаясь друг с другом и создавая полный сингармонизм.

Сущность лабиальной гармонии гласных состоит в том, что ударный гласный действует ассимилирующе по признаку огубленности и неогубленности на конечный гласный. За ударными огубленными гласными заднего ряда ***о, и*** в абсолютном исходе слова выступает ***о***: *олыкышто* (на лугу), *вожышто* (в корне), *курыкышто* (на горе), *кушто* (где), За ударными лабиальными гласными переднего ряда ***о, и*** – *портышто* (в доме), *шорышто* (на краю), *мундырно* (вдали), *кушно* (вверху). За ударными неогубленными ***а, е, ы, э – е***: *уремыште* (на улице), *пазарыште* (на базаре), *энерышке* (на реку), *чодырашке* (в лес).

Лабиальная гармония встречается в луговом, северо-западном и восточном наречиях (Грузов 1965:142; Иванов, Тужаров 1970:51). В балтачевском говоре лабиальная гармония выступает особенно последовательно, т.е. она соблюдается и в закрытых слогах: балт. *ужын* (видел) – луг.), *удыр* (девочка, девушка) – луг. *пукшаш* (кормить).

В отличие от северо-западного и лугового наречий в восточном наречии выступление гармонии по огубленности зависит не от гласного ударного слога, т.к. ударение падает на последний слог. Надо полагать, что это следы гармонии гласных протофинно-угорского языка, базированной на качестве первого слога (Галкин 1982:32).

Специфическую черту лабиальной гармонии балтачевского говора составляет одна особенность. Она выражается в том, что уподоблению по огубленности подвергаются гласные в последних закрытых слогах. Это опять-таки касается только гласных звуков ***и*** и ***и*** : *кудыр* (тетерев), *кудыр* (кудрявый), *лудын* (читал), *лудын* (испугался), *лумын* (нарочно). В свое время Н.Т. Пенгитов указывал на наличие в восточных говорах «внутренней лабиализации» (1960 б:18).

В отличие от литературного языка в балтачевском говоре гармонизации подвергаются не только гласные абсолютного конца, но и гласные серединных слогов: *курыкышко* (в гору), *курукым* (шубу), *шудырым* (звезду), *кумыж* (тарелка), *тупынь (*упрямый), *толын* (при-шел), *огым* (отрицательная частица глагола), *почыж* (клюква), *пор-тондыл* (сени). Следует отметить, что закономерности подчиняются в большинстве случаев гласные ***и*** и ***и*** и частично гласные ***о*** и ***о***. Соблюдение гармонии гласных в закрытых слогах наблюдается и в волжском говоре лугового наречия: *шушпык* (соловей) (Пенгитов 1960а:181), а также в северо-западном наречии, особенно если в пер-вом слоге оказываются редуцированные ***у*** и ***у***: *пунчышто* (на сосне-то) (Иванов, Тужаров 1970:52). В словах, где в первом слоге выс-тупают фонемы ***о*** или ***и***, под влиянием лабиальной гармонии в последующих слогах также следует фонема ***о***: *полек* (подарок), *нореп* (погреб), *пукен* (стул).

Гласные ***а, а, е*** середины слова, как правило, прерывают уподобляющее воздействие предшествующих огубленных редуциро-ванных на последующие: *йолемым* (мою ногу), *куртнаным* (что-нибудь железное).

Лабиальной гармонии в балтачевском говоре подчиняются:

Суффиксы падежей:

- што (-ште-што): *бичаште* (в сарае), *чодыраште* (в лесу), *пасушто* (в поле), *портышто* (в доме), *ушышто* (в уме), *коргышто* (внутри);

- шке (-шко-шко): *чодырашке* (в лес), *пасушко* (в поле), *муйышко* (в мед);

различные словообразовательные суффиксы имен существительных:

- че (-чо,-чо): *кутучо* (пастух), *музиканче* (гармонист), *тумырзо* (барабанщик), *пашаче* (трудолюбивый);

- зе (-зо,-зо): *куштызо* (плясун), *кучызо* (нищий), *лапкызе* (продавец), *колызо* (рыбак);

притяжательный суффикс 3-го лица ед.ч.: *почшо* (его хвост), *вуйжо* (его голова), *ойжо* (его горе), *лумжо* (его имя), *упшо* (его волосы), *нерже* (его нос), *кидше* (его рука).

Суффиксы прилагательных:

-ле (-ло,-ло): *турло* (всякий), *кунылло* (душевный), *тупло* (главный), *ямле* (прекрасный, приятный);

-дыме (-дыме,-дымо): *йолдымо* (безногий), *йылмыдыме* (без языка, неразговорчивый), *тусдымо* (бесцветный), *вуйдымо* (без головы), *пашадыме* (безработный), *пиалдыме* (несчастный);

-ссе (-ссо,-ссо): *ялыссе* (деревенский), *монгыссо* (домашний), *вуйыссо* (головной), *корныссо* (дорожный);

суффикс 3-го лица ед.ч. императива: *пурыжо* (пусть зайдет), *кайже* (пусть идет), *толжо* (пусть придет), *мурыжо* (пусть поет);

суффиксы причастий:

- ше (-шо, -шо): *окыктышо* (учитель), *вошткойшо* (прозрачный);

-ме (-мо,-мо): *йоллымо* (заправленный в ткацкий станок), *ыштыме* (сделанный), *эртыме* (пройденный), *полымо* (разделенный), *руымо* (срубленный);

- дыме (-дымо, -дымо, -дыме): *коштдымо* (неходивший), *окыдымо* (неграмотный), *тусыдымо* (нетерпеливый), *пытыдыме* (нескончаемый);

суффиксы наречий:

- не (-но,- но): *кушно* (вверху), *умбалне* (наверху), *шенгелне* (позади);

- ке (-ко,-ко): *ондыко* (вперед), *ордышко* (в сторону), *покшелне* (в середине), *йымалне* (внизу).

В выступлении лабиальной гармонии имеются некоторые отступления. Не подчиняются закону лабиализации:

Суффикс императива 2 лица мн.ч. настояще-будущего времени, а также имперфекта и перфекта: *нолтена* (поднимаем), *нолтеда* (поднимаете), *кунчышна* (мы копали), *кунчышда* (вы копали), *коштынна* (мы ходили), *коштында* (вы ходили);

Притяжательный суффикс 1 и 2 лица мн.ч.: *йукна* (наш голос), *упна* (наши волосы), *колда* (ваша рыбы), *возна* (наш воз), *кочкышна* (наша еда);

Суффикс деепричастия – ***дегече***: *ыштыдегече* (не делая), *куралдегече* (пропахав), *погыдегече* (не собирая).

Закону лабиальной гармонии подчиняются и заимствованные слова. Тюркские заимствования подчиняются лабиализации так же, как и марийские слова: *торза – торзаште* (в окне), *аул – аулышко* (в деревню). Русские заимствования имеют свои особенности в подчинении лабиализации: на конечную гласную ассимилирующе действует и не ударная гласная, и не гласная первого слога, а гласная предпоследнего слога: республика – республикаште (в республике), станций – *станцийышке* (на станцию), *термос – термосыштo* (в термосе).

Таким образом, лабиальная гармония, несмотря на свои специфические черты, имеет много общего с лабиальной гармонией в литературном языке. Лабиальная гармония в говоре является живым фонетическим процессом, ее воздействию подчиняются не только исконно марийские слова, но и заимствованные из других языков. Лабиальная гармония носит прогрессивный характер.

Баздникина О.И., Кармаскалинский район РБ

ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ СТАРЫЕ ИРНЫКШИ АРХАНГЕЛЬСКОГО РАЙОНА РБ

Жители деревни Старые Ирныкши – потомки переселенцев из центральной России, переехавших на башкирские земли во 2-ой половине 18 века. Говор жителей деревни Старые Ирныкши имеет признаки северорусского наречия: противопоставление звуков [о] и [а] в безударных слогах – оканье; произношение окончания –ого с [в](ково); упрощение некоторых сочетаний согласных (обман – омман); утрата междугласного [j] и связанное с этим стяжение нескольких соседних гласных (знает – знат); замена е на [о] перед твердыми согласными (носу); произношение буквы щ как [шш] (ишшо).

Основу словарного состава говора жителей деревни составляют общеупотребительные слова. В говоре также имеются слова, употребляемые только в данной местности. Например, «копер» – укроп, «папанька» – хлеб.

В лексике говоров выделяются следующие группы диалектных слов: собственно лексические, лексико-словообразовательные, фонематические и семантические.

Собственно лексические диалектизмы – это местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке. Например, «конник» – кровать, «шабры» – соседи, «калякать» – говорить, «домовничать» – смотреть за домом.

Лексико-словообразовательные диалекты – слова, отличающиеся от слов литературного языка морфемным составом. Это слова с теми же корнями и имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но с другими аффиксами: «опосля» – после, «поначе» – иначе.

Фонематические диалектизмы совпадают по значению с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них одной или двумя фонемами, причем фонематические различия не связаны с существующими в говорах фонематическими и морфологическими закономерностями. В этих словах произошла лексикализация какого-либо фонематического явления: «еранька» – герань, «неколи» – некогда, «андюк» – индюк, «зорует» – озорует.

Семантические диалектизмы равны по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но имеют иное значение: «папанька» – хлеб, «добрый» – полный, «пытать» – пробовать. Мы выделяем семантические диалектизмы, которые существуют и внутри говоров. Например, мы выделили группу слов, которые в говоре жителей деревни Старые Ирныкши имеют собственные значения, не зафиксированные в «Словаре русских говоров Башкирии» под редакцией З.П.Здобновой: «чуланчик» - комнатка для хранения

продуктов, «шайка» - ведро для дойки коровы, «судна лавка» - скамейка для хлеба, «ухайдакалась» - устала.

Лексический пласт диалекта села Старые Ирныкши тематически разнообразен, и поэтому можно выделить определенные группы лексики. Это существительные, отражающие своеобразие природных условий местности, особенности хозяйственной жизни и быта населения. В земледелии определенная укладка снопов называется «омет» - сколько-то сена, «копешка» – малая укладка сена. В огороде у жителей деревни растет «копер» – укроп, «кортохи» - картофель. Интересны названия жилых и хозяйственных построек: «подловка» - чердак, «чулан» - кухня. Тематическая группа «Предметы домашнего обихода» включает названия домашней утвари, посуды («ночевки» - корытце для теста, «рогатина» - приспособление для вытаскивания чугунка из печи, «жарехи» – противень, «сковородник» – приспособление для вытаскивания блинов из печи, «мурнышко» – кран у самовара); одежды, обуви («запон» - фартук, «волосник» - женская шапочка, покрывающая волосы, «катанки» - валенки); продуктов питания («дранки» - блинчики из тертой картошки, «пироженцы» – маленькие пирожки, «сыта» – вода, подслащенная сахаром или медом, «сдобнушки» – выпечка из теста). К лексике бытового характера относятся также «столешник» - скатерть для хлеба, «судомойка» - тряпка для мытья пола, «дрянища» - герпес на губах. Глаголы речи могут обозначать процесс говорения: «баять», «калякать», «гутарить»; характеризовать темп речи: «базланить» - ругаться; отражать содержание речи: «балясничать» – болтать попусту. Употребляются также глаголы: «цедить» - фильтровать; «упеталась» - устала; «сучить» - скатывать шерсть в нить; «ухлестывать» - ухаживать, бегать за кем-то; «расхлебенить» - открыть; «скутать» - закрыть; «вызы» - не ругайся; «вюкни» - выпей; «мотри, мотряй» - смотри; «подь» - иди; «заходь» - заходи; «гляи, глянь» - гляди. Прилагательные, характеризующие человека, дают представление о его внешнем облике, душевных качествах, характере: «чудной» - странный; «шотоломна» - бешеная; «нахлыстанный» - суетливый; «хворый» - больной. Из наречий известны слова с общим значением прошедшего времени: «летось», «давичи», «утрось». Употребляются также наречия: «восейка» - тогда, «гоже» - хорошо, «тупорчи» - тогда, «поначе» - иначе, «нынче» - сегодня, «пошт» - зачем; обращения: «шабры» - соседи; «мотаня» - ухажер; «нянька» - старшая сестра или та, что нянчила; «лелька» - крестная; «тятя» - отец; «батюшка» - свекор; «матушка» - свекровь. Девушку с неубранными волосами называют «якуткой». Поросль леса возле болота – «елшанки». Фразеологизмы: «работать на статуху» - хорошо работать; «работать на шеромыг» - плохо работать.

Постепенно говор жителей деревни Старые Ирныкши разрушается, утрачивается. Ушли многие слова, обозначающие предметы быта,

обычаи, понятия. Деревня не избежала участи многих «умирающих» деревень. Жители деревни разъехались по всей стране, и их язык под влиянием других говоров претерпел изменения. А народные говоры – это история, которую нужно беречь. Диалекты многое могут поведать будущим поколениям о том, как жили их предки.

Литература:

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана.-Уфа:Китап,1998.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской словесности.-М.,1980

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т.-М.,1955г.

Касаткин Л.Л. Современный русский язык: слов.-справ.: пособие для учителя/под ред.П.А.Леканта.-М.:Просвещение,2005

Русская диалектология: пособие для вузов / В.В.Колесов, Л.А.Ивашко и др.-М.:Дрофа,2006

6. Хабургаев Г.А. Становление русского языка.-М.,1980

Байғусҡарова М.И., Ҡырмыҫҡалы районы

БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ МӘСЬӘЛӘҺЕНӘ БЕР ҠАРАШ

Башҡорт теле – башҡорт халҡының һөйләшеү, аралашыу һәм фекер алышыу сараһы. Уның үҫеш тарихы көньяҡ Уралда, Ағиҙел, Ййыҡ йылғаларының ҡушылдығында беҙҙең эраның беренсе меңйыллыҡ урталарынан бирле йәшәгән башҡорт ҡәбиләләре теленә, йәғни диалекттарына барып тоташа.

Профессор Ж.Ғ. Кейекбаев тикшеренеүенсә, башҡорт теленең фонетик үҫешендә боронғо төркн яҙма телендәге беренсе ижек киң о, ө, ә һуҙынҡылары тар у, ү, и өндәрендә (тоҡуз/туғыҙ, көл/күл), тар у,ү,и һуҙынҡылары киң о, ө, е өндәренә (күн/көн, ҡутлуғ/ҡотло) һәм икенсе, өсөнсө ижек у,ү, и һуҙынҡылары ы, о, ө, е өндәренә (арҡуру/арҡыры, күндүзгү/көндөҙгө) X – XI быуаттарға тиклем үк күсеш яһаған. Ә тартынҡы өндәрҙең үҙгәрешендә һүҙ башындағы б өнө м тартынҡыһына (бән/мин), ч өнө с өнөнә (чал/сал), с өнө ҫ һәм һ өндәренә (сүт/ҫүт/һөт) үҙгәргән.

Үҙенең өндәр ҡоролошо, һөйләмдәр төҙөлөшө, һүҙ байлығы менән көньяҡ диалект башҡорт әҙәби теленә яҡын тора. Әҙәби телгә көнсығыш диалекттан күплек ялғауының дүрт төрлө килеүе алынған. көньяҡ-көнбайыш диалекттан әҙәби телгә фонетик-морфологик күренештәр индерелмәгән. Шуға күрә лә телдәре башҡорт әҙәби теленә тап килмәгәс, күп һорауҙар тыуҙыра. Шуға ла ошо һөйләштең ҡайһы бер үҙенсәлектәрен сағылдырған, ошо һөйләштә ижад ителгән әҫәрҙәрҙе мәктәп программаһына индереү кәрәктер, тип уйлайым.

Дөйөм халыҡ теленең иң юғары кимәле булып башҡорт әҙәби теле тора. Минеңсә, мәктәптәрҙә балаларҙы әҙәби телдә укытыу мотлаҡ. Әгәр балаларҙы ниндәй ҙә булһа диалектта, йәки һөйләштә укытабыҙ икән, ул укыған телде үҙенең “әҙәби теле” итеп ҡабул итәсәк һәм шулай

үҙенән-үҙе башҡорт әҙәби теленең икенсе варианты барлыҡҡа килеү ихтималлығы бар. Әҙәби телде һаҡларға кәрәк, уны боҙоларға ярамай, ә лексик яҡтан байытыу, әлбиттә, кәрәк. Әҙәби телебеҙҙең үҫеше милләтебеҙҙең ҡөҙрәтенә бәйле. Милләттең үҙаңы, мәҙәниәте, интеллекты ни тиклем юғары булһа, әҙәби тел дә шул дәрәжәлә торасаҡ. Сөнки әҙәби тел – ул милләттең көҙгөһө.

Балтаева Л.Х., г. Уфа

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГОВОР ЛАТЫШЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 года на территории Архангельского района Республики Башкортостан проживают представители 25 национальностей. Общая численность населения Архангельского района составляет 20 165 человек. Наиболее многочисленны: башкиры – 46 % (9 276 чел.); русские – 38, 2 % (7 711 чел.); татары – 9,2 % (1 860 чел.); чуваши – 2,7 % (549 чел.); латыши – 1,8 % (369 чел.).

Латышский язык является одним из национальных языков нашей республики. Более ста лет назад появившись на просторах Башкортостана, переселенцы с «янтарных» берегов Балтики сумели до сегодняшних дней сохранить свой язык и культуру на башкирской земле.

В настоящее время латыши в Башкортостане проживают на территории сельских поселений Арх-Латышский и Бакалдинский сельские советы и в селе Архангельское Архангельского района, в селах Ауструм и Балтика Иглинского района, в деревне Банковка Стерлибашевского района, а также в городах республики.

В июле 1985 года в Архангельском районе Башкортостана работала комплексная научная экспедиция Института языка и литературы имени Андрея Упита Академии наук Латвийской СССР, которая в тесном сотрудничестве с Башкирским филиалом АН СССР, университетом и педагогическим институтом обследовала языковую ситуацию в селах, где проживают латыши, предки которых переехали в Башкортостан более 100 лет назад.

Было установлено, что почти все латыши говорят на том диалекте (говоре), который они унаследовали у своих предков. Большинство из них пользуется говорами ливского диалекта, поскольку многие из них переехали в Башкортостан из северо-западной части Курземе и северо-запада Видземе, где говорят на ливском диалекте. У латышей Башкортостана не сформировался литературный вариант языка, общий для всех жителей одного села или всего района.

Результаты исследования латышского языка в Архангельском районе комплексной научной экспедицией 1985 году явились основой для изучения современного состояния языка латышей деревни Максим Горький (Арх-Латыши).

В процессе данной исследовательской работы появились новые интересные факты, касающиеся существования, развития и сохранения латышского языка в Башкортостане.

В языке местных латышей наблюдается множество лексических заимствований:

Язык местных латышей	**Русский язык**	**Современный латышский язык**
burāns	буран	***putenis,sniegputenis***
gardīņi	гардины, оконные занавески	***aizkari***
kovjors	ковер	***paklājs***
pečeņije	печенье	***cepumi***
rukovoditeļs	руководитель	***vadītājs***
tabūni	табун	***bars, ganāmpulks***

Язык латышей деревни Максим Горький отличается от современного латышского литературного языка. Это может быть следствием того, что латыши в Архангельский район приехали, в основном, из двух регионов Латвии – Видземе, Курземе, поэтому в языке местных латышей есть сходство с диалектными особенностями этих регионов:

1) глаголы не изменяются по лицам во всех временных форматах:

настоящее время ***(dziedāt*** – петь***)***

es dzied mēs dzied
tu dzied jūs dzied

viņš, viņa } ***d z i e d*** ***viņi, viņas*** } ***d z i e d***

прошедшее время

es dziedāj mēs dziedāj
tu dziedāj jūs dziedāj

viņš, viņa } ***d z i e d ā j*** ***viņi, viņas*** } ***d z i e d ā j***

будущее время

es dziedās mēs dziedās
tu dziedās jūs dziedās

viņš, viņa } ***d z i e d ā s*** ***viņ, viņas*** } ***d z i e d ā s***

В литературном латышском языке глаголы изменяются как по временам, так и по лицам:

настоящее время

es dziedu mēs dziedam
tu dziedi jūs dziedat

viņš, viņa } ***d z i e d*** ***viņi, viņas*** } ***d z i e d***

прошедшее время

es dziedāju ***mēs dziedājām***
tu dziedāji ***jūs dziedājāt***

viņš, viņa } ***d z i e d ā j a*** ***viņi, viņas*** } ***d z i e d ā j a***

будущее время

es dziedāšu ***mēs dziedāsim***
tu dziedāsi ***jūs dziedāsit***

viņš, viņa } ***d z i e d ā s*** ***viņi, viņas*** } ***d z i e d ā s***

2) слова теряют свои окончания (особенно характерно для существительных): ***upenes*** – ***upens*** (черная смородина); ***deķis*** – ***deķs*** (одеяло); ***gapele*** – ***gapel*** (вилка); ***širtce*** – ***širtc*** (фартук); ***kronis*** – ***krons*** (венок); ***istabaugša*** – ***istabaugš*** (чердак); ***telēķis*** – ***telēķs*** (тарелка)

В местном латышском языке необходимо отметить употребление архаизмов, которые уже не характерны для современного литературного латышского языка:

Язык местных латышей	**Русский язык**	**Современный латышский язык**
pletīzers	утюг	**gludeklis**
zapte	варенье	**ievārījums**
brunči	юбка	**svārki**
istabaugš (a)	чердак	**bēniņi**
gapel(e)	вилка	**dakša**
telēķ(i)s	тарелка	**šķīvis**
saime	семья	**ģimene**
širtc(e)	фартук	**priekšauts**
kron(i)s	венок	**vainags**
bode	магазин	**veikals**
kompete	конфета	**konfekte**
laisties	летать	**lidot**
deķ(i)s	одеяло	**sega**
dikti	очень	**ļoti**
nāburgs	сосед	**kaimiņš**
ķisens	подушка	**spilvens**
kortelis	квартира	**dzīvoklis**
uzdot	сказать, назвать	**pateikt, nosaukt**
nolauzt (māju)	убрать (дом)	**nojaukt (māju)**
aizvilkt	украсть	**nozagt**

Литература:

Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Блинкена А.Я., Аюпова Л.Л., Гарипов Т.М. О смешанном характере латышских говоров Башкирии // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: к 140-летию со дня рождения И.А. Бодуэна де Куртене. Сборник статаей. 1989.

Латышско-русский словарь. Рига, 2002.

Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002.

Батыршина Г.Р., г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКИ РОДИННОГО ОБРЯДА В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ исследовательского проекта «Духовный мир башкир: лингвокультурологический словарь» 10-0484411а/У

Многообразие устойчивых словосочетаний, множество диалектных слов свидетельствуют о сохранении в обряде древних традиций. Диалектизмы – это языковой пласт, который часто сохраняет более древнее состояние лексики. Некоторые обрядовые названия не существуют в современном литературном языке, а сохраняются только в некоторых диалектах. Ср.: *эт күлмәге, көсөк күлмәге* “собачья рубашка”, *иңгелек сәс, бәбкә сәс*е “первые волосы”, *кендек ҡарсыҡ* (демск.), *кендек нәнәй* “повитуха”, *улан арты* (средн.), *улан йаҫтыъы* (миасс., айск.), *бала ҡабы*, *бала ъапсыъы* (демск.) “послед”, *кендек күмәсе* “булочка в честь пуповины” (сакм.), *кендек ҡоймаъы* “блины к пуповине” и т.д.

Учитывая, что в диалектах сохраняется древнее состояние языка, остановимся на диалектологических словарях. Трехтомный “Словарь башкирских говоров”, вышедший в свет в 1967-1987 гг., является ценным достоянием башкирского языка.

В первый том [БТҺҺ 1970, 327], составленный на материале восточного диалекта, входит 59 лексических единиц, связанных с родинным обрядом, например, *ауырайаҡты* “беременная” (кизил., айск.), *баш пала* “первый ребенок” (кизил.), *талъаҡтау* “разборчивость в пище во время беременности” (айск.) и др., а во второй том [БТҺҺ 1967, 300] (южн.) – 45 терминов: *буйҙаҡ* “бездетная” (демск.), *бабасы* “человек, занимающийся обрезанием” (демск.), *остоҡ* “ребенок” (средн.) и др., в третий том [БТҺҺ 1987, 231] (сев.-зап.) – 13 лексем: *тумаҡ* “рождение” (гайн.), *тыумыш* “новорожденный” (гайн.) и др.

В 2002 году вышел сводный том “Диалектологического словаря башкирского языка” [БТДҺ 2002, 432]. В словаре показаны границы распространения диалектизмов, определены значения, даны эквиваленты из литературного языка, перевод на русский язык. В словарь вошли следующие термины из родинного обряда: *бала ҡабы* “послед” (демск.), *бала ъапсыъы* “послед” (средн.) (37с.), *билəңке булыу* “осложнение после родов” (миасс.) (49с.), *инəсек* “повитуха” (средн.) (99с.), *йомарлау* “забеременеть” (ик-сакм.): “*Бына өсөнсөгə*

йомарлаъандым инде” (Вот беременная третий раз).(122с.), *кисеү* “предродовые схватки” (айск.) (146с.), *күҙһенеү* “поддаться сглазу” (миасс., ирг., айск.) (160с.) и др.

Лексика родинного обряда находит отражение и в диалектологических исследованиях. В книге известного лингвиста С.Ф. Миржановой “Южный диалект башкирского языка” [Миржанова 1979, 95-241] встречаются следующие термины родинного обряда: *йоморҡа сайҡау, йөрәкәй булыу* (ик-сакм.) “отвращение к пище во время беременности”; *сәңкелтәк, бишек* (средн.) “колыбель”, *инәсе, инәсек, инәс, инәкәй, кендегәсәй* “повитуха”, *балаҡас* “дитятко”, *толъаҡ* “предродовые схватки”, *ҡаҙыҡай тороу* (демск.) “впервые встать на ножки”, *аш төрҙәү* (средн.) “перебирать, желать разную пищу во время беременности” и т.д.

В монографии того же автора “Северо-западный диалект башкирского языка” [Миржанова 1991, 32-198] зафиксированы следующие лексические единицы: *кендекәй ҡартыйы* “повитуха”, *соңъолоҡ / суңъылыҡ* “плацента” (карид.), *көчәңгег* “схватки родовые”, *ҡсыр ҡатын* “бездетная женщина”, *олан* “дитя, ребенок”, *башпала* “первенец”, *төпчөк* “последний ребенок”, *тач атасы* “вылитый отец”, *кендекәй әбей* “повитуха” (ик-сакм.), *билеү* “пеленать”, *белекей/белкей* “маленький” (гайн.) и т.д.

Известный диалектолог Н.Х. Максютова в своей работе “Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении” [Максютова 1976, 111-187] отмечает следущие термины родинного обряда: *сәмгүлдәк* (кизил.) “колыбель”, *кинжәбай* (айск.) “последыш”, *бәбәй, сабый, кескәй бала, тәнә, тәнәй*, *балапан* (айск.) “грудной ребенок”, *бәрәндәү, имгәктәү, дүрттаъандау*, *дәртәндәү* (айск.) “ходить на четвереньках”, *эһеләү* (сальз.) “разборчивость в пище” и т.д. В монографии “Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении” [Максютова 1996, 75-91] Н.Х. Максютова выделяет следующие лексические единицы: *имеҙәк бала* “грудной ребенок”, *атырыҡтау* “привередничать в пище”, *балапан* “грудной ребенок”, *күренеү* “родиться”, *сәңелсәк* “колыбель”, *тәнә, тәнәй* “грудной ребенок”, *үкелатай, үкелинәй* “названый отец, названая мать” (аргаяшск.), *ахырауырыу* “послеродовые осложнения”, *йаңышаҡ* “грудной ребенок”, *үҫкүреү* “менструация”, *сыуын, бала яҫтығы, бала ятҡылығы* “плацента”, *йелпегеү, күҙ тейеү* “подвергнуться сглазу”, *бәпәйҙәү* “рожать” (сальз.) и т.д.

Таким образом, диалектные слова сохраняют глубинные значения древних традиций. В этих единицах отражается духовный мир предков башкир.

Литература:

Башҡорт теленең һөйләштәре һүҙлеге: 2 том. Көньяҡ диалект. – Өфө, 1970.
Башҡорт теленең һөйләштәре һүҙлеге: 1 том. Көнсығыш диалект. – Өфө, 1967.
Башҡорт теленең һөйләштәре һүҙлеге: 3 том. Көнбайыш диалект. – Өфө, 1987.
Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. – Өфө, 2002. – 432б.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – Москва, 1979.
Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа, 1991.
Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – Москва, 1976.
Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа, 1996.

Биканачева Р.И., Өфө к.

БАШҠОРТ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҺЫ ФӘНЕНДӘ ҒАЛИМ Ж.Ғ. КЕЙЕКБАЕВТЫҢ ЭШМӘКӘРЛЕГЕ

Ж.Ғ. Кейекбаев – башҡорттарҙан беренсе булып филология фәндәре докторы дәрәжәһенә Мәскәүҙә диссертация яҡлаған, ғилми эштәре менән республиканан ситтә лә киң билдәлелек яулаған ғалим, башҡорт теленең тамырын нығытыусы, уны һаҡлауға, телдең интеллектуаль ҡеүәтен үҫтереүгә ғәйәт ҙур көсөн һалған ғалим-шәхес.

Утыҙынсы йылдар аҙағында Мәскәүҙә сит телдәр институтының герман телдәре филологияһы факультетын тамамлаған Жәлил Ғиниәт улы 1936-37 уҡыу йылында Мәскәү янындағы Рошаль ҡалаһы урта мәктәбендә немец теле уҡытыусыһы булып эшләй. Башҡортостандың мәғариф министрлығы юлламаһы буйынса утыҙ етенсе йылдың йәйендә ул Өфөнөң сит ил телдәре институтына директор урынбаҫары вазифаһына тәғәйенләнә. Бөйөк Ватан һуғышы башланғансы ул шунда эшләй. 1942-43 йылдарҙа Ж.Ғ. Кейекбаевты Ғафури районының Сәйетбаба урта мәктәбенә директор итеп ебәрәләр. Бында ул немец һәм инглиз телдәрен уҡытһа ла, башҡорт теле менән ҡыҙыҡһыныуын туған теле ерлегендә кинәнеп дауам итә. Уның етәкселегендә мәктәптә башҡорт телендә ҡулъяҙма журнал сығарыла. Өлкән синыф уҡыусыларының шиғырҙары, бәләкәй хикәйәләре тупланған журнал ғалимдың архивында һаҡлана. 1943-44 йылдарҙа Башҡотостан китап нәшриәтендә баш мөхәррир булып эшләй.

Ж.Ғ. Кейекбаев 1945-46 йылдарҙа Мәскәүҙә СССР Фәндәр академияһының Тел белеме институтында аспирантурала уҡый. Өфөнөң авиация институтында эшләгән ваҡытында “Башҡорт теленең орфоэпияһы” тигән темаға кандидатлыҡ диссертацияһын яҙа. Уны 1948 йылдың 22 сентябрендә Мәскәү дәүләт университетының Ғилми Советында уңышлы яҡлай. Уға филология фәндәре кандидаты тигән ғилми дәрәжә менән доцент исеме бергә бирелә. Башҡорт тел белемендә бындай хеҙмәт быға тиклем булмаған. 1968 йылда уны айырым китап итеп баҫтырып сығаралар һәм башҡорт теленең орфоэпияһы өлкәһендә бөгөн дә берҙән-бер һәм файҙалы тикшеренеү булып ҡала.

1958 йылда Ж.Ғ. Кейекбаев “Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш” тигән күләмле мәкәлә яҙа. Был хеҙмәт башҡорт диалектологияһының артабанғы үҫешенә ҙур йоғонто яһай.

Европаса юғары белем алырға насип булған Жәлил Ғиниәт улы үҙ туған телен өйрәнеүҙәге етешһеҙлектәрҙе тәрән тойған, һәм үҙенең

белемен башҡорт телен өйрәнеүҙә заман һәм донъя фәне кимәлендә торған хеҙмәттәр ижад итеүҙә әүҙем ҡулланған.

1949 йылда Жәлил Ғиниәт улы К.А.Тимирязов исемендәге Башҡорт дәүләт педагогия институтына эшкә күсерелә. Бында ул башта сит телдәр факультетының деканы була, немец телен уҡыта, ә аҙаҡ башҡорт һәм татар телдәре һәм әҙәбиәттәре кафедраһының мөдире итеп һайлана.

Илленсе йылдар уртаһында Ж.Ғ. Кейекбаев СССР Фәндәр академияһының Тел ғилеме институтында докторантурала уҡый һәм был осорҙа "Башҡорт теленең фонетикаһы (сағыштырма-тарихи тикшереүҙең тәжрибәһе)" тигән темаға докторлыҡ диссертацияһы өҫтөндә эшләй. Докторантураны уңышлы тамамлағандан һуң, уны Башҡорт дәүләт университетының уҡыу-уҡытыу эштәре буйынса беренсе проректор итеп тәғәйенләйҙәр. Был үтә лә яуаплы, көнө буйы һигеҙ сәғәт эш урынында булыуҙы талап иткән административ вазифаны аткарыу менән бер рәттән университеттың башҡорт-рус бүлеге өсөн уҡыу планын төҙөй, быға тиклем уҡытылмаған өр-яңы фәндәр: төрки телдәренең сағыштырма грамматикаһын, башҡорт теленең тарихи грамматикаһын, башҡорт әҙәби теленең тарихын, иҫке төрки телен индерә, уларҙың программаларын төҙөй; урал-алтай телдәре буйынса ғилми-тикшеренеү эштәре алып бара. Иҫке төрки телен уҡытыуҙы уҡыу планына индереүҙе юллап Мәскәү тарафтарына хаттар яҙа ғалим.

Бөгөн иҫке төрки телендә яҙылған әҙәбиәт, китаптар халҡыбыҙға ҡайтарылған икән,– был профессор Ж.Ғ.Кейекбаевтың фәнни һәм гражданлыҡ ҡаһарманлығы арҡаһында, тип әйтә алабыҙ.

Ж.Ғ. Кейекбаевтың диалектология фәнен үҫтереүҙә, уны уҡытыуҙа ла роле ҙур.

1951/52 уҡыу йылында башҡорт теле һәм әҙәбиәте бүлегенең "Башҡорт теленең тарихы һәм диалектологияһы" тигән 34 сәғәтлек курс икегә бүленеп, уҡыу планына икеһе ике үҙаллы фән итеп индерелә: "Башҡорт теленең тарихы" (54 сәғәтлек курс) һәм "Башҡорт диалектологияһы" (36 сәғәтлек курс).

Уҡыу планы нигеҙендә " Башҡорт теленең тарихы" тигән курс 1951/52 уҡыу йылынан алып уҡытыла башлай. 1951 йылдың көҙөндә курстың программаһы төҙөлә һәм ул программа РСФСР Мәғариф Министрлығы тарафынан раҫлана. Был программаларҙың авторы Жәлил Ғиниәт улы Кейекбаев була.

"Курсты төҙөү һәм уҡытыу өсөн, академик А.А. Шахматовтың әйтеүе буйынса, иң ышаныслы һәм иң абруйлы сығанаҡ булған хәҙерге йәнле башҡорт һөйләштәренә нигеҙләнергә тура килде, – тип яҙа ғалим. Ләкин башҡорт теле кафедраһының ҡарамағында башҡорт диалекттары буйынса бер ниндәй ҙә материал (эшләнмәгән сей материал йәки мәҡәлә рәүешендә яҙылған бер әйбер ҙә) юҡ ине. Башҡорт диалекттары һәм фольклоры буйынса булған 16 экспедицияның материалдары ул ваҡыттағы М.Ғафури исемендәге тел-

әҙәбиәт һәм тарих институтында эшләнмәгән көйө һаҡлана ине”[ЦГИА РБ. ф.Р-5080. оп.1 с.93].

Башҡорт диалектологияһы буйынса ул йылдарҙа айырым китап рәүешендә монография ла баҫылып сыҡмаған була.

1952 йылдың ғинуар-февралендә ул өлкән курс студенттарынан йәнле башҡорт һөйләштәрен өйрәнеү буйынса беренсе диалектологик экспедиция ойоштора. Ғалим студенттар өсөн диалект материалдарын йыйыу өсөн күрһәтмәләр (инструкция) төҙөй. Йыйылған материалдар бер ни тиклем эшкәртелеп, 10 баҫма табаҡ күләмендә ҡулъяҙма хоҡуғында “Диалектологик журнал“ сығарыла [ЦГИА РБ. ф. Р-5085.оп.1. д.97]. Журнал ғалимдың “Башҡорт диалекттарын өйрәнеү буйынса педагогоия институтының беренсе диалектологик экспедицияһы” тигән мәҡәләһе менән асыла. “...башҡорт диалекттарын өйрәнеү...башҡорт теленең һүҙлек составын байытыуға һәм уның грамматик төҙөлөшөн камиллаштырыуға ҙур ярҙам итәсәк, ни өсөн тигәндә, телдең һүҙлек составын байытыу өсөн иң беренсе сығанаҡ булып халыҡтың йәнле һөйләү теле һанала. Башҡорт диалекттарын өйрәнеү быға тиклем урыҡ-һурыҡ ҡына булды тип әйтергә була. Профессор Н.К. Дмитриевтың башҡорт диалекттарының материалын күп һәм оҫта файҙаланып, ҙур тарихи экскурс менән киң планда яҙылған “Башҡорт теленең грамматикаһы” тигән хеҙмәтен иҫәпләмәгәндә, башҡорт диалекттары тураһында яҙылған хеҙмәт /монография/ әле булһа донъя күргәне юҡ” [ЦГИА РБ. Ф.Р-5085.оп.1. д.97, с.19] .

“Экспедицияла ҡатнашыусы студенттар Башҡортостандың 11 районында 27 башҡорт ауылының йәнле һөйләү телен өйрәнеп, ер-йөҙө лексик материал йыйып алып ҡайттылар”, — тип яҙа ғалим. Экспедициянан ҡайтҡас, диалектология түңәрәге дәрестәрендә конкрет ауылдың һөйләше буйынса отчеттар тыңлана. Йыйылған материалдар тәртипкә килтерелә, редакторлана, уларҙың күбеһе, түңәрәк тарафынан сығарылған “Диалектологик журнал”ға индерелә. Был журнал асылда “Башҡорт диалектологияһы” курсын үткәндә студенттар өсөн уҡыу әсбабы хеҙмәтен үтәйәсәк, сөнки унда башҡорт диалекттары буйынса бик бай лексик материал тупланған, тигән теләк тә белдерелә.

1952 йылдың йәйендә, каникулдар мәлендә, башҡорт теле кафедраһы киңерәк күләмдә икенсе диалектологик экспедиция ойоштора. Был экспедиция материалдарынан да ҡулъяҙма хоҡуғында йыйынтыҡ төҙөлә.

“Башҡорт теленең йәнле һөйләштәрен өйрәнеүҙә төп маҡсат итеп уларҙың лексикаһын өйрәнеү ҡуйылғайны, һәм беренсе йыйынтыҡта башлыса лексика өҫтөнлөк итә. Икенсе йыйынтыҡҡа ингән материалдар араһында беҙ һөйләштәрҙең лексикаһы менән бер ҡатарҙан уларҙың грамматик төҙөлөшө тураһында бик ҡиммәтле материалдар таба алабыҙ. Был йәһәттән Р.Зариповтың Салауат районының һөйләше тураһындағы материалы беҙҙең иғтибарҙы айырыуса йәлеп итә. Л. Биишеваның Күгәрсен районы Мәксүт ауылы

һөйләше тураһындағы эше, конкрет алынған бер ауыл һөйләше лексикаһы хаҡында тулы, ентекле картинаны күҙ алдына килтереп баҫтыра алыу менән характерлы. Көньяҡ диалектына ингән был ауыл һөйләшенең грамматик төҙөлөшө беҙгә билдәле, сөнки көньяҡ диалекты башҡорт әҙәби теленең нигеҙе булып ятҡан диалекттарҙың береһе. Ләкин көньяҡ диалекты лексикаһының ынйылары әле халыҡ һөйләштәренең төпкөлөндә ята. Уны, төрән теймәгән сиҙәмде күтәргән һымаҡ, күтәрәһе бар, башҡорт теленең дөйөм лексик байлығына әйләндерәһе бар. Беҙҙә телселәр, яҙыусылар һәм журналистар араһында һаман әле әҙәби телдә гражданлыҡ хоҡуғы алып өлгөрмәгән һәр бер һүҙҙе “диалект һүҙе”, “ул һүҙ әҙәби телдә юҡ” тип ҡарау бөтмәгән. Был, әлбиттә, башҡорт теле тураһынан наҙанлыҡтың иң юғары нөктәһе. Ул һүҙ йәшәгән ҙур диалект әҙәби телдең нигеҙе булып ятҡан икән, уны “диалект һүҙе” тип ҡарау автоматик рәүештә төшөп ҡала” [ЦГИА РБ.ф. Р-5085.оп.1. д.98. с.2].

Башҡорт диалекттарын быға тиклем өйрәнеүселәр топонимик атамаларға иғтибар итмәнеләр, тип яҙа ғалим. Пединститут тарафынан ойоштороlған ике диалектологик экспедиция был йәһәттән байтаҡ уңышҡа ирешә. Һөйләштәрҙең лексикаһы менән бер ҡатарҙан ундағы топонимик атамалар ҙа өйрәнелә.

“Ер-һыу исемдәрендә, беренсенән, һөйләштең лексик-грамматик /һәм фонетик/ үҙсәнлеге сағылһа, икенсенән, унда шул һөйләш халҡының кескенә бер тарихы сағылған була. Мәҫәлән, төрөкмән, үзбәк, ҡырғыҙ, ҡаҙаҡтар, ҡалмыҡтар, сыуаштар, ҡыпсаҡ һүҙенә бәйләнгән ауыл, ара /аймаҡ/ исемдәре ҡасандыр бер ваҡыт ырыуҙарҙың, ҡәбиләләрҙең аралашып йәшәүе хаҡында һөйләй. Бының үҙ сиратында башҡорттарҙың халыҡ булып формалашыу тарихы өсөн әһәмиәте бик ҙур. Салауат районындағы “ыстатья урманы” тигән урман исеме элгәре ниндәйҙер бер закондың статьяһына бәйләнгән. Шул райондағы “Кантон тауы” тигән тау исеме Башҡортостандың кантон осоро тирихы менән бәйләнгән. Иглин районындағы “Мәҙйәр” яланы беҙҙең быуатҡа тиклем Башҡортостан территорияһында йәшәгән мадъярҙарҙың хәтергә төшөрә. “Инйәр” йылғаһының исеменең боронғо “Ингәр” формаһында һаҡланыуы “Унгар” һүҙен хәтерләтә. Инйәр йылғаһының тамағынан йыраҡ түгел “Биш-унғар” ауылы һәр кемгә билдәле. Халыҡ телендә уны “Бишул” тип йөрөтәләр. Башҡорт теле фонетикаһының законлығы күҙлегенән ҡарағанда был хәл аҡлана, сөнки боронғо башҡорт телендәге “г” өнө законлы рәүештә хәҙерге башҡорт телендә “й” өнөн бирә: Ингәр – Инйәр, мөгөш – мөйөш һ.б. Йәнә бер миҫал: Әбйәлил районындағы Суртанды, Үләнде күлдәре көньяҡ диалекты территорияһында булһа, һис шикһеҙ, “Суртанны, Үләнне йәки Суртанлы, Үләнле” формаһында яңғырар ине. Силәбе өлкәһендәге “Кәҫте, Алабоғаты” күлдәре “Кәҫле, Алабоғалы” формаһында булыр ине. “Алабоғаты” күленең исеме айырыуса ҡыҙыҡ,

сөнки һуҙыңҡы нигеҙгә бөткән исемдәргә ғәҙәттә лы-ле аффиксы ялғана. Ул күлдең исеме шуға күрә көтөлгәнсә “Алабоғалы” булырға тейеш ине. Ләкин беҙ бик боронғо булған “Алабоғаты” тигән форманы күрәбеҙ, сөнки боронғо башҡорт телендә ты-те аффиксы һуҙынҡы нигеҙгә бөткән исемдәргә лә ҡушыла алған” [ЦГИА РБ.ф.Р-5085.оп.1.д.98. с. 3-4].

Был диалектологик журналдарҙа Ж.Ғ.Кейекбаевтың ерле һөйләштәргә арналған ике мәҡәләһе баҫыла. “Силәбе өлкәһе Бүре районының һөйләше” һәм “Ғафури районы Ҡаранйылға ауылының һөйләше”. Беренсе мәҡәләһендә ғалим Силәбе башҡорттарының үҙенсәлекле һөйләштәренең береһе булған Бүре һөйләшенә ентекле лингвистик анализ бирһә, икенсе мәҡәләһендә Жәлил Ғиниәт улы тыуған ауылының һөйләше тураһында бәйән итә. Илленсе йылдар башында Ж.Ғ.Кейекбаев диалектология темаһына тағы ла бер нисә тапҡыр мөрәжәғәт итә. Ул үҙенең “Һәнәр диалекты” тигән мәҡәләһендә (“Совет Башҡортостаны”, 1952 йыл, 7 декабрь) Ҡорған башҡорттарының ҡайһы бер тел үҙенсәлектәрен тикшерә.

Диалект материалдары ауылдарҙың һөйләше буйынса студенттарға курс эше биреү һәм ситтән тороп уҡыусы студенттарға ауылдарҙың һөйләше буйынса контроль эштәр биреү юлы менән дә йыйыла. Тап ошо осорҙа кафедра башҡорт диалекттарын өйрәнеүҙе юлға һалыу менән бер рәттән “Башҡорт теленең тарихы” тигән курс өсөн дә, “Башҡорт диалектологияһы” курсы өсөн дә ҡиммәтле яңы материалдар туплау менән шөғөлләнә. Ж.Ғ.Кейекбаев башҡорт диалекттары буйынса карталар ҙа төҙөй. Уның был карталары архивтағы фондында һаҡлана [ЦГИА РБ.ф.Р-5085. оп.1 д.102].

Башҡорт теленең һөйләштәрен һәм диалекттарын ентекләп өйрәнеү Ж.Ғ.Кейекбаевҡа башҡорт диалекттары тураһында төплө хеҙмәттәр тыуҙырыуға мөмкинлек бирә. Илленсе йылдарҙың икенсе яртыһында ғалимдың хеҙмәттәрендә башҡорт теленең диалекттарын һәм һөйләштәрен фәнни нигеҙҙә классификациялау халыҡ тарихы һәм йәмғиәт тарихы менән бәйләнештә бирелә. Ж.Ғ.Кейекбаев “Башҡорт диалекттары тураһында” Башҡортостан уҡытыусыһы” журналы, 1957, №7,8], “Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш” [БДУ, Ғилми диалектологияһы серияһы, Өфө, 1958, 38-81 б]. “Башҡорт теленең диалекттары тураһында”, “Башҡорт теле уҡытыусыларына ярҙамға” хеҙмәттәрен яҙа [Өфө, 1960, 3-31 биттәр]. Ғалимдың был хеҙмәттәре тураһында сил ил ғалимдары ла хәбәрҙар була. Быға дәлил фин ғалимы М.Рясянендең Жәлил Ғиниәт улына 1957 йылдың 15 апрелендә яҙған хаты: “Многоуважаемый Collega! С большим интересом познакомился с оттисками двух Ваших статей. Приношу Вам за них мою глубокую благодарность Очень рад, что моя “Фонетика” Вами используется в качестве учебного пособия. Получил недавно от АН СССР приглашение посетить Советский Союз. Собираюсь в скором

времени выехать в Москву. С приветом Ваш М.Рясянен” * [ЦГИА РБ.ф.Р-5085.оп.1 д. 230. с.10].

Бөгөн башҡорт тел белемендә ғалим Ж.Ғ.Кейекбаев күтәргән бик күп мәсьәләләр буйынса тәрән йөкмәткеле тикшеренеүҙәр донъя күрә, яңы фәнни асыштар яһала. Үҙенең барлыҡ ғүмерен туған телен фәнни өйрәнеүгә бағышлаған ғалимдың эшен бөгөн шәкерттәре һәм уларҙың талантлы уҡыусылары дауам итә.

Әҙәбиәт:

Әҙәби Башҡортостан. – 1951.- № 5.

ЦГИА РБ. ф. Р-5085. оп.1. д.120. с.93; Р-5085. оп.1 д. 97; Р-5085. оп.1 д. 97; Р-5085. оп.1 д. 98. с.2; Р-5085. оп.1 д. 98. с.3-4.

Совет Башҡортостаны. – 1952. – 7 декабрь.

ЦГИА РБ. ф. Р-5085. оп.1 д. 102; Р-5085. оп.1. д.230. с.10; Р-5085. оп.1. д.230. с.93; Р-5085. оп.1. д.236. с.16.

Булгаков Р. М., г. Уфа

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ИСТОЧНИКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В двадцатых годах прошлого века Народный комиссариат просвещения Башкирской Республики начал изучение башкирских диалектов с целью выбора диалектной основы литературного языка. Как известно, сначала предпочтение было отдано куваканскому, то есть восточному, диалекту, но затем оно распространилось и на юрматинский, то есть южный, диалект [Юлдашев 1959, 104]. В итоге, сегодня «башкирский литературный язык в своей морфологической норме в основном базируется на восточном и южном диалектах», а «лексическая норма современного литературного языка в основном опиралась и опирается на язык трудящихся юго-восточных и южных районов Башкирии» [Баишев 1955, 71, 79].

В течение 1920–1980 гг. башкирские диалектологи собрали, изучили и опубликовали ценный в научном и практическом отношениях материал наречий и говоров, введя в общетюркологический оборот выразительные особенности их лексики и морфонологии. Заботясь о лингвистической чистоте своих устных источников, они сознательно не пользовались информацией грамотных людей (последние могли приехать из других мест или говорить не так, как остальные жители села [Дмитриев 1959, 21]).

А между тем в 1920-х гг. эти грамотные люди независимо от работы диалектологов создавали тот самый литературный башкирский язык, ради которого и начиналось изучение его диалектов. И варианты, пробы и опыты создания литературного языка и этапы его ста-

* Рясянен М.- (1893-1976)-фин лингвист-тюркологы.

новления сохранились в источниках другого вида – в письменных источниках, и, прежде всего, в периодических изданиях. Для арабоалфавитного периода башкирского языка ими были газеты «Башҡортостан», журналы «Башҡорт аймағы», «Белем», «Сәсән», «Яңы юл» и др.

(Вспоминая впечатляющие успехи диалектологов, – отметим в скобках, – с большим сожалением приходится констатировать тот безотрадный факт, что указанный период и его источники до сих пор не получили достойного внимания историков литературного башкирского языка).

Среди периодики восьмидесятипятилетней давности особого упоминания заслуживает издававшийся в Уфе журнал «Дианат» (1926–1928), издателем и ответственным редактором которого был Мутигулла аль-Гатаи – председатель Центрального духовного управления Башкортостана. Сведения об этом журнале известны [Журналы 2009, V–XXIV, 85–88, 89–113, 171–192], в Национальной библиотеке Республики Башкортостан изготовлена электронная копия всех шести его номеров [Журналы 2010], но тщательное исследование его языка все еще остается делом будущего.

А такое исследование необходимо провести хотя бы по той причине, что язык этого журнала диахронически богаче языка любого другого башкирского периодического издания тех лет. И это не случайно, оно исторически обусловлено составом его сотрудников, вернее, их литературным опытом.

Судите сами: 1) почти все сотрудники «Дианата» были людьми, получившими мусульманское духовное образование; 2) такое образование можно было получить только до 1918–1919 гг.; 3) значит, они были уже не молодыми людьми. В год начала издания журнала его издателю М. аль-Гатаи было 50 лет (он скончался в 1936 г. шестидесяти лет от роду [Юнусова 1999, 181]), поэту Сафуану Якшигулову – 55 лет [Ахмадиев 1990, 450], Мутаггару Камалетдинову – 50–55 лет [Юнусова 1999, 164], к этому поколению принадлежали Халил Юлдашев, Гиниятулла Капкаев и другие муллы. Их почтенный возраст и исполняемые прежде религиозные обязанности свидетельствуют о том, что они писали по-тюркски задолго до начала своего участия в «Дианате».

С другой стороны, адресуя свои публикации башкирским читателям, сотрудники журнала учитывали то, что в республике шел процесс создания нового литературного языка, воспринимавшего диалектные особенности разговорной речи, и сами, по мере возможности, участвовали в этом процессе.

(Предыдущие два абзаца должны были подготовить нас к поиску того, что выше было названо богатством языка журнала «Дианат». Теперь обратимся к некоторым авторам публикаций в нем).

Нам известны места рождения или проживания (и рождения тоже?) восьми сотрудников журнала:

1) Аллабердин (Аллаберди улы), Загидулла – житель Тангау-ровского

юрта Зилаирского кантона [«Дианат». № 4, с. 76] (территория южного диалекта);

2) Бурангулов Гиниятулла – житель первого стана Стерлитамакского кантона [Там же. № 2, с. 28] (южный диалект);

3) аль-Гатаи, Мутигулла – уроженец с. Кунашак [Юнусова 1999, 122] Челябинского уезда Оренбургской губернии (восточный диалект);

4) Камалетдинов Мутаггар – уроженец дер. Кшанны Стерлитамакского уезда [Юнусова 1999, 164] (южный диалект);

5) аль-Кубиязи, Халиди Фавзелькави – житель дер. Кубияз Бирского кантона (северо-западный диалект);

6) Нугманов Минглиахмет – житель дер. Утяшино Бирского кантона [«Дианат». № 3, с. 54] (северо-западный диалект);

7) Утяев, Фатхулла – житель дер. Утеймуллино Стерлита-макского кантона [Юнусова 1999, 123] (южный диалект);

8) Якшигулов, Сафуан – уроженец дер. Ильчигулово Белебейского уезда [Ахмадиев 1990, 450] (южный диалект).

Подписи этих авторов стоят в «Дианате» под публикациями на разных тюркских языках или диалектах башкирского языка, а именно:

на урало-поволжском тюрки: аль-Гатаи – № 1, с. 1–4; аль-Кубиязи – № 1, с. 10–11, 14–15; № 3, с. 54–55; № 5, с. 90–92; Нугманов – № 3, с. 53–54; № 6, с. 107–109; Якшигулов – № 3, с. 52–53, 56–57;

на татарском языке: Бурангулов – № 2, с. 27–28; аль-Гатаи – № 1, с. 7, 15–17; № 2, с. 23–25, 29–33, 39–40, 40–41; № 3, с. 45–48, 57; № 4, с. 61–64, 68–69; № 5, с. 77–80; № 6, с. 94–99, 99–100; Камалетдинов – № 1, с. 8–9, 11–13; № 2, с. 34–36; № 4, с. 76; аль-Кубиязи – № 1, с. 18–19; Утяев – № 1, с. 7; № 2, с. 39–40, 40–41;

на восточном диалекте: аль-Гатаи – № 1, с. 19–20; № 2, с. 36–37; Утяев – № 1, с. 19–20; № 2, с. 36–37;

на южном диалекте: Аллабердин – № 4, с. 75–76; Утяев – № 1, с. 6.

Таковы сведения о языке сорока восьми публикаций восьми авторов. Само собой разумеется то, что в этом журнале сотрудничали более восьми авторов (см. «Указатель имен авторов...» [Журналы 2009, 189–192]), что общее количество публикаций в нем превышало сорок восемь (см. «Указатель заглавий статей...» [Там же, 177–184]) и что соотношение языков всех публикаций может иметь другую пропорцию, – все эти цифры должно еще дать тщательное исследование.

Но и уже приведенные сведения представляются вполне достаточными для того, чтобы судить, каким богатством языка обладал один из видов источников становления литературного башкирского языка – журнал «Дианат». А богатство это заключалось и продолжает заключаться в том, что «Дианат» – в отличие от всех без исключения других периодических изданий республики того времени – напечатал на своих страницах образцы всех арабоалфавитных литературных языков (кроме османского и чагатайского), которыми пользовались грамотные башкиры до 1928 года.

Литература:

Әхмәҙиев В. Сафуан Яҡшығолов / В. Әхмәҙиев // Башҡорт әҙәбиәте тарихы. Алты томда. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1990. 2 том: XIX–XX быуат башы әҙәбиәте. – 450–467-се б.

Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку / Т.Г. Баишев. – М.: Изд-во МГУ, 1955. – 111 с.: 2 карты.

Дмитриев Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка / Н.К. Дмитриев // Вопросы башкирской филологии / Пер. с башк. Т. М. Гарипова. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 17–23.

Журналы российских мусульман «Ислам» (Уфа, 1924–1927) и «Дианат» (Уфа, 1926–1928): Роспись содержания и указатели / Введение, составление и указатели Р. М. Булгакова и др. – Уфа, 2009. – XXIV, 220 с.: 26 ил.

Журналы российских мусульман «Ислам» (Уфа, 1924–1927) и «Дианат» (Уфа, 1926–1928). – Уфа, 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Юлдашев 1959 – Юлдашев А. А. К проблеме формирования башкирского национального языка / А.А. Юлдашев // Вопросы башкирской филологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 98–119.

Юнусова 1999 – Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане / А.Б. Юнусова. – Уфа, 1999. – 352 с.: ил.

Бусыгина Л. В. г. Ижевск

ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПЫЛЬ» В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ И АРЕАЛ ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00 –304а

Понятие *пыль* на территории проживания удмуртов имеет разные интересные по своему происхождению наименования: *тузон*, *пыл'*, *копот'*, *пурак* и необычный ареал их распространения, что и попытались мы проследить в нашем исследовании.

Татарское происхождение лексемы *тузон*, употребляемой в южном наречии удмуртского языка, отмечали еще Ю. Вихманн (1892–1894) и Б. Мункачи (1896). Впоследствии данный источник происхождения подтвержден в работах Т. К. Борисова [1932, 288], С. В. Соколова [1999$_{7–8}$, 70], И. В. Тараканова [1982, 128]. Тюркские соответствия приведены в Этимологическом словаре чувашского языка [ЭСЧЯ 1996, 255], а также в этимологическом словаре М. Рясянена [Rasanen, 492].

В Сравнительном словаре вотских наречий И. В. Яковлева (1919), кроме лексемы *тузон*, отмечены названия *пыр* с. и *пур* с. ‘пыль’ [Яковлев, 35, 72], зафиксированные автором в Сарапульском уезде. Современные словари слово *пыр* фиксируют как ‘мякина’ [УРС 1983, 372]. И только в приложении к кандидатской диссертации Р. Ш. Насибуллина «Закамские говоры удмуртского языка» (1972) выделено значение ‘пыль и запах, возникающие при обработке льна’; *pyr pyrysa c'erlaj* ‘заболела от пыли льна’ [Насибуллин 1972: 167]. По устному сообщению Р. Ш. Насибуллина, в старину о пылинках, разлетающихся при молотьбе зерна на мельнице или трепании льна, а особенно конопли, удмурты, проживающие на территории Башкирии, говорили *пыр пурье* ‘пыль, мелкие частички от льна, конопли, зерна разлетаются’. Вероятно, форма *пыр* в данном значении

имела большую территорию распространения, т.к. И. В. Яковлевым она была обнаружена и в сарапульском диалекте. Исследуемая лексема, возможно, связана со словом *пыры* ‘крошка’, являющимся словом финно-угорского происхождения [КЭСК, 236; Соколов $1999_{3–4}$: 61; UEW, 366]. Кстати, *пыры* ‘крошка’, по утверждениям И. В. Тараканова и авторов Большого диалектологического словаря татарского языка, из удмуртского языка заимствована нократскими и балезинскими татарами, например, *чай пыры* ‘чаинка’ [Тараканов 1993, 162; БДСТЯ 2009, 548].

Форма *пур* ‘пыль’ является изобразительным словом, ср.: *пур-пур* 1. рыхлый, пушистый; 2. свободный, широкий 3. раскидистый, разветвленный; *пурьыны* 1. подняться, подниматься, вздыматься [УРС 1983, 367, 366]. Авторы Краткого этимологического словаря коми языка соотносят удм. *пурьыны* ‘подняться (о пыли)’ с коми *пырзьыны* диал. ‘порошить’, ‘заносить (снегом, песком)’ и приводят параллели из марийского, саамского, финского, эрзянского, мокшанского языков [КЭСК, 236] (см. также: Соколов $1999_{3–4}$, 58). К. Редеи возводит к уральской праоснове [UEW, 406].

Лексема *пурак*, наличествующая в удмуртском говоре жителей д. Юва Красноуфимского района (175), заимствована из марийского языка, ср. мар. *пурак* ‘пыль’. По утверждениям М. Р. Федотова, исходной формой является рус. *прах* (> общечув. *пăрах* ‘пыль; прах’). На марийской почве рус. ауслаутное *-х* перешло в *-к*, оттуда в говоре (Пшкрт.), тесно контактирующем с горномарийским, *пăрах* (марГ. *пырак*, марЛ. *пурак* ‘пыль’) [ЭСЧЯ 1996, 399].

Заимствованная из русского языка лексема *kopot'* в значении ‘пыль’ распространена на территории северного и бесермянского наречий, частично встречается в средне-западном диалекте. В письменных источниках впервые зафиксирована в рукописном Русско-вотском словаре 1823 года (автор не указан), хранящемся в архивном фонде Казанской духовной академии [Насибуллин 1998, 81]. Еще в словаре В. Даля отмечены несколько значений исследуемого слова: *Копоть* ж. дымъ, осаждающійся на чемъ либо, сажа; // вост. пыль, маркій, мелкій прахъ всякого рода // Яма, въ которой гонятъ смолу или деготь // * Арх. быстрота, скорость, шибкость, прыткость въ бъгъ, въ скачкъ, ъздъ [Даль 1935_{II}, 161]. В настоящее время некоторые из этих значений обнаружены в пермских русских говорах (См.: СПГ 2000, 415; Словарь говоров Соликамского р. Пермской обл. 1973, 246). Вероятно, в удмуртский язык слово *копоть* также перешло со значением ‘пыль от льна, зерна’, а значение ‘сажа, оседающая тонким слоем на поверхность чего-л.’ является более поздним вхождением. К тому же последнее значение в речи удмуртов в настоящее время практически не используется в связи с выходом из употребления керосиновых ламп, а о печной саже говорят *цын пуксем* ‘дым осел’, *су* ‘сажа’ или *шум* ‘сажа’.

Граница распространения слов *тузон* и *копот'* на западе проходит по границе Селтинского и Красногорского районов, на востоке их разделяет средне-восточный диалект, где бытует форма *пыль* ‘пыль’. Значение

заимствованного из русского языка слова *пыл′* ‘пыль’, по мнению П.Я. Черных, является одним из поздних значений слова *пылъ*, по отношению к которому *пыль* можно считать поздним фонетическим вариантом. Слово же *пыл* по корню связано с *пыхать*. И.-е. корень, возможно, считает ученый, **рй-* (> о.-с. **ру-*): **реи-* : **рои-*; суфф. на о.-с. почве – *-l-ъ* и сравнивает с литовскими и латышскими производными данного корня в значении «дуть», «веять», «чадить», «пыхтеть» [Черных 1999_{II}, 88] (См. также: Фасмер 1971, 418).

Таким образом, данные полевых экспедиций, письменных источников и выявление происхождения исследуемых лексем дают повод утверждать, что с севера в удмуртский язык проникло русское слово *копот′* со значением ‘пыль от льна, конопли, зерновых культур’, которое, вероятно, впоследствии северные удмурты вдоль по Чепце донесли до шарканских удмуртов. С другой стороны, южными удмуртами из татарского языка было заимствовано слово *тузон* ‘пыль’, которое распространилось вплоть до удмуртов Унинского района Кировской области. Средне-восточный диалект явился, на наш взгляд, территорией встречи и борьбы двух названных лексем. Но под давлением русского слова *копоть* (в русском литературном языке на данном этапе используется в значении ‘сажа, оседающая тонким слоем на поверхность чего-л.’, которая также бытует в речи удмуртов Игринского, Як-Бодьинского, Шарканского районов) обе лексемы в значении ‘пыль’ выходят из употребления, вместо них появляется русское слово *пыль*. Данная лексема отмечена также в северных районах Удмуртии и на территории проживания удмуртов бассейна Кильмези, но в данном ареале, заметим, она употребляется лишь параллельно с формами *копот′* и *тузон* соответственно. Это говорит о том, что слово *пыль* в удмуртском языке является поздним вхождением. Хотя З. Кротовым (1785) и зафиксирована эта лексема, но в настоящее время в северных районах Удмуртии она бытует только в речи молодежи, что свидетельствует, вероятнее всего, о ее проникновении из литературного языка.

Тот факт, что и в диалектах удмуртского языка, и во многих родственных языках для обозначения пыли используются чаще всего заимствованные слова (к. *бус* ‘пыль’, мар. *пурак* ‘пыль’, мрд. *пуль* ‘пыль’, ф. *poly* ‘пыль’, башк. *сан*, *тузан* ‘пыль’, чув. *тусан*, *пăрах* ‘пыль’), возможно, говорит о природной среде финно-угорского народа: экологическая среда, в которой жил народ, была чиста и безупречна. Вот, к примеру, как отзывается о земле удмуртского этноса шведский дипломат и историк Петр Петрей де Ерлезунд (1570–1622): «Княжество Вятка – большая страна, очень изобильна медом, дичью и рыбою; можно поставить ее наряду с самыми лучшими краями. Но там не очень хлебородная земля, потому что она мшиста и болотиста, орошается множеством рек и речек и поросла густым кустарником и лесом...» [цит. по: Владыкин 1994, 38]. А копоть, оседающую на стенах домов по-черному, человек, возможно, воспринимал

как естественное явление и не обращал на нее особого внимания. Но от пыли, разлетающейся при молотьбе зерна на мельнице или трепании льна или конопли, человек заболевал, поэтому ее он не мог не замечать, не мог игнорировать. Ведь не случайно слова, обозначающие понятие «пыль», чаще всего имеют первоначальное значение ‘мякина, мельчайшие сухие частицы, разлетающиеся при молотьбе зерна на мельнице или трепании льна или конопли’, которое теряется с постепенным исчезновением процесса трепания льна. И, скорее всего, изначально на территории проживания удмуртов с этим значением было распространено исконно удмуртское слово *пыр*. Оседающую же в доме пыль, возможно, могли называть словом *кырсь* ‘грязь’, ср. сч. *корказ съӵе дун – кэрс′но уз пукс′ъ* ‘в доме так чисто – пыль не сядет’ (д. Дондыкар, устное сообщение С. А. Максимова), где отдельно, вне этого выражения слово *кырс′* не употребляется. Время появления лексемы *пыр* в значении ‘пыль’ можно, вероятно, сопоставить с временем появления конопли и льна. Судя по данным Краткого этимологического словаря коми языка, «возможно, название конопли восходит к месопотамским языкам, ср. сумерийск. *kunibu*» [КЭСК, 141].

На сегодняшний день все выделенные в данной статье слова со значением «пыль», кроме слова *пыр*, используются для обозначения дорожной пыли.

Литература:

Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 384 с.

БДСТЯ = Татар теленен зур диалектологик сүзлеге (= Большой диалектологический словарь татарского языка) / тоз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хэйретдинова. Казан, 2009. 839 б.

Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. Т. 2: И–О. М.: Гос. изд-во «Художественная лит-ра», 1935. – 807 с.

Кротов, З. Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ. 1785 года. 285 с. / З. Кротов [В кн.: Кротов, З. Удмуртско-русский словарь / З. Кротов; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1995. XX + 285 с.].

КЭСК = Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук / Р. Ш. Насибуллин. М., 1972. Ч. II: Приложения. VII + 332 с.

Насибуллин, Р. Ш. Приложения к дисс. ... докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период / Р. Ш. Насибуллин. Ижевск, 1998. 364 л.

Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Под ред. Е. А. Голушковой. Пермь, 1973. 706 с.

Соколов, С. В. Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордскем кыл. 1999. № 7–8. 63–75 б.; № 3–4. 53–61 б.

СПГ = Словарь пермских говоров. Вып. I (А–Н). Пермь, 2000. 608 с.

Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.

Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 170 с.

УРС 1983 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М., 1971. 827 с.

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. 3-е изд., стереот. М., 1999$_{II}$ Т. 2. 560 с.

ЭСЧЯ = *Федотов, М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. / М. Р. Федотов. Т. I. А–РИТĂВАН. Чебоксары, 1996. 471 с.

Яковлев, И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктћсь книга / И. В. Яковлев. Казань, 1919. 82 с.

Munk. = *Munkacsi, B.* A votjak nyelv szotara / B. Munkacsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-e изд.: Pecs, 1990.

Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. FU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S.

UEW = *Redei, K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Redei. Budapest: Akademiai Kiado, 1986–1991.

Wichm. = Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Валеева Р. Р., Яковлева Е.А., г. Уфа

АНАЛИЗ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ХОРЕОГРАФИЯ» ПРИ ОПИСАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БАШКИРСКОГО ТАНЦА (на примере концепта «рука»)

В настоящее время одной из важных проблем лингвистики является унификация языкового воплощения информации, необходимой для передачи знаний и осуществления профессиональной коммуникации. В этом аспекте получению положительных результатов способствует обращение к когнитивной лингвистике, центральной проблемой которой стала формализация профессиональных языков. Когнитивные категории лежат в основе формирования картины мира и отражают процессы восприятия и осмысления действительности. Анализ существующих научных работ выявил следующие аспекты в понимании сущности когнитивного подхода к исследованию языка: 1) мыслительные и языковые категории практически неразделимы; 2) реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивным структурам.

В современной лингвистике на основе работ Ю.С.Степанова, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, И.А.Стернина и др. наметилась следующая типология концептов: 1) по содержанию (концепт-представление, -фрейм, -схема, -сценарий, -гештальт); 2) по языковому представлению (рамочные концепты, концепты действия); 3) по степени интеграции семантических структур (суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты, микроконцеп-ты); 4) по роли

концепта в структурировании языкового значения (концепты-классификаторы, концепты отстранения и др.). Для нашей работы выбрана типология концептов по степени интеграции семантических структур. В качестве макроконцепта выступает т.н. «опорный концепт» и стоящий за ним анатомический объект «рук человека».

Как показал предварительный анализ, унифицированная терминология (хореографическая лексика) при описании концепто-сферы «хореография» как отдельной предметной области искусства еще не была предметом изучения в современном научном языковедении. Наша задача – установить в национальных (в частности, в башкирской в сопоставлении с русской) терминосистемах наличие общих и специфических языковых единиц. В этом отношении требуется систематизация способов наименования понятий, денотатов, явлений, действий, которые являются объектом профессионального интереса специалистов в данной области культуры при описании языка, используемого для специальных целей. Это связано с определенными историческими закономерностями формирования танцевальной «анатомической» номенклатуры, а также с особым видением мира, отраженным в сознании и языке народа.

Материалом для данного исследования послужили описания башкирских народных танцев, сделанных на основе фольклорных материалов, собранных в различных районах Башкирии (Нагаева Л. Три башкирских танца, Уфа, 1992). Рамки данной темы заставляют нас обратиться лишь к частичному описанию термина «рука».

Важнейшим аспектом при его рассмотрении являются концептуальные слои, между которыми устанавливаются разнообразные связи и отношения (целое – часть; множество – подмножество; категории пространства, времени, состояния и пр.). Функционирование терминологии в профессиональном общении связано с уровнем развития соответствующей предметной области, с языковой компетенцией участников коммуникации, со статусом самих участников профессионального общения, определяющим тип общения и вид дискурса. В современной лингвистике на основе работ Ю.С.Степанова, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, И.А.Стернина и др. на-метилась следующая ***типология концептов:*** *1) по содержанию* (концепт-представление, -фрейм, -схема, -сценарий, -гештальт); 2) *по языковому представлению* (рамочные концепты, концепты дейс-твия); 3) *по степени интеграции семантических структур* (супер-концепты, макроконцепты, базовые концепты, микроконцепты); 4) *по роли концепта в структурировании языкового значения* (концепты-классификаторы, концепты отстранения и др.). Для на-шей работы выбрана типология концептов по степени интеграции семантических структур. В качестве макроконцепта выступает т.н. «опорный концепт» и стоящий за ним анатомический объект – «рука человека».

Прежде всего, в концептосфере «хореография» выделяются такие аспекты, как рука и ее части: *рука, левая рука, правая рука, тыльная сторона руки, ладонь, запястье, палец, кисть, плечо, локоть* и др. Например: *Руки опущены вниз, а кисти немного приподняты, пальцы мягко закруглены (движ. 1, рис.* 7). Этот концепт напрямую связан с тендерным прочтением хореографии.

При описании руки в женском танце важно ее пространственное положение и характеристика движений: левая рука лежит тыльной стороной на поясе; ладонь обращена назад (тыльной стороной ладони словно очерчивается круг); руки плавно перемещаются из стороны в сторону; руки раскрыты в стороны вниз; руками исполняется движение «засучивание рукавов»; левая рука поднимается вперед, кисть закруглена; правой кистью проводят от запястья к левому локтю; обе руки плавно раскрываются перед собой; левую руку вытягивают; мягкие колыхания рук; руки подняты в стороны, ладони назад; левая рука плавно переходит вправо, кисть откинута назад; левая рука двигается вправо, кисть тыльной стороной ладони плавно подводится к корпусу; кисть обращена к корпусу; ладони обращены друг к другу и изящно вращаются; ладони рук исполняют два поворота: влево, затем вправо (как бы придавая сыру круглую форму, сжимая его); девушка «ставит» сыр с трепетом кистей, отводя руки чуть вниз и в стороны; руки согнуты в локтях на уровне пояса; кисти мягко сжаты в кулаки; руки расслаблены; руки изображают движение «приготовление курута» / «взбивание кумыса» и др.

Предполагаемое осуществление комплексного исследования концептосферы «хореография» и ее терминологического аппарата в рамках когнитивно-коммуникативного подхода позволит сделать вывод о том, что концепты формируются на пересечении когниции и коммуникации, представляют фрагмент той картины мира, которая соответствует определенной области культуры и имеют специфический национальный характер.

Власова Л.В., г. Стерлитамак

ЛОКАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬСКИХ ЧУВАШЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИХ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ

Изучение диалектов, говоров различных территорий, занятых чувашами, дает неоценимый материал для истории чувашского языка, народа, для исторической этнографии, археологии, фольклористики. Изучением особенностей чувашских диалектов занимались такие известные ученые, как Н.И. Ашмарин, Л.П. Сергеев, Н.И. Егоров, но в лингвистической литературе до сих пор еще нет цельной монографической работы обо всех особенностях говоров и диалектов чувашского языка. Результаты лингвогеографического изучения

приуральских говоров публиковались нами в виде отдельных статей, также были изданы в 2004 г. «Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка» (сост. доц. Власова Л.В., проф. Егоров Н.И.), в 2009 году – монография «Фонетическая и лексическая системы приуральских говоров чувашского языка. Опыт сравнительно-исторического анализа» (сост. доц. Власова Л.В.). В указанных выше работах впервые в чувашской диалектологии собран значительный материал по локальным говорам чувашей Башкортостана, который дает объективное представление об исторических межъязыковых контактах разноязычных этносов на этой территории, начиная, по крайней мере, с XVIII века.

В географическом районе Приуралья сформировалась сложная система говоров чувашского языка. Данные наших лингвогеографических исследований позволяют выделить на этой территории четыре основных ареала.

I-й ареал – юго-западная часть Приуралья. В юго-западную ЛТГ входят Альшеевский, Белебеевский, Бижбулякский, Ермекеевский, Миякинский, Стерлибашевский, Федоровский районы. Говоры названного ареала характеризуются целым комплексом фонетических, мофологических и лексических особенностей. К таковым относятся:

1. Отсутствие оканья.

2. Гласный *ё* соответствует лит. *у, а, .% =ёмёр* вм. *=умёр* «дождь», *тёта* вм. *тата* «еще».

3. Сохранение звуков *к, в* : *кё=та* вм. *ё=та* «где», *тавлёк* вм. *талёк* «сутки».

4. Перенос ударения в изолированном произношении слов на гласный последнего слога: *хёвайта* «польза», *нёкё* «очень».

5. Употребление местоимения 3-го лица *у, ул* вм. лит. *вёл* «он»; *усем, ёсем, .сем* «они».

6. Активное употребление имени действия на *–у/ -\% уту* «хождение», *чупу* «беготня», *=\р* «поездка, странствие».

7. Употребление усилительной частицы *–ин*: вм. лит. *чи: ин пысёкки* «самый большой».

8. Лексические изоглоссы: *пё=рак* «грязный», *кём* «накипь», *кёмкан* «чайник», *капак* «тыква», *юркан* «ватное одеяло».

II-й ареал – Центральная часть Приуралья. В центральную ЛТГ входят Архангельский, Аургазинский, Гафурийский, Давлекановский, Иглинский, Ишимбайский, Стерлитамакский, Уфимский районы. Наиболее яркими особенностями этого говора являются:

1. Интервокальные геминаты: *пехх.т* «счастье» (хх-х); *=екк.л* «крюк» (*кк-к)?*

2. Звуку = соответствует *ч% ин=е* вм. «далеко», *=улчё* вм. =ул=ё «лист».

3. Звуку х соответствует *к*: *эрек* вм. эрех «водка», *такёш.* вм. тахёш. «кто-то».

4. Ряд лексических изоглосс выделяют центральную ЛТГ от говоров юго-западного ареала: *к.лент.р* «крендель», *мерекке* «интересно», *каппёл* «внезапно», *чаттан* «хромой».

Гафурийский и стерлитамакский подговоры объединяют следующие явления:

а) оканье;

б) употребление вопросительной частицы *–ке* «ли, же, это»;

г) лексические изоглоссы: *ма=аккай* «дедушка со стороны отца», *мамаккай* «бабушка со стороны отца», *мёйёх* «мешок», поскил «сосед».

Аургазинский, давлекановский, кармаскалинский, уфимский подговоры объединяются изоглоссами следующих явлений:

а) аффиксы мн.ч. имен существительных *–сам /-сем* подчиняются закону гармонии гласных: *хуласам* «городские», *кил.нтешсем* «снохи»;

б) группа слов, такие как *сте* «добавлять», *рисёк* «доля».

III-й ареал – западная часть Приуралья. В западную ЛТГ входят Бакалинский, Туймазинский, Шаранский, Чекмагушевский районы. Характерными особенностями этой группы являются:

1. Интервокальные геминаты: *йёввача* «галушки» (*вв-в*), *кёккёр* «грудь» (*кк-к*), *к\ссек* «рычаг» (*сс-с*).

2. Соответствие *э-а: э-а*: *эрми* вм. *армия.*

3. Сильное эканье: *пэрн* «наш», *=улнэ* «дорогу».

4. Аффиксы мн. ч. имен существительных: *-сам/ -сем*: *тёрёпша-сам «половики», п.л.тсем* «облака».

5. Наличие группы изоглосс, характерных для этого говора: *айпакёр* «подсолнечник», *мес.к* «занимательный», *эккемет* «ряженые», *пакка* «лягушка», *левче* «лужа», *кармак* «удочка», *кёмак* «крыса», *ука* «читать», *чишшара* «небольшие круглые колобки», *кёрёкмёш* «жеребенок-стригун».

IV-й ареал – Южная часть Приуралья. В южную ЛТГ входят Зианчуринский, Зилаирский, Кугарчинский, Куюргазинский, Мелеузовский, Хайбуллинский районы. Южную ЛТГ можно разделить на два типа.

Наиболее яркие особенности первого типа:

Интервокальные геминаты: *аккёш* «лебедь» (*кк-к*), *витт.р* «сквозь» (*тт-т*).

Аффиксы мн.ч. имен существительных *–сам/ -сем* подчиняется закону гармонии гласных.

В изолированном произношении ударение всегда падает на гласный последнего слога: *кёпёклё* «пенистый», *ш.к.нт.р* «морковь».

Второй тип особенностей составляют языковые явления, распространенные на ограниченной территории. Обобщение изоглосс

таких явлений позволяет выделить в составе данной группы следующие два подговора: куюргазинский и зилаирский.

Куюргазинский подговор отличает:

а) соответствие *\-и*: *н\ме* вм. *ниме* «коллективная помощь»;

б) соответствие *м-в% мёкёр* вм. *вёкёр* «бык»;

г) деепричастия на *–са /–се* употребляются в роли простого сказуемого: *эс вуласа* «ты читал» (особенность верхового диалекта чувашского языка);

д) лексические изоглоссы: *апи* «мать», *черкуай* «чайное блюдечко».

Зилаирский подговор отличается:

а) наличием различных соответствий: *и-ё*: *пур=ин* вм. *пур=ён* «шелк», *т-к: хёнтёла* вм. *хёнкёла* «клоп»;

б) послелог *пек* употребляется в двух вариантах: *ум пак* или *ум пек* «как он»;

в) частица *-=ке* иногда соответствует редкой частице *–ла (-ле)*: *каларём-ла* «говорила же», *килт.м-ле* «пришла же»;

г) лексические изоглоссы*% мёйлё ч\лмек* «кувшин» *=.рк.* «вчера вечером», *шёнёр* «резина».

Анализ языкового и имеющегося историко-этнографического материала показывает, что говоры чувашей Приуралья прошли сложный путь развития, а его носители – не менее сложный процесс этнического формирования. Указанные факты привели к возникновению внутри говора приуральских чувашей ряда подговоров, которые различаются между собой наличием или отсутствием отдельных особенностей, характерных для всего говора, или же своеобразным сочетанием их на данной территории. Кроме того, нужно отметить, что при заселении разных районов преобладали выходцы разных областей и республик. К факторам, определившим своеобразие данного говора, могут быть отнесены:

а) территориальная оторванность от основной массы чувашей и развитие в иноязычном окружении, что привело как к сохранению древних черт, так и к самостоятельному развитию отдельных языковых явлений;

б) соприкосновение носителей всех трех диалектов чувашского языка на изучаемой территории, при котором решающее значение имел средний диалект;

в) соседство с татарским и башкирским языками, продолжающими оказывать влияние и в настоящее время.

Гарипов А.С., г. Учалы

ИССЛЕДОВАНИЕ БАШКИРСКИХ ГОВОРОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Видный ученый Б.А. Серебренников, подчеркивая необходимость исследований диалектов и говоров, пишет, что они имеют особенно большое значение в исторических исследованиях по языку

и составляют один из важнейших источников для реконструкции процесса развития конкретного языка [Серебренников 1961, 21]. В связи с этим большой интерес представляют языковые данные башкир Челябинской области, где ученые выделяют два говора: аргаяшский (Аргаяшский и Кунашакские районы), а также сальютский говор, распространенный на северо-западе области [Ишбулатов 2000, 160-164]. В качестве примера можно рассмотреть глаголы изъявительного наклонения, отдельные формы которых в языке башкир Челябинской области имеют свои характерные особенности.

В башкирском литературном языке, как мы знаем, формы, образованные с помощью аффиксов -ыр / -ер, -ор / -өр, выражают значение будущего неопределенного времени, например: *Ул Өфөгә барыр* 'Он поедет в Уфу'. В Аргаяшском говоре, в свою очередь, формы, образованные посредством аффикса -өр, употребляются в значении настоящего времени. Например, *көлөрөк* 'смеемся', *көтөрөк* 'ждем' [Максютова 1996, 56]. Конечно, возникает вопрос: по какой причине эти глаголы употребляются в значении настоящего времени? Ведь как в литературном языке, так и в других говорах настоящее время образуется с помощью аффиксов –а/ -ә/ -й: *ала, килә, укый*. Может быть, это просто случайность?

Обратившись к данным древнетюркских письменных памятников и изучив материалы других родственных языков, можно убедиться в том, что аргаяшская форма не является какой-то "аномалией" или же случайностью. Дело в том, что глаголы на –ыр / -ер, - ор / -өр уже в древнетюркском языке, кроме значения будущего, также выражали и значение настоящего времени, например: Мен амты өлүгмен (сов., башк. улермен) 'теперь я умираю' [Кондратьев 1981, 120], turur (сов.,башк. торор)'стоит', tïlägin bulur (сов.башк. булыр)'достигнет своего желания' [Наджип 1989, 153], бірурмен (сов. башк. бирермен) 'отдаю' [Айдаров 1971, 154]. Следует отметить и то, что функционирование форм на -р в значении настоящего времени зафиксировано и в языке башкирских шежере, например: торыр'стоит', йатур 'лежит', йорор' ходит','пойдет' [Фаттахутдинова 1985, 33]. В последнем примере четко видно, что одна и та же форма выражала два значения. Впоследствии, когда для выражения значения настоящего времени начали употреблятся аффиксы –а/ -ә/ -й, аффиксы –ыр/ -ер, -ор/ -өр остались в сфере будущего времени.

Дополнительным аргументом в пользу вышеприведенного предположения служат данные азербайджанского языка, где аффиксы с узкими и губными гласными и сегодня употребляются в значении настоящего времени, например: jateram' лежу', alersan' ты берешь', vurorsan' ты бьешь'. А вот аффиксы с широкими гласными образуют формы будущего неопределенного времени, например: алар 'возьмет' [СИГТЯ 2002, 166]. Причина такого употребления кро-

ется в том, что в современном азербайджанском языке нет аффиксов настоящего времени -а/ -ə/ -й.

Исходя из вышеприведенных материалов, можно говорить о том, что аффикс - өр в языке башкир Челябинской области сохранил свое древнее значение. А этот факт, как уже было сказано ранее, является ценным аргументом в изучении истории башкирского языка.

Литература:

Гатауллин Р. Итоги переписи населения 2002 года: башкиры в регионах России // Ватандаш, 2005. №6.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. -Өфө, 2000.

Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. - Уфа, 1996.

Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI вв. - Л., 1981.

Наджип Э.И. Исследования по истории тюркских языков XI - X I V вв. - М., 1989.

Айдаров Г. Язык Орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. - Алма-Ата, 1971.

Фаттахутдинова А.Ш. Источниковедческое изучение башкирских шежере // Вопросы истории башкирского литературного языка. - Уфа, 1985.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2002.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., г. Уфа

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЮРКИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ИМЁН В БАКАЛИНСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Из основ общей лингвистики известно, что многим языкам современности присуща тенденция к оптимизации номинирующих речепроизносительных средств отображения различных объектов Универсума – сравните характерное название труда председателя Международного общества функциональной лингвистики Андре́ Мартине́ «Принцип экономии в фонетических изменениях» [М., 1960].

Не составляют исключения из этого постулата и личные обозначения людей как первоэлементы достаточно распространённых антропонимических систем типа «имя – отчество – фамилия» с вариантами, включая и характерные прозвища для одушевляемых существ.

Так, древние иудеи, желая ослабить силу злого духа, произносили его имя, последовательно сокращая слоги и звуки в последнем: *Шабрири – Брири – Рири – Ири – Ри* [Фолсом 1977, 30].

В наши дни в деревне Ишмаметово (*Ишмәмәт* – стяжённая композита из *иш-Мөхәммәт* ‘друг-Мухаммад’) Бураевского района Республики Башкортостан (далее – РБ) зафиксированы разговорно-сокращённые формы антропонимов *Фәптре́й* вместо паспортного *Фәбдрахман* (из арабского *ъабд-ур-раһмāн* ‘раб Милосердного’ – то есть Аллаха), *Мачтуҡ* вместо *Мәфтухá* (из арабского *мафтуһат*

‘открытая; достигнутая’), *Шәйхыл* вместо *Шәйхелислам* (из арабского *шайһ-ул-ислам* ‘главный толкователь религиозного закона; учёный наставник’) и им подобные образования, которые следовало бы номинировать как **контрактуры** (от латинского contractura ‘сокращение, стяжение’).

Этот же способ был распространён и на заимствованные русские имена вроде *Гринкә/Гришкә* из *Григорий* (от греческого egeirein ‘пробудившийся; бдительный, осторожный’) и *Сәнкә* ‘Санька’ из *Александр* (от греческих alexo andros ‘защитник мужей’).

Особенно популярны усечения имён и фамилий в среде литераторов: *F. Сәләм* вместо *Фәлимов С.* (сочетание аббревиатуры с псевдонимом – из арабских *ъалим* ‘знающий, сведущий’ и *салāм* ‘мир, безопасность, благополучие; привет[ствие]’); *Мостай Кәрим* вместо *Мостафа Кәримов* (из арабских *муСТафā* ‘избранник’ и *карим* ‘щедрый, великодушный; благородный; милостивый, любезный’).

Как известно, в русской вербальной коммуникации весьма популярны уменьшительно-ласкательные собственные имена. Уже упомянутая трёхсложная ядерная лексема *Александр* (греческий оригинал Alexandros – четырёхсложник) способна многократно реду-цироваться вплоть до уровня дисиллабов: *Алексаша, Алик, Аля, Санёк, Саня, Саша, Сашóк, Сашура, Шура, Шурик*, как и пришедшие из белорусского и украинского *Алесь* и *Олесь*. При интимно-фамильярном же обращении диминутивы могут «сжиматься» и в мо-носиллабы: ***Вань, а Вань!*** .. *Послушай,* ***Зин!*** (примеры из Владимира Высоцкого).

Польский ономаст Станислав Рóспонд называл подобные образования «полуименами» [Роспонд 1965, 9].

Другим языкам также традиционно свойственны стремления к лаконичности: таковы немецкие Fritz ‘Фриц’ из Friedrich ‘Фридрих’ (от древнегерманских fridu ‘мир’ и ric ‘богатый, могущественный’), Gabi ‘Габи’ из Gabriele ‘Габриэль’ (от библейских gabrī ‘сильный муж’ и ēl ‘Бог’), Hans ‘Ганс’ из Johannes ‘Йоханнес’ (от библеизма YōHānān ‘Бог милует’); а также общеевропейские Gorbi ‘Горби’ из *Горбачёв*, Shumi ‘Шуми’ из Schuhmacher ‘Шумахер’ (от немецкого ‘башмачник’ – дословно ‘делатель сапог’, то есть ‘изготовитель обуви’) и так далее.

Признанным же лидером купирования словоформ в сфере как онимов, так и апеллятивов выступает английский язык, в котором стяжённые вокативные вариации означают приглашение собеседникам сблизиться, перейдя как бы на «ты» (практически отсутствующее в речи).

По нашим далеко неокончательным подсчётам из ста английских односложников-антропонимов (являющихся в сорока случаях базами для женских имён, а в шестидесяти соответственно для мужских) лишь считанные лексоединицы представляют уни-основы: Ruth

‘Руфь’ (из библейского rūt ‘подруга’), Guy ‘Гай’ (из латинского gaudere ‘радоваться’), Hugh ‘Хью’ (из древнегерманского hug ‘дух, душа; разум’), Mark ‘Марк’ (возможно, от латинского marceo ‘увядать, вянуть; слабеть, быть немощным’) и Roy ‘Рой’ (от гэльского rhu ‘красный, рыжий’). Остальные 95% нашей выборки репрезентируют собой усечения полных имён, как-то:

Ann ‘Эн’ из Anna ‘Анна’ (от библейского Hannā ‘милость’);

Bart ‘Барт’ из Barthólomew ‘Варфоломей’ (от арамейско-греческого Bartholomaios ‘Птолемеев сын, потомок искусного в боях и военном искусстве’).

Своего рода «рекорд» установлен тремя трансформами Bob, Dob и Rob к одному дисиллабу Robert ‘Роберт’ (от древнегерманских hrod ‘слава’ и berth ‘великолепие, блеск’).

Напротив, контрактура Bel ‘Бэл(ла)’ электирована сразу от пяти полных основ: *Аннабэль, Арабелла, Белинда, Изабелла, Изабель,* причём двум последним корреспондирует равным образом и минилексема Tib ‘Тиб’.

Имя Ray ‘Рэй’ может быть сокращением и для маскулинуса Ravmond ‘Раймонд’ (от древнегерманских ragin ‘(раз)ум’ и mund ‘защита’) и для фемины ‘Раймонда’, то есть, по существу, оказывается «двуполым».

После этих предварительных ремарок переходим к интерпретации основного материала нашего сообщения.

II.

Бакалинский район расположен на западе РБ, гранича с восточными районами Республики Татарстан. Численность бакалинцев, по итогам Всероссийской переписи населения 9-16 октября 2002 года, составляла 32327 человек, в том числе 16170 татар (или около 52%), из них 4332 опрошенных были учтены как кряшены (свыше 13%); 6889 русских (более 21%); 6276 башкир (примерно 19%); 1049 чувашей (чуть больше 3%); 928 марийцев (до 3%) и других национальностей (не более 1,5%).

Бакалинские кряшены представляют собой наиболее компактное ядро своей этноконфессиональной общности в пределах Башкортостана, насчитывающей 4510 жителей; – следовательно, вне рассматриваемого района кряшенами себя идентифицировало всего 178 человек.

Разговорная речь кряшенов дефинируется специалистами неоднозначно: от скромной классификации в качестве татарского говора (или даже подговора) вплоть до признания самобытным тюркским языком; – ситуация отчасти напоминает лингвистическое конституирование наречия сибирских татар. В силу этого есть веские основания воспользоваться относительно новым термином **регионолект** в Рабочих значениях ‘региональная речь’ и/или ‘речь региона’ – смотрите об этом в публикации [Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. 2010, 79-82]

(во всяком случае, это выглядит более определённо, нежели употребление диспутируемого понятия в кавычках – как «диалект» – сравните [Языки.. 1982, 10].

III.

Верующие кряшены изначально получали церковнославянские имена, которые затем постепенно слились с паспортными. Нынешние крестильные по своему происхождению трансформы существенно отличаются от своих канонических этимонов рядом фономорфематических и иных особенностей:

1) **субституция** отдельных звукотипов:

Илҗә ‘Иль**ь**я’ (из библейского Eliyahu ‘Бог мой Яхве’);

*Сим**у**н* ‘Сем**ё**н’ (из греческого Symeōn ‘слышащий [Бог]’ от библейского sama ‘слушать’);

Әлексе́й ‘**А**лексей’ (из греческого alexein ‘защищать, отражать, предотвращать’);

Әндре́й ‘**А**ндрей’ (из греческого andreios ‘мужественный, храбрый’);

2) **метато́ния** (сдвиг ударения на постлаут):

*Бир**а́*** ‘В**е**ра’ (калька с греческого Pistis ‘убеждённость’);

Битя ‘Витя’ (из *Виталий* от латинского vitalis ‘жизненный’);

Зина́ ‘Зина’ (из *Зинаида* от греческих zena eidos ‘Зевса потомок’);

*Марп**а́*** ‘М**а́**рфа’ (из греческого Martha от сирийского mara ‘хозяйка, госпожа’);

Митре́й ‘Дм**и**трий’ (из греческого Demetrios ‘адепт богини Деметры’);

Мәтренә ‘Матр**ё**на’ (из латинского matrona ‘знатная замужняя мать’);

*Сирапим**а́*** ‘Серафи**м**а’ (из греческого Seraphim ‘огненный ангел шестикрылый’ от библейского serafim ‘змеи’ – словоформа ломаного плюрализа);

*Супь**я*** ‘С**о́**фья’ (из греческого sophia ‘мудрость, разумность; наука’);

*Угап**ы**й* ‘Аг**а́**фья’ (из греческого agathe ‘хорошая; добрая; благородная’);

*Ульг**ы*** ‘**О**льга’ (из варяжско-скандинавского Helga ‘святая’);

*Җекé**у*** ‘**Я**ков’ (из библейского Ya’aqobh ‘тот, кто идёт по пятам’);

Җеугенéй ‘Евг**е́**ний’ (из греческого eugenes ‘благородный’);

3) **элидирование** конечных слогов (**апоко́па**):

Антоный ‘Антони**на**’ (вероятно, из греческого anteō ‘вступать в бой; состязаться’);

Апана́с ‘Афанас**ий**’ (из греческого athanatas ‘бессмертный’);

Праскый ‘Праско**вья**’ (из греческого paraskeuē ‘подготовка в канун праздника’);

Укщий ‘Оксан**а**’ (из украинского от греческого xenia ‘гостеприимство’ либо xenios ‘чужой’);

Җеуде́й ‘Евдо**кия**’ (из греческого eudokia ‘благоволение’);

4) **ди**эреза (выкидка звуков и/или слогов):

Бещлéй ‘Вас**и**лий’ (синкопа из греческого basileios ‘царский’);

Купый ‘**Про**копий’ (аферезис из греческого prokopē ‘успех, преуспевание’);

Марнá ‘Мар**и**на’ (из латинского marina ‘морская’);

Жургéй ‘**Ге**оргий’ (из греческого georgos ‘земледелец’);

5) стилистико-семантическая градация бакалинских антропонимов включает в себя несколько таксонов, наиболее часто используемый среди которых охватывает **гипокористические диминутивы:**

Балéрик ‘Валéрик’ (от латинского valere ‘иметь силы; быть здоровым, крепким’);

Белéй ‘Вáля’ (из *Валентина* от латинского valentinus ‘здоровенький’);

Ивануш ‘Ивáнушка’ (из *Иван* от библейского Iohanan ‘Яхве-Бог миловал’);

Любə ‘Люба’ (из старославянского *Любовь* в качестве кальки с греческого Charis в том же значении; далее – тжз);

Нащтá ‘Нáстя’ (из *Анастасия* от греческого anastasia ‘воскресшая, возрождённая’);

Татый ‘Тáта’ (Lallwort из *Татьяна* от греческого tatto ‘устанавливать, определять, назначать’);

Журик ‘Юрик’ (из *Юрий* от греческого georgos ‘землеустроитель’);

6) предыдущей рубрике по смыслу противостоят **пейоративы:**

Бебкə ‘Вóвка’ (из современного *Владимир* с народной этимологией ‘владей миром’; другая версия возводит старославянское *Владимер* к древнегерманским Waldemar от waltan ‘царить, господствовать, управлять’ и heer ‘войско’, что близко по смыслу эвентуальной русской кальке);

Генкá ‘Гéнка’ (из *Геннадий* от греческого gennadas ‘благородный’);

Кəтрéй ‘Кáтря’ (из *Екатерина* от греческого katharios ‘чистый’);

Санкá ‘Сáнька’ (из женского имени *Александра* от греческих alexo andros ‘защищать мужчин’);

7) особняком выделяются заимствованные из русского **просторечия:**

Клаудый ‘Клавдия’ (из *Клáвдия* от латинского claudius ‘хромой’);

Маржá ‘Мáрья’ (из *Мария* от библейского Miryam ‘любимая, желанная’);

Микулáй ‘Николай’ (из греческого Nikolaos ‘победа + народ’). Уроженец бакалинского аула Ахман башкирский писатель и драматург Николай Васильевич Асанбаев избрал в качестве псевдонима имя *Нəжиб* (из арабского *наджиб* ‘благородный, родовитый’);

Супый ‘Сóфа’ (из церковного *София* от греческого sophia ‘мудрость’);

8) явно тяготеют к **вокативам** словоформы:

Клáу ‘Клав(а)!’ (смотрите выше Клáвдия тжз);

Сируш ‘Серёж(а)!’ (из *Сергей* от латинского Sergius – римское родовое имя).

9) Несколько загадочно воспринимаются **единичные** и, возможно, **«домашние» именования:**

Минкéй ‘Маня’ (из *Мария* – смотрите выше *Маржá*, если это не гипокористика на *-кей*);

Молкá ‘Мелáнья’ (из греческого melaina ‘чёрная, тёмная, смуглая’);

Наҗия ‘Надéжда’ (контаминация с арабским *наджийат* ‘наперсница, самая близкая подруга’);

Сандр ‘Александр’ (подобный аферезис встречается и во французском языке);

Уртемéй ‘Артéмий’ (устарелое из греческого artemes ‘невредимый, здоровый’).

IV.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим предварительным выводам:

1. На протяжении всей истории тюркских этносов в их среде неоднократно происходили периоды распространения различных вероучений (политеизм, буддизм, иудаизм, христианство, ислам). Так, часть тюрков Сибири сохранила духовные связи с шаманизмом.

Из пяти групп древнетюркских письменных памятников – руника, арабица, уйгурика, манихеика и брахми – три последних отражали индуистско-конфуцианский контент.

Тюрки-караимы, а до них и хазары исповедовали Ветхий Завет Библии.

Выдающийся тюрколог-компаративист Мирза Александр Казембек был католиком-пресвитерианином.

Наконец, в книге известного археолога А.Х. Халикова «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения» [Казань. – 1992. – 192 с.] приведены многочисленные факты исхода, начиная с XIV века новой эры, поволжско-тюркской знати на Русь и крещения представителей таких ныне именитых семей, как **Аксаковы** (из тюркского *аксак* ‘хромой’);

Аракчеевы (из тюркского *аракычы* ‘самогонщик, пропойца’);

Карамзины (из тюркского *кара мурза* ‘чёрный принц’);

Кутузовы (из арабского *куддус* ‘пресвятой’);

Рахманиновы (из арабского *рахмāн* ‘Милостивый’ – эпитет Аллаха);

Скрябины (из тюркского *суқыр бәй* ‘слепой князь’);

Чаадаевы (из монгольского *чагатай* ‘храбрый’) и множества иных.

Стало быть, российское православие во многом определило генезис, эволюцию и современное состояние и такого, среди прочих, уникального тюркоязычного этноса, как кряшены (из русского *крещёный*). На их примере видно, как исконный язык находит разнообразные пути, дабы пробиваться сквозь толщу новопринятых

и благоприобретённых культурем, создавая порой причудливо взаимодействующие артефакты билингвизма и полилингвизма.

2. Одно из ярких свидетельств подобного симбиоза – это функционирующая среди бакалинских кряшенов двойная система личного именования на официально документированном уровне и в разговорно-бытовой сфере общения.

Деривативная фономорфемика кряшенских антропонимов в рассмотренных компонентах характеризуется достаточной продуктивностью таких показателей, как:

а) дифтонгоидный постлаут на *-ей* и его сингармоническая пара на *-ый* – всего 15 примеров из 45 (33%);

б) ударная финаль *-á* (графически и *-я*), а также её переднерядный вариант *-ə* - 12 иллюстраций (26%);

в) нулевой постфикс зафиксирован в 9 случаях (20%);

г) уничижительный дериват *-ба/-кə* выявлен трижды (7%), а его антагонист – уменьшительно-ласкательный форматив *-ик* дважды (4%);

д) остальные показатели встретились лишь по разу (всего 9%) и производят впечатление изолированных постлаутных формативов.

3. Почти всем этим лексико-морфологическим явлениям соответствуют аналогичные феномены в отдалённо- и близкород-ственных языках. К примеру, в текстах двухвековой давности на поволжско-уральском тюрки можно прочесть глоссы вроде *Аркадий Михайла углы* ‘.. Михайл**ы** сын’, *Елəсəй казак* ‘Ел**и**с**е**й’ [Халикова 1981, 26].

В современных башкирском и татарском языках хорошо известны личные имена с примерно такими же оформителями, что и у кряшенов: *Иркə* ‘неженка, баловница’ (между прочим, любимую жену предводителя гуннов Аттилы звали Herkä ‘Нега, Ласка’, откуда произошла германская Erika ‘Эрика’ и переносное ‘вереск’);

*Раб**уш*** ‘Рабига’ (из арабского *рāбиъат* ‘четвёртая’ – по шариату правоверному мусульманину дозволялось иметь четырёх законных жён) [подробнее в монографии [Гарипов 1959, 74-75, 107-109, 192-193, 211].

4. В целом солидаризируясь со всеми восемью классификационными признаками, установленными в 1922 году академиком А.Н. Самойловичем (*туъыз* ‘девять’, *аяк* ‘нога’, *тау* ‘гора’, *сары* ‘жёлтый’, *бул* ‘будь’, *калъан* ‘остался он’, *йук* ‘нет’, *башы* ‘голова его’) [Самойлович 2005, 77-91], мы склонны отнести региолект кряшенов к урало-поволжской подгруппе кыпчакской группы тюркской языковой семьи в её «джокающей» разновидности.

Новые исследования молодых лингвистов призваны пролить дополнительный свет на «кряшенскую проблему» в столь животрепещущее направление современной ориенталистики, как «Türco-Slavica».

Литература:

Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование / О контрактурах в башкирском языке. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН .., 1959.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. Региолект бакалинских кряшенов Республики Башкортостан // Урал-Алтай: через века в будущее .. I том. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 79-82.

Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. – № 3. – 1965. – С. 9.

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: «Восточная литература» РАН, 2005. – С. 77-91.

Фолсом Ф. Книга о языке. – М.: Прогресс, 1977.

Халикова Р.Х. Личные имена и топонимы в шежере и актовых памятниках башкир XVIII-XIX вв. // Вопросы топонимики Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН.., 1981. – С. 26.

Языки и диалекты мира: проспект и словник. – М.: Наука, 1982.

Гәрәев Р.Н., Рәхмәнъолов М.И., Өфө к.

АҡМУЛЛА ИЖАДЫНДА ПОЭТИК ОНОМАСТИКА БЕРӘМЕКТӘРЕ

Мифтахетдин Аҡмулла – XIX быуаттың икенсе яртыһында башҡорт, татар һәм ҡаҙаҡ әҙәбиәттәре үҫешенә көслө этәргес яһаған шағир-импровизатор. Аҡмулла бар булмышы менән халыҡ шағиры булды. Ул замананың иҗтимағи үҫешен билдәләрлек мөһим проблемаларҙы күтәрҙе, уларҙы халыҡ мәнфәғәттәренә ярашлы хәл итәргә ынтылды. Әҙәбиәт белгесе Ә. Х. Вилдановтың билгеләүенсә, «...ныҡ үҫеш алған сәсәнлек (импровизациялау) таланты уға уларҙы бер ниндәй әҙерлекһеҙ-ниһеҙ теге йәки был иғтибарҙы йүнәлтерҙәй хәл-ваҡиғаларға бәйләнешле ирекле импровизация рәүешендә ижат итәргә мөмкинлек биргән» [Вилданов 1981, 12].

Поэтик ономастика тип, әҙәби әҫәрҙәрҙә һәм фольклорҙа ҡулланылған барлыҡ төр яңғыҙлыҡ исемдәренә әйтәләр. Поэтик ономастика кеше исемдәрен, фамилияларын, ҡушаматтарын, географик атамаларҙы, күк есемдәренә бирелгән исемдәрҙе һ.б. шәхси атамаларҙы белдерә.

Аҡмулла ижадында бер нисә тиҫтә кеше исеме (антропоним) ҡулланған. Ул кешеләрҙең күптәре менән шағир таныш булған. Ул ҡаҙаҡтар менән дә иркен аралашҡан. Шиғырҙарының да байтаҡ өлөшө ҡаҙаҡ телендә импровизацияланған һәм халыҡ араһында киң таралыш алған. Шуға ла ҡаҙаҡ кеше исемдәре уларҙа шаҡтай күп ҡулланылған. Мәҫәлән: *Ҡарымбай, Хатимтай, Барлыбай,, Нуржан, Ақташ, Алтыбаш Мәтебай, Йәнебәк, Түләк, Наурузбай, Торсомбай, Туръай, Теләүле, Һарыбай, Нурман* һ.б.

Шағир әҫәрҙәренең тыңлаусыға тәьҫир итеү көсөн арттырыуҙа, ундағы фекер һәм нәсихәттең камиллығына ирешеү маҡсатында дини тәғлимәттә урын алған образдарға ла таяна. Шуларҙан *Һөләймән, Мөхәммәт пәйғәмбәр*, *Ғали Шир-Арҫлан, Лоҡман, Дауыт, Әбел* һәм *Кабил* кеүектәрҙе билдәләргә кәрәк.

Уҡыусы һәм тыңлаусыға аңлашылһын өсөн, Аҡмулла ҡағыҙға теркәгән шиғырҙарында Көнсығыш аҡыл эйәләренең исемдәренә

үҙе лә аңлатма биргән. Мәҫәлән, «Мөғәллим *Сәни* кеүек хикмәттә маһир» шиғри юлындағы Сәни һүҙенә шағир үҙе шундай аңлатма биргән: «Мөғәллим Сәни (сәни – ғәрәпсә «икенсе») тип *Әл-Фарабиға* әйткәндәр...Әбуғали Әл-Фараби гилем хикмәтте грексанан ғәрәпсәгә тәржемә итмеш (иткән)».

Аҡмулла әҫәрҙәрендә егермегә яҡын ойконим ҡулланған. Уларҙың географик киңлектәре ғәйәт ҙур. Мәҫәлән: Барҙығыҙ ҡалаһына *Питербурҙың*. Хат ебәрҙек *Ырымбур* ҡалаһынан. Шулай уҡ әҫәрҙәрендә йылға, тау исемдәре лә бар. Мәҫәлән, *Иҙел* бул да *Ыҡ* бул. Аңра айыуҙан *Уралдаҙы* ҡурыҡҡандай.

Шулай итеп, Аҡмулла шиғырҙарында поэтик ономастика берәмектәрен киң һәм уңышлы файҙаланған. Уның поэтик ижадын, халыҡ телдән телгә күсереп, хәҙерге көнгә тиклем килтереп еткергән. Улар үҫеп килгән йәш быуынды дөйөм кешелек ҡиммәттәре рухында тәрбиәләүҙә, белемгә, әҙәплелек, сабырлыҡ һәм эстетик тәрбиәләүҙә бөгөн дә ҙур роль уйнай.

Әҙәбиәт:

Аҡмулла. Шиғырҙар. – Өфө: Китап, 2006.

Вилданов Ә.Х. Мәғрифәт, яҡтылыҡ йырсыһы // Аҡмулла. Шиғырҙар. – Өфө, 1981.

Гәрәйшина Ә.И., Яңауыл районы

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА УҠЫУСЫЛАРҘЫ ӘҘӘБИ ТЕЛДЕҢ МОРФОЛОГИК НОРМАЛАРЫНА ӨЙРӘТЕҮ

Диалект шарттарында башҡорт әҙәби теленең морфологияһына өйрәтеүҙә иң ҡулайлы алымдарҙан түбәндәгеләр һанала:

Саҡыштырыу алымы. Был алым диалект үҙенсәлегенә бәйле морфологик хаталарҙы әҙәби телдең үрнәктәре менән сағыштырып барыуҙы күҙ уңында тота, түбәндә уларҙың бер нисәһен ҡарап үтәйек:

а) әҙәби телдә һәм төньяҡ-көнбайыш һөйләштәрендә исемдәрҙең килеш менән үҙгәрешен сағыштырыу, диалект хаталарын иҫкәртеү:

Килештәр	**Әҙәби телдә**	**һөйләштә**
Төп	Мин, беҙ	Мин, без
Эйәлек	Минең,беҙҙең	Минең,безнең
Төбәү	Миңә, беҙгә	Миңәргә,безгә
Төшөм	Мине, беҙҙе	Мине, безне
Ур.-ваҡыт	Миндә, беҙҙә	Миәрдә,бездә
Сығанаҡ	Минән,беҙҙән	Миңәрдән,бездән

2. Уҡыусыларҙың телмәрендәге орфоэпик хаталарҙы иҫкәртеү һәм тиҙерәк бөтөрөү өсөн махсус морфологик таблицалар, карточкалар, кодокарточкалар ҡулланыу ҙа эффектлы алымдарҙан һанала.

3. *Орфоэпик-орфографик биш минутлыҡтар үткәреү алымы*. Бындай биш минутлыҡтарҙың эффектын күтәреү йәһәтенән түбәндәге эш төрҙәрен үткәрергә кәрәк:

- теге йәки был һүҙҙе килеш менән үҙгәртеүҙе укыусыларға даими рәүештә тәкдим итергә кәрәк. Был осраҡта балалар әҙәби тел нормаһына тиҙерәк өйрәнәләр, уларҙа әҙәби телдә һөйләү һәм яҙыу теләге көнүҙәк талапҡа әйләнә, белемдәре камиллаша, күнекмәләре автоматлаша. Шуға күрә һүҙҙәрҙе килеш менән үҙгәртеү эшен мөмкин тиклем күберәк төкдим итергә кәрәк.

- Билдәле бер килеш формаһында, заманда һәм һөйкәлештә тороусы исемдәрҙе, алмаштарҙы, ҡылымдарҙы индереп, шулай ук теркәүестәрҙе, бәйләүестәрҙе һәм киҫәкҫәләрҙе ҡулланып, һөйләмдәр уйлатыу һәм дәфтәрҙәренә, йәки таҡтаға яҙдыртыу кеүек эштәргә лә иғтибар бирергә кәрәк.

4. Телдән һәм яҙма рәүештә төрлө күнегеүҙәр эшләтеү алымы. Әҙәби телдең нормаларына өйрәтеүҙең күләме яғынан йыйнаҡ һәм ыҡсым, йөкмәткеһе яғынан еңел аңлайышлы булған төрлө күнегеүҙәр ҙур роль уйнай.

Уҡыусыларҙың һөйләү телмәрендәге хаталарҙы ваҡытында төҙәтеп бармаһаң, улар яҙыу телмәренә күсә, сөнки бала һүҙҙе нисек әйтергә күнекһә, шулай яҙырға ла тырыша. Шуға күрә, мөмкин булғанда, һәр дәрес һайын тиерлек һүҙлек эшенә иғтибар бирергә кәрәк.

Төрлө үрнәктәр биреү, фоноҡмалар тыңлау, укыусыларҙың телмәрен магнитофонға яҙып ишеттереү, электрон дәреслектәр ҡулланыу; Һүҙҙәрҙең мәғәнәләрен аңлатыу, асыҡлау; синонимдар, омонимдар, антонимдар һәм фразеологик әйтемдәр менән таныштырыу, өҙөктән текстан уларҙы таптырыу; ижади яҙма эштәр, һәр үтелгән тема буйынса уйын-ярыштар, викториналар үткәреү; башҡорт халыҡ ижадының гәүһәр ынйылары үрнәктәрен укытыу; йәғни тел һәм әҙәбиәт дәрестәренең бөтә мөмкинлектәрен файҙаланыу балаларҙың әҙәби тел нормаларын ныҡлы үҙләштереүҙәренә, телмәрен диалект хаталарынан таҙартыуға, артабан үҫтереүгә, белемдәрен байытырға, күнекмәләрен байытыуға ярҙам итә.

Ғайсина Э.Х., Әбйәлил районы

ДИАЛЕКТ — БАШҠОРТ ТЕЛЕНЕҢ ТАМЫРЫ

Башҡорт теле — донъя телдәренең араһында үҙенең уникаллеге менән айырылып торған телдәрҙең береһе. Уның уникаллеге өн һәм хәреф, диалекттарының, һөйләштәренең күплегендә күренә. Ошо күренеш халҡыбыҙҙың боронғолоғон иҫбатлай. Теге йәки был һөйләш вәкилдәренең фонетик, лексик, морфологик айырмалыҡтары уларҙың ниндәйҙер башҡа тел менән бәйләнешен, бик боронғо күсмә тормоштоң эҙемтәләрен күренешен һаҡлай. Диалекттарҙы өйрәнеүсе ғалимдар һөйләштәрҙе халҡыбыҙҙың боронғо тарихы менән бәйләп өйрәнә, һәр диалекттың лексик, фонетик, морфологик үҙенсәлектәрен барлай. Шуға күрә диалектологтар телде генә түгел, ә тарихты, этнографияны һәм йолаларҙы яҡшы белергә тейеш.

Бала донъяға килгәс тә беренсе наҙлы һүҙҙәрҙе әсә телендә ишетә. Ошо лексик байлыҡты күңеленә һәм аңына һеңдереп, телмәрендә

ныҒытып, мәктәпкә килә. Әлифба, туған тел дәрестәрендә әҙәби телдәге һүҙҙәрҙе ишетә һәм уҡый башлай. Шулай итеп ул беренсе тапҡыр диалект һәм әҙәби тел айырмалыҡтары менән осраша.

Бала билдәле һөйләштең ҡулланыусыһы булып тыуған. Шуға ла тел һәм әҙәбиәт дәрестәрендә уҡыусыларымдан ҡыҙыл һөйләшенең лексик байлығын ҡулланыуҙарын хуплайым, лексик айырмалыҡтар һөйләү телмәрендә төҙәтелмәй. Әйтергә кәрәк, ҡыҙыл һөйләше әҙәби телгә яҡын тора, шуға ла уҡытыуҙа әллә ни ауырлыҡтар тыумай. Тыуған яҡтың географик атамалары һәм башҡа ижади эштәрҙә диалекттағы лексик берәмектәрҙе күберәк ҡулланыу отошло, сөнки телдең боронғолоғо, байлығы уның лексикаһында сағыла.

Бала тиҫтерҙәре менән аралашһынмы, текстың йөкмәткеһен һөйләһенме, үҙ фекерен еткерһенме — һәр башҡорт балаһының ҡанына һеңгән һөйләштә еткерергә хаҡы барҙыр. Уҡытыусы әҙәби тел төшөнсәһен, нормаларын, балаларҙың һөйләшенән айырмаһын күрһәтергә, аңлатырға, йүнәлеш бирергә бурыслы. Башҡорт телен уҡытыу методикаһы китабында (Р.Ғ.Аҙнағолов редакцияһында) диалект шарттарында әҙәби телдең фонетик, лексик, морфологик нормаларына өйрәтеү алымдары аңлайышлы һәм ентекле итеп бирелгән. Төрлө таблицалар диалект һәм әҙәби тел айырмаһын уҡыусыларға еңел еткерәсәк, һәр яңы уҡыу йылында бала ҡатмарлыраҡ ҡағиҙәләрҙе үҙләштерә һәм практикала ҡуллана башлай. Юғары класс уҡыусылары яҙма эштәрен әҙәби тел нормаларына ярашлы яҙырға тейеш.

Үрҙә яҙылғандарым тик ауыл мәктәптәрендә уҡытыуға ҡағылышлы. Сөнки, беренсенән, ҡала шарттарында бер һөйләш кешеләре бер урында тупланып йәшәмәй. Икенсенән, бала балалар баҡсаһына йөрөп, йә әҙәби телдә, йә урыҫ телендә һөйләшергә күнегә. Ә ауыл балалары бер төрлө шарттарҙа үҫә, тәрбиәселәре лә уларҙың һөйләшендә аңлаша. Ҡайһы бер башҡорт ауылдарында бөтөнләй балалар баҡсаһы юҡ, бала тәбиғи телмәр шарттарында үҫә.

Башҡорт теленең һөйләштәре — телебеҙҙең байлығы. Уны һаҡлап ҡалыу һәр башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһының бурысы. Диалекттың йәшәргә хоҡуғы ҙур:сөнки унда беҙҙең тарих, тамыр ята. Әлбиттә, телевидение, әҙәбиәт, радио, фән, сәйәсәт һ.б. даирәләрҙә тик әҙәби тел ҡулланылырға һәм радио, телевидениела яңғыраған телмәр һәр кешегә матур әҙәби телдә дөрөҫ һөйләү өлгөһө булырға тейеш.

Әҙәбиәт:

5-9 кластарҙа башҡорт телен уҡытыу методикаһы. Аҙнағолов Р.Ғ. редакцияһында. -Өфө, 1996.

Гарипова Ф.Х., Өфө к.

ӘҘӘБИ ТЕЛДЕ ПРОПАГАНДАЛАУ ШАРТТАРЫНДА ДИАЛЕКТТАРҘЫҢ ЙӘШӘҮ ХОҠУҒЫ

Билдәле булыуынса, нимәнең дә булһа уникаллеге уның төрлөлөгөндә сағыла. Был хәҡиҡәтте телгә ҡарата ҡулланыу ҙа дөрөҫ

булыр, моғайын. Диалекттарҙың күп булыуы, йәки уларҙың бер-береһенән айырылыуы телде нормалаштырыуҙы, был нормалаштырылған телдең бөтә халыҡ тарафынан ҡабул ителеү мәсьәләһен ҡатмарлаштырыуға ҡарамаҫтан, беренсенән, улар телде байытыу сығанағы булып тора, икенсенән, теләһә ниндәй системаның йәшәү, үҙен-үҙе һаҡлап ҡала алыу һәләте уның ҡатмарлылығына бәйле: ул ҡатмарлы булған һайын уны юҡ итеү ауырлаша.

Башҡа бер тел өҫтөн булған шарттарҙа аҙ һанлы халыҡтың нормалаштырылған телен пропагандалау үтә лә мөһим булып тора. Күпселектең әҙәби телде үҙ итеүе, хөрмәтләүе, уның халыҡты берләштереүсе факторҙарҙың береһе булыуын аңлауы һәм ошоларҙан сығып уны өйрәнеүе, белеүе телдең рәсми өлкәләргә үтеп инеп, унда нығыныуына, ваҡытында яңы һүҙҙәр, терминдар менән байытылып заман талаптарына яуап биреүенә булышлыҡ итә.

Әлбиттә, нормалаштырылған телде таныу үҙ диалектыңдан баш тартыу тигәнде аңлатмай. Был бигерәк тә телдәре әҙәби телдең нигеҙен тәшкил итмәгәндәр өсөн әһәмиәтле. Нисек кенә булмаһын, улар өсөн ул «әсә теле», «туған тел». Унан баш тартыу (ирекле йәки көсләп) тыуған яҡ, тыуған мөхит, яҡташтар, туғандар менән араны өҙөүгә тиң. Шуның өсөн дә әҙәби телдән ситтә тороп ҡалған диалектта һөйләшеүселәргә ҡарата лояль мөнәсәбәттә булырға, уларға үҙ телдәрен ҡулланыуҙы тыймаҫҡа кәрәк. Бигерәк тә милли үҙаң тотороҡло булмаған осраҡта.

Шул уҡ ваҡытта төбәк мәктәптәренең бөтәһендә лә әҙәби телдә уҡытырға кәрәклек шик тыуҙырмай. Диалектта уҡытыу бер нисә мәсьәләне хәл итеүҙе талап итер ине: кадрҙар, уҡыу әсбаптары әҙерләү һ.б. Былар иһә барыһы ла аҡса мәсьәләһенә барып тоташа. Диалект шарттарында әҙәби телде өйрәткәндә уны өйрәнеүҙең мөһимлеген аңлатыу менән бер рәттән, диалекттың да бәҫен төшөрмәҫкә кәрәк. Дәрес барышында уҡыусы тарафынан телдән йәки яҙма эштәрҙә диалект һүҙҙәр, диалектҡа хас грамматик күренештәр ҡулланылған осраҡта (бигерәк тә башланғыс синыфтарҙа һәм, әлбиттә, бының да ниндәйҙер сиге булырға тейеш) беҙҙеңсә баһаны төшөрмәү яҡшы булыр ине.

Әҙәби форма менән бер рәттән бер нисә диалеттың ҡулланылыуы ғәҙәти хәл, һөйләшеүселәрҙең һанына ҡарамаҫтан донъя телдәренә хас күренеш. Донъя практикаһында диалекттарға йәшәү өсөн уңай шарттар булдырыу осраҡтары ла бар. Әйтәйек, Италия, Германия, Норвегия, Ирландияла һ.б. диалекттар радио-һәм телетапшырыуҙарҙа ҡулланыла. Испанияла баскҡарҙың мәғариф системаһы етәкселәре иң ҙур стандарт булмаған диалектта башланғыс синыф уҡыусылары өсөн уҡыу әсбаптары әҙерләргә ҡарар итә. Германия һәм Италияла ла был йүнәлештә эштәр башҡарыла [Боргоякова 2002, 98-99]. (Бында шуны ла әйтеп үтергә

тейешбеҙ. Бер илдең тәжрибәһен икенсе илгә ундағы шарттарҙы иҫәпкә алмайынса күсерергә тырышыу дөрөҫ түгел, тип һанайбыҙ.)

Электән Японияла диалекттар телде боҙа тип һаналала, улар әле лә һаҡланып килә һәм, белгестәр фекеренсә, «ғаилә-ара аралашыу теле» булып торалар. Япон балалары мәктәпкә тиклем тик үҙ диалектын файҙалана, ә өлкән йәштәгеләрҙең бер нисә диалектта һөйләшеүе ғәҙәти күренеш. Бөгөнгө көндә, әҙәби телде бөтә халыҡ та ҡулланған шарттарҙа, диалект боҙолған тел тип түгел, ә законлы рәсми булмаған аралашыу теле тип ҡабул ителә. Мәктәптәрҙә ерле диалект курстары индерелгән. Уҡыусыларҙы диалект менән дөрөҫ файҙаланырға, уның менән әҙәби тел араһындағы айырмалыҡтарҙы аңлатырға өйрәтәләр. Бындай телетапшырыуҙар ҙа ойошторола, матбуғатта диалектта уҡытыу буйынса фекер алышыу бара [Алпатов, http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml#p2].

Беҙҙең шарттарға килгәндә инде, диалекттарҙы өйрәнеүгә, тикшереүгә, пропагандалауға, әҙәби телде белеүҙең мөһимлеген аңлатыуға, тел айырмалыҡтарына ҡарамаҫтан төрлө диалектта һөйләшеүселәрҙең бер милләттең ярсыҡтары булыуын аңлатыуға арналған теле- һәм радиотапшырыуҙар, төрлө конкурстар һ.б. ойошторорға мөмкин булыр ине.

Тағы ла шуны әйтеп үтеүҙе мөһим тип һанайбыҙ. Әгәр ҙә бер диалект конкрет бер телдең диалекты итеп ҡабул ителгән икән, ул диалектта һөйләшеүселәр ҙә үҙ ителергә тейеш. Юҡһа уларға ҡарата кире мөнәсәбәттә булыу был кешеләрҙең (кире мөнәсәбәттә булыусыларҙың) ихласлығында шик тыуҙыра һәм тырышлыҡтарының яһалма булыуын күрһәтә.

Әҙәбиәт:

Алпатов В.М. Япония: язык и общество // **http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml#p2**

Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан, 2002. – 266 с.

Ғәйнетдинова Л.Р., Борай районы

ТӨНЬЯҠ-КӨНБАЙЫШ ДИАЛЕКТЫНЫҢ ҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Беҙ башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалектында һөйләшеүсе балалар менән эш итәбеҙ. Төньяҡ-көнбайыш башҡорттарының балаларын башҡортса уҡытыу – башҡорт халҡының тарихын, мәҙәниәтен, әҙәбиәтен, тыуған Башҡортостан Республиҡаһының үткәнен һәм хәҙергеһен өйрәнеүҙе тәьмин итә.

Бигерәк тә уҡыусыларҙың үҙҙәренең, йәғни төньяҡ–көнбайыш башҡорттарының тарихы менән дә танышыуы, патриотик тойғолар, үҙ еренә һөйөү тәрбиәләргә ярҙам итә.

Ысынлап та, төньяҡ–көнбайыш башҡорттары бик ҡатмарлы тарихи юл үткән. Шулай булыуға ҡарамаҫтан, ошо көнгәсә үҙҙәренең- милләтен, башҡортлоғон һаҡлап киләләр.

Тик Башҡортостандың төньяҡ-көнбайыш райондарында ғына аҫаба һәм әтәмбәй тигән этник атамалар йәшәп килә.

Был этник атамалар башҡорт теленең үҙенсәлекле, үҙ һүҙҙәре булып һанала.

Төньяҡ-көнбайышта борон-борондан ошо яҡта йәшәгән, башҡа райондарҙа осрамаған башҡорт ырыуҙары торған: *меңне, ҫалаъош, ҫубай, ыҫлы, ҡаңны, йәнәй*. Был ырыуҙар Дим, Ҡариҙел буйы башҡорттары составында ла осрай: *ирәкте, балыҡсы, уннар* һ.б.

Төньяҡ-көнбайыш диалектының төп һыҙаты булып башҡорт әҙәби теленең һ, ҫ урынына татар, сыуаш һ.б. телдәрҙәге кеүек саф төрки һүҙҙәрендә с өнө ҡулланылыуы тора (*сарыҡ, сыйыр, сыусар, саумы, син* һ.б.)

Һ өнө был диалектта бөтөнләй булмаған, быны күрше Дим һөйләше иҫбатлай. Дим һөйләшендә лә һ спиранты бөтөнләй юҡ, уның урынына системалы рәүештә саф башҡорт һүҙҙәрендә ҫ өнө йөрөй (ҫыуҫар, ҫикҫән һүҙҙәренең), ә фәрәп – фарсы һүҙҙәрендә һ бөтөнләй төшөп ҡала.

Төньяҡ-көнбайыш диалектында башҡорт теленең ҙ өнө ҡулланыла. Башҡорт теленең үҙенсәлекле ҙ өнө был диалектҡа ят түгел, ул үҙ өнө булып һанала.

Башҡорттоң һ спирантына килгәндә ул татар әҙәби телендә, фәрәп–фарсы теленән ингән һүҙҙәрҙә иркен ҡулланыла, шулай булғас, ул өндө үҙләштереү ҙә балаларға ауыр түгел.

Төньяҡ-көнбайыш диалектының тартынҡылар өлкәһендәге тағы бер үҙенсәлеге: башҡорт теленең с өнө урынына ч өнө ҡулланыу. Ләкин был өндөң көнбайыштан көнсығышҡа ҡарай киткәндә, активлығы кәмей. Танып, Ҡариҙел һөйләштәрендә инде башҡорттоң с өнө өҫтөнлөк ала башлай. Мәҫәлән, Танып һөйләшендә – *сәй эсеү, себен осоп йөрөй, әтәс ҡысҡыра* һ.б.

Төньяҡ-көнбайыш диалектын башҡорт әҙәби теле менән яҡынлатыусы уртаҡ һыҙат – ул лексика берҙәмлеге.

Башҡорт теленең актив һүҙлегендәге һүҙҙәр һәм терминдар был диалектта лексиканың бөтә тармаҡтарында ла иркен, күп ҡулланыла. Мәҫәлән, үҫемлектәр донъяһына ҡараған терминдарҙан: *атҡолаҡ, балтырҙан, ҡараҙай, ҡараҙат,кесерткән, ҡомалаҡ;* балыҡсылыҡ терминдарынан *ажау, бәрҙе, суртан, сураҙай*; көнкүреш атамаларына ҡараған һүҙҙәр: *бишмәт, көпә – сырма, жилән, урын – ер, йоморткa, он иләү;* анатомия терминдарынан: *ашыҡ, балтыр, быҙын, тубыҡ, танау;* туғанлыҡ терминдарынан: *атай, әтәй, аҙай, абзый, хатын, ҡартәтәй, кәртнәй, ҡартый, эне* һ.б.

Күп кенә һүҙҙәр фонетик һәм грамматик яҡтан башҡорт әҙәби теле менән бер төрлө йөрөй: *әтәс, кәзә, кәкүк, көкөрт, имен, ҡомалаҡ*.

Шулай итеп, төньяҡ-көнбайыш диалекты һөйләштәре, тәү ҡарашҡа, башҡорт теленең башҡа диалекттарынан шаҡтай айырылып

торған кеүек булһа ла, тарихи, этник, теория берҙәмлеге яғынан ентекле тикшерә, берәмләп теҙә башлаһаң, тел үҙенсәлектәре буйынса башҡа башҡорт һөйләштәре менән тамырҙан бәйле булып, әҙәби телдең байтаҡ сифаттарын йөрөтә. Был берҙәмлек бигерәк тә лексика өлкәһендә асыҡ күренә.

Әҙәбиәт:

Миржанова С.Ф. Төньяҡ-көнбайыш башҡорттарҙың балаларын башҡорт телен уҡытыу мәсьәләһенә ҡарата // Башҡортостан уҡытыусыһы №7, 2010, 23-26 биттәр

Миржанова С.Ф. «Северо – западный диалект башкирского языка» - Уфа, 1991, 2006.

Ғәләүетдинов И.Ғ., Ҡоҙабаева Ә.Х., Өфө ҡ.

ҒӘББӘС ДӘҮЛӘТШИНДЫҢ “БАШҠОРТ ТЕЛЕНЕҢ ИМЛӘ ҺҮҘЛЕГЕ” ҺӘМ УНДА ОСРАҒАН ДИАЛЕКТ ҺҮҘҘӘР

Йәғәфәр улы Ғәббәс Дәүләтшиндың “Башҡорт теленең имлә һүҙлеге” (Өфө: Башгиз, 1930. – 167 бит) хәҙерге башҡорт әҙәбиәте яңы аяҡҡа баҫып килгән осорҙа, уҙған быуаттың 20-се йылдар аҙағында төҙөлгән. Һүҙлектә ул заманда ғы башҡорт әҙәбиәтендә һәм халыҡ араһында таралған 10 меңләп һүҙ, атаманың, төҙөүсенең һүҙе менән әйткәндә, “яланғас һәм яһалма тамыр һүҙҙәрҙең” латин хәрефтәре менән дөрөҫ яҙылыу өлгөләре килтерелә. Был төҙөүсенең беренсе маҡсаты булһа, икенсеһе — әйтелеүгә яғымлы, мәғәнәгә бай уртаҡ һүҙҙәрҙе бергә туплау, уларҙы әҙәбиәттә ҡулланыу, яңы һүҙҙәрҙең диалектикаһын өйрәнеү.

Һүҙлектә, әлбиттә, күберәк беренсе маҡсат күҙ алдында тотола һәм башҡорт әҙәбиәтендә, халыҡ араһында киң ҡулланылған һүҙҙәр, терминдар урын ала.

Башҡорт әҙәби теленең бөгөнгө торошонан сығып ҡарағанда һүҙлектә Көнсығыш, Көньяҡ һәм Төньяҡ-көнбайыш диалекттарына ҡараған һүҙҙәр ҙә йыш осрай. Уларҙы түбәндәге төркөмдәргә бүлеп ҡарарға мөмкин.

Көнсығыш диалекты

Көнсығыш диалектында ете үҙ аллы һөйләш бар: Әй, Арғаяш, Һалйот, Мейәс һәм Ҡыҙыл һөйләштәре [Максютова 1976]. Уларға күплек ялғауҙарындағы (*-тар/ -тәр, -дар/-дәр, - ҙар/- ҙәр, -лар/—ләр*) һәм һүҙ яһаусы ялғауҙарындағы (*һүҙҙек, дәртте, ташта́у*) тартынҡылыр ассимиляцияһы, һүҙ һәм ижек башында **й** урынына **ж** ҡулланыу (*жите, күгелжем*), һүҙҙәрҙә **ç** һәм **һ** өндәренең йыш ҡулланылыуы (*çыйыр-һыйыр, беҫтең – беҙҙең, йөç – йөҙ, аҡçыу – аҡһыл, ҡыһ – ҡыҙ, ҡыһҡа – ҡыçҡа*), **о, ө** ирен гармонияһының боҙолоуы (*соҡыр, төйеҫ – сөгөлдөр*), **л** өнөнөң төшөп ҡалыуы (*аманы, киһен*), бойороҡ һөйкәлешенең боронғо *–ың / -ең* күрһәткесе булыуы (*ҡайтың, көтөң*), модаль мәғәнәгә эйә инфинитивтың *–ҡалы/ -кәле, -ъалы/-гәле, -маҡ/ -*

мәк, -маҡа/ -мәкә формалары һәм башҡа һүҙ яһаусы ялғауҙар *(-ҡаҡ / –кәк, -шыҡ / –шек, -маҡ /–мәк, -тылыҡ /–дылыҡ / -ҙылыҡ*) хас.

Фәббәс Дәүләтшиндың һүҙлегендә түбәндәге Көнсығыш диалекты һүҙҙәре осрай (миҫалдар "Башҡорт диалекттары һүҙлеге"ндәге диалект һүҙҙәр менән сағыштырып бирелә): **бағыныу** (арғ., мейәс – дауалау; ҡыҙыл), **болама** (һалйот – тәртипһеҙ), **болғауыс** (ҡыҙыл – тәртешкә), **борҡолдаҡ** (ҡыҙыл - порошок), **божор** (арғ., мейәс – сел), **бөгәләк, бөгәр** (мейәс – бәпембә), **бөлдөргән** (ҡыҙыл – ҡыҙыл бөрләгән), **бөтәү** (ҡыҙыл – бөтәйәнеү), **буҫаға** (арғ. – тупһа), **бүлтәк** (ҡыҙыл – бүлкәт, бүлек), **бүтәгә** (арғ. – ҡылған), **дарбағай** (арғ., мейәс, әй – тәлмәрйен), **дәхи** (мейәс, әй – тағы), **дүңгәк** (ҡыҙыл, мейәс, әй – түңгәк), **беләү** (арғ., мейәс – беләүләү; ҡыҙыл, әй – уңмаған икмәк), **бәбәк** (ҡыҙыл – ҡабаҡ), **биләүсә** (арғ. – биләүес), **бире** (мейәс, әй – бында; ҡыҙыл – пәрей; ҡыҙыл, әй – бирле), **бишмәт** (мейәс, ҡыҙыл – һарылған бишмәт, камзул, пальто), **әкәй** (арғ. – ағай), **әүрәк** (арғ., мейәс – иген елгәрендә төшкән ваҡ ҡый), **һайғаҡ** (арғ., мейәс, һалйот – түшәм), **һаҡы** (арғ., мейәс – ашыҡ уйыны), **һаңаҡ** (ҡыҙыл, әй - һағаҡ), **һәндерә** (ҡыҙыл, әй – күтәрмә; арғ., мейәс – урҙа), **һол** (ҡыҙыл – туймаҫ), **һуйҡай** (арғ., һалйот – уйһыулыҡ), **һуҡалау** (мейәс – алдаштырыу, әүрәтеү), **һыпы** (арғ., мейәс – эсмәгән кеше; туй сәйе), **иркәк** (арғ., ҡыҙыл – ата), **йөҙәтеү** (ҡыҙыл, мейәс – оялтыу), **йыйын** (мейәс – туй, мәжлес; ҡыҙыл – һабан туйы), **йыуаса** (ҡыҙыл – күстәнәс; әй – икмәк, көлсә; арғ. – бауырһаҡ), **келәм** (әй – сепрәк балаҫ), **келәт** (әй – ашлыҡ һала торған бүрәнә һарай; ҡыҙыл – йәй аш бешерә торған бәләкәй өй; ҡыҙыл, әй – соландағы бүлмә), **кипсәлеү** (ҡыҙыл – ҡарышыу), **кирәгә** (арғ. – кейеҙ тирмә), **кирәм** (ҡыҙыл – солоҡҡа инеү өсөн биш йәки туғыҙ ҡаттан ишелгән ҡайыш бау), **кирге** (мейәс – йәнлек тиреһен киреү өсөн ҡулайлама), **киртек** (ҡыҙыл – солоҡҡа менеү өсөн аҫҡа яһалған киртләс), **көбәк** (арғ. – кәбәк), **көйөү** (ҡыҙыл, мейәс – асыуланыу, тиргәү), **көйә** (ҡыҙыл – айрығойроҡ; мейәс – ҡором), **көпшә** (арғ., мейәс, һалйот – балтырған), **көрән** (ҡыҙыл – гөрләүек), **күһәү** (ҡыҙыл – аҫас тәртешкә; ҡыҫыр; һалйот – тоҫҡау), **күмәй** (ҡыҙыл – тамаҡ), **ҡәҙемгесә** (ҡыҙыл – элеккесә, ғәҙәттәгесә), **маймыҡ** (мейәс, әй – сибек; йомшаҡ), **сәлдер** (мейәс, әй – балтыр) һ.б.

Көньяҡ диалекты

Көньяҡ диалектына күплек ялғауҙарының ике фонетик вариантын (*-лар, -нар*) ҡулланыу, дөйөм төрки **с** тартынҡыһы урынына **һ, ҫ** һәм **ҙ, д (т)** урынына **ҙ**, һүҙ һәм ижек башында күпселектә **й** фонемалары ҡилеү, боронғо төрки теле өсөн хас булған **лт, мт, нт, мҡ, нҡ** диссимилятив өн бәйләнештәренең булыуы (*анта, таңҡа, ҡалты*), *-маъа /–мәгә* формалы инфинитив ҡулланыу (*бармаъа, килмәгә*), һүҙ башында **к, ҡ, т** һаңғырау тартынҡыларының яңғырауланыуы (*дамъа, гөпшә, ъыяматлыҡ*), ирен гармонияһының һаҡланыуы кеүек тел күренештәре хас. Һүҙлектән был диалекттың һөйләштәренә ҡараған

түбәндәге һүҙҙәрҙе килтерергә мөмкин: **бауырғалыҡ** (дим, урта, эйек-һаҡмар – айыл), **бәбәк** (туҡ-соран, урта, һаҡмар, ырғыҙ – ҡабаҡ; дим, урта урал – йәш балтырған), **бәләк** (дим – ҡыҙыл тараҡан), **бәрәмес** (дим, урта, эйек – бәрәмәс; дим – һиҙәбүлән “алтея”; урта – мөшкөл; дим – ғәжәпләнеүҙе белдергән һүҙ), **бәшәлтәй** (һаҡмар – аяҡ табаны; башалтай), **билән** (дим – буйы ҡырҡ, киңлеге туғыҙ сажинлы ер), **билтер** (һаҡмар – бил, бөгөл), **бире** (һаҡмар – пәрей; урта урал – бирле), **бишмәт** (урта – пинжәк), **болғауыс** (урта, эйек-һаҡмар – тәртешкә), **бөлдөргән** (туҡ-соран, һаҡмар, ырғыҙ – ҡыҙыл бөрлөгән), **бурлы** (дим – бурыл), **буҫаға** (урта, һаҡмар – тупһа), **бүтәгә** (дим – аҡтамыр; урта, һаҡмар – ҡылған; һаҡмар – ҡурпы; имән үҫентеһе; урта урал – төпөш), **былсылдау** (ырғыҙ – юҡты һөйләү; урта урал – йәш ағыу), **эркелеү** (урта – бер ергә йыйылыу; ауышыу; сығыу, үтеү), **эркет** (дим – май айраны), **этморон** (урта, ырғыҙ, эйек-һаҡмар – гөлйемеш, осҡат, эт ҡарағаты), **гөмбә** (дим – һыу бәшмәге), **гөмбәҙ** (урта, ырғыҙ – көмбәҙ), **ғау** (урта – кеше һүҙе), **һәүрек** (һаҡмар айғыр), **һулыу** (эйек-һаҡмар – теләү; урта – һулыш), **һүреү** (урта, эйек-һаҡмар – кәпрән), **ижау** (дим – сүмес), **йомарлаҡ** (урта, эйек-һаҡмар – йомғаҡ), **йөҙлөк** (урта – башкүнәк; битлек;ырғыҙ – бөркәнсек), **йылышыу** (урта – шыуыу; һырығыу), **кәбәк** (эйек-һаҡмар – он эрһе, урта, һаҡмар – ҡабаҡ; дим – ҡауаҡ), **кирге** (дим, урта – ахыры, аҙағы), **кисегеү** (эйек-һаҡмар – кисләү), **киҫекһеҙ** (урта, эйек-һаҡмар – тыңлауһыҙ; мәғәнәһеҙ), **көҙөрәйтеү** (эйек-һаҡмар – ҡыҫыу; көмөрәйтеү), **көйәҙ** (урта – һауалы), **көйәләнеү** (дим, ырғыҙ, эйек-һаҡмар – борсолоу, ҡайғырыу), **көнләү** (һаҡмар – көнләшеү), **көпшәк** (эйек-һаҡмар – тәгәрмәс көпсәге), **күсер** (дим – кейәү егете), **ҡаршы** (урта – үтәләй өргән ел), **ҡот** (урта урал, һаҡмар – бәхет билдәһе), **майлыҡ** (һаҡмар – ҡунаҡ һыйлауы өсөн ҡуйылған таҫтамал), **мөтдәт** (туҡ-соран - өмөт), **нағыҙ** (ырғыҙ – иң шәп), **өшәләү** (туҡ-соран – малдың эс-ҡарынын аҙ ғына ҡайнатып алыу), **сайылсы** (һаҡмар – хәйерсе), **табышмаҡ** (урта, һаҡмар – йомаҡ), **терлек** (урта – йәшәү; эйек – һаҡмар – байлыҡ), **төпһөҙ** (урта - өмөтһөҙ) һ.б.

Төньяҡ-көнбайыш диалекты

Башҡорт теленең Төньяҡ-көнбайыш диалектына түбәндәге үҙенсәлектәр хас: һүҙ башында **п** өнөнөң ҡулланылыуы (*пөгөн, пүрәңге*), **з ~ ҙ~ ж** өндәренең сиратлашыуы (*абзый ~ абҙый ~ абжый*), һүҙ аҙағында тартынҡыларҙың яңғырауланыуы (*борож – борос*), һүҙ аҙағында **ҡ** өнө килеүе (*ҡаҙнаҡ, сыраҡ*), *-сыҙ* (*сарыусыҙ*), *-ан* (*шәрәпән*), *-ылтыҡ* (*шарылтыҡ*), дөйөм төркиҙ **з, д** өндәре урынына **с** (*син, үскәс, ас*) һәм параллель рәүештә **ч** өнөнөң ҡулланылыуы (*сын/ чын*), **ай, әй** дифтонгыларының әйтелеүе (*бармай, килмәй*), **у** һүҙынҡыһының киң ҡулланылыуы (*ҡумъан, сурау*), **ө** өнөнөң киң ҡулланылыуы (*ъөмөр, йөгөрөү*), **лт, рт, нт, мт, ңҡ, мҡ** өн ҡушылмаларының бында ла осрауы (*анта, мынта, барты, килте*), бойороҡ һөйкәлешенең *–ң, -ың /- ең* формаларының *–ъыҙ/-геҙ, -ыъыҙ / - егеҙ* формалары менән бергә

ҡулланылыуы (*барың/барыҙыҙ, килең/килегеҙ*), үткән замандың -*ъайыны/-гәйене* формаһының *-ъайны/-гәйне, ъайҙы/-гәйҙе* формалары менән бергә ҡулланылыуы (*баръайыны /баръайны /баръайҙы*) һ.б.

Фәббәс Дәүләтшиндың һүҙлегендә был диалектҡа хас түбәндәге һүҙҙәр осрай: **атау** (төньяҡ-көнб. – утрау; аҡлан), **атыныу** (төньяҡ-көнб. – бәүелеү), **бөтәү** (төньяҡ-көнб. – камил; хәлле), **бүтәгә** (төньяҡ-көнб. – төпөш), **дүңгәк** (төньяҡ-көнб. – түңгәк), **эргә-зимбай** (төньяҡ-көнб.- һары умырзая), **әбәләк** – (төньяҡ-көнб. – йомшаҡ), **әкәй** (гәйнә - оләсәй), **әләк** (төньяҡ-көнб. - әһләк [матур]), **әләкләү** (төньяҡ-көнб. – ошаҡлау), **гөбөрлө** (төньяҡ-көнб. – баҡа, әрмәнде), **ишеү** (гәйнә - сиратыу; үреү), **йоҡа** (төньяҡ-көнб. – ябыҡ), **йөҙәү** (гәйнә - ауырыу), **йыуаса** (төньяҡ-көнб. – аҡ ондан йәки тары ононан бешерелгән икмәк), **киләп** (төньяҡ-көнб. – келәп), **кимек** (гәйнә - лепкә), **кимәл** (ҡариҙел – бер мәртәбә), **киндер** (төньяҡ-көнб. – етен), **киндерә** (төньяҡ-көнб. – сабата бауы; ҡариҙел – сылғау), **кишәнке** (төньяҡ-көнб. – бойҙай ҡабығы), **китмән** (ҡариҙел – кетмән), **көйөү** (гәйнә - асыуланыу), **көйә** (ҡариҙел – ҡрышлауыҡ), **көр** (төньяҡ-көнб. – көслө), **күбәтә** (гәйнә - бәләкәй туҫтаҡ), **күремсе** (ҡариҙел – күрәҙә), **ҡабарсыҡ** (ҡариҙел – маҡтансыҡ), **ҡыйыҡ** (төньяҡ-көнб. – ҡылый), **сәлдер** (ҡариҙел – балтыр), **шырантай** (төньяҡ-көнб. – һонтор), **тарлауыҡ** (төньяҡ-көнб. – шаршы), **терлек** (төньяҡ-көнб. – бирнә), **умас** (ырғыҙ – ыумас) һ.б.

Шулай итеп, башҡорт телсеһе Фәббәс Дәүләтшин үҙенең “Башҡорт теленең имлә һүҙлеге”ндә уҙған быуаттың 20-се йылдар аҙағындағы башҡорт иленең торошон, уның тамырҙары диалекттарға барып тоташыуын һәм һүҙҙәрҙең, атамаларҙың күбеһенең әҙәбиәткә яйлап инә башлауын сағылдырған. Һүҙлектәге һүҙҙәрҙең ҡайһы берәүҙәре бөгөнгө көндә лә диалект һүҙҙәр булып ҡала килә, ә икенселәре норма булып ҡалыплашҡандар. Был йәһәттән һүҙлек башҡорт әҙәби теленең тарихын өйрәнгәндә бик ҡиммәтле сығанаҡ булып тора.

Әҙәбиәт:

Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. – М., 1955.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка – М., 1976.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (Формирование, современное состояние). – Уфа, 1990.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. –М., 1979.

Фәскәрова Г.К., Октябрьск ҡ.

ТӨНЬЯҠ-КӨНБАЙЫШ ДИАЛЕКТЫ ШАРТТАРЫНДА БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ ПРОБЛЕМАҺЫНА БЕР ҠАРАШ

Диалект шарттарында тел өйрәнеүҙең иң мөһим аспекты-телде тарихи үҫешкән система булараҡ ҡарау һәм өйрәнеү. Башҡорт теленең мәктәп курсы программаларында һәм дәреслектәрендә уҡыусыларға диалекттар һәм һөйләштәр тураһында ҡыҫҡаса

мәғлүмәт биреү күҙ уңында тотола. Уҡытыусылар фекере буйынса, башҡорт (дәүләт) теле һәм туған (башҡорт) тел дәрестәрендә, был темаларҙы алғы рәткә ҡуйып өйрәнеү күпкә отошло булыр ине.

Ошо маҡсаттарҙы тормошҡа ашырыу өсөн баланың танып белеү эшмәкәрлеген активлаштырыуға булышлыҡ итерҙәй ысулдар, саралар, яңы алымдар эҙләргә бурыслыбыҙ.

Беренсенән, уҡытыу барышында телдең динамикалыҡ идеяһын еткерә алыу. Телдең тәмен, моңон, нескәлектәрен тойорға өйрәтеүҙә иң тәүҙә әҙәби башҡорт телендә уҡый, яҙа һәм һөйләшергә өйрәтеү.

Икенсенән, телебеҙҙең матурлығын, үҙенсәлеген башҡа телдәр менән сағыштырып аңлатыу.

Өсөнсөнән, туған телде белеүҙең әһәмиәтен, үҙ-үҙеңде ихтирам итеүҙең мәғәнәһен уҡыусыларға башҡорт халҡының вәкиле булараҡ аңлатыу.

Ерле һөйләш, диалект үҙенсәлектәре телмәрҙә һаман ныҡлы урын биләй, һөҙөмтәлә уҡыусыларҙың һәм уҡытыусыларҙың телмәрендә диалект хаталар күҙәтелә [Аҙнағолов 2006, 3]. Мин был һүҙҙәр менән тулыһынса килешмәҫ инем, сөнки:

— уҡырға килгән балаларҙың телмәрендә диалект үҙенсәлектәре булыуы уҡытыусыларға ҙур һөйөнөс һәм телде тарихи үҫешкән система булараҡ өйрәнеү, сағыштырыу күпкә еңел;

— беҙҙең бурысыбыҙ һәм маҡсатыбыҙ төптәрәк ята. Төньяҡ-көнбайыш районындарында телдең бөтөн нескәлектәрен өйрәтеү тураһында һүҙ бармай, ә тамырҙары менән башҡорт булып та башҡа милләткә күсә башлаған уҡыусыларҙың милли үҙаңын асып биреү, ”ә-ә-ә башҡортмон икән әле”, ”бәлки, шулайҙыр” тигән икеләнеү тойғоларын уятыу беҙҙең өсөн ҙур ҡаҙаныш.

— төньяҡ-көнбайыш райондарында, шул иҫәптән Октябрьский ҡалаһында уҡытыусыларҙың төрлө диалекттарҙа һөйләшеүен иңҡар итеп булмай.

Ни генә тиһәң дә, балалар менән шәхсән эш төрҙәрендә халыҡтың менталитеты сатҡылары сағыла, ул ғаиләнән килә. Мәҫәлән, гимназияла башҡорт уҡыусылары ҙтә баҫалҡы һәм асыҡ түгелдәр, ә күңелдәренә юл тапһаң, уларҙың рухи донъяһы бай.

Туған телдә һөйләшкән ғаиләләрҙә аралашыу ерле һөйләштә, төньяҡ-көнбайыш диалектында бара, әммә ул диалекттың татар теленә яҡын булыуынан сығып, улар татар телендә һөйләшәбеҙ, тип уйлайҙар. Шуға уҡытыусыға башҡорт, татар әҙәби телдәре менән диалектын сағыштырыу зарур.

Данилова А.Н., г. Якутск

К ВОПРОСУ ФОРМУЛЬНОСТИ ИМЕН ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

В эпическом произведении ономастическая лексика, в частности антропонимика, - важный неотъемлемый элемент стиля, так как выбор

или создание имени всегда не случайны, а обусловлены творческим замыслом народа, сказителя.

Проблема сравнительного исследования поэтики, в частности, ономастической лексики, героических эпосов тюрко-монгольских народов вызывает интерес представителей разных областей. Формульные употребления имен персонажей широко распространены в эпосах тюрко-монгольских народов. Сравнительное исследование наименований эпических персонажей эпоса тюркоязычных народов позволило бы произвести весьма интересные анализы для изучения культурно-исторических взаимоотношений тюркских народов с другими народами. «Антропонимия может служить драгоценным историческим источником, помогая выяснить былой этнический состав и миграции населения в прошлом, датировать, локализовать письменные памятники и т.д.» [Никонов 1970, 47].

В якутской фольклористике ономастическое пространство эпоса олонхо остается все еще малоизученным, тем не менее, интересующий отдельных специалистов. Так, этой теме была посвящена диссертационная работа Н.И. Филипповой [Филиппова 2000, 22] и ряд ее статей, где анализируются структура и семантика эпических собственных имен героев олонхо. По мнению исследователя, структура имени героев сос-тоит из трех основных компонентов: эпитет – основная часть имени – показатель (показатель богатырства, социальный и т.д.). Далее, крупный исследователь сюжетики якутского эпоса Н.В. Емельянов [Емельянов 1983, 213] коснулся этой проблемы и составил словарь по основным частям имен персонажей и местностей в своей монографии. Автор отметил, что собственные имена персонажей состоят из двух частей: пояснительной и основной. Пояснительная часть имени главного героя, например, заключает в себе сведения о месте рождения, о его стране, кличке богатырского коня. А в именах абаасы пояснительная часть имеет отрицательный смысловой оттенок, характеризующий их кровожадность, алчность.

Объектом нашего исследования является формула имени персонажа якутского героического эпоса олонхо. В качестве сравнительного материала послужили, эпические имена героев хакасского, бурятского, и алтайского эпосов. Сравнительное исследование формул имен в эпосах тюрко-монгольских народов, выявление их структурно-семантической специфики позволило обнаружить особенности их интерпретации.

Как отмечают многие исследователи якутского эпоса, стиль олонхо отличается от других жанров многообразием отшлифованных устойчивых формульных сочетаний. В системе эпических формул четко выделяется формула имени персонажа. Эпос олонхо характеризуется обилием эпических имен. В данной статье формула имени персонажа рассматривается как его семантическая характеристика. Эпические онимы на протяжении повествования остаются неизменными и потому являются одним из наиболее устойчивых характеристик персонажа. В них часто

раскрывается идейный замысел всего эпического сказания и глубина его содержания. Нами разработана структурно-семантическая модель именной формулы: ОР 1 (определительный ряд), показывающий место обитания персонажа, +ОР 2, указывающий на родовое происхождение, +ОР 3, маркирующий индивид, +ИП (имя персонажа) + П (показатели): П 1 (показатель сословного статуса)+/или П 2 (показатель пола)+/или П 3 (показатель возраста). В первом определительном ряде (ОР 1) именной формулы эпический персонаж характеризируется по месту локализации. Богатырь *айыы Кулун Куллустуур* населяет Средний мир (Сибирь), но известен он во всех трех эпических мирах. Второй определительный ряд (ОР 2) знакомит с родословной линией героя: родителями (отцом и матерью) выступают божества конного скота *Джесегей* и его жена *Джюсюлю*. Из этого следует отметить, что герой имеет божественное происхождение. В третьем определительном ряде (ОР 3) идет маркировка персонажа. Для раскрытия сущности эпического персонажа цвет и средства передвижения являются показателями тех или других свойств персонажа. Между ездовым животным и всадником существует неразрывная связь: каков нрав коня, таков и хозяин. Ядром именной формулы является собственное имя персонажа (ИП). Имя героя является составным и представляет собой словосочетание *Кулун Куллустуур* (букв. жеребец быстроногий и резвый).

ОР 1 (место обитания персонажа)	ОР 2 (родовое происхождение)	ОР 3 (маркирующий индивид)	ИП (имя персонажа)	П 1 (показатель сословного статуса)
В Верхней Сибири названным, В нижнем мире названным, В Среднем же мире названным	Родился от младшего брата моего (Юрюнг Айыы Тойона) Грозного Джесегея и Джюсюлю Хотун	Владеющий конем: Огненный Рыжий конь, Который, резвясь, мотает головой; Буйный Рыжий конь, Который, резвясь, Перебирает ногами; Вихревой Рыжий конь, Который резвясь, Помахивает хвостом	Кулун Куллустуур (жеребец быстроногий и резвый)	Богатырь

Таким образом, ономастический материал якутского эпоса показывает, что антропонимы олонхо представляют собой поэтический «сгусток», нагруженный информацией, которая ориентирует слушателя в таком сложном тексте как эпос.

В формульных наименованиях действующих лиц алтайского, бурятского и хакасского эпосов определительные ряды не имеют такой четкой упорядоченности, как в якутском олонхо. Формульные употребления именований героев представлены в виде сокращенных

устойчивых сочетаний слов. Имя главной героини хакасского эпоса Ай Хуучин, по мнению В.Е. Майногашевой, «восходит к древнетюркскому слову *ай£учи*, что значит «советник». <...> Имя Ай Хуучин отражает социально-политическую роль, назначение. Она – главный воин-защитник *чурта* и солнечного мира. Эта функция сочетается с функцией советницы при наследнике ханского дома Хан-Миргене» [Майногашева 1997, 36].

Исследуя лексический состав именных формул в эпосах тюрко-монгольских народов, можно наблюдать частое употребление идентичных по структуре и семантике однозначных слов, например, *«алтан/алтын», «хан», «куо/арыг», «ак/аар», «мирген/мэргэн»* и др. Мужские имена подчеркивают такие качества, как мужество, ум, власть, богатство и т.д., женские – необычайную красоту, нежность, стройность и т.д. В именах отражены материальная культура, религиозные, социально-бытовые взгляды людей. Сравнительное изучение именных формул всесторонне расширяет наши представления о культуре, языке, этнографии и истории каждого народа.

Литература:

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. - М.: Наука, 1983. –248 с.

Майногашева В.Е. О хакасском героическом эпосе и алыптых нымахе Ай-Хуучин. //Ай-Хуучин: Хакасский героический эпос /Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока/. – Новосибирск: ВО «Наука», 1997. – С. 36. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики. - //Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.: 12970.

Филиппова Н.И. Имена собственные в олонхо. Структура и семантика. – Автореф. дисс.канд.фил.наук. – Якутск 2000.; Она же. Собственные имена персонажей в олонхо //Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978.; Она же. Об одном эпитете Юрюнг Айыы Тойона. // Мифология народов Якутии. – Якутск, 1980.

Доценко Т.И. , г. Ишимбай

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКЕ ДИАЛЕКТОВ

Исследования русских говоров свидетельствуют о том, что традиции и обряды, отражающие архаическую ментальность, сохраняются в большей степени, чем можно было предположить. Мной были обследованы говоры хутора Кузнецовское и деревни Ромадановка Ишимбайского района. Считается, что архаическое сознание и традиционная обрядовость, сохраняющиеся прежде всего в периферинных говорах, которые с этой точки зрения являются, пожалуй, наиболее исследованными. Поэтому я неслучайно остановила свой выбор на изучении говоров этой территории.

Хутор Кузнецовское.

1. Специфика вокализма «оканье».

2. Настоящее время преобладает спряжение глаголов по **I** спряжению: косют, возют, просют.

Деревня Рамадановка.

1. Специфика вокализма «оканье».

2. Настоящее время преобладает спряжение глаголов, по **I** спряжению.

Говоры деревень мало изменились, в них до настоящего времени сохраняются архаические черты в области лексики и этнографии.

Имеющиеся источники описывают историю, хозяйство, быт, культуру жителей этого района. В записях краеведов отличаются черты, присущие местному населению (хутор Кузнецовское), а именно:

1. Стойкое суеверие (вера в колдунов, нечистую силу, связь с миром мертвых, распространение знахарства, скотоводческая и земледельческая магия);

2. Любовь к различного рода празднествам;

3. Обязательное подаяние бедным, в том числе подача милостыни, сопровождавшая праздники, погребальный и поминальный обряды;

4.Непременное соблюдение основных семейных обрядов – свадебного и похоронного.

Как показал собранный мною материал, все перечисленные элементы народной культуры существую и по сей день и имеют определенную языковую реализацию. Следует отметить, что погребальный обряд характеризуется лучшей сохранностью по сравнению со свадебным.

В обследованном говоре (д. Ромадановка) отмечено только два из четырех перечисленных выше признаков: стойкое суеверие и соблюдение семейной обрядности. В данном диалекте и сейчас широко распространены заговоры, всякого рода знахарство, насылание порчи, лечение болезней магическими приемами, вербальные и акциональные обереги (апотропеи). В оберегах так же, как в заговорах, обнаруживается синтез христианства и язычества. Существует, по рассказам информантов, много способов наведения порчи, сглаза, которыми пользуются до сих пор: *наговорить на воду, на масло, на соль и скормить* это тому человеку, на которого наводится порча. Еще один способ навлечь неприятности на кого-либо – *сделать тороп*, т.е. выложить дорогу к дому чем-либо колючим(колюном). *Ну шишки-ти, колючки-ти, и вот их срубают и кладут, как елку. Вот это колюн.* Все вышесказанное свидетельствует о том, что приведенные выражения помимо лингвистической содержат и культурологическую составляющую, которая не знакома носителю городской культуры. Поэтому при изучении лексики диалектов необходимо учитывать и понимать обрядовый дискурс.

Избавиться от порчи можно с помощью ритуалов, связанных с магическими предметами и действиями: так, для защиты жениха и невесты от сглаз необходимо *подложить ладан* в их обувь, либо заколоть булавку, в гостях следует *сдувать* с пищи заклятия (когда *гуляете в гостях, всегда сдувайте, где бы ни была, ноги перекрести*). Существуют магические приемы, возвращающие зло его отправителю: сжигание заговоренных предметов, шерсти, колюна и др. А для изгнания нежелательных и злых сил хозяйке в Великий четверг следует обойти дом, хозяйственные постройки и рассыпать вокруг них мак или зерна пшеницы, приговаривая: *Иду торной тропой, торной тропой, засыпаю чертову тропу*. Обход повторить трижды. *И вот пшена под порог. Пшена взяла и посыпала Богородице – ни один дьявол не перейдет*.

Для лучшего результата истечения дел существует такой магический прием: *Двери – дверями, цари – царями. Иду к вам с опаской, вы ко мне с лаской. Иду к вам с горьким перцем, вы ко мне с добрым сердцем*. Повторяют трижды.

В обследованных говорах продолжает бытовать множество быличек об общении с умершими, о привидениях, колдунах, оборотнях.

Достаточно полно сохраняется и похоронная обрядовость, воплощающая наиболее значимый рубеж – переход (возвращение) в иной мир. Обряд включает в себя следующие обязательные компоненты: голошение, собирание покойника в дорогу, одаривание присутствующих на похоронах (платками, ложками, стаканами), трапезу с поминовением усопших по определенным датам.

Две другие черты – пристрастие к праздникам, выражающееся в их обилии и пышности, милостыня, сопровождающая основные события в жизни человека – отмечены в хуторе Кузнецовское.

Дыбо А.В., г. Москва

К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В настоящее время Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН начал серию изданий «Основы тюркского языкознания», задуманную Э.Р. Тенишевым и планировавшуюся как углубленное введение в изучение тюркских языков. В ходе работы над проектом оказалось, что в распоряжении коллектива имеется уже подготовленный к печати, но так и не опубликованный корпус статей, посвященных описанию диалектных систем различных тюркских языков. Это была рукопись «Диалекты тюркских языков», собиравшаяся в 1967–1972 гг. под руководством Е.И.Убрятовой. Статьи эти были написаны на высоком научном уровне и в целом отвечали тогдашнему представлению о тюркской диалектологии. Реше-

ние о создании тома было принято как итог целого периода развития диалектологических исследований с 1950 по 1965 г., направлявшегося всесоюзными совещаниями по вопросам диалектологии тюркских языков, проходившими в Баку, Казани и Фрунзе.

Надо отметить, что с середины 70-х годов XX в. интерес к диалектологии среди тюркологов стал постепенно угасать; возможно, это было связано с решением ВАК о «недиссертабельности» сугубо описательных работ по диалектологии. Тем не менее том, завершенный к 1972 г., в исходном виде к 2006–2010 гг. публиковать было невозможно. За прошедшие годы все же появился ряд важнейших описательных работ; если даже и нет (как с казахскими диалектами), то по крайней мере вышли новые диалектологические словари.

Главной же проблемой для работы над описанием диалектов тюркских языков явилось следующее. Диалектологические описания и диалектологические классификации по преимуществу существуют в рамках исторической лингвистики. Классификация диалектов внутри диалектной системы какого-либо языка всегда бывает направлена на объяснение возникновения этой диалектной системы; ищутся ответы на вопрос, дивергентного или конвергентного происхождения этой системы, т.е. являются ли диалекты следствием сепаратного развития единого в прошлом идиома, или же часть диалектов – это следствие развития некоторого другого, близкородственного изучаемому, языка, подпавшего под влияние изучаемого языка. Выясняется географическое распределение диалектных явлений – опять же либо ради выявления контактного происхождения этих явлений, либо ради установления их первичности или вторичности методами ареалогии. В общем, задачи, ставящиеся в рамках диалектологии, бывают либо описательными, либо сравнительно-историческими, а наши взгляды на сравнительно-историческую грамматику тюркских языков за истекший период как раз и получили значительное развитие (что особенно выразилось в содержании последних трех томов – СИГТЯ 1997/2000; СИГТЯ 2002; СИГТЯ 2006).

С собственно диалектологическими проблемами авторам СИГТЯ пришлось столкнуться вплотную при работе над томом «Региональные реконструкции» (СИГТЯ 2002), когда выявились многочисленные проблемы тюркологических диалектных описаний. Попросту говоря, назрел момент для выявления всех «дырок» в существующих диалектологических описаниях, делавшихся по старым схемам (см. Программу опроса для диалектологического атласа тюркских языков (М., 1965) и многочисленные региональные опросники), и составления новой программы диалектологического опроса. При этом не имеется в виду, что нынешняя диалектологическая работа должна вестись буквально с помощью анкетного

опроса: нынешняя степень сохранности диалектных идиомов такова, что скорее существенная новая информация может быть получена лишь с помощью анализа спонтанных текстов. Но исследователь должен учитывать список вопросов, ответы на которые необходимо получить, чтобы понять место фиксируемого идиома в диалектной системе данного языка и среди тюркских языков в целом.

Применение исторического принципа при составлении фонетической анкеты для обследования диалекта, в сущности, не является чем-то новым. Те диалектологические науки, которые успели сформироваться в младограмматический период (германская диалектология), или на его рубеже (славянская диалектология, ср. манифест и анкеты Московской диалектологической комиссии), успели осознать, что в общем случае фонологические и аллофонические отношения в идиоме являются отображением фонологических и аллофонических отношений в предшествующем ему по времени языковом состоянии. Поэтому при описании фонетики // фонологии каждого нового идиома, относящегося к какой-либо известной генетической группе, следует учитывать возможность значимого отражения любых оппозиций, существовавших в реконструируемом для данной группы праязыке. Таким образом, анкета-опросник для диалектологического описания должна содержать количественно существенный (в пределе – полный) набор единиц, этимологические соответствия которых составляют в праязыке или родственных языках квазиминимальные пары. В этом случае наиболее велики шансы выявить максимальное количество оппозиций уже при пилотном полевом обследовании на ограниченном материале. Так были составлены анкеты МДК (конечно, на тогдашнем уровне знаний). Впоследствии вульгаризованное применение подхода, требующего отделения синхронии от диахронии, привело к размыванию этого принципа, что отодвинуло, в частности, ряд открытий в области славянской диалектологии вплоть до 80-х годов XX века, когда новая генерация исследователей составила новые анкеты (включающие разработки по акцентологии, нестандартным рефлексам редуцированных, нестандартным проявлениям палатализаций и под.).

Тюркская диалектология, дисциплина достаточно хорошо развитая, имеющая у своих истоков таких выдающихся лингвистов, как Н.И. Ашмарин, Е.Д. Поливанов, Н.К. Дмитриев, Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев и многие другие, тем не менее окончательно формировалась скорее уже в середине XX в., и указанный принцип при составлении анкет обычно старались затушевывать, чтобы избежать обвинений в младограмматизме. На первое место выступили попытки выявить фонологическую систему с помощью чисто синхронного анализа – или – что на настоящий момент следует считать уже позавчерашним словом в диалектологии – дифференциальные

обследования, когда диалектолог отмечает только то, что показалось ему в идиоме отличным от литературной нормы. Заметим, что чисто синхронный фонетический анализ с помощью инструментально-фонетического обследования, несомненно, методологически совершенно оправдан, однако практически при ограниченных возможностях – ограниченном количестве носителей, экспедиционного времени и технических ресурсов – часто оказывается менее результативным, чем мог бы быть при применении опросников с историческим бэкграундом. Следует отметить, что все классические работы по башкирской диалектологии использовали исторический принцип при отборе иллюстративного материала.

К настоящему моменту нами составлены анкеты для сбора материала к полному описанию фонетических и фонологических особенностей диалектов тюркских языков. Для каждого языка такая анкета включает порядка 1300 лексем. Как показывает полевой опыт, сбор анкеты от одного информанта занимает около 6 часов, производится запись на электронный носитель, что позволяет провести затем инструментальный анализ.

Ерімбетова А.Х. г.Алма-Ата, Казахстан

THE ARCHETYPES OF CONSONANTS IN THE CHRONICLE «KUTADGU BILIK» XI) BY YUSUF BALASAGUNI

It is known the language develops continually because of the passing time perpetually. A lot of alterations and differences appear in its phonetics, morphology, syntax, semantics. The alterations and differences are noticed in mutual comparing with living languages, ancient Turkish written relics and nowadays languages. The root of the Turkish languages are considered to be the same, therefore the similarities are more than differences in the word structure. But the historic – phonetic alterations are to be noticed firstly even in similar words.

The aim in front of us is to choose the conformities in the language of heritage memorial of the XI century «Kutadgu bilik» by Yusuf Balasagun, to ascertain in sounding of them in Kazakh language.The language materials proved the conformities of the sound of ancient and modern times as a result of the research. It showed these kind of differences from the phonetic point of view.

The conformity of Й-Ж at the beginning of the word. The nouns beginning from the sound **й** in the relic language always begin from the

sound **ж.** The one part of nouns that begins from the sound **й** that is common to all languages of relics as «Kutadgu bilik» and «hibat – ul chakayik» are: йол ҚБ, йүк ҚБ (жүк),йүз ҚБ (жүз), йигит ҚБ (жігіт), йел ҚБ (жел), йалған ҚБ (жалған), йанут ҚБ (жауап), йер ҚБ (жер), йағы ҚБ (жау), йавуз ҚБ (жауыз), т.б.

The part of the nouns beginning from the sound **й** (йула (шырақ), йүң (жүн), йурт (жұрт), йыпар (жұпар), йаш (жас), йай (жаз), йек (жын), йулдыз (жұлдыз), йашық (күн), йолчы (жол көрсетуші), йарлық (жарлық), йүрәк (жүрек), йаруқ (жарық)) appears only in the relic of «Kutadgu bilik».

The nouns beginning from the sound **й** are sometimes differentiated by the conformity of the equivalents in the Kazakh language **й ~ ж** (for example, *йүз-жүз, йол-жол, йел-жел, йалъан-жалъан, йер-жер*, etc), sometimes are differentiated by two, or more sound differences (for example, *йаъы-жау, йай-жаз, йаш-жас* etc.). The conformities **й ~ з, ғ ~ у, ш ~ с** are seen except these conformities.

The part of the nouns beginning from the sound **й** are not met in the Kazakh language. For example, *йармақ* ҚБ (ақшаның бір түрі), *йарын* ҚБ (иін), *йосун* ҚБ (әдет-ғұрып, жөн-жосық), *йөләк* ҚБ (тірек), *йыъақ* ҚБ (қаз), *йам* ҚБ (шөп-шар), *йунд* ҚБ (жылқы), *йоъурт* ҚБ (айран), *йөн* ҚБ (май, тоң май).

The difference is preserved in the relics of orchon –enisei that were in V–VIII centuries, not in the XI-XII centuries.The secret of this conformity lies to the ancient times.

The words beginning from the sonorous sound **ж** in the Kazakh language changes not only with the sonorous sound **й** in Turkish languages, also form the several conformity.

For example, the word *жыл* in kazakh language is *йил* in uzbek language, *сыл* in yakut language, *чыл* in tuba language, *сул* in chuvash language, *дзыл* in karashai – balkar language.The interlanguage conformities as **ж ~ й, ж ~ с, ж ~ ч, ж ~ с, ж ~ дз** are formed here. The turkologies paid much attention to these conformities that appears at the beginning of the word, but the basis is the same from the ancient time and tried to find the archetypes. The famous turkolog V.V. Radlov made a hypothesis the conformity of the archetype of **й ~ дж ~ ж ~ т ~ д ~ ч ~ ш ~ с ~ з**... at the beginning of the sentence may become the sonority of **й** at the beginning of 80 – years in XIX century [1, 256p.].He proposes this scheme: **й > дж, й > ч, ч > з, з > с, с > с'**. It means the sonority – **й** can change into **дж, ч** affricates, **ч** affricate into the sonority **з,** the sonority **з** into unvoiced **с**, the unvoiced **с** into soft **с'**.

The one of the famous scientist V.A. Bogorodizkiy achieved this hypothesis to the theory degree [2, 106-107p.]. He formed the opinion « the affricate **дж** appeared from the sonority **й** in the history of the development» in turkology. The direction of V.V. Radlov and V.A. Bogorodizkiy are supported by B.A.Serebrennikov and N.Z.Gadzhiyeva [3, 52-53p.].Also, E.D. Polivanov, I.G.Dobrodomov, E.R.Tenishev and others supported it. Therefore this hypothesis has being still studied at the universities of the regions to Soviet Union.

The foreign scientists N.N. Poppe, I. Markvart, K.G.Menges, G.Derver and others that were the head G.I.Ramsted had another opposite point of view against to V.V.Radlov and V.A. Bogorodizkiy. They consider the appearance of **дж** is not from the **й,** on the contrary, the sonority **й** appeared from the

дж or **д** [4, 33-34p.]. Supporting the opinion of G.I.Ramsted the archetype of the conformity is considered by Sh.Akbayev the affricate **ч** [5, 81-88p.] and by the F.A.Abdullayev the affricate **ц** [6, 201 б.].

The importance of the work of the Kazakh scientist B.Sagindykulu who proved his opinion and analysed all theoretical inferences and hypothesis, studies of the historical development way of the phoneme **й** is very important. Relying on the laws of the development of the phonetic system of the Turkish languages, historical processes, the pecularities of the articulation, acoustics, the language informations, the scientist separated the evolutional formation of phoneme *j* from the

complicated affricate *T* [*с/ш*], considered the sound conformities *тш ≈ тс ≈ тй ≈ дй ≈ дж ≈ дз ≈ т'с'≈ д'з' ≈ т ≈ д ≈ с ≈ з ≈ ш ≈ ж ≈ й ≈ h ≈ х ≈ қ ≈ к ≈ ъ ≈ г ≈ с' ≈ з' ≈ т' ≈ д' ≈ о* on the basis of the chain of sound conformities [7,18]. To the scientist`s mind, the one of the problem that hinders to decide the problem is to consider the one of the phoneme as archetype, the second one is not to pay attention to the epenthesis *h,, й.* Saying « except the hypothetical **т* [*с/ш*] complicated affricate it can be the archetype **тс (ц)* to the east Hun branch, **тш (ч)* to the west Hun branch in Turkish languages» the researcher divides into four periods of the complicated affricate *T* [*с/ш*] into individual consonants:

1 period is the formation of c spirant and *ш* hushing spirant;

2 period is the period of appearing of the sounds *т* and *h, й* in the affricates *mh, тй.*

3 period is the period of sonority of unvoiced affricates, appearing of *дз, дh, дж, дй* affricates;

4 period is the period of formation of non –proliferation phonemes and the full separation of the sound structure of affricates conforms to the Altai period [7, 23-28].The opinion of the researcher conforms to the nature of correlatives *t, d, ž, z, j* in the monosyllabic system of the Turkish languages.

The conjugation of the sounds *d, ž, z, j* in chronological basis that are used in the same degree in the monosyllabic structure of modern Turkish languages does not consider the natural nature of the phonological system consisting of the sounds said in different colour. Really, each of the modern new sounds cannot be the archetype. All of them were the allophones that appeared in the period of historical development after that.

References:

The comparing – historical grammar of Turkish languages. Phonetics/ E.R.Tenishev. – M.: Nauka, 1984. -484p.

Bogorodizkiy V.A.The introduction to Turkish linguistics. – Kazan: Nauka, 1953.

Serebrennikov B.A., Gadjieva N.Z. The comparing – historical grammar of Turkish languages.- M.: Nauka, 1986. – 304p.

Ramsted G.I.The introduction to Altai linguistics. – M.: foreign literature, 1957. – 254 c.

Akbayev Sh.H. The phonetics of the dialects of the language of karachai – balkar: The experience of comparing – historical study. – Karachaevo – Cherkesk,1963. – 166 c.

Abdullayev F.A. The phonetics of choresm dialects: The experience of monographic description of the oguz and kypchak adverbs of uzbek language. –Tashkent, 1967. – 201 c.

Sagindikuly B. The etymological basis of the development of the Kazakh vocabulary. – Almaty, Sanat, 1994. – 168p.

Жамсаранова Р.Г., г. Чита

ОЙКОНИМИЧЕСКИЙ ФОРМАНТ –*ОЙ* В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Общеизвестна роль ойконимических формантов для извлечения информационного потенциала в топонимии. «Суффикс в топонимии – своего рода «меченый атом», позволяющий проследить передвижения народных масс» [Никонов 1965, 83]. Статья посвящена структурно-

типологической характеристике некоторых ойконимических формантных типов региональной топонимии.

Известно, что регион представляет собой в историческом аспекте ойкумену народов, относящихся по своей этноязыковой принадлежности к урало-алтайской семье. Исходя из результатов изучения субстратной топонимии, особенно тюркской, правомерно поставить вопрос, который до сего времени остается открытым, а именно, о конкретной языковой соотнесенности некоторых ойконимических финалей *–ай/-ей/-ой/-уй.*

В специальных работах исследователей по ойконимии этнической Бурятии, Циркумбайкальского региона в целом вышеупомянутые форманты не описаны [Шойжинимаева 1999; Дамбуев, Шулунова 2005].

Ойконимических названий с данными формантами на территории Восточного Забайкалья, имеющих, согласно их архивной датировке, относительную временную давность, выделено более 30-40 единиц. Например, это названия следующих населенных пунктов: *Абагайтуй, Акатуй, Акурай, Бальзой, Булдуруй 1-й, 2-й, Гунэй, Дурой, Дурулгуй, Калангуй, Кокуй 1- и 2-й, Котой (Катаево), Курунзулай, Могой, Мордой, Онохой, Тут-Халтуй, Улятуй/Улеты, Судунтуй, Усть-Теленгуй, Телергуй, Верхний и Нижний Шаранай, Чикой* и т.д.

С формантом –ай в топонимии Забайкалья названий немного: *Акурай, Ушарбай, Зугалай, Курунзулай, Таптанай, Верхний* и *Нижний Шаранай*. С формантом –ей используются следующие названия: *Гунэй, Зуткулей, Малый Куналей, Чиндалей, Нижний Цасучей*; на –уй – *Абагайтуй, Акатуй, Булдуруй, Дурулгуй, Калангуй, Кокуй, Кукуй/Кука, Тут-Халтуй, Усть-Теленгуй*; на –ой: *Бальзой, Дурой, Мордой, Котой, Могой, Малый Тонтой, Большой Тонтой. Онохой, Шоной/Шонуй, Чикой*.

Большая часть этих ойконимов имеет письменную фиксацию в архивных документах. Так, по «Ведомости о крестьянских и инородческих поселениях Забайкальской области... » за 1897 г. в селе Котоевском проживало 607 душ в 82 дворах [ф. 19, оп. 1, д.86]. В селах Укыр и Шонуй в 193 дворах было записано 472 души, в селе Акатуевском Александровской волости – 141 двор, 1340 душ, в селении Котойском – 364 души, в Чикое в 1897 г. было записано 12 дворов с 42 душами [там же]. По этим данным видно, что поселения были населены людьми давно и некоторые из поселений стали центрами социально-бытовой жизни. В селе Онохой, где, по данным 1897 г., было 67 дворов с 317 душами, имелся свой экономический магазин.

Приграничные с Китаем и Монголией поселения записаны в архивах как караулы, например, Абагайтуевский караул, Булдуруевский караул, Дуроевский караул, Дурулгуевский караул [Тяжелов]. Все эти архивные свидетельства позволяют нам считать эти названия относительно давними. Об «исконности» их функционирования на данной территории свидетельствует, на наш взгляд, фонетическая вариативность финалей. Предположительно, эти вариации ойкоформантов в забайкальской топонимии обусловлены во многом моментами трансли-

терации названий на какой-либо язык в условиях межъязыковых контактных взаимоотношений автохтонного населения региона.

Это наблюдение основано на версии о тюркском происхождении форманта *–ой*, который, полагаем, и был первоначальной формой ойкоформантов *–ай/-ей/-уй*. Этот формант может представлять собой тюркское *өй* ‘дом; жилище, помещение’, которое зафиксировано «в различных фонетических вариантах во всех тюркских языках и их памятниках» [см. ссылку Ф.Г. Хисамитдиновой на Этимологический словарь тюркского языка Э.В. Севортяна; 2005, 65]. Этот же формант в ряду других отмечен Ф.Г. Хисамитдиновой в основах башкирских ойконимов XVI-XIX вв. [Хисамитдинова 2005, 65].

Фонетическая вариация тюркского ойкоформанта *өй* в виде *–уй/-ой* в башкирской ойконимии XVI-XIX вв. может служить типологической основой для этноязыковой интерпретации забайкальских ойкоформантов. Примерами подобного явления могут служить названия: Шоной и Шонуй, Дурай и Дурой, Могой и Могай, Улятуй и Улеты, существующие в региональной топонимии. Поэтому ойконимы с финалями на *–уй/-ой* гипотетически можно отнести к более «ранним» названиям тюркского языкового происхождения.

Ряд названий с формантами *–ай* и *–ей* обнаруживают по своему языковому происхождению связь с монгольскими языками и их диалектами. Как пишет В.И. Рассадин, «Вокализм непервых слогов говоров хоринского типа отличается от такового старомонгольского языка расширением употребления в непервых слогах широких гласных *а* и *э* за счет разогубления узких огубленных *и* и *ӥ* и перехода их в *а* и *э*, а также за счет ассимиляции гласной *i*», «тогда как в системе вокализма реконструированного древнемонгольского языка в непервых слогах могли употребляться лишь *а – е*, *и – ӥ*» [Рассадин, 1982, 30; 28]. По-видимому, именно эти явления развития исторической фонетики иллюстрируют названия с финалями на *–ай* и *–ей*. Причем отмечено, что распространены ойконимы с этими финалями преимущественно на территории, где искони проживают хори-буряты, тогда как ойконимы с тюркскими *–уй* и *–ой* — в более западных и центральных районах Забайкалья.

В своих «Очерках по истории...» В.И. Рассадин пришел к следующим выводам о тюрко-монгольских языковых связях: «... не вызывают сомнений уже древние контакты и взаимосвязи бурятских племен с тюркскими. Удалось выявить тюркизмы, бытующие только в бурятском языке и которых нет в других монгольских языках» [Рассадин 2007, 73-75]. Он пишет, что тюркизмы проникали в бурятский язык как в древнее время, так и после переселения протобуряг в район Прибайкалья примерно в X-XI вв.

В заключение добавим, что лексико-семантический и этимологический анализы изучения ойконимии Восточного Забайкалья с формантами *–ай/-ей/-ой/-уй* обнаружили их явное отэтнонимное и отгенонимное происхождение, что убеждает в соотнесении финалей

этих названий от тюркского ойконимического форманта (термина) *өй* ‘дом; жилище, помещение’.

Литература:

Никонов, В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.

Дамбуев, И.А. Названия городов и сел Циркумбайкальского региона / И.А. Дамбуев, Л.В. Шулунова. – Улан-Удэ, 2005.

Шойжинимаева, А.В. Ойконимия этнической Бурятии (лингвис-тический анализ) / АКД к. филол. н. – Улан-Удэ, 1999.

Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 19, оп. 1, д.86.

Тяжелов, Н.С. История населенных пунктов Читинской области (рукопись). – Чита, б/года.

Хисамитдинова, Ф.Г. Названия башкирских населенных пунктов XVI-XIX вв. – Уфа: Информреклама, 2005. – Изд. 2-е, испр..

Рассадин, В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М, 1982.

Рассадин, В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч.I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста, 2007.

Зәйнуллина З.Т., Стәрлетамаҡ к.

БАШҠОРТ ҺӨЙЛӘШТӘРЕНДӘ ТАМАҠ ТӨБӨ МЕНӘН ӘЙТЕЛГӘН [АЪ] ӨНӨ

Тамаҡ төбө менән әйтелә торған [аъ] өнө Инйәр йылғаһы буйында йәшәгән ҡатай башҡорттарының телендә йәшәп килә. Был өн анлаутта ғына осрай. Инйәр һөйләшсәһендә [ҡ] өнө лә тамаҡ төбө менән яңғыратып әйтелә. Миҫалдар: *каъра әле, каъма, каър*. «Инйәр ҡатайҙарының һөйләшендә [а] өнөн тамаҡ төбө менән әйтеү – боронғо күренеш. Тува телендә бөтә һуҙынҡыларҙың да тамаҡ төбө менән әйтелгән варианттары мәғәнә айыра» [Ишбулатов 2000, 13].

Тамаҡ төбө өндәре яһалғанда, тамаҡ төбө мускулдары ҡыҫылып, үпкәнән килгән һауа ағымының юлын ҡаплайҙар, шунлыҡтан һауа тамаҡ ҡыуышлығы аша үткәндә, үҙенсәлекле шартлау барлыҡҡа килә.

Эйек-Һаҡмар һөйләшенең Һаҡмар, Таналыҡ һәм Йылайыр буйы башҡорттарының телендә лә һүҙ башында тамаҡ төбө менән әйтелә торған [аъ] өнө бар. Мәҫәлән: *аък, аъъара, аъхыры*.

[А] өнөнөң тамаҡ төбө менән әйтелеүе һүҙҙең беренсе ижегендәге [ҡ], [ғ], [х], [h] өндәре эргәһендә тағы ла арта бирә.

Был территорияла йәшәгән башҡорттар [ҡ] өнөн дә тамаҡ төбө менән яңғыратып әйтәләр: *къайнай, къара әле, тукъал һыйыр* h.б.

Н.Х. Ишбулатов Эйек-Һаҡмар һөйләшендә тамаҡ төбө менән әйтелгән [ҡ] һәм [а] өндәренең бәйләнеше бар тип иҫәпләй. Был өндәрҙең Инйәр буйындағы ҡатай башҡорттары телендәге тамаҡ төбө менән әйтелештән ҡайтышыраҡ булыуын да билдәләй.

С.Ф. Миржанова фекеренсә, Һаҡмар-Һүрәм зонаһындағы [аъ] әйтелеше буйынса Инйәр һөйләшсәһендәге һәм Күбәләк һөйләшендәге [аъ] фонемаһы менән тап килә. Күбәләк һөйләшенә ул күбәләк, тиләү ырыуҙарына ҡараған Учалы районының көньяғында, Әбйәлил районының төньяғында йәшәүсе башҡорттарҙың телен индерә. Ағиҙелдең үрге ағымында йәшәүсе тамъян-ҡатайҙарҙың теле лә ошо

һөйләш составында ҡарала. Был һөйләш Күбәләк, Тиләү, Үрге Ағиҙел һөйләшсәләренән тора [Миржанова 1963, 128].

Һөйләш өсөн иренләшмәгән киң [а] өнө хас. Уны әйткәндә тел тамаҡ төбөнә тартыла. Бөтә телмәр процесы тамаҡ менән бәйле. *ңа* өн ҡушылмаһын әйткәндә [а] өнө танау резонансына эйә. С.Ф. Миржанова уны шартлы рәүештә **а** билдәһе менән күрһәтә. Миҫалдар: ***а**ба!* – ымлыҡ; ***а**ҡай* – әҙ. *аъай*, *ним-**а**ҙапт**а**н**а**ң* – әҙ. *нимә эшләйһең* мәғәнәһендә.

[Ҡ], [ғ], [х] тел арты тартынҡыларынан һуң килгән [а] өнөнә ҡарағанда һүҙ башындағы [а] асығыраҡ әйтелешле. Уның артикуляцияһында тамаҡ төбө лә нығыраҡ ҡатнаша. Ә [ҡ], [ғ], [х] тартынҡыларынан һуң килгәндә был өн танау резонансын юғалта.

Тик Тиләү һөйләшсәһендә генә тамаҡ төбө менән әйтелгән [а] фонемаһы ҡулланылмай. Сөнки ул территориаль яҡтан Ҡыҙыл һөйләшенә яҡын тора. Ә Ҡыҙыл һөйләшенә асыҡ [а] өнө хас.

А.М. Щербаҡ төрки телдәрендә фарингализация (грекса: pharygos – тамаҡ) һуҙынҡы һәм тартынҡы өндәрҙең йоғонтоһо һөҙөмтәһендә барлыҡҡа килгән тигән ҡарашты үҫтерә. Йәғни һуҙынҡы өн үҙенән һуң килгән тартынҡының көслө артикуляцияһын еткереү өсөн тамаҡ төбө менән яңғыратып әйтелә [Щербаҡ 1970, 46-47].

[А] фонемаһының тамаҡ төбө менән әйтелеше – боронғо осорҙан һаҡланып ҡалған фонетик күренеш. «Боронғо төрки телдә өндәр әйтелешендә ауыҙҙың артҡы өлөшө ныҡ ҡатнашҡан булған. Өзләп йырлау ҙа шуның менән бәйлелер. Тува һәм алтай халыҡтарында өзләп йырлау хәҙер ҙә бар. Өзләү башҡортта бөттө тип әйтергә була» [Ишбулатов 2000, 13].

Күренеүенсә, әҙәби телгә ҡарағанда һөйләштәрҙә боронғо тел күренештәре нығыраҡ һаҡланып ҡалған. Сөнки боронғо осорҙа башҡорт халҡының составына, төп башҡорт ҡәбиләләренән тыш, үҙҙәренең төп массаларынан айырылып киткән башҡа төрки ҡәбиләләрҙең төркөмдәре лә ингәндәр.

Әҙәбиәт:

Кейекбаев Ж.Ғ. Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш. – БДУ. Ғилми яҙмалар. III сығарыш. Башҡорт филологияһы серияһы №2, – Өфө, 1958.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө: Китап, 2000.

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор//Башкирская диалектология. –Уфа, 1963.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970.

Здобнова З.П., г.Уфа

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ РБ

В задачи диалектологии входит изучение структуры диалектов и территориального членения диалектного языка.

Основательное исследование русских диалектов связано с лингвогеографическим их освещением, с подготовкой и составлением Диалек-

тологического атласа русского языка, которое началось после издания ИРЯ АН СССР в 1945г. единой «Программы собирания сведений для составления ДАРЯ».

Составителями проекта ДАРЯ территория РФ была поделена на 11 квадратов – томов. Северная половина Башкирии при этом относилась к VII тому с центром в Казани, южная – к XI с центром в Куйбышеве.

С конца 40-х годов диалектологи ИРЯ АН СССР под руководством Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой начали работать над составлением отдельных томов Атласа – территории центральных областей РФ.

В результате К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова смогли представить научно достоверное территориальное членение русского языка с подробной характеристикой двух наречий (северного и южного), среднерусских акающих и окающих говоров, зон, групп говоров (Захарова и Орлова, 1970).

В Башкирии сбор материалов по Программе ДАРЯ был начат в 1947 г. студентами и преподавателями БГПИ им. К.А. Тимирязева под общим руководством доц. А.М.Иорданского, а также диалектологами Стерлитамакского и Магнитогорского пединститутов. К 1953 г. был собран материал в 47 н.п. северной части Башкирии.

С 1953 по 1970 гг. сбором материалов для ДАРЯ занимались преподаватели, лаборанты и студенты кафедры русского языка БГПИ им. К.А.Тимирязева под руководством З.П. Здобновой. Некоторыми материалами по северной половине Башкирии разрешили воспользоваться диалектологи Казанского филиала АН СССР (12 н.п.). В результате к 1970 г. мы располагали данными о говорах более 200 н.п. Башкирии.

На основе собранного диалектного материала были созданы и изданы «Территориальное варьирование русского языка в Башкирии» (Уфа, 1977) и «Типология русских говоров Башкирии» (Уфа, 1981). В 2008г. вышло 4-ое издание этой работы под общим названием «Атлас русских говоров Башкирии в 2-х частях».

В результате использования всех перечисленных материалов был сделан ряд наблюдений над структурой русских говоров Башкирии и ее изменениями в новых исторических условиях (см. монографию «Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии», «Атлас русских говоров Башкирии: В 2-х частях»).

Применив оригинальные методы генерализации данных АРГБ (использование многозначных фигур, таблиц, схем), мне удалось представить структуру каждого говора из 197 включенных в Атлас населенных пунктов в соотнесении с материнскими говорами исконно русских территорий, откуда шло переселение русских на свободные

земли Башкирии. Сравнение шло по 34 наиболее характерным для говоров фонетическим, грамматическим и лексическим явлениям.

В результате оказалось, что в Башкирии – как территории позднего заселения русскими из разных областей России – имеют место все основные типы русских говоров, известных на исконных землях России: говоры, удовлетворяющие характеристики северного наречия, южного наречия, среднерусских окающих и акающих говоров (АРГБ, 203-223). На карте «Типы русских говоров в Башкирии» показано их территориальное размещение (там же, 202). Описание структуры русских говоров Башкирии представлено в монографии «Судьба...», 39-59.

Выявлены некоторые особенности русских говоров на территории Башкирии: наиболее стойкие диалектные явления; стирающиеся явления; взаимопроникающие явления северного и южного наречий; диалектные явления, распространенные в изучаемых говорах разных типов и принимающие характер общих черт на картографируемой территории; трансформация некоторых элементов структуры языка, ведущая к появлению новых особенностей говоров: сложение новых типов яканья, расширение узких заударных гласных (и, ы, у); влияние языков тюркской группы на русские говоры Башкирии, проявляющееся не только в лексике, но и в грамматическом строе – трансформация грамматической категории рода («Судьба...», 60-100).

Среди очередных задач выделим прежде всего: 1) продолжение сбора материалов по Программе ЛАРНГ; 2) составление на этом материале карт и атласа по территории Башкирии; 3) возможность участия в Заседаниях по вопросам ЛАРНГ в Санкт-Петербурге; 4) составление звучащей хрестоматии по русским говорам на основе имеющихся и новых записей; 5) восстановление ЛУРа, оборудования: диктофоны, и пр.; 6) восстановление единицы лаборанта-диалектолога; 7) восстановление кабинета диалектологии, картотечных ящиков; 8) выделение средств на проведение экспедиций и выезда в Санкт-Петербург для участия в работе Совещаний.

Литература:

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под.ред.Р.И.Аванесова. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 1103с. Приложение: 279 карт.

Захарова К.Ф. и Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – М.: Просвещение, 1970. – 167с. с картами.

Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: В 2-х ч. – 4-е издание. Ч.1, 2. Уфа: Гилем, 2008. – 230с.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. – Изд-е Башкир. ун-та. – Уфа, 2001. – 155с.

Здобнова З.П. Хрестоматия по русской диалектологии (на материале русских говоров Башкирии). – Уфа: Гилем, 2010. – 184с.

Словарь русских говоров Башкирии: А – Я / Под.ред. З.П.Здобновой. – Уфа: Гилем, 2008. – 406с.

Ибрагимова Э.Р. , г. Уфа

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНО-ЯЗЫКОВОГО СМЕШЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТА ЯЗЫКА СИБИРСКИХ ТАТАР

В настоящее время по территориально-этническому признаку к томской группе сибирских татар относятся ***эуштинцы*** (г. Томск), ***чаты*** (проживающие в Томском районе Томской области и Колыванском Районе Новосибирской области) и ***калмаки*** (проживающие в Юргинском и Яшкинском районах Кемеровской области) [Историческая...1996, 306].

Обозначенные этнические группы активно контактировали друг с другом и, постепенно в результате этого сложился общий язык – томский диалект языка сибирских татар. На это указывают некоторые языковеды, подчеркивая, что «эуштинская, чатские и калмакские деревни составили вместе цепочку находящихся на близком расстоянии одно от другого селений, между которыми установились тесные хозяйственно-культурные и родственные связи, послужившие причиной нивелирования диалектных различий и выравнивания языка этих различных тюрко-язычных этнических групп». Очевидно, возникший в результате этого смешения общий язык томских тюрков, по мнению исследователей, можно назвать старым томско-тюркским наречием. Оно, на наш взгляд, представляет собой своеобразный комплекс фонетических, грамматических и лексических особенностей, которые в ряде случаев сходятся с характерными признаками ближайшего к нему на северо-востоке чулымско-тюркского языка (точнее, нижнечулымского диалекта), во многих случаях – с особенностями барабинского, тобольского и тюменского, расположенных на западе от него, нередко также с признаками шорского и алтайского, находящихся в соседстве от него на юге [Абдрахманов 1959, 163-164].

Томский диалект языка сибирских татар относится к языкам миноритарных народов Сибири и находится под угрозой исчезновения, поэтому необходимо успеть зафиксировать и изучить особенности этого диалекта, отражающего, в том числе, и особое мировоззрение этого малочисленного народа. В данной работе подробно анализируется одна из грамматических категорий – категория посессивности и способы ее выражения в эуштинском, чатском и калмакском говорах диалекта языка сибирских татар.

Как известно, томский диалект языка сибирских татар относится к тюркским языкам, поэтому способы выражения категории посессивности в указанном диалекте соответствуют способам выражения категории посессивности языков тюркской группы. В широком смысле слова категория посессивности – это отношение одного объекта к другому, в более узком – отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. В

рамках данного исследования мы склоняемся к расширенному пониманию посессивности.

Обозначенная категория может быть выражена: I) морфологически, т.е. с помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности [СИГТЯ 1988, 22-23], присоединяемых к основе существительного, например **эуштинский говор** (2007):

1) inä-**m** qarliɣan ij-äj
мать-1SG смородина собирать-PRS.3SG
'мать (моя) собирает смородину';

II) морфолого-синтаксически, т.е. с помощью личных местоимений, находящихся в препозиции к определяемому, и соответствующих им аффиксов принадлежности, присоединяемых к концу названия предмета обладания, например **калмакский говор** (2008)

2) **alar-n** kičig- katu tištij-t'
они-GEN собака-3PL сильно кусать PRS.3SG
'их собака (их) сильно кусается'

III) синтаксически, т.е. с помощью сочетания притяжательной формы личных местоимений с названием предмета обладания, например **чатский говор** (2008)

3) **silär-n kɛ** **skazka** ajbät
вы - POSS сказка хороший
'ваша сказка хорошая'

Изучив экспедиционный материал по томскому диалекту языка сибирских татар, собранный за последние 50 лет (1956 - 2008) и, опираясь на наши собственные наблюдения, можно сделать следующие выводы: 1) по имеющимся в настоящее время собственным полевым материалам наиболее распространенным способом передачи посессивности в томском диалекте языка сибирских татар является морфолого-синтаксический (смешанный) способ, который характеризуется как изафет III; 2) личные местоимения в форме родительного падежа 1 л. ед.ч. (**minɛ ,**), 1 л. мн.ч. (**bestɛ**) и 2 лица мн.ч. (**silärnɛ**) томского диалекта сохранили свою исконную форму, в отличие от остальных местоимений, которые совпадают с формами личных местоимений в форме родительного падежа литературного татарского языка. В настоящий момент в своей речи эуштинцы используют формы личных местоимений татарского литературного языка, кроме местоимения 2 л. мн. ч., которое в томском диалекте имеет вид **silär** 'вы', в отличие от татарской формы **сез** 'вы'; 3) система посессивных аффиксов томского диалекта за последние годы изменилась под влиянием татарского литературного языка. В первую очередь, это связано с появлением особого показателя **-gis, -g z**. Во-вторых, в томских посессивных суффиксах **-bis, -b s** (с вариан-тами), наряду с сохранением местного конечного глухого согласного **-s**, узкие гласные (**i,**) имеют тенденцию к расширению под влиянием татарского

литературного языка, и в результате образовываются параллельные суффиксальные варианты (**-bɛs, -ɛbɛs, -ɛ**). Таким образом, татарский литературный язык постепенно вытесняет специфические показатели посессивности сибирских говоров, что приводит к перестройке исконных посессивных формантов томского диалекта языка сибирских татар.

Исходя из всего изложенного выше, можно заключить, что в результате взаимодействия и смешения эуштинского, чатского и калмакского говоров с татарским языком происходит постепенная смена томского диалекта языка сибирских татар на татарский язык.

Литература:

Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике (на материале тюркского говора деревни Эушта Томского района) // Ученые записки Томского пединститута, т. XVIII. – Томск, 1959. – С. 163 – 220.

Историческая энциклопедия Кузбасса. Т.I. «А»- «К». – Кемерово, 1996. – С. 306.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 23.

Транскрипция:

ä – переднерядный гласный /а/; **ı** – заднерядный, неогубленный гласный /ы/; **ɛ** – переднерядный, неогубленный гласный /э/; **š** – переднеязычный, фрикативный /ш/, **č** – переднеязычный, фрикативный /ч/.

Условные обозначения:

SG – единственное число; **PL** – множественное число; **3SG** – посессивный аффикс 3 л. ед.ч.; **PRS** – аффикс настоящего времени; **GEN** – родительный падеж; **POSS –** показатель посессивности.

Ilyasova N.A., Republic of Kazakhstan, Almaty

THE COGNITIVE ASPECT OF THE WORD COMBINATION OF KAZAKH LANGUAGE

One of the main topical issues of modern linguistics is anthropocentrism. "The man depicted almost everything in the language: his physical appearance, internal states, emotions and intellect, attitude to the object and non object world, nature etc. ... Language is throughout anthropocentric" [1. 40-52].

A great interest of linguists has increased to the problems of human cognitive activity and methods of representation in language phenomena and qualities of the external world. In the basis of the world picture originally conceived in every language, there is a cognitive function which allows interpreting differently linguistic categories, their structure, relying on the mechanism of human knowledge idea in certain cognitive models.

In this article we dwell upon the cognitive function in describing the meaning of words and word combinations, representing the one or another concept in Kazakh language. In Kazakh language words have great valence of grammar, they relate with each other if there is a compatibility of lexical phrases. Lexical compatibility of words and word combinations in the phrase is considered in connection with the process of cognition. The process of learning takes place in connection with the knowledge of objective reality. A man in his

life knows only those things, objects and phenomena, which he sees. Cognition of those things, objects and events happen in the process of identifying their properties, qualities and signs. As a result there happens a nomination of objects and phenomena of objective reality.

The process of titling is being developed in two aspects. Firstly, the titles of objects and phenomena (the nomination): for example, адам 'man', өсімдік 'plant', сиыр 'cow', etc. Secondly, nominees, appeared from the definition of various features, properties and qualities of those objects and phenomena. Nominees have differential properties for distinguishing types of given objects and phenomena from each other. For example, ақыл 'intellect, mind', ой 'thought', сана 'mentality', күлу 'laugh', сөйлеу 'speak' - these words are used as the qualities of the person and indicate the particular use of the phrase in category 'man". Nominal word titles like жапырақ 'leaves', тамыр 'roots', бұтақ 'twig' indicates nomination өсімдік 'vegetation', and the words мүйіз 'horns', тұяқ 'hoof', мөңіреу 'to moo', күйсеу 'chew the cud - only about animals'- regards to the nomination cow, these examples clearly show features of the given nominative units. The common feature for the nomination and the nominee is nominative function. Outstanding kazakh scholar K. Zhubanov believes that the nominative meaning of the word is a constant, stable. He writes that if we give a new name to the word **tree** every day, it contradicts the principle of nominative word meaning [2.98].

Following the word combination theory of Kazakh scientist K. Zhubanov, we use the terms nomination and nominees. In the mind of a person nominees are stored as words that show the features of objects and phenomena only characteristic to these words and with the development of language the nominees are individualized and form concepts that define the semantics of language means used for its expression. Concepts like the results of intellectual activity of a man are expressed in words, phrases, texts, including those which describe the national-specific features. For example, in the Kazakh language words like: адам 'a man', мал 'a cattle', жануар 'an animal' and others, who tend to see, there forms nominee көз 'eyes'. In Kazakh language word көз 'eye' has about 350 meanings. Nominees are learned as objects and phenomena; cognitive semantics is used as a basis in determining their specifics. For instance, words жылау 'to cry', күлу 'to laugh', ойлау 'to think', сөйлеу 'to speak' are the actions inherent to man, cognitive semantics is the basis of cognition the word адам 'man' as an object of reality.

Nominees and the nomination are interconnected concepts. This connection happens owing to the grammatical links between word combinations. Each nomination in the language to know its properties and qualities connects with the other nominees. For example, the word ағаш 'tree' – is a nomination. This word is formed in the object of cognition by nominees тамыр 'root', жапырақ 'leaves', бұтақ 'twig', өсу 'grow', etc. If there is a cognitive relation between nominations and nominees, then they will have semantic meaning, furthermore will be linked grammatically. For example, ағаштың жапырағы

'leaves of the tree', ағаштың ағаштың тамыры ‘root of the tree', ағаштың бұтағы 'twig of the tree ' or адамның ақылы 'human mind', адамның сөзі 'man’s word', білімді адам 'competent /educated person'. In various languages grammatical structure of these expressions might be different, but the cognitive significance is same.

Methods of connections of nominative and nominee words in terms of semasiology are called syntactic syntagm. Because nominative and nominee words have their own characteristics in their semantics. Nominative words have fundamental meanings, which are the titles of the phenomenon of reality and forms of lexical meanings. For example, the basic meaning of the word адам 'man' - is a living creature with anatomical and physiological data (бас 'head', аяқ 'foot', дене 'body', қол 'arm', көз 'eyes'), has the ability to think (ой 'thought ', қуаныш 'joy', мұң 'sadness'); processes actions (сөйлеу 'speak', күлу 'laugh', etc.), has quality means (ақылды 'clever', білгіш 'expert, clever’), genetic data (еркек 'man', қыз 'girl', etc.). With the help of the semantic meanings system the word адам 'man' is the object of cognition and used in the main meaning.

Nominees which form nominative words in the object of cognition, determining the internal content of nominations are used in the main meanings.

Nominative meaning is a nomination that turns the word into an object of cognition and indicates the subject of semantic meaning. For example, words like бас 'head', аяқ 'foot', қол 'hand', ой 'thought', ақыл 'mind' define the subjective meaning of the word адам 'man' as a nominee used in the main meaning.

Direct meaning is a nomination turning the word into an object of cognition, which expresses the semantics of the quality, quantity and procedural time. For example, for the word 'адам' semantics of procedure, the quality of the nominees reflect such words as күлді 'laugh', ойлады 'thought', ақылды 'clever' which are used in the direct meaning.

In semasiological terms there are semantic features characteristic to syntactic syntagm: firstly, the semantics of word combinations express the meanings of words; and secondly, nominative words are used in main meanings – they are nouns, proper names, only nominal words are divided into types by meaning; thirdly, nominee words do not connect with each other. For example, nominee words like leaves 'жапырақ', root 'тамыр', twig 'бұтақ,' define the nominative meaning of the word ағаш 'tree' and they cannot be combined with each other. In semasiological point meaning of the words in syntagms expresses the inner meaning of the word.

In conclusion, if the words in word combinations linked in nominative meanings, they show the semantic level of connection of specific titles. If the words in word combinations combined in main, direct and nominative meanings in semasiological relation, they show the semantic level of connection as "element" unity. [

Bibliography:

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
Жұбанов К. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы, 1999.

Исабекова У. К., г.Алматы, Республика Казахстан

ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕТЮРКСКОГО КОРНЯ НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Аспектуализация отношений между языком средневековых тюркских памятников и современными тюркскими языками эксплицирует не только лингвогенеалогические истоки, но и преемственность связи ментально-этнического характера, обще-тюркское языкового сознание и общетюркское восприятие мира. Более того, исследования в этом направлении инициируют раскрытие национально-культурного сознания, решение историко-социальных проблем, способствуют укреплению общетюркского менталитета и открывают новые перспективы для сохранения исторической и духовной общности всех тюркских народов.

На современном этапе развития лингвистической науки перед тюркологией ставятся новые задачи, значительно расширяющие ее горизонты. Если традиционно тюркология акцентировала внимание на исследовании истории тюркских языков, то сегодня актуализируется сравнительное и сопостовительное изучение разных уровней современных тюркских языков, результаты которого будут служить надежной базой для дальнейших исследований в свете антропоцентрической научной парадигмы. В этой связи трудно переоценить значимость сопоставительного изучения корня и основ на материале средневековых письменных памятников и современных тюркских языков, представляющей собою сокровищницу истории и культуры тюркских народов, с позиций структурно-системных, сравнительно-исторических и антропоцентрических парадигм. Важность изучения тюркского корня и основ современных тюркских языков на материале диалектов средневекового кипчакской группы определяется не только лингвогенеалогическими истоками, но и преемственностью связи ментально-этнического характера, отражающей общетюркское языковое сознание, миросозерцание и миропонимание. Исследования в этом направлении способствуют выявлению универсального (общетюркского) и национально-специфического в языковых картинах мира, тем самым способствует не только решению сугубо лингвистических задач, но и сохранению исторической и духовной общности всех тюркских народов.

Средневековые памятники традиционно исследовался в контексте огузских, уйгуро-огузских, киргиз-кипчакских языков, а связь письменных памятников с западно-кипчакской подгруппой тюркских языков долгое время оставалась вне поле зрения учёных. Анализ же преемственных связей языка кипчакской подгруппы современных тюркских языков и языка памятников на моносиллабическом уровне и на уровне корня, основ, является релевантным для общетюркской онтологии, семасиологии, когнитивистики.

В тюркологии корневая концепция имеет свою длительную историю изучения, тем не менее, несмотря на то, что она всесторонне исследована, вне поля зрения всегда оставались вопросы о разграничении структурных типов корневых слов, об определении фономорфосемантической природы коррелятивов в составе гомогенных моносиллабов, что также определяет актуальность настоящего исследования. Сложная природа тюркских корней может быть четко разграничена только при комплексном рассмотрении структурных особенностей гомогенных моносиллабов, их содержания, на лингвогенетической основе исследования архиформы и архисемы, а также первичных звуковых фоно-коррелятов и идейного описания. Поэтому одной из актуальных проблем является исследование моносиллабов в тюркских языках с позиций структурно-системных, сравнительно-исторических и антропоцентрических парадигм.

Грамматические структуры корней и основ средневековых диалектов тюркского языка и кипчакской группы перетерпела различные изменения вследствие межязыковых контактов. Сравнительное исследование семантических особенностей корней и основ современной кипчакской группы показывает своеобразие мировоззрения и быта близкородственных тюркских народов. Общность корней, основ и моносиллабов кипчакской группы была сформирована в древности и является основным источником информации об единстве языковых и познавательных тенденций, сохранивших древнекипчакскую основу. Сопоставление структуры, семантики и использования языковые материалы, относящего корня и основ, кипчакской группы позволяет выявить особенности развития тюркских языков. Безэквивалентные корни кипчакской группы являются источником, предоставляющим сведения о характере индивидуализации менталитета и быта тюркских народов. Этногенезисный характер тюркских корней выявляется во взаимосвязи с особенностями исторического развития тюрских народов. Изменения в семантических стуктур тюркских корней являются следствием трех факторов: семантического развития, отражения специфических особенностей ментальности каждого народа, языковых и культурных контактов.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что определение основ моносиллабической системы в языке памятников и кипчакских языках, анализ эволюции развития их структурных моделей позволяют решить сложные вопросы общетюркской корневой концептологии; выявить в составе корней идео-фоническое, идеосегментное качество фоно-коррелятов; установить обширный корпус общетюркских корней.

Исследование корней и основ языков на матриале диалектов средневековых тюрских языков, составляющей одну из значимых ветвей современных тюркских языков, и сохранившиеся памятники

древнетюркских государств, выявление в них с помощью лингвистического анализа присущие для тюрков моделей онтологических, семасиологических стереотипов открывают новые возможности для развития и обобщения общетюркской корневой концепции.

Исхакова Г.Г., г. Уфа

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ЗАГОВОРАХ БАШКИР

Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»

Заговоры – это короткие устно-поэтические произведения, которым приписывалась магическая сила, способная вызвать желаемое состояние. Они тесно связаны с мифами и со всей мифопоэтической сферой. Заговоры являются одним из самых древних и сложившихся жанров художественного слова не только башкирского народа, но и всех народов.

Заговоры играли большую роль в повседневной жизни башкир. Произнося заговоры, сопровождая их ритуальными действиями, народ пытался вызвать благоприятную погоду, получить хороший приплод скота, излечить человека от болезней, внушить любовь и т.д. Утратив форму магического действия, заговор сконцентрировал вни-мание на тексте, приобрел устойчивую композицию. Поэтому сейчас они представляют собой ценнейший фактический материал для изучения древней духовной культуры и мировоззрения народа. В них нашло отражение все лексическое богатство, многообразие словарного состава. Основным показателем выступает диалектная лексика.

Употребление диалектизмов в заговорах – явление обыденное.

Например, в качестве названия болезни грыжи в заговорах встречаются следующие диалектные варианты слова **бүҫер:** *бүһер, бүсер, биһер. Бүҫер* – название духа болезни грыжи и употребляется во всех заговорах от грыжи. *Сыҡ,* ***бүҫер,*** *сыҡ,* ***бүҫер,*** *Эстән тышҡа сыҡ,* ***бүҫер,*** *Сыҙып тышта ҡал,* ***бүҫер!*** *Кәк(е)рәйеп ҡат,* ***бүҫер!*** [БХИ. I т., с.74]. (Выходи, грыжа, выходи, грыжа, Изнутри выходи наружу, грыжа, Выйдя, останься снаружи, грыжа, Свернувшись, застынь, грыжа!)

Диалектный вариант рассматриваемой лексемы встречается в следующем заговоре: *Ҡара* ***бүһер,*** *Аҡ* ***бүһер,*** *Унда ятма, Бында ят, Кил, сыҡ!* [БХИ. I т., с.75]. (Черная грыжа, Белая грыжа, Туда не ложись, Сюда ложись, Иди сюда, выходи!).

В терминах родственных отношений также встречаются диалектизмы. Вместо лексемы *әсәй* “мать” во многих заговорах исполь-зуется диалектный вариант – *инәй* “мать”. Например, во время купания новорожденного в бане, повивальная бабка приговаривала: ***…Әсәң*** *яҡҡан мунса түгел, Бүрәнә башы, буре теше, у-у-у!* [Хисамитдинова 2006, с.16]. (Не твоей матерью топленная баня, Конец бревна, волчий клык,

у-у-у!). В заговоре данного назначения может встречаться и слово *инәй:* ***…Инәң*** *яҡҡан мунса түгел...*

В заговорах встречаются различные диалектные варианты лексемы *Ғәйшә-Фатима*. Эти два имени всегда употребляются вместе и, по поверьям, основаны на большой магической силе [Хисамитдинова 2002, с.44]. Данное выражение вошло в башкирскую мифологию вместе с исламом. Гайша – имя жены пророка Мухаммеда, а Фатима – имя дочери пророка. В башкирских заговорах наряду с *Ғәйшә-Фатима ҡулы* "рука Гайши-Фатимы", *Ғәйшә-Фатима име* "лечение Гайши-Фатимы", *Ғәйшә-Фатима теле* "язык Гайши-Фатимы".

В заговорах различного назначения встречаются диалектные варианты: *Ғәйшә-Батима, Ғәйшә-Батман*. Например: *…Минең телем түгел,* ***Ғәйшә-Батима теле*** (Это не мой язык, Язык Гайши-Батимы).

Литература:

Аникин В.П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков) // Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор. Выпуск X. – М.-Л.: Наука, 1966.

Башҡорт халыҡ ижады: Йола фольклоры. – Өфө, 1995.

Хисамитдинова Ф.Ғ. Башҡорт мифологияһы: Белешмә-һүҙлек. – Өфө: Ғилем, 2002.

4. Хисамитдинова Ф.Ғ. Башҡорттарҙың им-том китабы: Дауалау һәм һаҡлау магияһы. – Өфө: Информреклама, 2006.

Ишбирҙин Э.Ф., Өфө ҡ.

БАШҠОРТ ӘҘӘБИ ТЕЛЕ ҺӘМ УНЫҢ ДИАЛЕКТТАР МЕНӘН ЛЕКСИК МӨНӘСӘБӘТЕ

Хәҙерге башҡорт әҙәби телендәге төп башҡорт һүҙҙәренең нигеҙендә башҡорт диалекттарында һәм уның һөйләштәрендә ҡулланылған һүҙҙәр ята, тик улар лексик, фонетик һәм грамматик яҡтан эшкәртелгән, нормаға һалынған.

Һәр бер әҙәби телдәге кеүек үк, XX быуаттың 20-се йылдарында башҡорт әҙәби теленең лексикаһын нормаға һалыу түбәндәгесә башҡарыла: 1) әгәр төрлө һөйләштәрҙә мәғәнәләре тулыһынса тап килгән бер нисә лексик берәмек булһа, уларҙың тик берәүһе генә әҙәби телгә алына. Мәҫәлән, башҡорт һөйләштәрендә ҡурай еләге, ағас еләге, торна еләге, әберсә, өмөжө тип йөрөтөлгән еләк һәм уның ҡыуағы атамаларының тик береһе генә (ҡурай еләге) әҙәби тел нормаһы итеп алынған һәм унда нығынған; 2) әгәр ҙә һөйләштәрҙә бер үк һүҙ өн ҡоролошо яғынан төрлөсә ҡулланылһа, уларҙың тик береһе генә әҙәби телдең фонетик законлыҡтарына яраҡлаштырылып, бер генә вариантлы ҡабул ителә. Мәҫәлән, башҡорт һөйләштәрендә нигеҙ, һигеҫ, һигеһ, ҫигеҙ, сигеҙ, сигез һымаҡ фонетик вариванттары йөрөһә, уларҙың тик һигеҙ формаһы ғына әҙәби тел нормаһы итеп ҡабул ителгән; 3) әгәр ҙә һөйләштәрҙә бер үк һүҙҙең төрлө морфологик вариванттары йөрөһә, уларҙың иң

киң таралғаны һәм фонетик яҡтан әҙәби тел нормаларына яуап биргәне генә алына. Мәҫәлән, тәгәрмәс, тәгәрсәк, тәгәрсек, тәгәрмәләк, тәгәрләүек һүҙҙәренең беренсеһе генә әҙәби телгә алынған; 4) әгәр ҙә бер үк һүҙ һөйләштәрҙә мәғәнә яғынан айырылһа, уның киңерәк таралған мәғәнәһе алына. Мәҫәлән, күпселек һөйләштәрҙә төйәк һүҙенең мәғәнәһе – «борон-боронда нығынып йәшәгән урын» булһа, арғаяш һөйләшендә ул «тибен» (йылҡы малы тибендә йөрөгән урын) мәғәнәһендә ҡулланыла. Әҙәби телгә уның киңерәк таралған беренсе мәғәнәһе алынған; 5) халыҡтарҙың йәшәгән тәбиғәт шарттарына, хужалыҡ, көнкүреш һ.б. үҙенсәлектәренә ҡарап, ҡайһы бер һүҙҙәр тик айырым бер йәки бер-ике һөйләштә генә булырға мөмкин, шуға ҡарамаҫтан, улар әҙәби тел берәмеге итеп алына. Мәҫәлән, хәҙерге Башҡортостан территорияһына ҡарағанда, Силәбе, Курган өлкәләрендә күл һәм һаҙлыҡтар бер нисә тапҡырға күберәк. Ошо сәбәпле унда Башҡортостан өсөн хас булмаған һыу-һаҙ ҡоштары һәм уларҙың атамалары бик киң таралған. Шуға күрә башҡа башҡорт һөйләштәрендә булмаған бындай ҡоштарҙың исемдәре әҙәби телгә Силәбе, Курган өлкәләрендә таралған арғаяш, салйоғот һөйләштәренән алынған: боғаң, ҡорохтан, сыпҡай, эйонос, һушы, ҡағараҡ, аҡсабан, ҡарасабан, сарлаҡтарҙың төрҙәре һ.б. Кәшмәк, элəгет, һалабаш, һөйән һымаҡ һүҙҙәр һәм күп кенә һирәгерәк таралған ағастарҙың атамалары урманлы урындарҙа йәшәгән һәм урмансылыҡ хужалығы менән шөғөлләнеүсе башҡорттарҙың һөйләштәренән әҙәби телгә алынған; 6) ҡайһы бер һүҙҙәр, һөйләштәрҙә бик сикле таралыуына ҡарамаҫтан, әҙәби тел берәмеге һаналырға мөмкин. Ғәҙәттә бындай һүҙҙәр билдәле бер халыҡ өсөн генә хас була һәм ошо халыҡтың телен башҡа ҡәрҙәш халыҡтарҙың теленән айырыу өсөн әҙәби тел нормаһы итеп ҡабул ителә. Заманында башҡорт әҙәби теленә әсәй, терпе, тәлмәрйен, тумыртҡа һымаҡ һүҙҙәрҙең алыныуы ошо сәбәпле булыуы мөмкин, сөнки башҡорт һөйләштәрендә әсәй урынына инәй, терпе урынына керпе, тәлмәрйен урынына баҡа, тумыртҡа урынына туҡран һүҙҙәре байтаҡҡа киңерәк таралған.

Башҡорт әҙәби теленең лексик нормаларын, башҡа халыҡтарҙың әҙәби телдәрендәге кеүек үк, беренсе нәүбәттә, норматив һүҙлектәр билдәләй. Әгәр ҙә ниндәйҙер бер һүҙ һүҙлектәрҙә сағылыш тапмаһа, ғәҙәттә ул яҙма әҙәбиәттә лә етерлек дәрәжәлә сағылыш тапмай йәки бөтөнләй ҡулланылмай. Шуға күрә төрлө һүҙлектәр башҡорт әҙәби теленең һүҙлек составын байытыуҙа, дөрөҫ ҡулланыу өсөн йүнәлеш биреүҙә, лексиканы нормалаштырыуҙа бик әһәмиәтле урын тота.

Ҡыҙғанысҡа ҡаршы, дөйөм ҡағиҙәләргә нигеҙләнгән, башҡорт әҙәби телендә ҡулланылырға тейешле һүҙҙәрҙе генә сағылдырған башҡорт әҙәби теленең норматив һүҙлеге бөгөнгө көнгә тиклем донъя күргәне юҡ.

Һуңғы 10-20 йыл эсендә нәшер ителгән һәм башҡорт һүҙҙәрен сағылдырған һүҙлектәрҙең береһен дә әҙәби телдең норматив һүҙлеге тип ҡарап булмай. Мин иң алда ике томлыҡ «Башҡорт теленең һүҙлеге»н [1], «Башҡортса-русса һүҙлек»те [2], «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең һүҙлеге»н [3] һәм ике томлыҡ «Урыҫса-башҡортса һүҙлек»те [4] күҙ уңында тотам. Уларҙың дүртеһе лә «Инеш һүҙ»ҙәренә ҡарағанда йәки исеме буйынса әҙәби телдәге һүҙҙәрҙе сағылдырырға тейеш ине. «Башҡорт теленең һүҙлеге»нә бирелгән «Инеш һүҙ»ҙә былай тип әйтелә: «Башҡорт теле һүҙлегенең нигеҙенә нормативлыҡ принцибы һалынған» [1. I том, 6], йәғни әгәр ҙә баш һүҙгә диал. (диалектизм), һөйл. (һөйләү телмәренән), иҫк. (иҫкергән), тар. (тарихи һүҙ), бал. (балалар һүҙе) тигән стилистик билдәләр ҡуйылмаһа, ул әҙәби тел өсөн норматив һүҙ була. «Башҡортса-русса һүҙлек»тең «Предисловие»һында ла былай тип әйтелә: «В основу словаря положен принцип нормативности, т.е. слова имеют нормативную характеристику, унифицирована орфография ряда слов и словоформ» [2. VIII]. «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге»нең «Баш һүҙ»ендә былай тип әйтелә: “Һүҙлектең төп сифаттарының береһе – нормативлыҡ, уның нормативлығы һүҙҙәрҙе баш һүҙ итеп һайлағанда уҡ сағыла, уларға тейешле стилистик билдәләр ҡуйыла. Мәҫәлән, мәктәп дәреслектәренә автоматчик һәм автоматсы һүҙҙәре ингән. Уларҙы дөрөҫ нормаға һалыу өсөн, автоматчик һүҙе автоматсыға тоҫҡала, сөнки ул башҡорт теле нормалары буйынса дөрөҫөрәк һанала” [3. 5]. Тимәк, һүҙлектә бирелгән баш һүҙ икенсе баш һүҙгә тоҫҡалып, уға аңлатма бирелмәһә, ул әҙәби телдең норматив һүҙҙәре рәтендә ҡаралмай, ә аңлатма бирелһә, әҙәби тел һүҙе тип таныла. Алда күреүебеҙсә һүҙлектә был принцип эҙмә-эҙ алып барылмай: “Урыҫса-башҡортса һүҙлек”тә, ҡағиҙә буйынса, рус һүҙҙәре башҡорт әҙәби теленең һүҙҙәре ярҙамында тәржемә ителергә тейеш. Был һүҙлектәрҙең барыһында ла әҙәби телдә булырға тейешле һүҙҙәр менән бер ҡатарҙан диалектизмдар ҙа урын алған. Бындай һүҙҙәрҙең ҡайһы берҙәренә диал. (диалектизм) тигән тамға ҡуйылған, ә күбеһенә бер ниндәй ҙә билдә ҡуйылмаған, йәғни диалект һүҙҙәр әҙәби телдәрҙең һүҙҙәре рәтендә ҡаралған. Нормативлыҡҡа дәғүә итеүсе дүрт һүҙлектә лә нормативлыҡ ҡағиҙәләре тулыһынса иҫәпкә алынмай.

Был фекерҙе раҫлау өсөн һүҙлектәрҙән алынған миҫалдарҙы ҡарап үтәбеҙ.

1. Әҙәби телдә абсолют синонимдар, йәғни мәғәнәләре яғынан тулыһынса тап килеп, телмәрҙә бөтә осраҡта ла береһен-береһе алмаштыра алырлыҡ һүҙҙәр булырға тейеш түгел. Ә телгә алынған һүҙлектәрҙең дүртеһендә лә бындай һүҙҙәр әҙәби тел берәмеге булараҡ бирелгән: киндер [1. II т., 501], [2. 274], [3. 159] – тарма [1, II т., 319], [2, 289], [3, 367], «Урыҫса-башҡортса һүҙлектә» лә конопля һүҙе шулай уҡ «киндер», «тарма» тип, ике һүҙ менән тәржемә ителә. Бынан башҡа абсолют синонимдар булған миләш - мышар,

гөлйемеш - әлморон, мәрүәт – ынйы, бәрәңге – картуф, ажау – ҡушбаш, баҡа – тәлмәрйен, тумар – түңгәк, илек – ҡоралай, сыйҙым – шыя һ.б. һүҙҙәрҙең икенсе лә әҙәби тел нормаһы итеп алына.

2. Әҙәби телдә бер үк һүҙҙең диалекттарҙағы фонетик вариванттары булырға тейеш түгел, ә улар телгә алынған һүҙлектәрҙә йыш ҡына осрай: етем [1. I т., 333], [2. 188], [3. 118], [4. 388] – йәтим [1. I т., 333], [2. 188], [3. 118], [4. 388] – йәтим [1. I т., 469], [2. 254], [3. 151], [4. 388]; иҫнәү [1. I т., 408], [2. 221], [4. I т., 391] – иһәнәү [1. I т., 416]; [2. 224], [3. 136], [4. I т., 391], иһәннәү [1. I т., 416]; һеләгәй [1. II т., 583], [3. 462], [4. II т., 410] – шеләгәй [1. II т., 656], [2. 767], [4. II т., 410] – шылағай [1. II т., 676], [2. 776] һ.б.

3. Әҙәби телдә шулай уҡ морфологик вариванттар, йәғни бер үк тамырҙан төрлө ялғауҙар ярҙамында яһалып, бер үк мәғәнәлә ҡулланылған һүҙҙәр булырға тейеш түгел. Ә улар беҙҙең һүҙлектәрҙә сағылыш тапҡан: һөрөнөү [1. II т., 603], [2. 740], [4. II т., 448] – һөрлөгөү [1. II т., 602], [2. 739], [1. II т., 448]; һөйкәү [1. II т., 596], [2. 437], [3. 466], [4. II т., 448] – һөйәү [1. II т., 600], [2. 738], [3. 468], [4. II т., 448] һ.б.

Бынан тыш һәр бер телгә алынған һүҙлек диалекттарҙа бер үк мәғәнәлә ҡулланылған һүҙҙәрҙең төрлөһөн әҙәби тел берәмеге тип таный. Мәҫәлән, диалекттарҙа эпидемия мәғәнәһендә ҡулланылған киҙеү, һалыу һүҙҙәрен «Башҡорт теленең һүҙлеге» [1. II т., 495], [1. II т., 572] һәм «Башҡортса-русса һүҙлек» [2. 270], [2. 725] икенсен дә әҙәби тел берәмеге тип ҡарай, «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге» [3. 458] һалыу һүҙен генә килтерә, ә «Урыҫса-башҡортса һүҙлек»тә [4. II т., 666] эпидемия һүҙе киҙеү һүҙе менән тәржемә ителә. Ҡусты, мырҙа, эне һүҙҙәре «Башҡорт теленең һүҙлеге»ндә, «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге»ндә бер үк мәғәнәләге әҙәби тел һүҙҙәре тип ҡарала. Ә «Башҡортса-русса һүҙлек»тә мырҙа һүҙе «братоқ, братик, братишка» тип, ә ҡусты, эне һүҙҙәре «младший брат» тип тәржемә ителә. Һеңле, һылыу, ҡарындаш, ҡәрендәш һүҙҙәре лә һүҙлектәрҙә төрлөсә сағылыш таба. «Башҡорт теленең һүҙлеге»ндә былай аңлатыла: ҡарындаш «1. Бер әсә балалары. 2. Ир-аттың үҙенән бәләкәй ҡыҙ туғаны»; һеңле, һылыу һүҙҙәренең икенсе лә «үҙеңдән кесе ҡыҙ туғаны». «Башҡортса-русса һүҙлек»тә ҡарындаш «1) единоутробные дети (по отношению друг к другу) 2) младшая сестра, сестрёнка (по отношению к брату) 3) сестричка, сестрица (форма обращения мужчин к женщинам моложе себя)»; ҡәрендәш – диалектизм тип, һеңле һүҙе «1. красивый, пригожий 2. 1) красавица 2) сестрёнка»; «Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге»ндә ҡарындаш «1) Бер әсә балалары 2) Ир-аттың үҙенән бәләкәй ҡатын-ҡыҙ туғаны» тип, һеңле, һылыу «үҙеңдән кесе ҡыҙ туған» тип аңлатыла, «Урыҫса-башҡортса һүҙлек»тә сестра һүҙенә ҡараған младшая сестра һүҙбәйләнеше «һеңле, ҡәрендәш» тип, ә сестрёнка һүҙе «һеңлекәш, һылыу, ҡәрендәш» тип

тәржемә ителә һ.б. Бының кеүек бер үк һүҙҙе төрлөсә аңлатыу әҙәби телдәге һүҙҙәрҙең мәғәнәләрен бутауға, аңлашмаусылыҡҡа килтерә.

Башҡорт телендә сығарылған һүҙлектәрҙе башҡа төрки телдәренең һүҙлектәре менән сағыштырһаң, иң алда башҡорт әҙәби телендә һүҙҙәрҙең күп вариантлылығы күҙгә ташлана. Был — әҙәби телдең иң етешһеҙ билдәләренең береһе. Минеңсә, башҡорт әҙәби теленең һүҙлек байлығын тулы һәм хатаһыҙ сағылдырған һүҙлеккә ҙур ихтыяж бар. Тәржемә һүҙлектәрҙә диалект һүҙҙәр ғөмүмән сағылыш алырға тейеш түгел.

Йомғаҡлап әйткәндә, хәҙерге башҡорт әҙәби теленең һүҙлек составы әле тәртипкә килтерелеп, нормаға һалынмаған. Минеңсә, был мәсьәлә буйынса алдан ҙур әҙерлек алып барып, ниндәйҙер махсус кәңәшмә, фекер алышыу ойоштороп, ниндәйҙер практик йүнәлештәге эш башларға ваҡыт.

Әҙәбиәт:

Башҡорт теленең һүҙлеге. I, II томдар. М.: «Русский язык», 1993.
Башҡортса-русса һүҙлек. М.: «Дигора», «Русский язык», 1996.
Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге. Өфө, 2004.
Урыҫса-башҡортса һүҙлек. I, II томдар. Өфө, 2005.

Ишкильдина Л.К., г. Уфа

ЧЕРЕДОВАНИЕ АНЛАУТНЫХ ФОНЕМ [Й] И [Ж] В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

О первичности анлаутных фонем [й] или [ж] в башкирском языкознании, так же как и в тюркологии, нет единого мнения. Считается, что употребление начального «й» в башкирском языке сохраняет раннетюркское состояние. Однако среднеязычный анлаутный «й» имеет свойство чередования в говорах со многими фонемами. В данной статье будет рассмотрено чередование среднеязычного щелевого сонанта «й» и переднеязычной щелевой звонкой фонемой [ж] по говорам и диалектам башкирского языка. Данное явление привлекательно еще и тем, что даже в близкородственном "татарском языке литературная форма обнаруживает колебания среднеязычного *й* и переднеязычного щелевого щумного *ж*, с неполной смычкой" [СИГТЯ 1984, 265].

В говорах южного диалекта башкирского языка в начале слов употребляется «й», что легло в основу нормы литературного языка.

Анлаутному литературному согласному «й» в некоторых говорах восточного и северо-западного дилектах башкирского языка соответствует сибилянт [ж]: лит. *йәй* - ай., арг, сальют. (вост. диалект), гайн., нижнебел.-ык. (сев.- зап. диал.) *жәй* "лето", кыз. *жәй / йәй*; лит. [*йел*] - ай., арг., сальют. *жил* "ветер" – кыз. *жил/ йел;* лит. [*йер*] "земля" – кыз., миас., ай., сев.- зап. диал. *жир* и т.д.

Употребление [*ж*] вместо литературного встречается также и в так называемых йокающих (бурзянском, кызылском, караидельском, в северо-восточной части демского говора – в деревнях Сабакаево, Старокубово, Ишмуратово, Сабитово, Сарт, Тавтиманово и в сакмарском подговоре) говорах, где оно не носит систематического характера [Максютова 1976, 40].

Рассмотрим чередование фонем [й] и [ж] в говорах, оказавшихся в иноязычном окружении за пределами Башкирии. Так как "... при наличии иноязычного окружения своеобразие, специфика языка, попавшего под влияние, сохраняется" [Максютова 1996, 196].

У.Ф. Надергулов, исследовавший язык иргизо-камеликских башкир (т.е. башкир, проживающих в Самарской и Саратовской областях), отметил, что данный говор "йокающий". Однако в отдельных словах выступает анлаутная [ж], что автор объясняет следствием контактов носителей говора с казахами [Надергулов 1996, 55].

Для северо-западного региона (оренбургского говора) главным образом характерно «й», спорадически «ж», а для юго-восточного региона характерно «ж», спорадически «й» [Максютова 1996, 201]. "Жоканье" юго-восточного региона можно объяснить соседствующим восточным диалектом.

В говоре среднеуральских башкир в анлауте также выступает [ж]. По употреблению звука *ж* вместо *й* литературного языка говор проявляет общность с северо-восточными и кызылским говорам восточного диалекта башкирского языка [Дильмухаметов 2006, 38].

Таким образом, на говор оренбургских и среднеуральских башкир влияние оказало соседствующий "жокающий" восточный диалект. В говорах, оказавшихся в иноязычном окружении и, как следствие, сохранивших специфику языка, в основном характерно «йоканье», а «жоканье» воспринимается как соседствующее влияние. Как известно, в говорах восточного диалекта башкирского языка в начале слов и слогов преобладает употребление [ж], в особенности айском и аргаяшском говорах, для всех говоров южного диалекта является употребление слов с начальной [й]. Н. Х.Максютова в своей монографии по восточному диалекту высказала следующее мнение: «... наиболее древним для башкирского языка был *ж* (жоканье), следовательно, *й* – это результат дальнейшего развития звука *ж* [Максютова 1976, 42]. С.Ф. Миржанова, напротив, утверждает о первичности «й», который сохранился в южном диалекте. Однако заметим, что "жоканье" характерно не только для восточного диалекта. Эта особенность также нижнебелско-ыкского и гайнинского говоров северо-западного диалекта. Например, лит. *йәй* "лето" - гайн., нижнебел.-ык. *жәй*; лит. *йенсек* "голень" – гайн. *жинчек*; лит. *йәйәү* "пешком" - гайн. *жейеү* и др. В остальных говорах северо-западного (караидельского и танып ского) и восточного

(сальютского, миасского и кызылского) диалектов характерно не систематическое употребление в анлауте [ж] вместо [й], часто даже их параллельное употребление. Понятно, что у некоторых говоров анлаутная [ж] является нормой, то для соседних говоров это является спорадическим, так как они попали под влияние жокающих.

Спорадическое употребление мягкого *ж* вместо *й* является результатом влияния на таныпский говор соседних нижнебельского и гайнинского [Миржанова 2006, 87]. На караидельский говор влияют северо-восточные "жокающие" говоры.

Касательно употребления анлаутной [ж] в нижнебельском и гайнинском говорах С.Ф. Миржанова отметила следующее: "Данное явление исторически закономерно, так как часть носителей говора – бывшие енейцы, как и гайнинцы – имели этническую связь с булгарами, в языке которых наблюдалось систематическое "жоканье" [Миржанова 2006, 152]. Булгарское происхождение этих башкирских племен хорошо описано у Р.Г. Кузеева [Кузеев 1974, 346-347]). Происхождение явления анлаутной [ж] у северо-западных башкир и татар под влиянием булгар отмечает и Г.В. Юсупов [Юсупов 1960, 31]. "Джокающий" и "жокающий" характер булгарского языка отметил в своей работе и Ф. С. Хакимзянов, исследовавший булгарские эпитафии XIII—XIV вв.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что "джканье" и "жоканье" в языке булгарских эпитафий могут быть последовательно сменяющимися явлениями в общетюркском процессе перехода древнего **j-*. Подтверждением тому являются нижеследующие высказывания.

Звуковой переход [й] - [ж] и [й] - [ж] – одно из древнейших явлений в фонетике тюркских языков. Махмуд Кашгарский [МК 1961, 364] указывает на то, что одной из специфических особенностей языка огузских, а также кыпчакских племен в отличие от остальных тюркских племен того времени является факт замещения в произношение анлаутного [й] аффрикатой [ж] (*авт*. т.е. дж) [МК 1963, 37; Талипов 1987, 204].

Первичный **j* наиболее полно сохранился в языках рунических, древнеуйгурских, караханидско-уйгурских, чагатайских, кыпчакских и куманских памятников в силу традиционного момента в развитии древних литературных тюркских языков. Из современных языков **j* удержали больше всего огузские, в меньшей степени кыпчакские и карлукские языки. Начальный **j* является, несомненно, архаической чертой этих языков [СИГТЯ 1 том, 275].

Ближайший этап развития *j* – это превращение его в *дж* (**j > дж*) [СИГТЯ 1984, 275]. В дальнейшем идет ослабление аффрикаты [*дж*] и ее переход в дорсальную щелевую [*ж*] [Серебрянников 1986, 53]. О позднем возникновении африкаты *дж* пишет и Т.М. Гарипов: "Ж

(авт. т.е. *дж*) появился, вероятно, в эпоху дифференциации тюркских языков на “джокающие” и “йокающие” [Гарипов 1979, 149]. Он также пишет, что *дж* достаточно распространена в поволжском тюрки и встречается в отдельных словах на территории Башкирии и в текстах башкирских шежере XVI—XIX вв., а также в кыпчакизированных эпитафиях Татарии XV—XVII вв. [Гарипов 1979, 150].

Р.Х. Халикова, исследовавшая язык башкирских шежере и актовых документов XVIII-XIX вв., по данной проблеме отметила: “Буква *дж* встречается как правило, в начале и середине исконных тюркских и заимствованных слов. Употребляется она в словах с гласными переднего и заднего ряда: *жир* “земля, земельный”, *жит-* “достигать”, *жый-* “собирать”, *жәй* “лето”, *жәнлек* “зверь” <...> [Халикова 1990, 29]. Дальше она сообщает о встречаемости графемы *ж* лишь в заимствованиях, а также колебании *й* и *ж* в начале собственно башкирских слов. Это явление сохраняют говоры северо-западного и восточного диалектов.

В действительности, аффриката *җ* (*дж*) не может утрачиваться перед узкими гласными, так как для этого нет необходимых фонетических условий. Утрачивался здесь фактически начальный *j* перед узкими гласными типа *ы, и, у*. Это можно проследить на материале азербайджанского языка: ср. азерб. *ил* “год” и тур. *jыл*; азерб. *илан* “змея” и тур. *jылан*; азерб. *үрәк* “сердце”, тур. *jүрек*. Следовательно, кирг. *ыр* “песня” возникло в ту эпоху, когда в языке еще существовал начальный *j*. Когда же позднее он стал превращаться в аффрикату *җ*, то в ряде слов древний начальный *j* успел уже исчезнуть. Отсюда современное кирг. *ыр* “песня”, восходящее к *jыр* [Серебрянников, Гаджиева 1986, С. 52].

Утверждение о том, что первоначальным был **j,* впервые было высказано В.В. Радловым. В.А. Богородицкий отметил частичный переход (усиление) *j* в щипящую звонкую аффрикату *дж* в киргизском и казанско-татарском (в мишарском и тептярском, как и в башкирском, сохраняется первоначальный *j*) и переход *j* в простой шипящий спирант *ж* в казахском [СИГТЯ 1984, 256].

Г.И. Рамстедт, С.Е. Малов, А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Н.Н. Поппе, К.Г.Менгес, Г.Дерфер и др. придерживаются другой точки зрения, в которой отрицают первоначальность начального **j.*

Направление В.В.Радлова в тюркологии считается наиболее обоснованным.

Таким образом, булгарские эпитафии (XIII-XIV вв.), язык шежере (XIV-XIX вв.) отражают процесс перехода [*й*] в [*дж*] и [*ж*]. Так как башкиры енейцы и гайнинцы являются потомками булгар, то анлаутный [ж] сохраняется в живой речи нижнебельско-ыкских и гайнинских башкир. Но это явление сохранилось не только в языке северо-западных башкир, но и башкир, носителей восточного

диалекта. В ходе наших исследований напрашивается следующий вывод: говоры восточного и северо-западного диалектов сохраняют фонему [ж] в звене общетюркского перехода й > дж > ж, а южный диалект – первичный «й».

Литература:

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. – М.: Изд.-во “Наука”, 1979. - 303 с.

Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. – Уфа, 2006. - 191 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. –М.: Наука, 1974.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. – 291 с.

Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа, 1996. – 288 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирскгого языка. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.

Надергулов У.Ф. Иргизо-камеликские башкиры (лингвистическое исследование). – Уфа: Китап, 1996. – 128 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986, 302 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. –М.: Наука, 1984. – 484 с.

Талипов Т. Фонетика уйгурского языка: (очерки исторического развития). – А-А: Наука, 1987- 256 с.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. – М.: Наука, 1979.

Халикова Р.Х Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII-XIX вв. – М.: Наука, 1990. – 198 с.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. - М.- Л., 1960.

Камалетдинова Р.Ф., Фәскәрова С.М., Туймазы к.

ИЛДЕ БЕЛЕҮ ТЕЛДӘН БАШЛАНА

Әхнәф Әхмәт улы Юлдашев хәҙерге башҡорт теле белгестәре араһында һәм тотош төрки тел белемендә бик ҙур абруй ҡаҙанған киң эрудициялы, талантлы ғалим Н.К.Дмитриев мәктәбенең лайыҡлы бер вәкиле ине. Ул үҙенең фундаменталь хеҙмәттәре менән башҡорт телен һәм, ғөмүмән, төрки телдәрен өйрәнеүгә ҡиммәтле өлөш индерҙе. Әхнәф Әхмәт улын миңә (Фәскәроваға – ред.) яҡындан күреп белергә, уның менән аҙмы-күпме аралашырға, әңгәмәләшергә насип булды. Күп кенә хеҙмәттәрен уҡып, өйрәнеп, танышып сығырға ла тура килде. Ғәжәп киң ҡоласлы ғалим, саф йөрәкле, изгелекле кеше булып ҡалды ул минең хәтерҙә.

Ғалимдың тыуған ере - Туймазы районының Кәлшәле ауылы. Ошонда ул 1920 йылдың 30 июлендә крәҫтиән ғаиләһендә донъяға килгән. Кәлшәлелә башланғыс, күрше ауылдарҙың береһендә урта мәктәпте тамамлап, Бәләбәй педучилищеһының сит ил телдәре бүлегендә уҡый. 1938 йылдан 1942 йылға тиклем Баймаҡ районының Түбә урта мәктәбендә немец теле уҡытыусыһы булып эшләй.

Нәҡ шул йылдарҙа яҙмыш ихтыяры буйынса бик мөһим ике нәмәгә ныҡлап иғтибар бирә: педучилищела ул немец телен бик яҡшы үҙләштерә, ә инде Түбә ҡасабаһында уҡытҡан йылдарҙа Урал аръяғы

башҡорттарының аҫыл йыр-моңо, яғымлы теле йөрәгенә үтеп инә. Сит телде белеү буласаҡ ғалим күңелендә үҙ халҡының телен һөйөү менән бергә ҡушыла. 1942-1945 йылдарҙа Бөйөк Ватан һуғышында ҡатнашып Ә.Ә. Юлдашев контузия ала, бик оҙаҡ дауалана.

Һуғыштан һуңғы йылдарҙа ул ситтән тороп Куйбышев педагогия институтының сит ил телдәре факультетын тамамлай. Мәскәү дәүләт университетының филология факультетында атаҡлы төрки телдәре белгесе, СССР фәндәр академияһының мөхбир ағзаһы Н.К.Дмитриев етәкселегендә аспирантурала уҡый, 1950 йылда Учалы типтәрҙәренең телен өйрәнеүгә арналған кандидатлыҡ диссертацияһын яҡлай. Шул ваҡыттан башлап өс тиҫтә йыл буйы СССР фәндәр академияһы Тел белеме институтының төрки (хәҙерге төрки-монгол) телдәре секторында эшләй. 1966 йылда ул «Төрки телдәрендә ҡылымдың аналитик формалары» тигән темаға докторлыҡ диссертацияһын яҡлай. Ә.Ә.Юлдашев ҡатмарлы һүҙ төркөмө булған ҡылымды өйрәнеүгә ҙур көс һала. 1958 йылда СССР фәндәр академияһының нәшриәтендә уның «Башҡорт телендә ҡылымдың һүҙ яһалыш системаһы һәм үҙгәреше» исемле ҙур монографик хеҙмәте баҫылып сыға. Башҡорт ҡылымының яһалыш һәм үҙгәреш төрҙәре һүҙ яһалышының төр (күләм) һәм дәрәжә (йүнәлеш) категорияһын формалаштырыуҙағы роле, һөйкәлеш һәм модаллек формаларының тәбиғәте фәнни нигеҙҙә тәү тапҡыр ошо монографияла иҫбатлана.

Монография тамыр ҡылымдарҙың структураһын асыҡлауҙан башланып китә. Тамыр ҡылымдарҙың фонетик яҡтан тарихи үҙгәреше күп һанлы миҫалдар ярҙамында күрһәтелә. Авторҙың иҫәпләүенсә, хәҙерге башҡорт телендә 800 самаһы тамыр ҡылым булып, уның 200 берәмеге бат(ыу), һат(ыу), ҡой(оу), әйт(еү) тибындағы бер ижекле һүҙҙәрҙән тора.

Автор был тамыр ҡылымдарҙың башҡа төрки телдәрендә лә булыуын күрһәтеп, күбеһенең башҡа алтай телдәрендә, мәҫәлән, монгол телендә лә булыуын әйтә.

Автор шулай уҡ күп ижекле (ике һәм өс ижекле) тамыр ҡылымдарҙың төҙөлөшөн һәм тарихи яҡтан яһалышын бик ентекле тикшергән.

Үҙенең тамыр ҡылым һәм уның тарихи үҫеше хаҡындағы тезистарын иҫбатлау процесында ул атаҡлы сит ил, рус һәм совет тюркологтарының Г.Вамбери, В.Шотт, М.Рясенен, О.Бетлингк, Н.Ф.Катанов, С.Е.Малов, В.В.Радлов, Н.КДмитриев, Н.А.Баскаков, А.Н.Харитонов, Ж.F.Кейекбаевтың билдәле хеҙмәттәренә таянған.

Артабан автор тамыр ҡылымдарҙың семантикаһына характеристика биреүгә күсә. Аңлатҡан мәғәнәһе яғынан ҡылымдың башҡа һүҙ төркөмдәренән айырылыуын күрһәтеп, уның башҡа семантик үҙенсәлектәренә лә туҡтала.

Хеҙмәттә ҡылымдың һүҙьяһалышына айырыуса ҙур иғтибар бирелгән. Ҡылымдарҙың яһалышында ике төп модель булыуы күрһәтелә:

1) синтетик тип, йәғни тамыр (нигеҙ) ҡылымдарға һүҙ яһаусы аффикстар ҡушылыу моделе;

2) аналитик тип, йәғни үҙаллы мәғәнәле төп компоненттарға грамматикалашҡан, йәғни тик грамматик функция үтәгән ярҙамсы ҡылымдар эйәреү моделе.

Ҡылымдарҙың аналитик юл менән яһалышы хәҙерге көндә лә төркі тел белемендә бәхәсле мәсьәләләрҙең береһе һанала. Ҡайһы бер тюркологтар «исем плюс ярҙамсы ҡылым» моделе менән яһалған ярҙам итеү, ауыҙ итеү, тупҡа тотоу кеүек ҡушма ҡылымдарҙы ирекле һүҙбәйләнеш тип ҡарай. Ә.Ә.Юлдашев был бәхәсле мәсьәләне хәл итеүгә теоретик асыҡлыҡ индереп, нигеҙле критерийҙар килтерә.

Ҡылымдың төр (күләм) категорияһы тюркологияла иң ҡатмарлы проблема була. Был мәсьәләне хәл итеүҙә автор үҙ юлы менән бара һәм төр (күләм) категорияһының лексик һәм грамматик мәғәнәләрен айырып күрһәтә.

Профессор Ә.Ә.Юлдашев үҙ ғүмере эсендә төркі телдәренең диалектологияһына, лексикаһына, морфология һәм синтаксисына, шулай уҡ төркі телдәренең тарихына арналған күп һанлы хеҙмәттәр яҙҙы. Уның исеме төркиәт фәнендә ҙур абруй ҡаҙанды.

Ғалимдың диалектология өлкәһендә Туймазы районы башҡорттарының һөйләше, башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты һәм уның хәҙерге башҡорт әҙәби теленә мөнәсәбәте мәсьәләләрен тикшергән күләмле мәҡәләләре хәҙер ҙә бик әһәмиәтле. Башҡорт халҡының йәнле һөйләү телен яҡшы белеү, уның һөйләш һәм диалекттарын ныҡлап өйрәнеү уға әҙәби тел тарихы буйынса төплө күҙәтеүҙәр һәм нығымталар яҙырға нигеҙ була.

Төркі теле республикалар һәм милли өлкәләр өсөн фән кадрҙары әҙерләүгә лә Әхнәф Әхмәт улы бик күп көс һалды. Ул Башҡортостандан һәм башҡа республикаларҙан барған аспиранттар менән ихлас етәкселек итте, диссертациялар яҡлағанда оппонент булып ҡатнашты, төркі лингвистикаһы буйынса бик күп белгестәргә консультациялар бирҙе.

Туймазы еренән сыҡҡан Ә.Ә.Юлдашев фәндә оҙаҡ йылдар буйы балҡып торҙо, яҡты эҙ ҡалдырҙы. Артабан да уның хеҙмәттәре тел белгестәре өсөн файҙалы сығанаҡтар булып ҡалыр тип ышанабыҙ.

Әҙәбиәт:

Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Ураҡсин З.Ғ. Фән докторы Әхнәф Әхмәт улы Юлдашев.// Башҡортос-тан укытыусыһы, 1980,№ 1.

Рясенен А. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. 1955.

Башҡорт теленең диалекттар һүҙлеге. Өфө, 2002.

Юлдашев А. Грамматики башкирского литературного языка. М., 1981.

Юлдашев А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. Морфология. М.,1988.

Юлдашев А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

Юлдашев А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.

Юлдашев А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958.

Кашапова З.Ә., Әбйәлил районы

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ ТӘЖРИБӘҺЕНӘН

Ерле һөйләш шарттарында әҙәби телгә өйрәтеү – башҡорт теле методикаһының иң актуаль мәсьәләләренең береһе.

Диалект хаталарҙың барлыҡҡа килеү сәбәптәре.

Диалект шарттарында әҙәби тел нормаларына өйрәтеү алымдары:

а) орфографияға өйрәтеү алымы булараҡ, өйрәтеү характерындағы диктанттар (ирекле , ижади, күреү, һүҙлек, иҫкәртмәле, аңлатмалы, һайланма диктанттар);

б) орфографик күнегеүҙәр, тексты күсереп яҙыу;

в) аңлатыу алымы (әҙәби телмәр менән ерле һөйләш, диалект телмәре араһындағы айырманы аңлатыу);

г) сағыштырыу алымы (ерле һөйләштәге һүҙҙәрҙе әҙәби телдәге вариванттар менән үҙ-ара сағыштырыу);

ғ) һүҙлек өҫтөндә эш (ерле һөйләш һүҙҙәренең синонимдарын, антонимдарын таптырыу, аңлатмалы һүҙлектәр өҫтөндә эш, һүҙгә фонетик, морфологик, лексик һәм этимологик анализ яһатыу һ.б.);

д) орфоэпик биш минутлыҡтар үткәреү;

ҙ) текст өҫтөндә эш (төрлө типтағы күнегеүҙәр үткәреү);

е) карточкалар ярҙамында эш: тест һорауҙарына яуап биреү;

ё) ҡабатлау алымы (өн һәм һүҙҙәрҙе уҡыусыларҙан бер нисә тапҡыр әйттереү, белемде, күнекмәләрҙе нығытыу);

ж) терәк һүҙҙәр өҫтөндә эш;

з) күргәҙмә материалдар ҡулланыу алымы;

и) әҙәби әҫәргә, унда ҡулланылған ерле һөйләш һүҙҙәренә ҡыҙыҡһыныу уятыу маҡсатында автор ҡулланған һөйләмдәрҙәге диалект һүҙҙәрҙең синонимдарын табып, руссаға тәржемә итеү;

й) техник саралар ҡулланыу алымы.

Әҙәби тел нормаларына өйрәтеүсе синыфтан тыш саралар (кисәләр, фәнни-ғәмәли конференциялар, уйындар, конкурстар, диспут-бәйгеләр, уҡыусыларҙың ерле һөйләште өйрәнеү буйынса фәнни-эҙләнеү эштәрен, тел һәм әҙәбиәт буйынса викториналар, түңәрәк эштәре ойоштороу һ.б.

Ерле һөйләш шарттарында уҡыусыларға әҙәби телде өйрәтеү – уҡытыусының төп маҡсаты һәм бурысы.

Кульсарина Г.Г., г. Уфа

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Ведущие языковеды, специалисты по диалектологии не раз отмечали, что язык фольклора хранит в себе лексическое богатство разговор-

ного языка народа, его самобытность и характерные особенности [Баишев 2006: 32, 97]. В словесной ткани фольклорного произведения в особую лексическую группу выделяются диалектизмы. Как известно, диалекты в своей основе – это говоры местного населения, до сих пор являющиеся средством устного общения. Записанная учеными и исследователями от рассказчиков, эта лексическая группа придает фольклорному материалу оживленность и народность. При опубликовании в печати, как правило, редакторы и корректоры убирают диалектные слова из текста сказок или преданий. Если передать фольклорные материалы в таком виде, в каком они записаны, многие не смогли бы понять их содержание. Однако в сборниках сказок, легенд, пословиц и поговорок в некоторых случаях все же встречаются эти лексемы. Среди них есть диалектизмы как фонетические, так и лексические: «Шулай итеп, Ерәнсә ханға ерҙе һыр бирмәгән, уны ыҙалатып-ыҙалатып ҡайтып киткән, ти» («Ерәнсә сәсән»); «Һиңә атап һалып ҡарайым әле, тип һалған икән, әлеге дәү балыҡ килеп тә эләккән»(«Серле йөҙөк»); «Ул тикәй генә түгел» («Һунарсы егет»); «Һин дә кәкере аяҡтарың менән арҡыс-торҡос баҫып тиктәҫкә генә йөрөмәйһендер әле, берәй эш ҡуптарырға йөрөйһөңдөр, моғайын, - ти» («Ҡуян менән терпе»); «Баралар былар, баралар, яуын оторо шәбәйеп китә, күк күкрәп, йәшен йәшнәй. Шунан теге ҡыҙ быныға тағы һыйына башлай» («Юха»); «Батша мул итеп тороп ит һалдыра, ит бешеп сыҡҡас, ашамаға ултыралар» («Батшаның өс ҡатыны»); "Ҡарға ла балаһына "аппағым" тиер, керпе лә балаһына "йомшағым" тиер"; "Тиҡ"тең атаһы тегәнәккә батҡан"; "Дунғыҙға эйәргән батҡаҡта аунар";" Тотолмаған оҕро ишандан да тоғро" (халыҡ мәкәлдәре һәм әйтемдәре).

Среди лексических диалектизмов преобладают глаголы: "Былар ҡыуаҡ араһында боҫоп торған кешене шәйләмәйҙәр" ("Йөгәмәш тауы" легендаһы); «Быны белгәс, хан оялышынан шартларҙай булған, асыуланған, яматайланған, аҡырған-баҡырған», «яматайланған» - төҫө яман үҙгәргән («Хан менән ярлы ҡыҙы»); «Урманға кергәс, бабай малайҙы бер аҡланғараҡ кертеп еләк йыйырға ҡушты ла, үҙе бер яҡҡа, урман араһынараҡ үтеп, тиҙерәк шыҡайҙы, ти» («Мең башлы аждаһаны еңгән егет»); «Ғафи малайы инәһенә: - Киленегеҙҙе ситкә сығарып йөрөтмәгеҙ, - тип әйтеп, тиҫкеп китә», «тиҫкеп» - киҫәтеп («Ғафи улы менән Сафи улы»); «Килешеү төҙөп, ике яҡтан да ҡул ҡуйып, егеттең кәңәше буйынса, йөгән теүештереп һалып, карапты ҡуҙғалтып алып, бергәләп иленә китәләр», «теүештереп» - алыштырып («Ҡатындан уңған ир»); «Абзыйыма әйтәйем дә бер нәмә ҡыялтайым, тип уйлаған», «ҡыялтыу» - ҡылыу, ҡуптарыу («Ҡырҡ ҡараҡ»). Много примеров можно привести из паремиологии: Бергә аш ейгән – бергә баш эйгән; Ипле һөйләшкән бәләнән ҡотолған, екерәйгән етмеш бәләгә тарыған; Айлы төн аҙашмаҡҡа яҡшы; Алып маҡтарлыҡ түгел, һалып таптарлыҡ түгел; Аңра бер ҙә юҡҡа ҡаңғыра; Һуҡыр йығылһа, таяғын ҡыйнар; Әкрен

йөрөһән, бай тиргәй, шәп йөрөһән, ат тирләй; Кейәүең орошһа – ишек ҡара, улың орошһа – түргә табан.

В некоторых случаях в языке фольклора встречаются заимствованные слова – русизмы, подвергшиеся фонетическим изменениям (прәфиссәр, бахут, эспүкеләйт) и слова, значение которых можно было передать башкирскими словами (лудыр – ялҡау, биғлый – ҡасҡын, мирҙыҡы – илдеке, как-нибуд – нисек булһа ла һ.б.): "Прәфиссәрҙәрен йыйып кәңәш итә башланы, ти" ("Батша ҡатыны"); "Бер ваҡыт батша ғәскәре менән бахут китеп барғанда..." ("Алтын сабаҡ"); "Ирем эспүкеләйт итеп йөрөгәндә, аҙашып ҡалдым" ("Батша ҡатыны"); "Ун ике биғлый" (название сказки); "Как-нибут түҙермен, кәк түҙмәҫкә ундай эшкә, ти бай" ("Ашнаҡсы"); Ударник тырышып эшләр, лудыр бармағын тешләр; Ирем илгә сыҡһа – мирҙыҡы, ҡайтып керһә – минеке; Брат браттың көтөү көткәненә рад; Нужна бесән ашата.

В архивных материалах, в трудах ученых-диалектологов можно встретить образцы народного творчества в отдельных диалектах башкирского языка. Так например, в книге С.Ф.Миржановой, посвященной народно-разговорному языку башкир, проживающих в северо-западных районах Башкортостана, а также в соседних районах Татарстана и Пермской области, приведены примеры из таныпского говора: Бәхетленең ҡунағы дөрөн-дөрөн (У хорошего человека гости все (в один день) дружно приходят); Мал иясе тасторна (Даже скотина похожа на хозяина); Тиг ултырганчы, тун итәгеннө уыб утыр (Чем сидеть сложа руки, три подол своей шубенки (станет мягче – будет польза); из нижнебельского-ыкского говора: Айағ ауызы басылгач, ай ауыҙы басылгач (глубокой ночью); Иске ауыҙға яң(а) аш, зәңлә ҡач! (Старому рту – новое кушанье, цинга уходи, убегай!); Ирле кеше – чинне кеше (Имеющая мужа в почете и уважении) и из гайнинского диалекта: Күрше кеше – бүре теше (Сосед – волчий зуб); Жылыға жылан эйәрә (И змея идет к теплу); Кеше баласы – бүре баласы, бүреккә салып асрасан да берекмәс (Чужой ребенок – волчонок, все равно не привьется, если даже выкормишь в шапке [Миржанова С.Ф. 2006, 134,199, 283].

Таким образом, диалектизмы понятны не всем, поэтому в опубликованных текстах даются сноски или переводы с объяснением этого слова, в большинстве случаев тексты подвергаются редакторской обработке. Несмотря на это использованные разговорные слова обогащают лексику жанров народного творчества и способствуют созданию своеобразного и неповторимого стиля фольклорных текстов.

Литература:

Ахтямов М.Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа, 2008.

Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку/ 2-е изд., стериотипное. Уфа: Гилем, 2006.

Башҡорт халыҡ ижады. Әкиәттәр. Тылсымлы героик әкиәттәр. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1976.

Башҡорт халыҡ ижады. Әкиәттәр. Батырҙар тураһындағы әкиәттәр. Өфө, 1978.

Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1982.
Башҡорт халыҡ риүәйәттәре һәм легендалары. Автор-төҙөүсеһе Ф.А.Нәҙершина. Өфө: Китап, 2001.
Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. –Уфа, 2006.

Курбангалеева Г.М., г. Уфа

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ БАШКОРТОСТАНА

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект 10-04-84403а/У)

В настоящее время можно смело утверждать, что территория Башкортостана перестала быть «белым пятном» на лингвистической карте. Этому способствовали труды многих и многих ученых-лингвистов, славистов и тюркологов, начиная с работы Д.К. Зеленина (1905г.) и заканчивая исследованиями Н.К.Дмитриева, З.П.Здобновой, Р.А.Юналеевой, Л.Л.Аюповой, Э.Ф.Ишбердина, Н.Х.Максютовой, С.Ф. Миржановой, Р.Х. Субаевой и многих других.

Высокой степенью изученности характеризуются русские говоры Башкортостана. Ни один регион России не имеет такой прекрасной базы, на которую могут опираться последующие исследователи. Так, только за период с 1997 по 2010 гг. З.П. Здобновой опубликованы: монографическое описание «Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии» (2001), четыре выпуска «Словаря русских говоров Башкирии» (1997-2005, 2008) и три из четырёх редакций «Атласа русских говоров Башкирии», а в 2010 г. вышла хрестоматия по русской диалектологии, в которую включены тексты – образцы разговорной русской речи представителей ряда районов Башкирии, записанные автором во время диалектологических экспедиций в период с 1954 по 1993гг.

Кроме того, начиная с 1994 г. на территории Республики Башкортостан силами студентов и преподавателей Башгоспедуниверситета и Башгосуниверситета ведётся сбор материала для Лексического атласа русских народных говоров.

Однако русская диалектная лексика такого большого региона, как Республика Башкортостан, остается недостаточно исследованной. На это указывала З.П.Здобнова в своей статье «Очередные задачи русской диалектологии в Республике Башкортостан», называя в качестве одной из таких задач «описание не охваченных исследованиями говоров, отдельных процессов, явлений на основе имеющихся и вновь получаемых материалов, особенно по лексике». Необходимость изучения лексики русских говоров Башкирии доказывала в ряде своих публикаций также Ю.П.Чумакова. Отмечая важность развернувшейся в последние десятилетия работы по изданию «Словаря русских говоров Башкирии», она писала, что с его опубликованием «лексическое богатство русских говоров на территории РБ становится обозримым как для специалистов, так и

просто для ценителей русского народного слова».

Таким образом, перед диалектологами республики встают новые задачи, преимущественно по изучению словарного состава диалектов.

Долгое время региональная лексика исследовалась предпочтительно по тематическим группам, что создавало фрагментарность ее изучения. В современном языкознании является общепризнанным, что изучение специфики функционирования отдельных фрагментов диалектной системы как частных фрагментов языковой картины мира является перспективным и плодотворным.

Системный анализ региональной лексики составляет одну из важнейших и актуальнейших проблем современной лингвистики. Изучение словарного состава русских народных говоров как системы, «составляющие элементы которой внутренне организованы и оказывают друг на друга взаимное влияние», – важная задача современного языкознания [Сороколетов , Кузнецова 1987, 151].

Задача системного описания словарного состава русских говоров Республики Башкортостан выдвигается, таким образом, на первый план. Системное описание предполагает комплексное исследование, так как соединяет в себе традиционное лексикологическое представление материала (анализ семантических групп, мотивационных отношений, систематизацию лексических значений и т.д.) с приемами выявления их диалектной сущности (лингвогеографическое изучение).

Актуальным и плодотворным в последние десятилетия является изучение говоров русского языка методами лингвистической географии. Выявленные лексические ареалы помогают воссоздать историю отдельных диалектов. Однако ареалы для большинства говоров до сих пор не определены, и это – еще одно направление диалектологических исследований. В условиях нашей республики опыт такой работы уже имеется. З.П.Здобновой опубликованы еще в 70-80-е г.г. прошлого века 2 атласа: «Территориальное варьирование русского языка в Башкирии (Уфа, 1977), включающий 98 карт, и «Типология русских говоров Башкирии (по данным лингвистической географии) (Уфа, 1981), включающий 30 карт. В 2000-м году эти атласы были переизданы под общим заголовком «Атлас русских говоров Башкирии» (Уфа, 2000 г.) в 2-х ч. Из 106 карт, отражающих диалектные особенности края в области фонетики, грамматики и лексики, собственно лексических карт – 28. Фонетические и морфологические особенности русских говоров Башкирии весьма обстоятельно исследованы в трудах З.П.Здобновой.

Поскольку начиная с 90-х годов силами преподавателей и студентов БГПУ и БГУ собран значительный материал для ЛАРНГ,

появилась реальная возможность создания Лексического атласа русских народных говоров Башкортостана.

Традиционно важным направлением остается диалектно-лексикологическое направление, которое включает в себя анализ типа современной диалектной речи, характеризующейся сложными процессами взаимодействия с русским литературным языком, языками других народов. В.В.Иванов в статье «Русский национальный язык. История формирования» отмечает: «К сожалению, надо признать, что современная русская диалектология (да, вероятно, и диалектология других языков) не нацелена на выяснение степени влияния диалектов других языков на соприкасающиеся с ними русские диалекты. Её внимание сосредоточено на изучении русских диалектов в пределах исконно великорусской территории... Результаты языковых контактов русского языка с другими сопредельными языками на территории сегодняшней России остаются еще недостаточно изученными» [Иванов В.В. 2001, 181]. В ходе изучения этих процессов открываются и получают свое обоснование новые аспекты в исследованиях (социолингвистический, психолингвистический и некоторые др.).

Кроме того, диалектная лексикология синхронна в своем проблемном содержании, поскольку изучает живой язык, что, в свою очередь, предполагает разработку таких проблем, как полисемия и моносемия слова, синонимия и вариантность. В круг этих вопросов входит также изучение свойств разговорной (устной) речи, которая в говорах является единственной сферой реализации языка. Изучению омонимии на материале русских говоров Башкирии посвящена диссертационная работа Ю.А.Ермолаевой, которая в 2010 г. вышла в виде монографии. Другие же вопросы продолжают оставаться перспективой изучения и ждут своего исследователя.

При изучении собственно лексико-семантических групп в говорах для их адекватного анализа и описания лексиколог не может ограничиваться уровнем лингвистической семантики, т.е. оперировать только языковыми значениями, как это принято при построении общей лексикологии. Диалектный материал требует включения энциклопедических сведений – обязательного обращения к сфере знаний о мире носителя диалекта, интерес к изучению языковой картины мира и языковой личности диалектоносителя.

Языковая модель мира включает в себя не только когнитивный, но и аксиологический компонент. Познавательное и ценностное как бы сливается в акте номинации. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным и перспективным изучение психологии восприятия среды. Оно позволяет проникнуть «в тайны народного

духа» и воссоздать на лексико-словообразовательном уровне инвариантную модель языковой картины мира.

С данной проблемой тесно связана проблема исследования языковой личности. В этом ряду свое место могут занять полидиалектная и полилингвальная языковая личность. В многонациональной республике в условиях взаимодействия разных языков и диалектов в процессе становления языковой личности особая роль принадлежит активной речемыслительной деятельности по нормам и законам разных этноязыковых культур, а также усвоение законов социальной психологии народов, проживающих на одной территории в течение длительного периода времени. Так, нам показался весьма интересным и вполне достойным изучения тот факт, что на территориях компактного проживания русских представители разных национальностей прекрасно владеют местным русским диалектом, который становится подчас единственным средством общения для представителей разных народов (русских, башкир, татар, немцев и др.). Тот же процесс характерен для развития русской языковой личности в условия компактного проживания тюркских народов. Данная проблема также ждет своего исследователя.

Встает вопрос также об изучении диалектной лексики на материале текста и на этой основе создания диалектного корпуса русского и других языков на территории Башкортостана. Как известно, истинным хранителем культуры являются тексты, «именно текст отображает духовный мир человека, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [Маслова 2001, 87]. Подобные тексты мы находим в произведениях устного народного творчества. Фольклор является средоточием образности в диалектной речи, он объединяет различные элементы народной духовной культуры: мифы, верования, народную философию, народную педагогику, эстетические взгляды и представления, художественные вкусы, мораль и идеалы. Учеными-фольклористами республики опубликованы фольклорные материалы с сохранением лексических и синтаксических особенностей в передаче текста [Материалы 1974]. Образцы диалектных текстов имеются и в только что опубликованной З.П. Здобновой хрестоматии.

Кроме того, ждут своего исследователя и архивные материалы, содержащие важные и интересные данные для диахронического описания диалектной лексики. Первый шаг для этого сделан нами в рамках проекта РГНФ (проект 10-04-84403 а/У).

При описании диалектного лексического материала может быть использована и комплексная методика, объединяющая все эти

подходы: тематический, лексико-семантический, системный, лингвогеографический и др. По словам А.А.Поликарпова, «в основе исторической микродинамики языка... лежат процессы, происходящие в истории каждой из его знаковых единиц, от ее зарождения, направленного развития и до вымирания... Только построение такого фундамента позволяет осуществить ...научный синтез картины организации-функционирования и развития системы языка на макроуровне ее организации, т.е. достичь ее понимания как целого» [Поликарпов 1998, 4].

Комплексное исследование может стать отображением результатов изучения диалектной лексики на территории Башкортостана, учитывающим внутренние и внешние системные связи изучаемого диалектного материала не только по принципу дифференциации с литературным языком, но и всю лексику данного региона в целях ее наиболее полного выявления. Результаты подобного изучения могут способствовать выявлению общих тенденций и закономерностей в формировании и функционировании диалектной лексики на территории Башкортостана.

Таковы некоторые возможные направления в исследованиях лексики русских говоров Башкирии.

Литература:

Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: В 2-х частях. – 4-е издание. Ч. 1, 2. Уфа, 2008.

Здобнова З.П. Очередные задачи русской диалектологии в Республике Башкортостан // Актуальные проблемы филологии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 40-летию Башгосуниверситета. – Уфа, 1977. – С. 41-44

*Здобнова З.*П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. / Изд-е Башкирск. Ун-та. – Уфа, 2001.

*Иванов В.*В. Русский национальный язык. История формирования. Диалекты и языковое контактирование. // Res Lingwistica // Сборник статей к 60-летию д.ф.н. проф. В.П.Нерознака. – М.: Академия, 2000, с.165-181.

*Маслова В.*А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.

Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Вып. 1. – Уфа, 1974.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: Моделирование и эксперимент. Автореф. дисс. на соиск. уч. степни д.филол.н.. – М., 1998.

Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / Под ред. проф. З.П. Здобновой. – Уфа: Гилем, 2008.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987.

Чумакова Ю.П. Из этимологических примечаний к «Словарю русских говоров Башкирии» (Вып. I. А, Б, В. Уфа, 1993) // Культурное наследие славянских народов Башкортостана. Тезисы докладов научно-практич. республиканской конференции. Том II. – Уфа, 1996, с. 5–6.

БАШҠОРТ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҺЫ ҮҪЕШЕНӘН: Х.Ғ.ЙОСОПОВ

Башҡорт диалектологияһы тарихының билдәле бер осоро – XX быуаттың 50-се йылдары хаҡында һүҙ башлағанда, проф. Н.К. Дмитриевтың талантлы уҡыусыларының береһе, мөһим ғилми йыйынтыҡтарҙа диалектологияға арналған күләмле мәҡәләләр баҫтырған, кандидатлыҡ диссертацияһы яҡлаған, Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институтында оҙаҡ йылдар эшләү дәүерендә күп тапҡырҙар студенттар менән фольклор-диалектологик экспедициялары (практикаһы) ойоштороп һәм етәкселек иткән Харрас Ғәлиәкбәр улы Йосоповтың исемен телгә алмау яҙыҡ булыр ине.

Үҙенең бөтә ижад ғүмерен Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институтына (хәҙер – Зәйнәб Биишева исемендәге Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия академияһы) бағышлаған Харрас Ғәлиәкбәр улы Йосопов 1928 йылдың 1 мартында Белорет районының Ассы ауылында эшсе ғаиләһендә тыуған. Инйәр урта мәктәбен, унан Темәс педагогия училищеһын тамамлай. Уның педагогик эшмәкәрлеге 1947/48 уҡыу йылында Ассы ете йыллыҡ мәктәбендә уҡытыуҙан башланып китә. 1948-1952 йылдарҙа Башҡорт дәүләт педагогия институтының филология факультетында уҡый. 1952 йылда СССР Фәндәр академияһының Тел белеме институты эргәһендәге аспирантураға уҡырға инә. 1955 йылда профессор Н.К. Дмитриев етәкселегендә фән кандидаты дәрәжәһенә диссертация яҡлай.

Йәш ғалим Х.Ғ.Йосопов 1955 йылдың ноябренән 1956 йылдың августына тиклем Башҡорт дәүләт педагогия институтында уҡытыусы булып эшләй. 1956 йылдың августынан алып 2001 йылдың ноябренә тиклем Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институтында эшләй. Уҡытыусылар институты педагогия вузына әйләнгәс, 1966 йылда башҡорт теле һәм әҙәбиәте кафедраһы ойошторола, уны булдырыуға кафедраның тәүге етәксеһе Рәйсә Хәлил ҡыҙы Халиҡова менән Харрас Ғәлиәкбәр улы күп көс һала. Ул байтаҡ йылдар башҡорт теле һәм әҙәбиәте кафедраһы мөдире, филология факультеты деканы вазифаларын уңышлы башҡара.

Харрас Ғәлиәкбәр улы юғары уҡыу йортонда йәш ғалим булараҡ эш башлағас та белеме, үҙ аллы фекер йөрөтөүе менән студенттарҙың ихтирамын яулай. Хәҙерге башҡорт телен синхрон планда уҡыта ул. Уның дәрестәрендә хәҙерге башҡорт теленең структураһын студенттар айырым-айырым кимәлдәргә бүлеп түгел, ә берҙәм, берәгәй үҙләштерә ине. Һәр бер һөйләмде таҡтаға сығып тикшергәндә, фонетиканан да, морфологиянан да, синтаксистан да, лексиканан да белемдәрен бер юлы ҡабатлап ултыра ине уҡыусы. Һәм был дөрөҫ тә, сөнки тел – ул тулайым бер система, уны кимәлдәргә бүлеп ҡабул итеп булмай.

Х.Ғ.Йосопов студенттар өсөн байтаҡ уҡыу-уҡытыу әсбаптары нәшер итте, мәҫәлән, “Хәҙерге башҡорт теле буйынса күнегеүҙәр” (Стәрлетамаҡ, 1982, авторҙаш), “Хәҙерге башҡорт теле” (Өфө, 1986, авторҙаш); “Хәҙерге башҡорт әҙәби теле лексикологияһы һәм фразеологияһы буйынса биремдәр” (Өфө, 1998), “Русско-башкирский разговорник” (Уфа, 1997, авторҙаш). Был ҡулланмаларҙа килтерелгән миҫалдар башҡорт теленең һүҙ байлығын тулыһынса күҙ алдына баҫтырырға, морфологияның ҡатмарлы мәсьәләләрен сисергә мөмкинселек бирә.

Педагогия юғары уҡыу йортонда төрлө йүнәлештә уҡытыусыларҙы әҙерләүгә генә түгел, ә мәктәптәрҙә эшләп йөрөгән уҡытыусыларҙың белемен арттырыуға ла һәр ваҡыт айырым иғтибар бүленә. Иң тәүге осорҙа, әлбиттә, башҡорт телен уҡытыу буйынса методик әсбаптар, материалдар бик аҙ була. Уларҙы эшләүгә, төҙөүгә, ғәмәлгә индереүгә вуз уҡытыусылары тос өлөш индерә. Х.Ғ.Йосопов уҡытыусыларға был йүнәлештә башҡорт теленең бәхәсле теоретик мәсьәләләрен аңлатҡан, ябай ғына булып күренгән, әммә әлегәсә башҡорт тел ғилемендә күтәрелмәгән проблемаларҙы көн үҙәгенә ҡуйып хәл итеүе менән, “Башҡортостан уҡытыусыһы” журналы менән актив хеҙмәттәшлек итеп, тюркологиялағы яңылыҡтарҙы киң уҡытыусылыҡ йәмәғәтселегенә еткереүе менән һиҙелерлек ярҙам күрһәтә. Уның “Исем ҡылым” (Башҡортостан уҡытыусыһы, 1979, №4, 36-39-сы биттәр), “Хәҙерге башҡорт телендә -аһы ялғаулы сифат ҡылымдар” (БУ, 1980, №1, 30-32-се биттәр), “Мәктәптә оҡшатыу һүҙҙәрен өйрәнеү юлдары” (БУ, 1980, №9, 30-33-се биттәр), “Башҡорт телендә исемдәрҙең субъектив баһа формалары һәм мәғәнәләре” (БУ, 1981, №5, 36-38-се биттәр), “Башҡорт теленең рәүеш фразеологизмдары” (БУ, 1982, №4, 34-36-се биттәр), “Әмир Гәрәев әҫәрҙәрендә диңгеҙ терминологияһы” (БУ, 1983, №2, 53-55-се биттәр), “Ярҙамсы һүҙҙәрҙе өйрәнеү буйынса ҡайһы бер тәкдимдәр” (БУ, 1992, №4, 26-29-сы биттәр), “Йомаҡтарҙың синтаксик төҙөлөшө” (БУ, 1994, №6, 29-33-сө биттәр), “Мәктәптә башҡорт теленең соматик фразеологизмдарын өйрәнеү” (БУ, 1984, №4, 40-43-сө биттәр), “Сифат фразеологизмдары” (БУ, 1985, №10, 43-45-се биттәр), “Ҡылым фразеологизм-дары” (БУ, 1987, №2, 39-42-се биттәр), “Мәктәптә “менән” бәйләүесенең лексик-грамматик үҙенсәлектәрен өйрәнеүгә ҡарата” (БУ, 1988, №2, 41-43-сө биттәр), “Ымлыҡ фразеологик берәмектәрҙең структура һәм мәғәнә төрҙәре” (БУ, 1990, №10, 24-26-сы биттәр), “Мәҡәл һәм әйтемдәрҙе өйрәнгәндә хеҙмәткә һөйөү тәрбиәләү” (БУ, 1991, №10, 18-19-сы биттәр) кеүек мәҡәләләре теоретик мәсьәләләрҙе хәл итеү менән бергә методик аспектта ла яуап бирә. Был уйланыуҙарҙың ҡайһы берҙәре артабан айырым хеҙмәт булып үҫешеп, монография, уҡытыу-методик әсбап формаһында донъя күрә, мәҫәлән, “Башҡорт теленең фразеологияһы (методик ҡулланма)” (Өфө, 1963), “Башҡорт

телендә оҡшатыу һүҙҙәре” (Өфө, 1971), “Башҡортса-русса фразеологик һүҙлек” (Өфө, 1973, авторҙаш), “Башҡорт телендә эвфемизмдар” (Өфө, 1988), “Вопросы морфологии башкирского языка” (Стерлитамаҡ, 1991), “Башҡорт мәҡәлдәренең синтаксик төҙөлөшө” (Стәрлетамаҡ, 1996), “Сит телмәр төрҙәре” (Стәрлетамаҡ, 1998).

Шулай ҙа башҡорт тел ғилеме тарихында Харрас Ғәлиәкбәр улы тәү сиратта диалектолог булараҡ билдәле. Х.Ғ.Йосоповтың йөҙҙән артыҡ ғилми һәм ғилми-методик хеҙмәттәре араһында уны диалектолог итеп танытҡандары һан яғынан әллә ни күп тә түгел. Уның ҡарауы, улар араһында берәү ҙә берәгәй булғандары бар.

Ғалимдың тәүге күләмле ғилми хеҙмәте Асы//Ассы һөйләшсәһенә бағышлана. Айырым мәҡәләләрендә был атама менән бер рәттән, уны киңәйтеп һәм тәрәнәйтеп, “инйәр һөйләшсәһе”, “инйәр-ҡатай һөйләшсәһе” тигән исемдәр менән эш итә [ҡарағыҙ: әҙәбиәт исемлеге]. Хәҙерге башҡорт диалектологияһы күҙлегенән көньяҡ диалекттың урта һөйләшенең инйәр һөйләшсәһенә тап килгән был ареал ғалим тарафынан бик ентекле өйрәнелә, уның фонетик, морфологик, лексик үҙенсәлектәре асыҡлана. Һөйләшсәнең төп үҙенсәлектәренең береһе тип тикшеренеүсе тартынҡыларҙың көслө һәм көсһеҙ позицияла килеүен күрһәтә, уларҙың башҡорт теленән тыш төркмән теленең көнсығыш диалекттарында, тыва, салар телдәрендә, һары уйғырҙарҙың телдәрендә сағылыуын билдәләй. Х.Ғ.Йосоповтың был хеҙмәте артабан диалектологтарға сикләнгән бер зонаны тел йәһәтенән өйрәнеүҙә өлгө булып тора.

Авторҙың “Термины родства в башкирском языке (из наблюдений над лексикой башкирских говоров)” [//Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.123-135] исемле хеҙмәте, баҫылып сығыуына ярты быуаттан артыҡ ваҡыт үтеүенә ҡарамаҫтан, иң яҡшы тикшеренеүҙәр кимәлендә ҡала бирә. “Следует отметить, что термины родства в башкирском языке, в особенности в разрезе его диалектов, - тип күрһәтә хеҙмәттең авторы, - еще не исследованы в отношении истории их форм, значений, словообразовательной способности, хотя важность такого изучения очевидна для всех” [Юсупов 1959, 124]. Башҡорт туғанлыҡ-ҡәрҙәшлек номенкла-тураһын тәрәнерәк һәм ентекләп өйрәнеүҙең башҡорт теленең тарихы, шулай уҡ башҡорт халҡының тарихы һәм этнографияһы өсөн бай материал булырын күҙ уңында тотоп, Х.Ғ.Йосопов туғанлыҡ-ҡәрҙәшлек терминдарын ике төркөмгә бүлеп, 1) ҡан-ҡәрҙәшлек һәм 2) никах-туғанлыҡ буйынса тикшерә. Сағыштырма мәғлүмәттәр араһында диалектолог Т.Ғ. Байышев, этнограф С.И. Руденко материалдары менән бер рәттән, авторҙың үҙе тарафынан йыйылғандарының булыуы әһәмиәтле. Әлбиттә, диалектологик тикшеренеүҙәрҙә иң мөһиме – урындарға барып, фактик материалды теркәү. Шуға күрә Харрас Ғәлиәкбәр улы йыл һайын тиерлек студенттар

менән фольклор-диалектологик экспедицияларға сыға, яңы ерле материалдар туплай.

Уҡытыусыларҙың уҡытыусыһы Х.Ғ.Йосопов ғилми-педагогик эшмәкәрлегендәге уңыштары өсөн БАССР Юғары Советы Президиумының Почет грамотаһы, "РФ халыҡ мәғарифы отличнигы", "СССР мәғариф отличнигы" значоктары менән бүләкләнә, миҙалдар менән наградлана, Башҡортостан Республикаһының атҡаҙанған уҡытыусыһы исеменә лайыҡ була. Уның ғилми хеҙмәттәре туранан-тура педагогик эшмәкәрлегенә үрелеп бара; уҡытыу эшендә иһә ғалим ҡасандыр үҙенә ғилем юлын асҡан диалектология өлкәһен онотмай, нәшер иткән уҡыу-уҡытыу ҡулланмаларында, методик әсбаптарында ерле һөйләш материалдарынан әленән-әле миҫалдар килтерә, лексикология бүлегенә айырым әһәмиәт биреп, унда диалекттар мәсьәләһенә иғтибар бүлә. Шуның менән уның хеҙмәттәре башҡорт диалектологияһы тарихында лайыҡлы урын ала.

Литература:

Дмитриев Н.К. Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР за 1928 год // Башкирский диалектологический сборник. - Уфа, 1959. - С.53-88.

Дмитриев Н.К. Баш һүҙ // Кейекбаев Ж.Ғ. Башҡорт әҙәби теленең дөрөҫ әйтелеше. - Өфө, 1964. - 5-6-сы биттәр.

Юсупов Х.Г. Асинский говор башкирского языка: Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. - М., 1956. - 15 с.

Юсупов Х.Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка // Башкирский диалектологический сборник / Под ред. Т.М.Гарипова, Н.Х.Ишбулатова, А.А. Юлдашева. - Уфа, 1959. - С.151-167.

Юсупов Х.Г. Термины родства в башкирском языке (Из наблюдений над лексикой башкирских говоров) // Вопросы башкирской филологии. - М., 1959. - С.123-135.

Юсупов Х.Г. Лексические особенности инзер-катайского говора // Уч.зап.Стерлитамакского гос.пед.ин-та. Вып.6. Стерлитамак, б.г.

Мигранова Э.В., г. Уфа

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТРАДИЦИИ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ У БАШКИР

К наиболее раннему традиционному виду хлеба у башкир необходимо отнести пресные лепешки. Испеченные в летней печи (*ялан мейесе*) в горячей золе, лепешки назывались *көлсә* или *көләсә* (в сев., с-з, зап., ю-з районах – *көләчә*), что означает лепешки, испеченные в золе (от слова *көл* – зола). Для обозначения таких лепешек употреблялись также термины *күмәс* (от слова *күмеү* – закапывать) или *уткүмәс* (*ут күмәсе*) – лепешка, испеченная на/в огне (от слова *ут* – огонь). Термин *күмәс* часто употреблялся с добавлением частицы *көл* (*көлкүмәс, көл күмәсе, көлгүмәс;* у аргаяшских башкир – *көлдөгүмәс*), что усиливало значение этого термина. Слово *көл* в обозначении зольных лепешек соединялось

также со словом *икмәк* (*көликмәк, көликмәге,* у кызыльских башкир – *көлгикмәк*). Пресные лепешки, испеченные в горячей золе у гайнинских, минзелинских, с-з башкир назывались иногда *ҡуҙикмәк* (*күзикмәк*) или *ҡуҙекәй* (от слова *ҡуҙ* – горящие угли, жар).

Вообще термин *икмәк* в башкирском языке является наиболее употребительным и литературным для наименования собственно хлеба. Этот термин также используется как официальный для оформления вывесок хлебопекарен и хлебных магазинов на башкирском языке на территории республики. У некоторых групп башкир употребляются диалектные варианты термина: у ик-сакмарских башкир – *итмәк*; у кызыльских, миасских, сакмарских – *ипмәк* и т.д. Слово *икмәк* (хлеб) в башкирском языке используется также для обобщенного обозначения пищи, пропитания.

Часто пресным лепешкам, предназначеным для выпекания в золе или в сухой сковороде, форма придавалась с помощью рук (без использования скалки), поэтому для них башкиры использовали также термины с элементом *ҡул* – рука (*ҡул икмәк, ҡулъикмәк* и др.).

Диалектные термины *әпәй* (*эпей*), *әпи* (*эпи*), обозначающие хлеб, распространены в с-з, центральных, сев., ю-з районах (в том числе в басс. р. Демы); *әпәк, әпкәй* встречаются у центральных, кызыльских, миасских; *ипи, ипей, ипәй, әпәкәй* – у с-в, караидельских, минзелинских и некоторых других групп башкир. В разговорной речи с-в, с-з, ю-з башкир используются уменьшительно-ласкательные варианты *әпекәй* (*эпекәй*), *ипекәй* – хлебушко.

У башкир тонкие пресные лепешки выпекались также на горячем поду печи, в сковороде, накрытой сверху другой сковородой, или просто в сухом казане. Для их обозначения, наряду с названиями, перечисленными для зольных лепешек, у демских, караидельских башкир применялся термин *йоҡа* (тонкий), у ю-з, юж., ю-в башкир – *йәймә* (*йәйем, ҡаҡан йәймәһе*), *йәйгес* (от слова *йәйеү* – раскатывать) и *йапма*; у ток-соранских – *төрткө, төртмә.* Диалектный вариант термина *йәймә – жәймә* встречается у центральных, сев., с-в, в т.ч. айских башкир; *жәйгеч* – у башкир-гайнинцев.

Тонкие пресные лепешки, остывая, становились твердыми и хрупкими, поэтому иногда их называли *ҡатырма* (*ҡатырмас, ҡатырмаҡ*) (от слова *ҡаты* – твердый) или *кәтермәс* (от слова *кетерләү* – хрустеть). Эти лепешки сразу после приготовления смазывали маслом или сметаной. Печеная пресная лепешка, сформованная в форме небольшой чаши или пиалы, у демских башкир называлась *ҡупы* (от одноименного названия чаши).

Для более торжественных случаев тесто для лепешек раньше замешивали на катыке, сметане, масле и яйцах. Известны случаи, когда лепешки выпекали из разведенного водой или молоком предварительно обжаренного и размолотого зерна – толокна (*талҡан*).

К старинным видам хлеба можно отнести и небольшие лепешки, обжаренные с двух сторон в большом количестве топленого масла, нутряного животного (чаще бараньего) или гусиного жира *майлы икмәк* (*май икмәк, майъикмәк, май ашы*) – масленый хлеб. У башкир-гайнинцев сходное кушанье иногда называлось *майжока*; у аргаяшских башкир – *тоҡман*; у сакмарских башкир – *сәлпәк*. Если тесто для таких лепешек раскатывалось тонко, то они приобретали сходство с хворостом. Более пышные, чем хворост, лепешки, зажаренные в масле, у демских башкир иногда назывались *литрум*. Одной из разновидностей «масленого хлеба» (в форме небольших ромбов) выступало башкирское кушанье под названиями *йыуаса* или *ҡыйыҡ һалма,* тесто для которого замешивалось на молоке (пресном или заквашенном), иногда в сочетании с бараньим жиром, благодаря чему готовое мучное изделие долго не портилось. Впоследствии, когда рецептура этого кушанья усложнилась, в тесто стали добавлять яйца, сливочное масло, сахар, соль; иногда для такого рода выпечки брали и кислое тесто, но в этом случае готовое изделие быстрее черствело, поэтому предпочтение отдавалось пресному сдобному тесту. Кушанья, зажаренные в масле, после приготовления иногда смазывались медом или посыпались сахаром. *Йыуаса* нередко включалась как обрядовое блюдо в свадебные ритуалы башкир. Его, наряду с другими угощениями, привозили сваты и использовали при проведении одноименной трапезы *Йыуаса ашы* (*Йыуаса сәйе*) – Угощение (чаепитие) в честь юасы, сопровождавшейся исполнением частушек – такмаков и специальных плясок. У с-з башкир под названием *йуача* известны небольшие баранки из дрожжевого теста.

Тонкораскатанные пресные лепешки (или кусочки сочня) можно было не только испечь в горячей золе, сухой сковороде (казане), печи или обжарить в масле, но и сварить в бульоне. Такие лепешки у юж., ю-в башкир назывались *йәймә, кумәс, өшә*; у сакмарских – *алпама*; у иргизских, ик-сакмарских – *әңкәл* (*әнкәл*); у миасских башкир – *тоҙҙоҡас* (от слова *тоҙҙоҡ*, *тоҙлоҡ* – бульонный навар) (иногда после варки лепешки дополнительно обжаривались в масле).

У башкир издавна практиковалось заквашивание теста кислым молоком (катыком) или пахтой, в отдельных случаях в качестве закваски использовался дикорастущий щавель, но к наиболее древнему способу получения кислого теста, по-видимому, стоит отнести естественное прокисание мучной болтушки. Несколько позже стала применяться специально приготовленная хмелевая и дрожжевая закваска (*әсетке, сүпрә, сөпөрә, баш, ҡамыр (икмәк) башы, ҡур, ҡуржын, ҡуржым, ҡыурлыҡ, ҡуырдыҡ* и др.). Для обозначения хлеба или каравая, приготовленного на основе закваски, чаще всего, как уже отмечалось, использовался термин *икмәк* или *әсе* (*асы*) *икмәк* (*әсикмәк, асикмәк*), в отличие от термина *сөсө икмәк*, означавшего

пресный хлеб или лепешку. Элементы *әсе* или *сөсө* присоединялись и к другим названиям хлебных кушаний, чтобы было понятно, из какого теста они выпечены.

По мере распространения хлебопечения для лепешек, тонких хлебцов, а иногда и для оладий чаще стало использоваться хлебное тесто, разведенное молоком, с добавлением яиц, сахара и другой сдобы; у караидельских, миасских, минзелинских, центральных, кызыльских, айских и некоторых других башкир подобные и лепешки (как испеченные в печи, так и зажаренные в масле), и оладьи подчас назывались одинаково – *тәбикмәк, тәйекмәк, таба(ә)пәй*; у башкир-гайнинцев – *тәбитмәк*. Пышные лепешки – *күпертмә, күпмәк* (от слова *күпсеү* – подниматься, раздуваться) получали из предварительно отваренной, а затем заквашенной пшенной или гороховой болтушки, смешанной с просяной или пшеничной мукой или из обычного кислого хлебного теста. Небольшая лепешка с волнистыми краями (из кислого или пресного сдобного теста), зажаренная в кипящем масле, у миасских, иргизских башкир называлась *һырлама* или *с(ҫ)ырлама*. Лепешка-пышка у восточных башкир иногда называлась *өрөлдәй*; у караидельских башкир – *кәйикмәк*. При обжаривании в масле лепешки из кислого теста значительно увеличивались в размерах и становились пышными и воздушными; отсюда и название таких лепешек *ҡабартма* (от слова *ҡабарыу* – вздыматься, становиться пышным). Этот же термин иногда применялся для булочек-пышек из кислого теста, испеченных в печи. Караидельские башкиры хлеб или лепешку из мягкого кислого теста, испеченные в сковороде в печи, называли *тәбә*. Круглый хлеб, похожий на мяч, иногда именовался *тупасай*. Хлеб в виде буханки у демских башкир иногда назывался *тупалаҡ*; целую неразрезанную буханку они называли также *оликмәк*.

С развитием хлебопечения хозяйки научились готовить слоеные лепешки – *ҡатлама, ҡаттама, ҡаптама*. Для этого в сковороду выкладывали горкой несколько тонко раскатанных (иногда предварительно выпеченных) лепешек, промазывали их сливочным маслом и вновь ставили в печь. Этими же терминами называют булки из пресного теста в некоторых центральных районах.

Развитие технологии хлебопечения и усовершенствование рецептуры хлебобулочных изделий привело к появлению в традиционной кухне башкир белого хлеба и булок из высококачественной пшеничной муки (*күмәс, әсе күмәс*), калачей, плетеных булок (*ҡалас, ҡалач*), кренделей (*керәндил*), хлеба – лаваша (*ләүеш, ләүәшләмә, дәүешләмә, йәүешләмә, кәүешләмә*), сдобных лепешек (*липушка, ләпәшкә* – ик-сакмарские, центральные башкиры) и т.д. Иногда в одну сковороду или металлическую хлебную форму выкладывали сразу несколько мелких булочек из кислого теста,

которые по мере выпекания склеивались между собой, образуя «дружную семейку»; такие булочки у ток-соранских, сакмарских, иргизских башкир назывались *сүрәк* или *сүрәкәй*; этот же термин иногда применялся для обозначения пресной лепешки, испеченной в горячей золе. Хлеб, испеченный семейкой, у караидельских башкир назывался *кәкүркә* или *кәүрткә*. Поверхность теста перед тем как поставить в печь иногда смазывали сметаной или смесью сметаны и взбитого яйца. Мелкие булочки назывались также *ваҡ күмәс* или *өшә* (*өшәкә, өшәкәй, үшә*), их часто готовили для угощения детей или предваряя выпечку хлеба к обрядовым праздникам, например, к сабантую, каргатую и т.д. Булка из кислого теста, испеченная в глубокой сковороде, у караидельских башкир называлась *соҡорса*. Для обозначения круглых булочек у демских башкир имелся термин *йомороҡай*; небольшие лепешки-булочки в некоторых местных аулах назывались *әнәсә*; булочки из пресного теста – *шәшәрә*. Хлеб или булочки, испеченные из теста, оставшегося от приготовления хлеба, у айских башкир назывались *ҡырындыҡ* (от слова *ҡырыу* – скоблить, выскабливать).

Существуют башкирские термины, несущие информацию о форме хлебобулочных изделий. Например, термины *бөкөрөш, бөкмә, бөккән, бөкә, бөкө, бөкөрөй*, известные у сакмарских, миасских и некоторых других групп башкир, обозначали не только пироги (пирожки и вареники), но сдобные булочки или крендели, изогнутые в форме полумесяца.

Для приготовления хлеба и лепешек башкиры традиционно использовали муку пшеничную (*бойҙай икмәге*), ржаную (*арыш икмәге*), иногда полбу (*борай икмәге*), на юге республики и в Зауралье для хлебных изделий раньше нередко использовали ячменную муку (*арпа икмәге*). Хлеб или лепешки из заквашенного проса (*тары икмәге*) чаще готовили в ю-в областях и в Забелье; иногда тесто замешивали из смеси пшеничной муки с разваренным пшеном. Центральные, ик-сакмарские башкиры булки и лепешки из просяной муки называли *тәбейә*. На крайнем юге и ю-в, в т.ч. в горных районах, встречался способ приготовления хлеба с добавлением в тесто цельных семян конопли (*киндер икмәк, бетлекәй, бетле икмәк*).

В терминах, означающих плохо пропеченный хлеб, дается характеристика такого хлеба: *уңмаҙан икмәк* (неудавшийся хлеб), *сей икмәк* (сырой, сыроватый хлеб), *йым икмәк* (плоский, гладкий, т.е. неоднявшийся хлеб), *лыс* (*лысҡылдаҡ*), *ләпек* (*ләпес, лес, ләс, лестек, ләскей, ләске*) *икмәк, бысый икмәк* (вязкий, сырой, непропеченный хлеб), *шәре* (*шеле*) *икмәк, шимбай икмәк* (сырой, водянистый, непропеченный хлеб).

В голодные годы подспорьем в питании башкир становились так называемые дары природы: дикорастущие растения, плоды, ягоды, коренья, в том числе пищевые суррогаты. Так, хлеб или лепешки, испеченные из высушенных и размолотых семян лебеды, иногда в сочетании с мукой, назывались *алабута икмәге*. Подобие муки получали также из богатых крахмалом высушенных корневищ рогоза широколистного (*екән, екәнле ҡамыш*), корней стрелолиста (*уҡ япраҡы*), конского щавеля (*атҡолаҡ*), лопухов, кувшинок и т.д. Спасением от голода нередко становилась также мука, приготовленная из клубней зопника (*кейәү ҡамсыһы, майсыбыҡ*), и в особенности из луковиц лилии сибирской (кудреватой) – сараны (*һарына, һарна*), а также бубенчика лилиелистного (*әтлек, әттек*). И.И. Лепехин писал в XVIII в., что клубни сараны дают некоторый род муки, употребляемый башкирами на салму [Лепехин И.И., 1795. С. 195]. При чрезвычайных обстоятельствах население собирало и высушивало молодую неотвердевшую кору (заболонь) некоторых деревьев, березовый камбий (*ҡайын ите*), желуди, которые также выварив, высушив и размолов, подмешивали в муку.

Литература:

Башкирско-русский словарь. М., 1996.

Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1795.

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1802.

Мигранова Э.В. Традиционная пища, обрядовые трапезы, хозяйство, утварь башкир: Иллюстрированный башкирско-русский терминологический словарь. Уфа, 2010.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1786.

Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7.

Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и культура башкир в конце XIX – начале XX века. М., 1979.

Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII – XIX вв. Уфа, 1998.

Мирхайдарова К.С., Каац Т.В., Благоварский район

ОБУЧЕНИЕ РОДНОМУ И ИНОСТРАННОМУ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТА

Языковая ситуация в селах, где компактно проживает немецкое население, сильно изменилась в последние десятилетия. Раньше здесь общались исключительно на местном диалекте немецкого языка. Дети дошкольного возраста также общаются между собой, с родителями,

дедушками и бабушками на диалекте. Эти знания помогают детям в дальнейшем при изучении литературного немецкого языка. Учителя немецкого языка должны в полной мере воспользоваться этим уже с начальных классов. В семьях, где родители немцы, говорят на родном языке; если в речи иногда употребляют русские слова, то это объясняется тем, что в диалекте нет соответствующего немецкого эквивалента. В смешанных семьях дети владеют русским и немецким языками. В школе на уроках немецкого языка пытаются говорить на литературном немецком языке.

Большинство ученых, исследовавших немецкий диалект в Благоварском районе Башкортостана, считают, что он принадлежит к группе верхненемецких диалектов, но к какому именно – установить трудно. Как уже говорилось, немецкие селения в Благоварском районе образовались в результате переселения немцев из различных частей Украины в 1904-1905 гг. На Украину же они попали в основном из западной части Германии (Гессен, Баден-Вюртенберг, Пфальц, Дурлах, Северный Эльзас). Эти области всегда были главными очагами эмиграции из Германии из-за перенаселения, крайнего раздробления земельной собственности и тяжелых условий, связанных с постоянными пограничными войнами с Францией.

Видимо, не случайно в языке немцев Благоварского района (с. Пришиб) обнаруживаются значительные черты сходства с гессенским, швабским и южно-франкским диалектами, но ближе всего он стоит к швабскому.

В диалекте с. Пришиб, как и в швабском диалекте, отсутствуют лабиализированные гласные «о» и «ц». В обоих диалектах они совпадают с соответствующими гласными переднего ряда: o>e ; u>i: uber> iber; zurück > zurik, wunschen> winsche; schon> schen

В обоих диалектах отсутствует дифтонг eu: heute > heit Freund> Freind F euer > F eier

В обоих диалектах оглушаются звонкие согласные: Ь = p; g = k; s = ss.

В обоих диалектах s перед t [Tt]: ist> шт; bist > bішт; hast> нашт.

Общей для обоих диалектов является редукция конечного e: die Schale > die Schal die Nase > die Nas

Сами жители сел в Благоварском районе разделяют свой язык на католический и протестантский. Особенности каждого проявляются в процессе коммуникации, хотя резких границ между ними не существует. Дифференциация существует прежде всего в произношении некоторых гласных и эвукосочетаний. Некоторая дифференциация обнаруживается и на уровне лексики.

Раньше российские немцы разных поколений говорили в школе на литературном немецком языке, читали книги, учили молитвы, песни. Сегодня газеты на немецком языке читают только люди старшего

поколения, среднее поколение читает плохо или совсем не понимает литературного немецкого языка.

В немецких селах Башкортостана сложилась такая ситуация: если собеседник обратится к односельчанину на диалекте, то ответ последует на диалекте, если на русском языке, то ответ будет на русском. Если же собеседник обратится на литературном немецком языке, то ответ тоже последует на русском. Таким образом, русский язык является языком подрастающего поколения и постепенно вытесняет немецкий диалект. Язык башкир и татар оказывает на немецкий язык меньшее влияние по сравнению с русским. Социолингвистами установлено, что процесс вытеснения диалекта русским языком является закономерным результатом следующих факторов: 1) развития и расширения всеобщего среднего образования; 2) языковой синтезации; 3) процесса коммуникации и непосредственной близости людей других национальностей; 4) узкой сферой употребления немецкого языка (как в географическом, так и количественном отношении); 5) увеличения количества смешанных браков; 6) миграции, переселения из других сел или в другие села, города; 7) увеличения потока информации на русском языке.

Литература:

Бауэр В.А. Российские немцы: право на надежду. - М., 1995 – 457с.
Зиннатуллин З. Цель – народосбережение // Ватандаш. – 2008. - №7.
Шнурр И. Volk auf dem Weg. Штутгарт: Камерберг, 1997. – 67с.
Журнал «Глобус» - 1991 г. № 9
Журнал «Иностранные языки в школе» - 2003 г. № 2
Журнал «Учитель Башкортостана» - 1996 г. № 6

Мудрак О.А. г. Москва

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИННОВАТИВНЫХ ИЗОГЛОСС ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ КЫПЧАКСКОЙ ПОДГРУППЫ

На основании вопросника с использованием данных исторической морфологии и фонетики удалось сделать топологию тюркской языковой семьи, и в частности, кыпчакской подгруппы. Использовались данные как современных тюркских литературных языков, так и хорошо описанных диалектов. При стандартном матричном анализе при слиянии двух столбцов оставляются минимальные проценты схождений с остальными рядами, а подскок процента объясняется заимствованием или вторичной инновацией и в последующем игнорируется. Представляется любопытным провести анализ, не игнорируя подскоков (т.е. брать максимальный процент), и сравнить его с уже получившимся генетическим древом.

Расчет по максимуму процентных схождений. Он показан пошагово с удалением сводимых полей (после названия полей идут цифры процентных соответствий и после дефиса указанием времени распада в тысячелетиях). Соответствие генетическому делению не обязательно означает соответствие по дате распада. ktt - крымско-

татарский (средний диал.), kaz - казахский, kkl - кара-калпакский, nog - ногайский, kar - караимский (Речи Посполитой), kbl - карачаево-балкарский, kmk - кумыкский, tat - волжско-татарский, msr - мишарский (диал.), bsh - башкирский (западный диал.), sbs - южно-башкирский диал., ebs - восточно-башкирский диал., stt - сибирско-татарский (барабинский).

	ktt	kaz	kkl	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		72	75	79	85	73	78	79	75	76	69	72	78
kaz	72		94	88	73	74	73	74	72	78	82	85	75
kkl	75	94		88	72	76	77	73	71	77	80	83	74
nog	79	88	88		76	73	80	78	75	80	80	81	78
kar	85	73	72	76		84	84	84	82	77	80	81	87
kbl	73	74	76	73	84		88	76	76	71	81	80	79
kmk	78	73	77	80	84	88		78	77	76	78	77	78
tat	79	74	73	78	84	76	78		90	87	88	86	94
msr	75	72	71	75	82	76	77	90		81	85	81	89
bsh	76	78	77	80	77	71	76	87	81		95	94	85
sbs	69	82	80	80	80	81	78	88	85	95		**98**	86
ebs	72	85	83	81	81	80	77	86	81	94	**98**		89
stt	78	75	74	78	87	79	78	94	89	85	86	89	

Узел юж.-баш. и вост.-баш. (SBS-EBS 98 - 1.78) - деление соответствует генетическому.

	ktt	kaz	kkl	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	seb	stt
ktt		72	75	79	85	73	78	79	75	76	76	78
kaz	72		**94**	88	73	74	73	74	72	78	85	75
kkl	75	**94**		88	72	76	77	73	71	77	83	74
nog	79	88	88		76	73	80	78	75	80	81	78
kar	85	73	72	76		84	84	84	82	77	81	87
kbl	73	74	76	73	84		88	76	76	71	81	79
kmk	78	73	77	80	84	88		78	77	76	78	78
tat	79	74	73	78	84	76	78		90	87	88	**94**
msr	75	72	71	75	82	76	77	90		81	85	89
bsh	76	78	77	80	77	71	76	87	81		**95**	85
seb	76	85	83	81	81	81	78	88	85	**95**		89
stt	78	75	74	78	87	79	78	**94**	89	85	89	

Узлы общ.-баш. (SEB-BSH 95 - 1.61), волж.-тат. и сиб.-тат. (TAT-STT 94 - 1.56), каз. и кар.-калп. (KAZ-KKL 94 - 1.56) - деление соответствует генетическому.

	ktt	kkz	nog	kar	kbl	kmk	msr	bsh	tst
ktt		75	79	85	73	78	75	76	79
kkz	75		88	73	76	77	72	85	75

nog	79	88		76	73	80	75	81	78
kar	85	73	76		84	84	82	81	87
kbl	73	76	73	84		88	76	81	79
kmk	78	77	80	84	88		77	78	78
msr	75	72	75	82	76	77		85	**90**
bsh	76	85	81	81	81	78	85		89
tst	79	75	78	87	79	78	**90**	89	

Узел общ.-тат. (мишар. и ост. тат.) (MSR-TST 90 - 1.45) - деление соответствует генетическому.

	ktt	kkz	nog	kar	kbl	kmk	bsh	ttt
ktt		75	79	85	73	78	76	79
kkz	75		**88**	73	76	77	85	75
nog	79	**88**		76	73	80	81	78
kar	85	73	76		84	84	81	87
kbl	73	76	73	84		**88**	81	79
kmk	78	77	80	84	**88**		78	78
bsh	76	85	81	81	81	78		**89**
tat	79	75	78	87	79	78	**89**	

Узлы общ.-баш. и общ.-тат. (BSH-TTT 89 - 1.42), кар.-бал. и кум. (KBL-KUM 88 - 1.38), общ.-каз. и ног. (KKZ-NOG 88 - 1.38) - деление соответствует генетическому.

	ktt	kkn	kar	kvk	btt
ktt		79	85	78	79
kkn	79		76	80	85
kar	85	76		84	**87**
kv	78	80	84		81
btt	79	85	**87**	81	

Узел тат.-баш. и кар. (BTT-KAR 87 - 1.35) - деление НЕ соответствует генетическому.

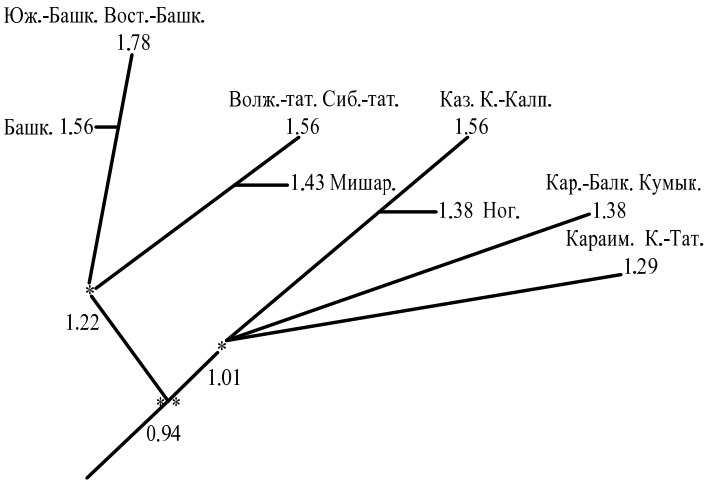
	ktt	kkn	kvk	btk
ktt		79	78	**85**
kkn	79		80	**85**
kv	78	80		84
btk	**85**	**85**	84	

Узел поволж.-кар. и крым.-тат. и общ.-ног. (BTK-KTT-KKN 85 - 1.29) - деление НЕ соответствует генетическому.

	kkn	kvk	ttt
kkn		80	**85**
kvk	80		84
ttt	**85**	84	

Последний узел кавк. тюркские языки и остальные (KVK-TTK 84 - 1.26) - деление НЕ соответствует генетическому.

Общее умоложение глубины группы – на 0.32 тыс. лет, т.е. почти на треть от реального распада до настоящего времени. Характерными особенностями получившейся классификации являются очень поздний распад поволжского единства, которое получается моложе внутрикавказского и большого ногайского единства, довольно позднее объединение караимского с поволжскими тюркскими языками с последующим включением этой подгруппы в равноправное объединение с крымско-татарским языком и языками Ногайской орды, а также противопоставление всех этих языков и диалектов кавказской подгруппе кыпчакских языков. В целом, в этой картине «контактов» выделяется особый статус караимского и переферийное положение кавказских языков по отношению к остальному кыпчакскому миру. Можно эти результаты сравнить с топологией дерева при расчете по минимуму процентов:



Кыпчакская подгруппа

Но есть и другой способ учесть теряемую информацию. При его применении учитываются показатели разницы фактического процента с генетическими соответствиями процентов (которые выясняются при нормальном анализе матрицы с учетом минимума схождений). От общего процента схождений отнимается реальный процент схождений в соответствии с узлами генетического распада (жирным шрифтом и тонированием выделены значительные проценты контактных изоглосс).

	ktt	kaz	kkl	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		0	3	7	0	1	9	**10**	6	7	0	3	9

kaz	0		0	0	1	2	1	5	3	9	**13**	**16**	6
kkl	3	0		0	0	4	5	4	2	8	**11**	**14**	5
nog	7	0	0		4	1	8	9	6	**11**	**11**	**12**	9
kar	0	1	0	4		**12**	**12**	**15**	**13**	8	**11**	**12**	**18**
kbl	1	2	4	1	**12**		0	7	7	2	**12**	**11**	**10**
kmk	9	1	5	8	**12**	0		9	8	7	9	8	9
tat	**10**	5	4	9	**15**	7	9		1	6	7	5	0
msr	6	3	2	6	**13**	7	8	1		0	4	0	0
bsh	7	9	8	**11**	8	2	7	6	0		1	0	4
sbs	0	**13**	**11**	**11**	**11**	**12**	9	7	4	1		0	5
ebs	3	**16**	**14**	**12**	**12**	**11**	8	5	0	0	0		8
stt	9	6	5	9	**18**	**10**	9	0	0	4	5	8	

Максимальные подскоки процентов, отражающие контактные изоглоссы, наблюдаются между башкирскими диалектами, включая лит. (западный) баш., и языками ногайской подгруппы, причем зап. диалект имеет меньшее количество изоглосс, что объяснимо географически. Однако синхронно удаленный ног. не выбивается из общей картины, что указывает на древность и интенсивность этих контактов, даже, возможно, на племенной союз в раннюю эпоху после рапада кыпчаков. Процент общ.-башкирских контактных изоглосс с волж.-тат. ощутимо ниже «ногайских» изоглосс и даже меньше кумыкско-общебашкирских, что указывает на сепаратные контакты с кумыками в местах летовий до прихода русских и калмыков. Отдельно заметен подскок процента между сиб.-тат. и вост.-баш., что является отражением позднейших контактов.

В кар. (Галича, Тракая и Кракова) наблюдается значительный подскок с языками Поволжского и Северно-Кавказского ареалов, что указывает на длительные сепаратные контакты. Это можно объяснять первоначальной неоднородностью караимов (т.е. несколькими тюркскими этносами, перешедшими на службу к Даниле Галицкому, где караимоязычные играли доминирующую роль и ассимилировали остальных) или регулярной «подпиткой» служилых караимов из этих ареалов (жены или новые «служилые татаре», принявшие иудейскую веру). Но более вероятным кажется их проживание до поступления на службу в XIII в. именно в ареале Поволжья и Северного Кавказа, т.е. на территории Хазарии, что объясняет и их необычное для тюрок вероисповедание.

Интересны подскоки процентов для крым.-тат. языка. Здесь соотносимый подскок с ногайским (это, конечно же, влияние «северного» ногайского диалекта крым.-тат. языка), с общ.-тат. и зап.-баш., а также с кум. Подскок с тюркскими языками Поволжья связан со временами Золотой Орды и позднее с династическими связями Казанского и Крымского ханств. Подскок с кум. языком, в отличие от родственного тому кар.-балк., указывает на контакты в районе нынешнего северного Прикубанья, Ставрополья и Калмыкии. Судя по большому, практически

одинаковому количеству кум. контактных изоглосс с Поволжьем и крым.-тат., следует предполагать, что первоначальный ареал кумыков был значительно севернее их нынешнего распространения, т.е. в местах, позднее занятых казаками и калмыками. Похоже, что это была территория Астраханского ханства.

Литература:

Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике //Orientalia et Classica XXIII, Изд-во РГГУ, М. 2009.

Мудрак О.А. Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики //Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., Наука, 2002.

Муратова Р.Т., г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ЧИСЕЛ В БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЯХ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Духовный мир башкир: лингвокультурологический словарь”, №10-04-84411а/У

Диалектные названия, содержащие числительный компонент, представляют большой интерес в том плане, что в них ярко выражены особенности мировидения народа. Числа с символическим значением встречаются в названиях растений, животных, болезней, частей тела и др., в обозначении которых фигурирует то, на что народ в первую очередь обратил внимание. Остановимся на некоторых из этих названий.

Интерес представляют название *ҡатлансыҡ ‘книжка’ (часть желудка у жвачных животных).* В разных говорах башкирского языка бытуют разные названия: ***ҡырҡҡарта*** *(дем., карид., сред., сакмар.) досл. ‘сорок кишок’,* ***ҡырҡҡарын*** *досл. ‘сорок желудков’,* ***ҡырҡҡатмаҫ, ҡырҡматмар*** *(дем.) досл. ‘сорок слоев’,* ***ҡырҡҡат*** *(сред.) досл. ‘сорок слоев’,* ***ҡырҡҡаттансыҡ*** *(дем., миас., среднеур.) ‘сорокаслойный’.* Следует отметить, что для обозначения этого внутреннего органа животного представители разных говоров обращались к числу ***ҡырҡ*** *‘сорок’.*

В названиях растений числа указывают не на конкретное количество, а выражают понятие множества или единственности и т.д. В них встречаются числа ***өс*** *‘три’,* ***ҡырҡ*** *‘сорок’,* ***йөҙ*** *‘сто’,* ***мең*** *‘тысяча’,* слова ***яңғыҙ*** *‘одинокий’,* ***һыңар*** *‘непарный’,* которые выполняют символическую роль.

Число ***ҡырҡ*** *‘сорок’* в составе названий указывает на множество, многочисленность какой-либо части растения. ***Ҡырҡъяпраҡ*** *‘кровохлебка’ (лит., досл. ‘сорок листьев’)* – это растение, у которого множество больших листьев. В кизильском и миасском говорах есть другое его название – ***ҡырҡколас*** *(досл. ‘в сорок обхватов’),* в номинации которого народ отметил громадность размера этого растения.

В литературном названии ***меңьяпраҡ*** *‘тысячелистник’ (досл. ‘тысяча листьев’)* число *мең ‘тысяча’* выражает большое количество листьев

растения. В сакмарском говоре бытует другое название тысячелистника – ***йөҙйафраҡ*** *(досл. ‘сто листьев’)*. Здесь нужно отметить то, что носители разных говоров обратили внимание на многочисленное количество листьев растения и назвали растение именно по этому признаку.

В среднем говоре бытует название ***өсйапраҡ*** *(лит. ваҡ селек) ‘мелкая чилига’ (досл. ‘три листочка’),* где число *өс ‘три’* указывает на малое количество листьев этого растения.

В говорах башкирского языка встречаются названия растений, первые компоненты которых образованы словами ***яңъыҙ*** *‘одинокий’,* ***һыңар*** *‘беспарный’*: например, в аргаяшском, миасском, салютском говорах клюкву называют ***һыңараяҡ*** *(лит. мүк еләге) (досл. ‘беспарный стебель’),* в среднем говоре земляника носит название ***яңъыҙаяҡ*** *(лит. ҡайын еләге) досл. ‘одинокий стебель’* (слово *аяҡ ‘нога’* здесь употребляется в значении “стебель”), что указывает на длинный тонкий стебель растений.

Компонент ***ҡуш*** *‘спаренный, двойной’* в зоономических названиях в основном указывает на большой размер какого-либо органа животного: ***ҡушбаш*** *‘голавль’ (досл. ‘двойная голова’, т.е. рыба с большой головой).* В мензелинском говоре эту рыбу называют словами ***ҡушбаш, ҡушбай,*** в северо-западном – ***ҡуштай.***

Некоторые названия образованы от сложения количественного числительного и нумеративного слова: **берғарыш** *(диал.) ‘лягушка’ (досл. ‘один вершок’)* – название дано согласно размеру животного. В сакмарском говоре бытует название ***өскат ҡуңъыҙ*** *‘светлячок’ (досл. ‘трехслойный ужук’),* которое указывает на внешний вид жука (у этого насекомого объемные крылья выглядят многослойными).

В обозначении болезней встречаются названия, образованные путем сложения слова ***ҡуш*** *‘спаренный, двойной’* и названия больного органа. В одних случаях слово ***ҡуш*** употребляется для передачи склеивания органов в результате болезни: ***ҡуштамаҡ*** *(сев.-зап., сред.) досл. ‘двойное горло’* – базедова болезнь; ***ҡушканат*** *(кизил., сред., сакмар.) досл. ‘спаренные крылья’* – двукрылатка (болезнь крыльев у пчел); ***ҡушкерпек*** *(кизил., сред., сакмар.) досл. ‘спаренные ресницы’* – ложная ресница, болезнь ресниц. Другие названия обозначают увеличенный в результате болезни орган: ***ҡушкендек*** *(кизил., сакмар.) досл. ‘двойной пупок’* – двойной пупок (болезнь пупка жеребят); ***ҡушйелкә*** *(аргаяш., сред., сакмар.) досл. ‘двойная холка’* – утолщение на холке лошади от сдавливания хомутом.

Названием мифологического персонажа ***бишмыйыҡ*** *досл. ‘пять усов’ – бука* пугали детей: *ана* ***Бишмыйыҡ*** *(кизил., сакмар.) 'вон* ***Бишмыйыҡ'***. По рассказам башкир, этот мифический персонаж представляет собой существо с толстыми ногами, красными глазами, растрепанными волосами и *пятью усами*, которые выглядят очень устрашающе; у него имеется большой мешок, куда он собирает в темноте непослушных детей.

Числа ***өс*** *‘три’,* ***ете*** *‘семь’,* ***ҡырҡ*** *‘сорок’* встречаются в названиях поминальных блюд. На третьины готовили ***өсйәмә*** *досл. ‘три лепешки’,* ***өс***

йоҡа *(дем.) досл. ‘три тонких (лепешек)’,* на седьмины – ***етейәймә*** *досл. ‘семь лепешек’,* ***ете йоҡа*** *досл. ‘семь тонких (лепешек)’;* на сороковины – ***ҡырҡ белен*** *(дем.) досл. ‘сорок блинов’,* ***ҡырҡйәймә*** *(сакмар., кизил.) досл. ‘сорок лепешек’,* ***ҡырҡҡатмар*** *(дем.) досл. ‘сорок слоев’.*

Числа встречаются в названиях одежды. В некоторых говорах перчатки называются ***бишбармаҡ*** *досл. ‘пять пальцев’ (гайн., дем., карид., сев.-зап., среднеур.)*, поскольку они надеваются на пять пальцев. Названия ***бишбил*** *досл. ‘пять поясов’,* ***өсбил*** *(аргаяш., сред.) досл. ‘три пояса’* указывают на приталенную форму национальной одежды – полукафтана. Платье с оборками называлось ***өстөйтәк*** *(сред.),* ***өститәк*** *досл. ‘три юбки’ (гайн., карид., лит. балитәк)*, так как на подол платья пришивались три оборки.

Сложные слова с числительным компонентом встречаются и в дургих названиях: ***яңыҙ юл*** *(дем., миас.) досл. ‘одинокая дорога’* – тропинка, ***яңыҙ ҡоҙа*** *(дем.) досл. ‘одинокий сват’* – шафер (называется так, потому что по обычаю шафером на свадьбе должен быть холостой парень), ***ҡушаҡа*** *досл. ‘брат-напарник’* – шафер (здесь внимание акцентируется на том, что шафер является напарником жениха); ***ҡушбала*** *(среднеур.; лит. игеҙәк) досл. ‘два ребенка’* – близнецы; ***өсьяҡ*** *(сакмар.) досл. ‘три стороны’* – трехстенка, пристройка, ***ҡуштояҡ*** *(дем.) досл. ‘спаренные копыта’* – скот, преподнесенный в подарок (имеется в виду парнокопытное животное), ***бишбаш*** *(сакмар.) досл. ‘пять голов’,* ***бишҡолтә*** *(дем.) досл. ‘пять снопов’* – суслон из пяти снопов; ***ҡушмылтыҡ*** *(аргаяш., салют.) досл. ‘два ружья’.*

Таким образом, символические значения чисел закрепились в говорах башкирского языка. Диалектные названия как один из ценнейших источников изучения духовной и материальной культуры этноса отражает его мышление и созданный народом целостный образ мира.

Мурзабулатов М.В., г. Уфа

ЯЗЫК В РАЗВИТИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ БРАЧНОСТИ

Влияние языка (монолингвизма и билингвизма) на динамику межнациональной брачности не стало предметом специальных научных изысканий, хотя оно затрагивалось в работах отдельных исследователей. М.Н.Губогло в контексте изучения современных этноязыковых процессов в СССР указывал, что в сельской местности Татарской АССР национально-смешанные браки чаще встречаются среди билингвов, чем среди монолингвов. Аналогичную же картину показало этносоциологическое обследование в Молдавии: среди городских молдаван билингвы гораздо чаще, чем монолингвы, состоят в браке с лицами другой национальности, имеют родственников, даже самых близких (сына, дочь, брата, сестру), также состоящих в браке с людьми немолдавской национальности[1].

В предлагаемой работе предпринята попытка показать роль различных факторов (языка, социального статуса, антропологических

признаков) на динамику русско-башкирских браков в Башкортостане в предвоенное время.

Для исследования брачно-семейной практики сельских русских и башкир в конце 30-х годов XX в. из фондов Управления архивов ЗАГСА Башкортостана нами извлечены бракоразводные документы по 20 сельским районам.

Башкирско-русские браки в 1939 г. по выделенным сельским районам составляли в среднем более 7% этнически смешанных браков. В ряде районов (Мишкинском, Кугарчинском, Дуванском) показатели были относительно высокими. И все же в подавляющем большинстве районов они сравнительно низкие: от 1,1% (Иглинский район) до 4,0% (Бирский район). В шести районах (Бакалинском, Бижбулякском, Бураевском, Краснокамском, Федоровском и Чекмагушевском) в том году не зарегистрировано ни одного брака. Несмотря на это, браки башкир с русскими в довоенное время заключались, причем в Башкортостане они встречались чаще, чем в других регионах с тюркским (казахским, киргизским, туркменским, узбекским, азербайджанским и др.) населением.

При изучении башкирско-русских браков и семей 30-х годов прошлого столетия необходимо иметь в виду следующее. Башкиры в ту пору были в основном сельским населением: более 94% занимались главным образом крестьянским трудом. И лишь незначительная их часть (около 6%) относилась к категории городских жителей. Русские же, напротив, в подавляющем своем большинстве (более 70,0%) жили в городской местности. На селе их было сравнительно немного (менее трети их общей численности) [Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С.244, 266].

Социально-экономические и культурные различия между ними, унаследованные от дореволюционных времен, и в конце 30-х годов XX в. сказывались еще достаточно сильно. Несмотря на ряд мер, не удалось изменить географию культурно-просветительских учреждений. В основном, в русских селениях находились больницы, агрономические и ветеринарные пункты, почта и телеграф, склады сельскохозяйственных орудий, учреждения культуры и образования. Среди русских Российской Федерации грамотных (умеющих читать по слогам, расписываться) было 83,4%, среди башкир - 72,4% (ср.: среди татар и чувашей - по 78,0%). На тысячу чел. населения имели высшее и незаконченное высшее образование среди русских СССР 6,2 человека, среди башкир - 1,4 человека[2].

[2] Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.56-57.

Русские опережали башкир и по уровню профессионализации, хотя соотношение между ними постепенно менялось в пользу последних. В 1928 году промышленных рабочих из башкир было немногим более одной тысячи человек, в 1933 году рабочих башкир насчитывалось уже 6044 человека, что составляло 21,1% всех рабочих. Среди учащихся техникумов башкиры составляли 31,8% высших учебных заведений — 28,9%. Около 18% сельскохозяйственных рабочих были из башкир, две трети из них — трактористы, комбайнеры, механики, шоферы, слесари и т.п. В середине 30-х годов XX в. в народном хозяйстве работало 40 тыс. рабочих, инженеров, техников, служащих из башкир, причем не только мужчины, но и женщины. В 1933 году 10,6% женщин в промышленности были башкирками (татарки — 12,7%). Коренное население края приобщалось к новому, не привычному для него труду. В авангарде этого движения, известно, стояли русские[3]. Среди инженерно-технических работников РСФСР в 1939 году русские составляли 85,1 %, башкиры - 0,08 %, татары - 0,78 %[4].

Русские и башкиры не всегда роднились, и потому, что их языки не близкородственные. Башкирский язык, как известно, относится к кыпчакско-булгарской подгруппе тюркской группы алтайской языковой общности.

Русский язык наряду с украинским и белорусским входит в индоевропейскую семью языков и не без основания считается одним из трудных для изучения языков, тем не менее и среди сельских башкир были люди, которые владели устной разговорной (нередко – письменной литературной) речью русских, и свободно могли общаться с ними. Среди русских, понимающих башкирский язык и говорящих на нем, было немного, и встречались они главным образом в южных и юго-восточных районах.

В отличие от национально-русского двуязычия (башкирско-русского, татарско-русского, чувашско-русского и т.д.) другой тип билингвизма (русско-национальный), предполагающий знание русскими других языков, не получил развития. Всесоюзная перепись населения 1939 г. в сельской местности республики учла русских по национальности 897880 человек и по родному (русскому) языку 950187 человек (105,8%), башкир соответственно 632170 и 337825 (53,4%). Для сравнения укажем, что сельских татар тогда же учтено по национальности 703890, а по родному языку - 999185 человек (141,9%). Около 5 тыс. башкир (0,5% их общей численности в СССР) назвали русский язык родным языком. Любопытно: при последней Всесоюзной переписи населения лишь 0,02% русских Башкирской АССР назвали родным башкирский язык, 0,2% (3700 человек из

[3] Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С.56-57.
[4] Советская Башкирия. Исторические очерки. Уфа, 1957. С. 192-193.

более чем полуторамиллионного русского населения) заявили, что свободно владеют башкирским языком.

Башкиры и русские края отличались друг от друга и по другим составляющим их быта и культуры. Сопоставительный анализ всех отличительных особенностей их хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры не входит в задачу данной работы. Однако об одной отличительной черте, на ваш взгляд, необходимо сказать. Речь идет о физических различиях между башкирами и русскими.

Антропологический состав башкир, как известно, в силу их длительных контактов с разноплеменным, разноликим населением, обитавшим в прошлом в регионе, чрезвычайно неоднороден. В его формировании участвовали субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский типы. По мнению исследователей, башкиры — местная популяция с преобладающей долей монголоидного компонента, очень близкая к татарам Сибири, хакасам, ногайцам, казахам и другим народам, в расо- и этногенезе которых важную роль сыграл кыпчакский пласт. По суммарным признакам они занимают промежуточное положение между коренными народами Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Алтая. Для северо-восточных и зауральских башкир характерен южносибирский расовый тип, северозападных - субуральский, северных и центральных — светлый европеоидный, юго-западных и горно-лесных - понтийский тип.

Среди юго-восточных башкир прослеживаются признаки памиро-ферганского расового типа[5].

Русские – часть славянского (восточнославянского) населения, которое относится к большой европеоидной расе. Они, как и другие народы, не отличаются расовой чистотой. “Наша великорусская физиономия, – писал В.О.Ключевский, – не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако замечают и некоторую стороннюю примесь: именно скулистость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния”.

Физические различия, на ваш взгляд, представляли и представляют определенный психологический барьер, который может переступить не каждый. Несмотря на многовековое хозяйственно-деловое, торговое и иное общение, русские в своеобразных обычаях и обрядах башкир, в их самобытной синкретичной культуре, психологии и, наконец, в их азиатско-восточном обличии видели нечто непривычное, чуждое. "Женщины в главных чертах физионо-

' Советская Башкирия. Исторические очерки. Уфа, 1957. С. 192-193.

мии сходны с мужчинами; между ними мало встречается с красивой наружностью; они вообще малорослы и не совсем благовидны"[6]. Это сказано в XIX веке и не каким-нибудь башкирофобом, а таким поистине интеллигентно-либеральным исследователем Оренбургского края, его больших и малых народов, каким был В.М.Черемшанский.

Башкиры в прошлом как для официальных властей, так и многих великороссов (русских) были инородцами. В послереволюционное время так их не называли. В обиход вошел новый термин "нацмены", который сегодня услышишь редко. Однако нельзя полагать, что понятие "этническая предпочтительность" при выборе брачного партнера стало ныне анахронизмом.

Приведем лишь несколько характерных высказываний русских студентов г. Уфы, опрошенных автором в 2004 г. "Русским черты лица башкир кажутся чуждыми и некрасивыми из-за узкого разреза глаз, широких скул, темного цвета лица. Но свое всегда ближе" (Н., 21 г.). "Мне не нравятся в татарах и башкирах - это низкий рост (у башкир), а у татар - глаза. Замуж я бы хотела выйти за человека своей национальности" (С, 22 г.). "Нравятся в русских - светлый цвет лица и глаза (разных цветов): голубые, карие, зеленые ..." (М., 21 г.)*. "Не всегда нравятся в башкирах их уплощенное лицо и разрез глаз. Я предпочитаю европеоидный тип". (Г., 23 г.). Естественно, у молодежи есть и другие мнения. "Для меня большое значение имеет внутренний мир моего избранника. Его воспитание, образование. Его внешние данные, такие как разрез глаз, нос, губы и т.д., не играют большой роли" (Н., 23 г.). "Ярко выраженные национальные черты меня не отталкивают" (С, 22 г.).

В сознании башкира каждый русский в прошлом был представителем господствующей нации и "угнетателем", в послереволюционное время олицетворял привилегированный по сравнению с крестьянством рабочий класс (ведущую силу советского общества) и мало знакомый башкирам, поэтому чуждый - город.

Биологически человечество едино, все люди планеты относятся к одному биологическому типу. Однако, как справедливо указывал в свое время известный философ и социолог П.Л. Лавров (1823-1900гг.): "Люди одной и той же расы не испытывают при сближении того впечатления чуждости, противоположения, которое чувствует черный человек при виде белого, волосатый айнос, встречая

[6] Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 139.
* Американский социолог и психолог Э.О.Росс (1866-1951гг.) считал, что "Цвет - есть выдающаяся черта, и цветной контраст почти служит препятствием для социально-благожелательных чувств и преградой для брака ..." (Подробно: П.А.Сорокин. Система социологии. Т.2. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993. СП 1).

безбородого китайца"[7]. Этническая дистанция между русскими и башкирами, конечно, значительно короче, чем, скажем, между жителями туманного Альбиона и нефами. Однако при выборе брачного партнера и в 1930 годы как те, так и другие отдавали предпочтение в основном людям своей национальности по принципу: "так поступали раньше", "так установили предки".

И наконец, наши материалы поддерживают ранее высказанную известным исследователем брачно-семейных отношений в стране А.А. Сусоколовым мысль о том, что русские не входят в число этносов с очень высокой долей национально-смешанных семей[8].

Назарова Г.Э., Хәйбулла районы

БАШҠОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТЕ ДӘРЕСТӘРЕНДӘ ХАЛЫҠТЫҢ ЙӘНЛЕ ҺӨЙЛӘҮ ТЕЛЕН ӨЙРӘНЕҮ

Бөгөнгө көндә беҙҙең районда бөтәһе 3639 башҡорт балаһы уҡый. Шуның 1386 -һы башҡорт мәктәптәрендә үҙ телендә белем алһа, 2253 бала үҙ телен өйрәнә. Беҙҙең Татыр–Үҙәк ауылы мәктәбендә лә 180 уҡыусының 111–е башҡорт милләтенән. Әлбиттә, урыҫ мөхитендә йәшәгән, белем алған уҡыусыларҙа үҙеңдең теленә, мәҙәниәтеңә ҡарата ҡыҙыҡһыныу тойғолары уятыуҙа уҡытыусының хеҙмәте баһалап бөткөһөҙ.

Тыуған төбәктә генә ҡулланылған һүҙҙәрҙе йыйыуға, өйрәнеүгә ҡыҙыҡһындырыу маҡсатында оло быуын вәкилдәренән ишетелгән йәки улар ҡулланған көндәлек һүҙҙәр йыйылмаһын туплап, йыйылған материалдарҙы фәнни яҡтан тикшереп, мәғәнә биҙәген асыҡлап уҡыусыларға тыуған телдең бөтмәҫ-төкәнмәҫ байлығын күрһәтеү – башҡорт теле уҡытыусылары алдында торған төп бурыстарҙың береһе. Шуға күрә уҡыусыларҙың яҙма эштәрендә, һөйләү телмәрендә ҡулланылған диалект һүҙҙәргә ҙур иғтибар бүлеү мөһим, сөнки һөйләү телмәре диалект һүҙҙәргә бик бай. Мәҫәлән: кәнишнә, йаҡ, у (ул), бутый, “ниәкәй әйттем әле”.

Уҡыусыларҙың яҙма эштәренә килгәндә бер үк мәғәнәле һүҙҙәрҙе төрлө вариванттарҙа ҡулланыуҙарын күргә була:“мал сығарҙыҡ кәртә аҫтына”, “малды сығарҙыҡ әүеҫлек аҫтына”, “мал сығарҙыҡ ялан кәртәгә, лапаҫ аҫтына”. Ололар ярҙам итһә, уҡыусыларҙың яҙма эштәрендә күп кенә диалект һүҙҙәрен осратырға мөмкин: “өйләре бәләкәс буғас, улар өсмөйөш һуғырға йыйындылар”, “самауырҙы сығарҙыҡ усаҡ (ишек алдындағы мейес) алдына”, “самауыр ҡайнағас, өләсәй түбәсәйен әпкилергә ҡушты”, “кискеһен ишектең келәһен элергә онотҡанбыҙ”, “атайым өй

[7] Цитируется по: Сорокин П.А. Система социологии. Т.2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993. С.110-111.
[8] Русские. Этносоциологические очерки. М., 1982. С.193.

тирәһен һайғау менән кәртәләне”, “торомбашты болғағыс мән тартып, йәмкә мән ҡыҫып, һоҫҡоға һалдым”, “беҙ атайым менән Һаҡмарҙа мурҙа ҡорҙоҡ”, “өләс балаҫты ике яҡтан буй һәм арҡыры юрған менән түшәргә ҡушты, ә өҫтөнә ҡорама юрған һалды”, “сәйгүндең йүшкенен таҙаларға уаҡыт”, “мунсаның тығынын тыҡ”, “мунсаның этмәһен яп”, “һырыған салвар кейеп сыҡты”.

Оло быуын вәкилдәре менән үткәрелгән кластан тыш сараларҙа, улар менән әңгәмәләшкән ваҡытта, үҙебеҙҙең яҡта ерле һөйләштең һүҙ байлығының сикһеҙ икәненә инанаһың: “йәш ҡыҙҙар сәстәренә үрмес үргәнләр ине”, “ҡыҙҙар гөлфәй кейеп килгәннәр икән”, “ бәкес, талғыр йыйып ашай торғайныҡ”, әсәйем жекитын кейеп ҡунаҡҡа китте”, “самауыр торбаһын алып, самауырҙы баҫ”, “мунсағың килешеп тора үҙеңә”, “минең бурвайыма һыуыҡ тейгән” (янбаштан тубыҡҡа тиклем ер бурвай тип әйтелә), “ботоңа йоҡа ойоҡ кейгәнһең, бурвайыңа һыуыҡ тигеҙәһең бит”, тип әрләй торған ине өләсәйҙәр. Шулай уҡ беҙҙә Буребай тигән ауыл да бар, ләкин халыҡ был ауылды ла Бурвай тип йөрөтә.

Халыҡ телендә көндәлек ҡулланылышта иң йыш яңғырыған туғанлыҡ быуыны буйынса бүленеш терминдарының төрлөләгө уҡыусыларҙа ҙур ҡыҙыҡһыныу тыуҙыра: ҡәрсәй-атайҙың әсәһе, өләс-әсәйҙең әсәһе,ҡарттай, ҡартатай-атайҙың атаһы, ҡарындаш-бер туған һеңле, апһын-килендәш, абзый-ағай, балдыҙ- еҙнә кешегә ҡатынының һеңлеләре, ҡәйнеш-ир кешенең киленгә ҡарата ҡустылары, олатай-ата-әсәйҙән өлкән ир, инәй-ата-әсәйҙән өлкән ҡатын кеше, еңгәй-ағайҙың ҡатыны, бикәс-киленден иренең кесе һеңлеләре, һылыуым-һеңлем кеүек терминдарҙы ҡулланып һөйләмдәр төҙөүҙә, ижади эштәрендә (әкиәттәр, ҡобайырҙар, нәҫер һ.б.) бик әүҙем ҡулланыла. Ысынлап та томошта һүҙҙәрҙең мәғәнә биҙәгенә ҙур баҫым яһала. Мәҫәлән, беҙҙең һөйләштә әсәм һүҙе киң ҡулланылыш тапҡан. Беҙҙә әҙәби телдәге әсәй һүҙенә хатта үгәй әсәй мәғәнәһе лә бирелә: “Өфөлә уҡыған апайымдың әсәй тип өндәшеүенә әсәм, үпкәләп: “Миңә әсәм, тип өндәш, әсәй тип әйтмә, мин бит һиңә үгәй әсәй түгел, тип аңлатты”-тип яҙған үҙ иншаһында бер уҡыусым. “Беҙ ҡәртәсәйҙе дәҙәй, ҡарттайҙы дадай тип әйтәбеҙ. Ҡайҙан килеп сыҡҡанын белмәйем. Мин иң өлкәне, минән һуң тыуған ейәнсәрҙәре бөтәһе лә шулай тей, хатта дәҙәй менән дадайҙың балалары бөтә яҡын туғандары хәҙер уларға шулай өндәшә”, тигән ҡыҙыҡлы инша юлдарын уҡырға була.

Шулай ҙа диалектизмдар менән самалап эш итергә бурыслыбыҙ, сөнки ерле һөйләш һүҙҙәре үтә артыҡ ҡулланылһа, аҙ ғына кешегә аңлайышлы булған һүҙҙәр әҙәби телдә сүплә́й.

Ерле һөйләштәргә хас булған бөтә диалект күренештәрен бер юлы ғына йыйып бөтөрөү мөмкин түгел, сөнки халыҡ теле ифрат бай, уны өйрәнгән һайын яңынан-яңы һүҙҙәр, һ.б. үҙенсәлектәр

табылып тора.

Ниндәй генә етди тикшеренеүҙәр алып барылмаһын, күп һанлы һәм күп төрлө һүҙлектәр төҙөлмәһен халыҡ теле һәр ваҡыт сағыштырмаса өйрәнелгән булып ҡала килә.

Шулай итеп, халыҡтың йәнле һөйләү телен өйрәнеп ерле материалдар менән танышышабыҙ, үҙ телебеҙгә ҡарата ҡыҙыҡһыныу тойғоһо тәрбиәләйбеҙ, ижади эшләргә өйрәнәбеҙ.

Насибуллин Р.Ш., Ижевск

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКАМСКИХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Так называемые в этнографической и лингвистической литературе *закамские удмурты* живут в северо-западных районах Башкирии и в смежном с ними Куединском районе Пермского края.

Несмотря на сравнительно небольшую территорию их заселения, эти удмурты говорят на самых разнообразных диалектах, что исторически связано с выходом их носителей из разных мест их прежнего проживания. Эти диалекты представляют огромный интерес для лингвистической науки. Хотя эти островные диалекты относительно изолированы друг от друга и на длительное время потеряли связи с материнскими диалектами, они оставались неизученными до 70-х годов прошлого столетия. В этих диалектах языковые процессы как бы застыли на разных этапах своего развития. Небольшие словарные и текстовые материалы, собранные Ф.И.Видеманом, Б.Мункачи и Ю.Вихманом, фрагментарны и относятся только к одному из диалектов Закамья – буйско-таныпскому. В 1973 году автором данного сообщения, носителем буйско-таныпского диалекта, была защищена кандидатская диссертация с благозвучным названием «Закамские говоры удмуртского языка». В ней впервые произведена классификация всех диалектов, расположенных на вышеназванных административных территориях. Этим диалектам автором дисссертации присвоены названия. Основное внимание уделено описанию буйско-таныпского диалекта (распространён в Янаульском, Калтасинском и Бураевском районах РБ), формировавшегося в центре остальных удмуртских диалектов региона. По настоянию своего научного руководителя профессора В. И. Лыткина и научного сотрудника сектора финно-угорских языков Института языкознания АН СССР Т. И. Тепляшиной к диссертации был приложен словарь, содержащий около 5 тыс. словарных статей. Он примечателен тем, что в нём представлены почти все лексические тюркизмы, бытующие в буйско-таныпском диалекте. Материалы словаря служили прочной источниковой базой по данному диалекту для специалистов по исторической лексикологии марийского и удмуртского языков Ф. И. Гордеева и И. В. Тараканова, использовавших их сполна. Будучи членом Советской комиссии Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) и благодаря непосредственному участию в выполнении

названного международного научного мероприятия, по одному опорному пункту представлены все дилекты данного региона, а в Диалектологическом атласе удмуртского языка (ДАУЯ) для закамских диалектов отведён 21 опорный пункт, в результате чего по этим говорам накоплен уникальный лексический материал. В 2002 году появилась обширная статья о шагиртском диалекте (расположен в Куединском Районе), написанная С. А. Максимовым, Р. Ш. Насибуллиным и А. А. Нурисламовой под названием «Шагиртско-гондырский говор южного наречия удмуртского языка I: фонетические особенности» в девятом номере «Пермистки» (Ижевск, 2002, стр. 304–324). В 2003 году в Тартуском университете А.Т.Байдуллина успешно защитила магистрскую диссертацию по теме «Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология».Определённый вклад в исследование некоторых особенностей татышлинского диалекта внёс профессор УдГУ В.К.Кельмаков. В данное время о лексических тюркизмах закамских говоров Т.Р.Глимзянова пишет кандидатскую диссертацию. В закамских диалектах тюркская заимствованная лексика представлена очень неравномерно: по насыщенности тюркизмами первое место занимает ташкичинский диалект, второе место – татышлинский, третье место – буйско-таныпский, четвёртое место – канлинский (расположен в Кушнаренковском районе РБ), пятое место – шагиртско-гондырский диалект. Последний развивается в окружении русского языка, сюда тюркизмы проникают из соседнего буйско-таныпского диалекта, в основном их сюда заносят девушки, вышедшие замуж за парней этого региона.

В удмуртских диалектах Закамья, в первую очередь, бросаются в глаза различия в области вокализма. Там представлены говоры, характеризующиеся вокалической системой от шести до десяти гласных звуков; и, естественно, такая система гласных отражается и в усвоении гласных звуков соседних тюркских языков. Вокализм татышлинского (Татышлинский район РБ) и ташкичинского (Илишевский район РБ) диалектов характеризуется наличием десяти гласных ([а]. [а], [ъ], [Ы], [о], [ќ˚], [у], [ю],[э], [и]), буйско-таныпский – восьми ([а]. [а], [ы], [о], [ќ], [у], [э], [и]), шагиртский (шагиртско-гондырсий) – семи ([а]. [ы], [о], [ќ], [у], [э], [и]), канлинский – шести ([а]. [ы], [о], [у], [э], [и]). В последнем нет традиционного звука [ќ], в нём [ќ] и [о] совмещаются в звуке [о]. Система гласных татышлинского и ташкичинского диалектов почти идентична с вокализмом соседних тюркских языков, за исключнием одной фонемы: в них нет только фонемы [ый], который в удмуртских диалектах обычно субституируется звуком [и], например: тат. *кыйар* > удм. *кийар*. Татышлинский, ташкичинский и буйско-таныпский диалекты у своих тюркоязычных соседей усвоили звук [а], который встречается как в исконных удмуртских словах, так и в заимствованиях: *кэн'ьал'и* «ящерица», *чабэй* «пшеница», тат. *ТдТми* > удм. *ад'ами* «человек», тат. *тТмТке* > удм. *тамак* «табак». В шагиртско-гондырском и канлинском

диалектах этого звука нет: в шагиртско-гондырском диалекте звук [а] субституируется через [а], во канлинском – через [э]. Усвоение звука [а] через [а] – это обычное явление, широко распрстранённое в удмуртских диалектах, особенно на юге Удмуртии, ср. тат. *ТрғТн*, удм. *арган* «гармонь», тат. *ТрғТнче*, удм. *арганчи* «гармонист», тат. *тТмТке*, удм. *тамак* «табак». В канлинском диалекте тюркские заимствования мы слышим совершенно в непривычном звучании типа *тэмэк* «табак», *мэк* «мак», имена *Кэримэ*, *Фэтикэ* вместо *Карима, Фатика*, т.е. канлинцы татарское [а] усваивают через [э].

В удмуртском языке, в том числе в закамских говорах, звук [о] произносится открыто, как русское [о] в ударном положении, ср. удм. тол «зима», русск. тол «тол» (взрывчатка). Татарское и башкирское [о] качественно отличается от удмуртского, ср. тат. тол «вдовый, вдовствующий».

В татышлинском и ташкичинском диалектах в области гласных встречается больше архаических элементов: в них сохранились праудмуртские переднерядные огубленные гласные [*ќ°] и [*ю]. В буйско-таныпском, шагиртско-гондырском и канлинском диалектах праудмуртский [*ю] изменился в [*ы]: ттш., ташк. *тюш*, б.-т., ш.-г., канл. *тыш* «борода», в буйско-таныпском, шагиртско-гондырском диалектах [*ќ°] – в [ќ], в канлинском – в [о]. Сохранение праудмуртских гласных [*ќ°] и [*ю] следует объяснить тем, что носители татышлинского и ташкичинского диалектов, как и в Закамье, на прежней родине жили в окружении тюркских народов и испытывали их сильное языковое влияние. Переход праудмуртских [*ќ°] и [*ю] в другие звуки таит в себе много загадок. Среди закамских диалектов самым уникальным и загадочным является канлинский диалект. Канлинцы, в отличие от носителей других диалектов Закамья и других регионов, не знают свое воршудно-родовое название, что их приближает к бесермянам. Канлинский вокализм, как и бесермянский, состоит всего из шести звуков, с разницей лишь в том, что на месте праудмуртского [*ќ°] в канлинском выступает не [э], а [о].

Ташкичинский диалект находится на грани полной ассимиляции местными тюркоязычными говорами. Подобно тому как носители красноуфимского диалекта слова марийского происхождения произносят по нормам марийского языка, носители ташкичинского диалекта татарские слова полностью произносят на татарский манер. Так было с жителями удмуртских деревень Вотский Менеуз, Князь-Елга и Итеево этого диалекта, которые за 40 лет на глазах современных людей сменили свой язык на чужой.

Лексический запас закамских удмуртов богат и разнообразен, но эти слова постепенно уходят в небытие в связи со сменой жизненного уклада или постепенной ассимиляцией жителей целых населённых пунктов. Только в конце XIX века на территории Илишевского района население на удмуртском языке говорило в 19 деревнях, а теперь своим языком

пользуютя только жители деревни Ташкичи. Поэтому есть настоятельная необходимость составить сравнительный словарь удмуртских диалектов Закамья. Для этого Башкирскому институту языка, литературы и истории было бы неплохо иметь штатного языковеда по закамским говорам.

Нафиков Ш.В., г. Уфа

БАШКИРСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ИХТИОНИМ КҮТӘМӘ КАК УРАЛО-АЛТАЙСКОЕ СЛОВО

I. В говорах и диалектах башкирского языка известно сейчас редкое, но старинное слово *күтәмә* в разных значениях. Около двухсот лет назад С.Т.Аксаков писал о нем как о башкирском обозначении рыбы хариус (из чувашского – ?). "*Диалектологический словарь башкирского языка*" дает *күтәмә* 'гольян' для говоров северо-востока Башкортостана, а *күтәмәй* 'пескарь' как диалектизм из демского говора южного диалекта; в моих полевых записях (далее ПЗ) *күтәмә* 'хариус' значится словом из среднего и верхне-бельского говоров южного и восточного диалектов.

II. Ихтионим можно толковать как одно из слов, характерных для Волго-Камского языкового союза (Б.А.Серебренников). В языках и наречиях насельников этого обширного края, в речи рыбаков встречаются такие слова, как тат. *күтәмә* 'форель', чув. *кӳтеме* 'хариус', мар. *кодама* 'линь', русское областное (Заволжье и др. местности) *кутема* 'хариус', 'пескарь' (на западе Башкирии) [А.И.Ревнивых, Л.С.Берг, ПЗ].

В духе теории заимствований, диффузионизма толкуют ихтионим в татароведении (из финно-угорских, по Ф. Фасееву) и в чувашской лексикологии (чув. *кутам* 'голавль' как марийское слово, по В.Егорову). В самом деле, рус. диал. (говоры старожилов Белорецкого района Башкортостана – ПЗ) *кутёма* 'хариус' весьма схоже с чув. *кӳтеме* 'то же' и с мар. *кодама* 'форель', как и рус. диал. *кутёмка* 'елец' (северо-восток Башкортостана-ПЗ) близко к мар. *кадама* 'то же'.

III. Более внимательное и углубленное рассмотрение происхождения башк. диал. *күтәмә* и сходных названий рыб (дем. *күттей* 'пескарь', *күтис* 'малек'; менз. *күти* 'мальки') в сравнительном плане с алтайскими параллелями типа эвенк., нан., *кадана* 'хариус' и такими уральскими ихтионимами, как мар. *кодама, котама* 'пескарь', дают нам основание к отнесению таких общих лексем к разряду слов урало-алтайского языкового ареала.

III а. Сближения с уральскими названиями рыб (даны, главным образом, по работе И.Н.Шебештьен): мар. *kodama* 'см. выше', фин. *kutuli, kuturi* 'уклейка; малек; ряпушка', карел. *kutjeri* 'сижок', где наблюдаем димунитивные аффиксы *-ri, -li, -ma*; уменьшительное значение и в фин. *koider* 'лососик', *koutere* 'форелька', но саам. *kod'd'ēm* 'лосось-самец', *kaito* 'щука', *NB* сходство с англ. диал. *qed, qedda* и со швед. *q dda* 'щука'. Безаффиксная (более древняя?) форма ихтионима видна на примере удм. *кыд* 'мальки'. Этимологи-

уралисты (К.Редеи и др.) такие сложные названия рыб, как саам. *kätjuk* ‘вид мелкой рыбы’, коми *гыч,* относят к лексическому слою финно-угорского происхождения, а И.Н.Шебештьен саам. *kaito* и нен. *katifatama* ‘щука’, где *fatama* есть аффикс (при основе *kati*), относила к уральскому слою подобных слов.

III б. Параллели в алтайской языковой семье. Даже для неязыковедов очевидно сходство, близость таких слов из различных алтайских языков, вроде башк. диал. *күтәмә* ‘хариус’, тат. *күтәмә* уст. ‘форель’, сиб. тат. *kada:рык* ‘плотва’, тув. *ҡадыргы*, бур. *хараран* ‘хариус’, каз. *қути балык* ‘карп’, як. *хатыыс* ‘осетр; стерлядь’; эвен. *кǣта* ‘кета’; яп. *кудзыра* ‘кит’ и т.п.

В алтаистике объяснения через теорию заимствований также имеют место, ср. выше. Так, маньч. *хадара* ‘хариус’ < монг.: письм. монг. *qadara* (n) ‘то же’ (К. Новикова). В.И.Рассадин однокоренные (?) бур. диал. *гутаар* ‘налим’ сравнил с бур. лит. *хадаран*, халха-монг. *хадар*, письм монг. *qadara* ‘хариус’, халха-монг. *хадран* ‘ерш’, калм. *хадр* ‘тарань’; параллелями являются также халха-монг. *гутаар*, письм монг. *γutari* ‘налим’. По словам этого известного алтаиста-этимолога, «наличие тюркских соответствий уводит эти термины в глубь тюрко-монгольской языковой общности и придает им еще большую древность...». Большой сравнительный материал и подробный этимологический разбор по различным алтайским языкам и диалектам имеется в «*Этимологическом словаре алтайских языков*» (EDAL) по таким реконструктам названий рыб, как **ki̯áta* и **got'ò*, где видим сходство с башк. *күтәмә* (за вычетом аффиксальной части слов).

IV. Этимологически сходное с *күтәмә*, *күти* саам. *kätjuk* ‘мелочь’ есть производное от праформы **keć̆ä* ‘вид мелкой рыбы’ (K.Peqeu), следовательно, башкирский диалектизм *кес, көс* ‘мальки’ делается родственным *күтәмә*, *кутан* и подобным словам (см. выше).

V. Этимологам-русистам известно происхождение слова *кета* “вид дальневосточного лосося” из тунгусских языков, однако «дальним» этимоном тут возможно принять корякское *qeta* ‘рыба’ (по В.Иохельсону) и подобные слова, ибо истории и этнографии известно аборигенное распространение т.н. палеоазиатских народов не месте современного обитания народов тунгусо-маньчжурских...

Сравни также сходные кет. *qu:də*, *khuoti* < Пенис. **χū¾a* ‘щука’ (по С.А.Старостину), с кет.диал. *gite* ‘рыба’ (XVIII в.).

Семасиологически этимон баш. *күтәмә* и подобных слов может иметь отношение к внутренней форме таких башкирских диалектизмов, как *күтер* ‘болото; лужа’, *күтерзек, күтерлек* ‘топь; озеро, покрытое растениями’ – т.е. общая сема «влага, жидкость, влажный» (*о месте*), вероятно, была и в баш. диал. *күти, күтис* ‘мальки’, *күтәмә* ‘вид рыб’ ≈ (водные существа) в доисторическое время возникновения подобного рода слов.

VI. Ареал сближений к слову *күтәмә* от Скандинавии до Камчатки и множество сближений в таких основных евразийских семьях, как уральская и алтайская, дают нам свидетельства

древности и исконности слова, рассмотренного в этих тезисах в порядке обсуждения.

Литература:

Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы // Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. – Уфа, 1984.

Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Т.I-III. М., 1948.

Диалектологический словарь башкирского языка /отв. ред. Дильмухаметов М. И. – Уфа, 2002.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964

Нафиков Ш. В. Полевые записи. 1981-1998. Рукопись. Уфа.

Новикова К. А. Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984.

Рассадин В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят //Диалектная лексика в монгольских языках. Сб.ст. БФ СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1987.

Ревнивых А. И. О местных названиях рыб Урала //Сборник работ по рыбному хозяйству Челябинской обл. – Свердловск, 1941.

Редеи К., Эрдели И. Сравнительная лексика финно-угорских языков //Основы финно-угорского языкознания. Т.1. М., 1974.

Серебренников Б. А. О некоторых следах влияния финно-угорского языкового субстрата в языке казанских татар. Казань, 1957.

Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков //Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. М., 1982.

Фасеев Ф. С. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики татарского языка // Вопросы татарского языка и литературы. – Казань, 1969. кн.4.

Sebestyen I. N. Az urali nyelvek reqii halnevei //NyK. T. XLIII, 1935.

EDAL = Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological dictionary of Altaic languages. T.1-3. Leiden: 2003.

Orazbaeva F. Sh. Almaty, Republic of Kazakhstan

LANGUAGE COMMUNICATION IN THE PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM AND ITS HEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

Language communication means an interaction between people with the help of language and speech or reaching understanding through communication in national language. In other words, language communication denotes a task-oriented speech activity. A key condition for language communication is an interaction between an addresser and an addressee, that is, perception and interpretation of oral and written information and providing an adequate respond. Speech activity is understood not only as activity of speech organs, but also as the processes of thinking and cognition, which take place in consciousness and accompany the information verbalization.

Representing speech interaction and understanding, language communication helps communicants to express their thoughts and intentions and represents an important part of the human activity of establishing contact between people, which is important for sharing social

information necessary for the development of a personality and society as a whole. We find it necessary to classify and define functions of all the components and units of language communication. First of all, let us define the participants (or performers) of the communication, the main scope and purpose of which is information sharing. They are as follows: (a) a transmitter is a participant of language communication who expresses his thought to another participant with the help of different language aids, where the thought represents a result of influence of the external objective factors and internal feelings on consciousness; (b) language units are the communication units, which invoke in the addressee's consciousness the concepts and links that are adequate to the data communicated, ensure accessibility of information and represent a medium of understanding between people; (c) a recipient is a participant of language communication who perceives the thought expressed by the addresser with the help of language units which render its sense and meaning.

Linguists identify three stages of language communication as follows: (1) a correct message or information presentation. An important role at this stage is played by the syntactic regularities of language, the structure of grammatical units and correct pronunciation; (2) proper conveying of the content of information and consistency between the thought conveyed and the language aids used to convey it. Semantic regularities are of special significance at this stage; (3) a correct perception of the communicated information by the other communicant.

We would like to offer another staging. In our opinion, language communication has five stages as follows: (1) *generating information* (it is necessary for a language communication implemented through speech and represents an outcome of thinking activity); (2) *expressing information* (shaping a thought with the use of language and conveying it through speech; speaking. An important role at this stage is played by speech organs of man); (3) *conveying information* (information - a statement, monologue or dialogue - is not limited to its expression or utterance, it has to be delivered to the other communicant. Information may be delivered in oral or written form. Without this stage, communication may fail reaching its goal of establishing contact and understanding between the communicants); (4) *perceiving information* (this stage of speech activity is associated with the perception of the information communicated. There are several facilitators of this process, such as viewing, reading, listening, thinking, but the core is the process of analyzing language data and adequate understanding of their meanings and establishing links between them); (5) *responding to the information* (a process that ends with perceiving information is a one-sided one. Not only speech activity of the informer, but also that of recipient is an indispensable component of language communication, because it involves interaction between the participants.

Therefore, an addressee's respond represents an important stage of communication).

Information plays the key role at all the stages. It is necessary to consider the forms of information transfer. Language information is implemented in the form of pronounced (listening) or written (writing) speech; therefore language communication is directly connected with the sign system of language and linguistic regularities in pronunciation of words and sentences. In this sense, phonetic pronunciation and graphic presentation of language units are equally important for language communication.

Thinking is regarded as a basis of speech activity. This differs language communication from non-language one. Thinking is not only the basis of communication, but also the basis of the entire existence of man. Therefore, language communication can be defined as implementation of human thinking with the help of language and speech aiming to establish particular social relations. The process of language communication develops dynamically on a continuous basis, reflecting a constant connection between thinking and speech. It is inherent only in human beings.

In conclusion, let us define language communication as a complex social process, which is only inherent in human beings and implemented as a result of close interaction between thinking and speech with the use of the system of language units, their pronunciation, semantic unity and regularities of relations between these units.

Перехвальская Е.В., г. Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ ЯКУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

История якутской письменности насчитывает уже около двухсот лет. Впервые отдельные слова якутского языка были записаны еще в XVII столетии, речь идет о книге Николааса Витсена «Северная и Восточная Татария», вышедшей в 1692 г. в Голландии. Затем лексика якутского языка начала фиксироваться в работах ученых-исследователей Сибири: в труде "История Сибири" Герхарда Фридриха Миллера (1750 г.), в рукописной книге Якоба Иоганна Линденау (1746, русский перевод издан в Магадане в 1983 г.), в записках Карла Генриха Мерка (конец XVIII в.). В этих и других сходных трудах ученых-исследователей фиксировались отдельные слова и словосочетания, однако в данном случае речь шла скорее о научных записях, для своего времени достаточно точных, но не о создании письменности на якутском языке.

Вопросом создания практической орфографии занималась, главным образом, православная миссия, одной из важнейших задач которой была христианизация якутов. Для этого были необходимы книги на якутском языке. Задача создания алфавита для записи слов

якутского языка решалась самими миссионерами, не имевшими специальных лингвистических знаний. Это определило характер первых миссионерских алфавитов. По существу, это были попытки передать звучание слов чужого языка русскими буквами совершенно несистемно, без какого-либо анализа звукового строя другого языка.

Создателем первой практической орфографии якутского языка был священник Олекминской Спасской церкви Георгий Яковлевич Попов, который перевел с русского на якутский язык «Сокращенный катехизис для обучения юношества Православному закону Христианскому». К книге были приложены таблицы «для складов и чтения гражданской печати», т.е. руководство для чтения якутских слов. «Сокращенный катехизис» был издан в Иркутске дважды в 1819 и 1821 гг. В дальнейшем были напечатаны новые переводы «Краткого Катехизиса», а также другие книги духовного содержания.

Создатели первых миссионерских алфавитов, православные священнослужители, находились под влиянием фонологической и фонетической системы родного языка. Значительной помехой оказались также особенности русской графики («йотированные» **я, ё, е, ю**). Наибольшую проблему для не-лингвистов представляли, по-видимому, огубленные гласные, не являющиеся фонемами в русском языке, а также дифтонги. Долгие гласные на письме чаще всего вообще не отражались (см. таблицы XIX и XX). Эти алфавиты были очень далеки от идеальной системы письма, где каждой фонеме соответствует одна буква. В первых миссионерских алфавитах, напротив, один и тот же звук передавался разными буквами, а одна и та же буква могла обозначать разные звуки; более того, одно и то же слово часто было написано разным способом.[9] В результате «письмо искажало язык до такой степени, что в письменной передаче речи нет возможности распознать ее истинный смысл» (Барашков 1953, 84).

Миссионерские переводы значительно улучшились, когда была организована типография в самом Якутске. Епископ Иннокентий (Вениаминов) в 1852 году организовал перевод православных книг на якутский язык. С 1853 года переводы делались специально созданным переводческим комитетом, которым руководил священник-миссионер Дмитрий Васильевич Хитров, создатель "Краткой грамматики якутского языка". За четыре года на якутский язык были переведены книги Бытия и Псалтири, Новый завет и еще несколько богослужебных книг. Орфография Хитрова была значительным шагом вперед по сравнению с более ранними миссионерскими орфографиями. Очевидно, переводческий комитет использовал не только опыт своих предшественников-миссионеров, но был знаком и с якутским алфавитом, разработанным Бётлингком. Алфавит

[9] Подробный анализ первого миссионерского алфавита см. в (Барашков1953, 82-84)

Хитрова состоял из 25 букв, дифтонги обозначались сочетаниями **ыэ (ыа), уо, юе, ие**. Огубленные гласные обозначались буквами **ю** и **ё**; заднеязычное нг передавалось сочетанием **нг**. Основным недостатком орфографии Хитрова было использование «йотированных» **я, е, ё, ю** в соответствии с правилами русского письма, так, например, послелог *тэйэ* ‘в стороне от’ изображался как **тее.**

Первая научная орфография якутского языка принадлежит академику Отто (Оттону Николаевичу) Бётлингку, автору книги «О языке якутов» (первое издание 1848-1851). В своей работе Бётлингк опирался на систему записи якутских слов, которую использовал исследователь Восточной Сибири Александр Фёдорович Миддендорф, составивший словарь из 250 якутских слов, которые была записаны буквами немецкого алфавита с добавлением различных диакритических знаков. Бётлингк составил якутский алфавит на основе кириллицы с добавлением особых букв, обозначающих звуки, отсутствующие в русском языке. Бётлингк широко использовал диакритику – «знак умляута» для обозначения огубленных гласных, макрон – для обозна-чения долготы. Он первым начал обозначать на письме носовой /j/. Алфавит Бётлингка широко использовался. С его помощью были записаны и изданы сборники якутского фольклора, ею пользовался академик Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов. На основе орфографии Бётлингка создали свою систему записи якутских слов великий лексикограф Эдуард Карлович Пекарский, составитель «Грамматики якутского языка» Сергей Васильевич Ястремский, собиратель якутского фольклора Иван Александрович Худяков.

Важнейшее отличие орфографии, которой пользовались Пекар-ский и Ястремский, было отсутствие буквы **h**, соответствующий звук понимался (совершенно справедливо) как аллофон фонемы /s/ и специально на письме не обозначался. Среднеязыч-ный /ɲ/, который у Бётлингка обозначался специальной буквой «н с точкой» Пекарский заменил сочетанием **нь**, оставив при этом особую букву для среднеязычного /F/, которую обозначал латинским **l**, как у Бётлингка, а также изменил начертание буквы, обозначающей «зад-неязычный н» /ŋ/. Букву **ԓ** Пекарский сохранил.

Следует упомянуть также якутский алфавит, разработанный в Казани профессором Николаем Федоровичем Катановым с по-мощью обучавшихся в Казани студентов-якутов. «Казанский алфа-вит» был близок к алфавиту Бётлингка. Различие заключалось во введении особых букв для заднеязычного /ŋ/ и среднеязычного /ɲ/ – буквы **нг** и **н** ; носовой /j/ предлагалось обозначать буквой (с черточ-кой).

В 1914-1918 гг. новый якутский алфавит был разработан Семеном Андреевичем Новгородовым. В начале 1920-х гг. был выпущен якут-ский букварь и книга для чтения, где использовался этот алфавит. Одной из причин отказа Новгородова от алфавита Бётлингка были

надстрочные знаки – «умляуты» и надстрочный знак долготы. В алфавите Новгородова каждая фонема обозначалась отдельной графемой, дифтонги представляли собой лигатуры двух знаков, а долгота, как гласного, так и согласного, обозначалась знаком «:», в соответствии с тем, как это принято в фонетической записи. С.А. Новгородов по существу принял в качестве букв практического письма знаки Между-народного фонетического алфа-вита. Так, /о/ обозначалось знаком «Ɔ», что не име-ло практического смыла при отсутствии буквы «О». Буква «е» была введена для обозначения /ɛ/ (у Бётлингка ä) лишь вследствие технических причин. Новго-родов писал: «для звука ä пришлось Поль-зоваться латинской буквой *е* вместо греческой эпсилон...» (цит. по Барашков, 92). Нельзя считать удачным использо-вание знака для обозначения закрытого неогубленного гласного заднего ряда.

Орфография Новгородова мало отличалась от фонетической транскрипции. Первоначально в этом алфавите не предусматривались прописные буквы, которые впоследствии все же были введены. С.А. Новгородов предполагал, что его алфавит будет использоваться подобно научной транскрипции, в нем не будет ни заглавных букв, ни знаков препинания. Предполагалось также отказаться от правил орфографии, принципом написания слов было «пиши, как слышишь». Такого рода орфография нарушала основное назначение практического письма – ясность и однозначность для читающего и пишущего. Официальное принятие орфографии Новго-родова, несмотря на то, что предлагались и другие, более реалис-тичные проекты, было бы невозможно ни в какой другой период нашей истории. Эта «революционная» орфография отражала общее стремление к построению принципиально нового мира.

Страница из Букваря С.А. Новгородова.

После смер-ти С.А. Новгородова в 1924 году в его орфографию были внесены изменения, были введены заглавные буквы и знаки препинания, изменено написание некоторых букв. В таком виде эта орфография просуществовала до 1929. Реформированная орфография Новго-родова использована, например, в книге Н.Н. Поппе «Краткая учебная грамматика якутского языка», вышедшей в 1926 г.

Девятого марта 1929 г. Президиум ЯЦИК принял постановление о переходе от орфографии Новгородова к новому алфавиту. Новый якутский алфавит был создан на основе унифицированного тюркского алфавита, разработанного в первую очередь для тюркоязычных народов СССР. «Новый алфавит» (такового было его полуофициальное название) был создан на основе латинской графики для тех народов, которые традиционно пользовались арабской графикой. Впоследствии его стали использовать при создании письменности для народов СССР, не имевших письменной традиции; он же лег в основу нового якутского алфавита. Одним из принципов «нового алфавита» был отказ от использования диакритики, поэтому для обозначения огубленных гласных были введены новые знаки **ү** и **ө**, долгие гласные стали передаваться удвоенной буквой /ü:/ – **үү**, /ö:/ – **өө**. Закрытый неогубленный гласный заднего ряда (у Новгородова) был заменен графемой **ь**, напоминающей мягкий знак в кириллице. Дифтонги стали изображаться не лигатурами, а сочетаниями букв. Изменения коснулись также согласных: аффрикаты стали обозначаться /Í/ – **с**; /dž/ – **ç**; палатализованные /ɲ/ и /**F**/ – сочетанием букв **nj** и **lj**. Для звонкого увулярного щелевого [K] (у Новгородова **S**, современное **ҕ**) был введен новый знак **ҥ**. Буква, обозначающая **/j/** (носовой среднеязычный аппроксимант), была удалена из алфавита, она отсутствует и в современной якутской системе письма.

«Новый алфавит» просуществовал около десяти лет. Он широко использовался в Якутии в школьном образовании. К 1930 г. на якутском языке было введено преподавание в начальной школе, а с 1933/34 учебного года – в средней школе-семилетке. В этот период учебники и учебно-методическая литература на якутском языке печаталась с использованием «нового алфавита», на нем же печатались якутские газеты и журналы.

В 1938 году было принято решение о переходе всех народов СССР на письменность, основанную на кириллице. Исключение было сделано только для языков с длительной письменной традицией – грузинского и армянского, а также для карельского языка, сохранившего латинский алфавит. К этому времени относится постановление Президиума Верховного Совета Якутской АССР "О переходе якутской письменности на русский алфавит". В случае якутского языка, не произошло принципиальной перестройки системы письма, знаки латинского алфавита были последовательно заменены кириллическими буквами. При этом использовался опыт записи якутских слов кириллицей, разработанный Бётлингком и использовавшийся Пекарским. Из алфавита 1929 г. были заимствованы особые буквы для обозначения огубленных гласных **ү** и **ө**, а также обозначение долготы гласных и согласных удвоением буквы. Для обозначения звонкого увулярного щелевого [K] была выбрана

заимствованная из алфавита Бётлингка буква ҕ. К алфавиту Бётлингка восходит и традиция обозначения смычного увулярного [q] буквой **х**.

Якутский алфавит, разработанный в конце 1930-х гг., используется до сих пор и, несмотря на отдельные недостатки, является достаточно удобным для практического письма.

Литература:

Барашков П.П. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.

Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка. Сравнительно-исторический очерк. Якутск: Якутское книжное изд-во. 1985.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука СО, 1989.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. I. Вокализм. Якутск: Якутское книжное изд-во. 1971.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное изд-во. 1977.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка в трех томах. 3-е изд. СПб.: Наука, 2008.

Пекарский Э.К. Краткій русско-якутскій словарь. Пг.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1916.

Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка, М.: Центриздат, 1926.

Радлов В.В. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам. СПб., 1908.

Убрятова Е.И. Якутский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. С. 403-427.

Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960.

Псянчин Ю.В., Гатин М.К., Гайсина Г. А., г. Уфа

Н.Х. МАКСЮТОВА И БАШКИРСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Профессор Н.Х. Максютова обладала широким научным кругозором, что, несомненно, отразилось и на ее изысканиях в области башкирской диалектологии.

1. В области диалектной лексикографии профессором Н.Х. Максютовой было сделано очень много, так как именно она выступила ответственным редактором и одним из составителей всех трех томов «Словаря башкирских говоров (Уфа, 1967, 1970, 1987) » [Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 1-се том 1967; Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 2-се том 1970; Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 3-сө том 1987].

В представленной серии стоит особняком третий том, посвященный западному, вернее, северо-западному диалекту башкирского языка [Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 3-сө том 1987], наличие которого вызывало и вызывает неоднократные споры наших татарских коллег [Сибагатов 2002, 40-49].

Отметим,что Н.Х. Максютова совершила самый настоящий научный подвиг, сделав все, чтобы издать этот том [Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 3-сө том 1987].

Работа над третьим томом «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» шла, действительно, в очень непростых условиях [Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге... 2-се том 1970, 6], т. е. она проводилась параллельно со сбором материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» в экспедициях, работавших под руководством Н.Х. Максютовой в 1972 – 1980 гг. В сборе диалектных данных для третьего тома, кроме самой Н.Х. Максютовой, приняли участие такие известные башкирские диалектологи, как М.И. Дильмухаметов, У.Ф. Надергулов, Р.Г. Азнагулов и, конечно же, доктор филологических наук С.Ф. Миржанова.

Действительно, данный труд башкирских диалектологов стал заметным явлением не только в башкирском языкознании, но и в отечественной тюркологии. Более того, изданный всего в количестве 800 экземпляров, он очень быстро превратился в библиографическую редкость.

2. В области традиционной и отраслевой лексикологии башкирского языка Н.Х. Максютовой написаны и изданы такие статьи, как «К вопросу о лексике башкирского языка (Баку, 1965)» [Максютова 1975], «Терминология коневодства у башкир (Уфа, 1983)» [Максютова 1983б]. «Проблемы лексикологии и лексикографии башкирского языка (Уфа, 1986)» [Максютова 1986в], «Семантико-функциональные изменения терминов арабского происхождения в башкирском языке (Уфа, 1990)» [Максютова 1990б].

Одной из её значимых работ, посвященных данной проблеме, является статья «Свадебные термины в башкирском языке», опубликованная в 1975 году в «Башкирском языковедческом сборнике» [Максютова 1975, 32-42].

Данная статья Н. Х. Максютовой в структурном плане состоит из двух частей. Первая её часть включает в себя 177 терминов, общих для свадебного обряда, а также характеризующих в той или иной мере поведение, облик его участников. Башкирская традиционная свадьба, как заметили башкирские этнографы Н. В. Бикбулатов и Ф. Ф. Фатыхова, состоит из восьми следующих друг за другом этапов: 1) помолвка в колыбели; 2) добрачные встречи молодежи. Традиционные места встреч и знакомств; 3) сватовство и сговор; 4) бракосочетание; 5) свадьба; 6) обряд калын; 7) переезд невесты; 8) приезд молодой жены [Бикбулатов, Фатыхова 1991, 9-85].

Следующей работой, в которой также полно и всесторонне описаны термины башкирского языка, является монография самой Н. Х. Максютовой “Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)” [Максютова 1976а]. Ограничимся только представлением диалектизмов аргаяшского говора: *йанаша кейәү, ҡабат егет* “шафер, дружка”, *йелде, кейәү аты* “конь, дареный зятю”, *йеңгәләр аҡсаһы* “деньги, предназначенные для раздачи снохам”, *ҡыҙ буҙаһы* “буза невесты”, туй “скот, привезенный женихом” — всего 17 терминов [Максютова 1976а, 160].

Следует заметить, что по всем пяти говорам (айский, аргаяшский, салыютский, миасский, кызылский) восточного диалекта башкирского языка автором в качестве текстов предложены описания различных этапов свадебного обряда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно Н. Х. Максютовой были заложены теоретические основы исследования отраслевой лексики башкирсокго языка на примере свадебных терминов. Рассмотренные труды в основном выполнены на примере восточного диалекта башкирского языка, так как были написаны автором в период ее работы над очень актуальным проектом "Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)" [Максютова 1980а].

3. Различные аспекты проблемы «Языковые контакты и историческая лексика» отражена в ряде статей Н.Х. Максютовой, среди которых мы бы хотели выделить только две из них. «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков (Ижевск, 1967)» [Максютова 1967] и «Башкирско-монгольские языковые связи (Кишинев, 1973)» [Максютова 1973 д].

Мы же ограничимся анализом содержания только первой статьи.

В 1967 году Н.Х.Максютова, будучи еще молодым кандидатом наук, приняла участие в работе очередной Всесоюзной финно-угорской конференции с докладом «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков», который в форме материалов научного форума был опубликован в сборнике «Вопросы финно-угорского языкознания. Выпуск IV» (1967) [Максютова 1967, 149-153].

Автор исследовала данную проблему с семи позиций, что, по ее мнению, позволило представить реальную картину тех исторических контактов, которые были в далеком прошлом между этими народами.

Первая позиция автора была связана именно с актуализацией идеи контактного развития лексики башкирского языка. Существенной особенностью такой формы обогащения лексики является процесс заимствования финно-угорских слов. Получается, что всестороннее изучение данной проблемы может дать ценные сведения, «*...касающиеся истории башкирского языка...*» [Максютова 1967, 149]. По мнению Н.Х.Максютовой, древнейший пласт лексики можно обнаружить только в диалектах и говорах. Например, в айском говоре восточного диалекта активно функционирует словосочетание *томана утырыу* «сидеть одиноко, замыкаться, не общаться»; в верхневычегодском говоре коми языка зафиксировано слово *томана* в значении 'запертый на замок' [Сравнительный... 1961, 213] и т.д.

Подобных примеров много, и они, действительно, могут указывать на былую связь башкирского и коми народов.

Вторая позиция Н.Х.Максютовой обозначена в качестве цели ее статьи – в выявлении общих корневых слов на данном этапе развития (т.е. в середине 60-х гг. XX века – прим. авторов) башкирского и удмуртского

языков. Естественно, это требует выяснения численности удмуртского населения, проживавшего в то время в Башкирской АССР, мест их компактного расселения, описания их обычаев и быта.

Третья позиция связана с выделением двух групп общих корней: 1) слов, семантически идентичных, но с незначительными фонетическими и грамматическими расхождениями: например, *йорт-ер* (айский говор, восточный диалект) – *юртъер* 'надворная постройка', *йыуаса* 'сдобное домашнее печенье' (айский говор, восточный диалект) – *юача* 'сдобная удмуртская коврижка'; *саъыл* (айский говор, восточный диалект) – *чагыл* 'склон'; *таҡыя* (кызылский говор, восточный диалект) – *таҡъя* 'старинный женский головной убор с серебряными монетами' и т.д.; 2) слов с семантическими различиями: башк. *аҙбар* 'хлев' – удм. *азбар* 'двор', *аҫаба* (средний говор, южный диалект) 'коренной житель' – удм. *асаба* 'глава семьи'; башк. *егет 'парень'* – *удм. егит* 'молодой' (*егит мурт* 'молодой человек'); *ҡыр* 'поле' – удм. *кыр* 'степь'; *шар* (аргаяшский, миасский говоры, восточный диалект) 'болото' – удм. *шур* 'река' и т.д. [Максютова 1967, 150].

Четвертая позиция Н.Х.Максютовой основана на исследовании фонетических особенностей башкирско-финно-угорских лексических параллелей. Ею на первый план выводится анализ звукосоответствий: 1) башкирскому ә соответствует удмуртское а (*кәбән – кабан* 'скирд'; *әрәмә – арама* 'роща'; *әрҙәнә – ардана* 'поленница' и т.д.); 2) и – э (*иҫәп –эсеп* 'намерение'; *ил – эль* 'страна'; *иркен – эркын* 'свободно' и т.д.); 3) о – у (*ҡорбан – курбон* 'жертва'; *окшаш – укшась* 'похожий'; *олтан – ултон* 'подошва' и т.д.); д – т (*юлдаш* 'попутчик' – *юлтош* 'друг'); м – б (*маҡау – бак(ай)* 'немой'); всего – 12 звукосоответствий.

Функционирование в удмуртском языке лексики арабского и персидского происхождения, по мнению Н.Х.Максютовой, следует связывать с влиянием башкирского языка. Таким образом, пятый аспект изучения названной проблемы напрямую связан с установлением степени влияния башкирского языка на удмуртский язык (например, удм. *адями* – башк. *әҙәм* и т.д.).

Шестой аспект изучения башкирско финно-угорских лексических параллелей имеет прямое отношение к выделению тематической группы «Родство по крови и браку» [Максютова 1967, 152], что требует проведения сравнительного обзора по самым основным из них: например, башк. *атай* – удм. *атай* 'отец'; башк. инәй– удм. (южный диалект) *анай* 'мать'; башк. *аъай* – удм. *агай* 'старший брат'; башк. *апай* – удм. *апай* 'старшая сестра'; башк. *бабай* – удм. *бабай* 'обращение к пожилым мужчинам'; башк. *бажа* 'свояк' – удм. *база* 'шурин'; башк. *ҡоҙа* – удм. *кудо* 'сват' и т.д.

Вообще, термины родства удмуртов Башкортостана имеют свою специфику: они сильно подвержены влиянию башкирского языка. Это было доказано еще в 1966 году известным советским языковедом-финно-угроведом Т.И.Тепляшиной на примере основных терминов кровного или

ближайшего родства *анай* ‘мать’, *атай* ‘отец’, *апай* ‘старшая сестра’, *апок* ‘младшая сестра’, *агай* ‘старший брат, дядя’, *абзи* ‘старший брат дедушки’ [Тепляшина 1966, 106-111]. Получается, что тюркские заимствования были усвоены еще в тот период, когда предки современных башкирских удмуртов находились в тесных контактах с южной частью удмуртского народа.

Седьмой, последний аспект направлен на выявление и описание общих грамматических средств в сравниваемых языках: например, частица *але* (*кил але* ‘иди-ка’, *яз але* ‘напиши-ка’) представлена и в удмуртском языке в форме *гожты али* ‘напиши-ка’. Подобных моментов выявлено очень много, но они в основном касаются только служебных частей речи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение башкирско-финно-угорских языковых параллелей должно носить комплексный характер, что и продемонстрировала Н.Х.Максютова.

Н.Х.Максютова в своей монографии «Восточный диалект башкирского языка» уделила место и анализу заимствованной лексики из финно-угорских языков на примере айского говора [Максютова 1976, 70]. Действительно, в удмуртском языке выявлено свыше 1000 общих для айского говора и удмуртского языка (т.е. его диалектов – прим. авторов) корневых слов. Более того, большинство из них имеют тюркское происхождение.

Автором в айском говоре восточного диалекта обнаружено больше финно-угорских корней, что связывается именно с его географическим положением: например, айск. *запун* ‘передник’ (синонимы: *альяпкыс, япкыс*) – коми-зырянск. *запон* (аналогичное значение); айск. *мәшник* ‘пирожок с начинкой’ – коми-зырянск. *мушник* ‘небольшой круглый хлебец из ржаного теста’ и т.д.

Эти тексты отражают специфику фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики всех говоров восточного, южного и западного диалектов башкирского языка. Ответственным редактором и автором введения является Н.Х. Максютова, которая проделала огромную работу по текстологической обработке и перевода на русский язык экспедиционных материалов. Названный труд реально претендует и на роль объекта этнолингвистических изысканий.

Но, тем не менее, самой главной работой Н.Х. Максютовой остается ее капитальный труд – монография «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)», изданная в 1976 году в Москве и имеющая статус классического исследования [Максютова 1976а]. В ней представлены все 5 говоров данного диалекта: айский, аргаяшский, салыютский, миасский, кызылский [Максютова 1976а, 22-78; 79-171; 172-213; 214-248; 249-289].

Научные изыскания Н.Х. Максютовой по башкирской диалектологии не потеряли своей актуальности и сегодня.

Литература:

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.

Баишев 1955 - Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. – М.: Изд-во МГУ,1955. – 112 с.

Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге: (Ике томда). I том: (Көнсығыш диалект) / Ред. Н. Х. Мәҡсүтова, Н. Х. Ишбулатов. — Өфө, 1967. — 300 б.

Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге: 3-сө том. 1987 - Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге: өс томда. – 3-сө том: Көнбайыш диалект. – Өфө: Башҡ. кит. нәшр., 1987. -232 б.

Максютова Н. Х. Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник. — Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1975. — С. 32-42.

Максютова 1963 - Максютова Н. Х. Из наблюдений над лексикой говора айских башкир // Башкирская диалектология: Говоры юго-востока Башкирии. – Уфа: БФАН СССР. ИИЯЛ, 1963. – С. 193-198.

Максютова 1964 - Максютова Н. Х. Говор айских башкир: Автореф. Дис. ...канд. филол. наук:10.02.06. – М., 1964. – 24 с.

Максютова 1965 - Максютова Н. Х. К вопросу о лексике башкирского языка // Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. 5-8 октября 1965 г. г. Баку: (Тез. доклад.). – Баку, 1965. – С. 24-27.

Максютова 1967 - Максютова Н.Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания: Вып. IV. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1967. – С. 149-152.

Максютова 1968 - Максютова Н. Х. Литературный башкирский язык и диалектная лексика // Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы БФАН СССР за 1967: БФ. ИИЯЛ, 1968. – С. 99-102.

Максютова 1972 - Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и монгольского языков (на материале салъютского говора башкирского языка) // Проблемы алтаистики и монголоведения (Тез. докл. и сообщ. Всесоюзн. конф.). – Элиста, 1972. – С. 32-34.

Максютова 1973а - Максютова Н. Х. Некоторые моменты изучения башкирских диалектов // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. – С. 141-145.

Максютова 1973б – Башҡорт теленең диалектологик атласы өсөн мәғлүмәт йыйыу программаһы // Төҙ. Н.Х. Мәксүтова. – Өфө, 1973. – 32 б.

Максютова 1973в - Максютова Н. Х. Краткий отчет диалектологических экспедиций 1964-1967 гг. // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. – С. 121-140.

Максютова 1973д - Максютова Н. Х. Башкирско-монгольские языковые связи (На материале салъютского говора башкирского языка) // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев: Штиница, 1973. – С. 243-246.

Максютова 1973е - Максютова Н. Х. Башкирская космонимия // Ономастика Поволжья – 3. – Уфа, 1973. – С. 382-385.

Максютова 1976а - Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении.–М.: Наука, 1976. – 292 с.

Максютова 1981б - Максютова Н. Х. Ареалы некоторых диалектных явлений башкирского языка // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. – Уфа: РИСО БФАН СССР, 1981. – С. 20-36.

Максютова 1983а - Максютова Н. Х. Лингвогеографическое изучение башкирского языка (диалектологический атлас) 1973-1983 гг. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – 19 с.

Максютова 1985а - Максютова Н. Х. Диалектологический атлас башкирского языка (итоги и задачи) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. пятой конференции «Проблемы атласной

картографии» - Уфа, 28-30 ноября 1985 г. - Уфа: БФАН СССР, 1985. – С. 110-111.

Максютова 1986б - Максютова Н. Х. Проблемы лексикологии и лексикографии башкирского языка // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике: Сб. ст. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 7-20.

Максютова 1988а - Максютова Н. Х. Ареалы грамматических показателей залогов башкирского языка // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии: Сб. ст. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 4-8.

Максютова 1988б - Максютова Н. Х. Введение / Ред. Н.Х. Максютова // Образцы башкирской разговорной речи. – Уфа: Башк. Кн. Изд-во, 1988.

Максютова 1989а - Максютова Н. Х. Современное состояние говоров башкирского языка, находящихся в иноязычном окружении // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: (Тез. докл. научн. конф.). – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989.

Максютова 1989 - Максютова Н. Х. Тюркские космонимы и связанные с ним легенды, поверья, приметы // Шестая конференция по ономастике Поволжья. 26-28 сентября. Тез. докл. и сообщ. – Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1989. – С. 140-141.

Максютова 1990а - Максютова Н. Х. Семантико-функциональные изменения религиозных терминоарабского происхождения в башкирском языке // Материалы и исследования по лексике башкирского языка: Сб. ст. - Уфа: БИЦ УрО АН СССР, 1990. – С. 4-13.

Максютова 1990б - Максютова Н. Х. Структурно-семантическая идентичность азербайджанской и башкирской топонимии // Проблемы азербайджанской ономастики - 3. Матер. конф. – Баку: Изд-во АПИ им. В. И. Лепина. 1990. – С. 131-132.

Максютова 1996 - Максютова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа: Китап, 1996. – 288 с.

Мәҡсүтова 1972 – Мәҡсүтова Н.Х. Башҡорт теле һөйләштәрен өйрәнеүҙәге төп осорҙар // Башҡорт диалектологияһы. Беренсе китап. – Стәрлетамаҡ: КДПИ, СДПИ, 1972. – 56-61-се б.

Мәҡсүтова 1983 – Мәҡсүтова Н.Х. Башҡорт тел ғилеме үҫеш юлында // Башҡортостан уҡытыусыһы. – 1983. - №10. – 43-45-се б.

Мәҡсүтова 1986а – Мәҡсүтова Н.Х. Башҡорт тел ғилеменең яңы ҡаҙанышы // Башҡортостан уҡытыусыһы. – 1986. - №12. – 35-36-сы б.

Мәҡсүтова 1987 – Мәҡсүтова Н.Х. Тел һәм әҙип // Аҡиҙел. – 1987. - №10. – 128-132-се б.

Мәҡсүтова 1986б – Мәҡсүтова Н.Х. Урта быуат ҡомартҡыһы («Ҡисса-и Йософ» поэмаһының теле) // Аҡиҙел. – 1986. - №11. – 135-142-се б.

Сибәгәтов Р.Г. Башкортстан татарлары. Тел, тарих, мәдәният мәсьәләләре. – Казан, 2002.

Тепляшина Т.И. Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии // Башкирская лексика: Темат. сб. – Уфа, 1966.

Псянчин Ю.В. Список основных научных трудов Н.Х. Максютовой // Труды ИИЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р.А. Сулейманова. Вып. II. – Уфа, 2008.

Раемгужина З.М., г. Уфа

О НОРМЕ И ВАРИАНТНОСТИ В БАШКИРСКИХ АНТРОПОНИМАХ

Аспекты определения и унификации орфографических вариантов написания антропонимов являются достаточно сложными, так как этот вопрос тесно связан с орфографией, орфоэпией и морфологией языка,

антропонимической традицией, ономастическими процессами и культурно-экономическими факторами, национальным менталитетом, а также с историей башкирского языка и его носителя.

Орфографические варианты современных личных имен являются следствием реализации разных возможностей – произношения одного и того же антропонима в литературном языке и его диалектах, говорах. Расхождения в диалектах иногда могут быть орфографически весьма значительными, например, Ильяс, Илияз, Илияс и т.д.

Это свидетельствует о том, что многие заимствованные слова и имена собственные долгое время испытывали (и сейчас продолжают испытывать) различные колебания в их написании. Объективной причиной считаем тот факт, что до сегодняшнего дня вопрос о правильном написании башкирских антропонимов специально не исследовался, и поэтому, естественно, нет соответствующих правил в башкирской орфографии. Поскольку нет определенных правил, жители используют характерные для их местности антропонимы при имянаречении, например, варианты одного и того же имени собственного, как Ренат, Ринат, Рэнат и др.

Значительное количество вариантов имеет женское имя собственное Гузель. Наиболее распространенными вариантами данного ИС являются Гузелия, Гузеля, Гузял, Гузяль, Гузал и др.

Варианты возникают и в результате оглушения или озвончения согласных в конце имени: Ринат – Ринад, Ренат – Ренад, Альфред – Альфрет, Алфрит, Алфрид, Алмаз – Алмас и т.д. Также наблюдается написание совершенно другой буквы вместо необходимой по транскрипции: Ильмир – Эльмир, Ринат – Ринарт и др.

Встречаются личные имена, характерные как для мужчин, так и для женщин: Фирдаус, Рушан, Саррар и т.д. К женским именам собственным добавляются окончания, характерные для женских имен, как Фирдауса, Рушания, Саррария и др.

Субъективной причиной является то, что определенный слой говорящих на родном языке считает целесообразным произносить и писать заимствованные антропонимы в соответствии с оригиналом, без учета норм башкирского языка.

С фонетической позиции имеют значение, прежде всего, особенности, возникающие при звуковых сочетаниях, что проявляется в стремлении избежать трудных сочетаний. Имеет значение и количество слогов. Предпочитаются имена двух- и трехсложные, т.к. это наиболее характерная словообразующая парадигма для структуры башкирского языка, имеющего агглютинативный характер.

Изменения в структуре антропонимикона башкирского народа происходят под влиянием постоянных и устойчивых контактов с окружающими его родственными и неродственными народами.

Однако в области языкового строительства еще необходима значительная работа. Так, нуждаются в упорядочении и унификации

отдельные участки орфографии, актуальны практические вопросы правописания и произношения башкирских антропонимов.

Требует разработки и решения такая актуальная практическая проблема современной башкирской антропонимии, как среди множества орфографических вариантов имен собственных определить одну наиболее употребительную форму антропонима.

Rakhmetova R.S., s. Almaty, Republic of Kazakhstan

THE ROLE OF COMPETENCE FORMATION IN A FUTURE SPECIALIST

Till the present time students used to get education only in the field of their professions. Nowadays being a part of global educational sphere we have to prepare a competitive person taking into consideration his or her competence abilities and aiming good results in education. N.Khomskye has introduced the term "competence" (latin "Competere" means an ability to do sth well) leaning on the research works on generative grammar done by V.Gumbolt.

N.Khomskye defines the term "competence" as an ability necessary to produce particular lingual activity [1]. In general there are many points of view on the following matter. Some scientists consider that the aim of the education is a communicative competence (I.A.Zimnyaya, G.V.Kolshanskye, L.L.Fyodorova, D.Baake, K.D.Buntning, Finocchiaro, D.C.Kochan, H.E.Piepho, Savignon, Z.Ulrich), while others confirm that the purpose of education are lingual and communicative competences (E.M.Vereschagin, M.N.Vyatyutnev, V.G.Kostomarov and others).

Some methodists think that communicative competence is a complex multicomponental education system. It includes linguistic, sociolinguistic, paralinguistic, subject elements. But T.I.Kapitonova and others consider those components as independent competences.

The term "communicative competence" has different meanings. For instance, D.Hymes thinks that mastering a language does not include only learning grammar and vocabulary but also it combines social situation and usage. That means tutor should pay a great attention to extralinguistic knowledge in formation of communicative competence.

Communicative competence is a student's communicative abilities used adequately in definite situations, also following social cultural norms, organizational competence.

I.A.Zimnyanya defines communicative competence as a goal and result of education, and concludes that it is difficult to reach it. She affirms that communicative competence can be formed as an ability, which develops and can be researched [2].

M.N.Vyatnyutnev divides competence into two: lingual and communicative. He gives the following definitions to term lingual competence "intuitional knowledge used in different communicative processes with a little quantity of rules" and communicative competence is

"person's adaptation ability to the situation during the process of communication or ability to choose necessary information and accomplish it in the moment of speaking". He proposes three types of communicative competence: initial, medial and developed [3].

People's communicative competences are different, not equal. Even people speaking on mother tongue have communicative competence in various levels. It changes due to person's ability and surrounding environment. Adult people have leveled lingual communicative competence, although it depends on one's personal peculiarities.

E.M.Vereschagin and V.G.Kostomarov both of them point out lingual and communicative competences. According to their point of view lingual competence is speaker's ability to construct grammatically correct word combinations and use them in a studied way. Communicative competence is a collection of social, national cultural rules, evaluations and values [4]. A.B.Dobrovich finds communicative competence as being always ready to communicate (stability to communicate). He explains from points of mind and thinking abilities. Person who can think should always be ready to communicate in different situations [5].

Pedagogical and psychological researches indicated below components regarded to the communicative competence: emotional (person's emotional character, understanding, sympathy, mood to other person and etc.); cognitive ability to understand other's behavior and solve problems among them); characteristic (working together, understanding in communication, skills to organize and etc.) [6].

Thus to form communicative competence is to teach students to communicative skills which give chances to accomplish social rules and norms correctly. Communicative competence is a person's habit to perform social life regularities and rules. Student plans his actions in conversation in advance. He takes into consideration other's opinions and is ready to help.

E.F.Zeer defines cognitive competence as ability to analyze informa-tion independently, use studied material in a new situation, see inter-connection between subjects, find out the source of the information [7].

According to A.V,Khutorskye to aim study cognitive competence we should introduce logical, methodical and general activity elements and by working independently to cognitive activity. He includes following elements to study cognitive competence "knowledge, ability, planning, analyzing, reflex and self assessment"[8].

Cognitive competence show student's searching ability to knowledge and study, habits and competence. Student's habits depend on his basic habits (for example, literacy for further education etc.). And competency means ability to study independently and use it in definite situations.

One more point to pay attention now is formation of student's socio-cultural competence in the process of study. Scientists distinguish its three aspects: linguistic, social and cultural.

Because the text, especially fiction and publicist texts are considered to be national, cultural truth, on the other hand, we get to know important

information about country's culture, history, traditions. Text language reflects many centurial system of human thinking factor. Text expresses people's dream, wish, spiritual needs; language of the text has cognitive points (hero's psychological motivation, desire, demands, emotions, feelings and etc.).

Workings with the texts introduce students with the nation's being, intellect and outlook. Language of the heroes show peculiarities of word use and help to use them in definite situations.

When student gets any new information from the text he forms his personal point of view. Text leaves feelings and emotional marks in human's inner world. That is why tutor should properly choose the text.

In general it is not the business of one day to form student's competence. It needs tutor's professionalism and prospective work.

Bibliography:

Хомский Н. Язык и мышление / Н.Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 122 с.

Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя //Высшее образование сегодня. – № 5. – 2003г.

М.Н.Вятютнев // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Докл. сов. делегации на VI Конгр. МАПРЯЛ. – М.: Рус. яз., 1986.– С.78-90

ВерещагинЕ.М., КостомаровВ.Г. Язык и культура:Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Рус. Яз., 1983. - 269 с.

Добрович А.Б. Воспитатель о психологии и психогигиене общения. – М., «Просвещение», 1987. – 205 с.

Алифанова Е.М. Формирование коммуниктивной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста средствами театрализованных игр. Дисс. канд. пед. наук. – Волгоград, 2001.

Зеер Э.Ф., Павлова А.М.,Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. М: Москов. психолого-соц. инст., 2005. –216 с.

Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых ипредметных компетенций. URL: http://www.eidos.ru/- journal/2005/1212.htm.

Рамазанова Д.Б., г. Казань

К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОМАТИЗМОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Соматизмы представляют собой одну из наиболее устойчивых лексико-тематичоских групп лексики. За редким исключением (борын-танау, ияк - сакал и др.), система названий частей тела (баш, буй, муен, ми, күз, каш, маңгай, колак, кабак, керфек, бит, авыз, ияк, чигә, яңак, кул, беләк, терсәк, бармак, янбаш, бот, тез, аяк, сыйрак, табан и др.) сохраняет общность во всех говорах татарского языка, также и в общетюркском масштабе.

Имеющиеся незначительные различия в произношениии их, иногда и морфологические отличия, присущие им смысловые оттенки и особенности в функционеровании возникли в ходе их фонетико-струтурно-семантического развития в различных языковых, историко-

культурных условиях контактирования.Непроизводные, корневые основы подавляющего большинства тюрко-татарских соматизмов с тунгусо-маньчжурскими языками. Вообще, названия частей тела, как наиболее устойчивая часть лексики, дают возможность реконструировать праформы, древнего состояния языка, являют собой надежный материал для решения вопросов о генетических связях тюркских языков с тунгусо-маньчжурскими, корейским и другими языками, об алтайской общности языков.

Для соматизмов характерна номинативность и терминологический характер, они имеют четко определенное лексическое значение. Однако в ходе общественно-исторического развития, с появлением новых артефактов, соматические названия путем уподобления приобрели новые значений. Причем их семиантическое развитие происходило еще в то время, когда они являлись корневыми. Этот ряд значение принято называть первичными, значениями первого ряда. Так, например: буй – тело, стан, буй – рост, буй – самость, буй – длина; баш- голова, баш – ум, рассудок, баш – голова, хозяин, баш – глава, руководитель, начальник, баш – пищевой продукт (в форме шара, конуса и т.д.), баш – единица счета скота, животных (в нукратском говоре: и людей), баш – головка обуви, чулков; күз – глаз, орган зрения, күз – зрение, способность зреть, видеть, күз – небольшое углубление с почками на поверхности картофельного клубная, күз – поры (в выпеченном хлебе, в сыре) и др.

В дальнейшем, в ходе развития культурно-экономических, общественно-историчеких условий, в связи с ними также и языка, расширялись смысловые нагрузки соматизмов как концептов. Присходило возникновение и накопление нейтральных, номинативных, коннотативных элементов в содержании названий частей тела человека. При этом увеличивались словообразовательные средства для новых обозначений, способствуя тем самым дальнейшему развитию слова, расширению его значения.

Любопытно, что дериваты или композиты, передающие вторичные значения, иногда по значению совпадают с корневым словом, оказываются в синонимических отношениях с корневыми вариантами. Например: буй - самость и үзбуйлы – самость; баш – глава, руководитель, башлык – в том же значении; күз – почка, срезаемая с клубней картофеля, күзәнәк – в том же значении и т.д.

Следующей характерной особенностью семантического развития соматизмов является то, что одежда, надеваемое на какую-либо часть тела или приспособление для этой части тела обозначается названием того же органа или дериватом данного имени. Например: баш – голова, башлык – чепек, вязаная шапка, копюшон, күз – глаз, күзлек (в балтасинском говоре – күзелдерек) – очки, бит – лицо, битлек – сетка (в пчеловодстве), маска; диал. сакал – подбородок, сагалдырык/ сакалтырык (в говорах приуральского аереала) – тесьма с нанизанными

на неё монетами, завязывается под подбородком и служит для поддерживания покрывала; колак – ухо, колакча (в нурлатском, тарханском говорах), кылакча (в лямбирском говоре) – серьги, в татарских говорах Сибири колакша – ушанка, малахай, кул – рука, диал. кулбау – браслет из кораллов с камнем и застежкой; беләк – запястье, беләксә – нарукавник, муен (диал. буен) – шея, муенса (диал. буенса) – бусы, чәч – волосы, чәчкап – волосник, чәчүргеч – косоплетка и т.д.

Семантический перенос название часть тела название одежды или приспособления для этой части тела, по нашим наблюдениям, активно выступает в татарском диалектном языке. Примеры аналогичного явления отмечены и в других тюркских языках, в памятниках древнетюркской письменности (Ср.: русск. ожерелье < жерло).

Соматизмы, хотя и по численности представляют собой небольшую лексико-тематическую группу, послужили основой для обозначения значительного числа названий мер длины и объема.

Данное явление в семантическом развитии соматизмов произошло, видимо, очень давно, так как подавляющее большинство из них корневые: буй – длина роста, отсюда буйлау – измерить глубину (водоема), буй – куски материи, равные в длину полога и.т.п.; айак – четверть туши, терсәк – локоть, мера длины, равная длине руки до локтя; беләк – в том же значении, карыш (в западном диалекте: сүwәм/ сөйәм) – расстояние между большим и указательным пальцами; уч – ладонь, горсть; кочак – объятие; охапка, обхват; икилле < ике илле – шириной в два пальца и др.

Исходя из закономерностей общего развития можно предположить, что первым и возникли пространственные значения (длина, расстояние, напр., до объекта охоты, дичи, участки, территория проживания, для возникновения же временных значений требуется более длительное абстрактное мышление.

Одним из видов семантического развития сомантизмов является приобретение ими собирательного, абстрактного значения в парных словах, где соматизм сочетается с названием другой части тела: айак-кул // кул-аяк – конечности, айаксыз-кулсыз – калека, баш-акыл – память, рассудок и др. Такие парные слова в сочетании с вспомогательными глаголами претерпевают метафорический перенос: баш-күз итү – слезить за хозяйством, вести хозяйство (в хвалынском говоре), күз-колак булу – присматривать (за детьми, за хозяйством), күзле-башлы итү – женить, выдать замуж, аяксыз-кулсыз булу – лишиться ног и рук, потерять способность передвигаться, что-то делать; остаться беспомощным, лишиться помощников.

Один из компонентов часто являет собой дериват второго компонента, в таком случае эти парные слова являются наречиями: күзмә-күз (в тоболо-иртышском диалекте: күзбә-күз) – явно, очевидно,

күзгә-күз – с глаза на глаз, куога-кул – рука об руку, башма-баш – баш на баш и др.

При развитии семантики самотизмов путем сопоставления метафоризации могут подвергатся различные свойства частей тела. Например, в словах агач башы (верхушка дерево), өй башы (крыша дома), бармак башы (кончик пальца) основой их значения является сема “верхняя часть” соматизма баш. А композит башлы малай (сообразительный мальчик) возник на основе семы баш – ум, разум.

В соматизме күз метафорическое развитие выразилось в несколько иных направлениях: күз – орган зрения ––> күңел күзе (глаза души) и т. д.; күз – глаз как объект оценки со стороны; при этом выделяеться три семы: $күз_1$ – орган зрения: свет, форма, части глаза и т. д.; $күз_2$ – дыра: дыра пустая и $күз_3$ – дыра наполненная до верху жидкостью. Так же наблюдается синонимичность корневого слова и его деривата. Например: $күз_1$ – наблюдающий, күзәтче в том же значение, $күз_2$ – поры в выпеченном хлебе, сыре, $күзәнәк_1$ – в том же значение, $күз_3$ – глазок у картофеля, $күзәнәк_3$ – то же; $күз_3$ – место, откуда бьют родник, $күзәнәк_5$ – то же; $күз_4$ – полынья, күзләвек / кизләү – родник и др.

В ходе исследования особенностей семантического развития соматизмов было выявлено отсутствие в татарском языке некоторых нервных значений. Например, как указывают исследователи лексики тюркских языков, в древнетюркском языке слово буй имело и значение “самость”. В татарском языке данная сема обнаруживается лишь в дериватах: үзбуйлы (в заказанских говорах) – своевольный, буйлау – закинуться, понести (о лошади), что дает возможность о бытовании когда-то семы “самость” и в татарском языке. Как указали выше, дериват оказался синонимом корневого буй с названной семой.

На основе семы “самость” выделилось значение “один, одинокий”, в итоге соматизм буй начинает обозначать неженатого (– ую), холостого (– ую) человека, что зафиксировано в словарях В.В.Радлова, Л.З.Будагова; в турецком, караимском языках – “свободный”, “неженатый”, в уйгурских диалектах – “вдовец” и др. В татарском, башкирском (Башкорт диалекттары..., 2002, 59-60) языках эти значения передаются дериватом буйдак.

Кстати, в говорах татарского языка слово буйдак (одинокий, неженатый) получило широкое распространение как по линии вариантности, так и по семантике (см.: Татар теленең..., 2002, 136-137). В нашем случае особенно любопытным, на наш взгляд, является содержание семы “одиночество”, которое включает следующие элементы: пеший (в балтасинском, заказанско-кряшенском говорах), слуга, наемный (в татарских говорах Оренбуржья, отсюда буйдаклык – быть наемником), телка годовалая (в говоре нагайбакских кряшен), буйдак-тайлак – бездельник, ленивый (в нурлатском говоре).

Общеизвестно, употребление соматизмов для называния географических объектов: тамак устье, баш – исток (реки), кул – направление, сторона, култык – залив, борын – нос, күз – родник, авыз – вход, лаз (в тоннель), кратер, жерло, опушка (леса), бугаз – пролив, муен – перешеек, бил – седловина и др. Географические значения у соматизмов непосредственно и тесно связанны с жизнедеятельностью человека, свидетельствуют о широких познаниях их и наблюдательности далеких предков.

На основе соматизмов образованы большое число этнографизмов, названия обычаев и обрядов и других, связанных с духовной культурой татарского народа: башкода – сват, баш бәйләү – замена девичьего головного убора женским, тел ачтыру – преподнесение невесте подарка, после чего она может заговорить в доме мужа, колак тешләтү – старинный ритуал: родители еще в детстве сватают мальчика и девочку и др.

Таким образом, соматизмы как наиболее древняя часть лексико-семантической система языка прошли долгий путь смыслового развития, концепты их вобрали в себя широкий спектр семантических элементов, имеющих как сигнификативное и культурологическое, так и коннотативное значение.

Литература:

Башҡорт теленең диалекттары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. – 430 б.

Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий... С. – П., 1869. Т. 1. – 814 с.; Т. 2. – 412 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. – СПб., 1893-1911.

Рамазанова Наблюдения над семантическим разветием соматизма “буй” // Тенишевские чтения 2008. Казань, 2008. – С. 98-100.

Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Сабирьянова С.Г., г. Уфа

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИМЕНА

Двадцатый век, особенно 30-80-е годы, можно считать периодом расцвета башкирской диалектологии. Особое внимание заслуживают труды диалектолога от Бога Тагира Галлямовича Баишева, маститого ученого, профессора Джалиля Гиниятовича Киекбаева, докторов филологических наук Нагима Хажигалеевича Ишбулатова, Нажибы Хаерзамановны Максютовой, Сарии Фазулловны Миржановой, Эрнста Файзрахмановича Ишбердина, а также Ахмета Ахметовича Юлдашева, Харраса Галиакберовича Юсупова. Молодые ученые всегда с благодарностью будут вспоминать эти авторитетные имена и пользоваться результатами их кропотливого труда по диалектологии.

Настоящее выступление посвящается также известным диалектологам, которые внесли свой весомый вклад в развитие башкирской диалектологии, кандидатам филологических наук, старшим научным сотрудникам Института истории, языка и литературы Уфимского

научного центра Российской академии наук Уралу Фазулловичу Надергулову и Миндияру Ишбирдиновичу Дильмухаметову.

Они пришли в науку в начале 70-х годов после окончания Башкирского государственного университета и, проработав в школе учителями, имея статьи, собранные материалы из живого разговорного языка башкир по некоторым регионам. Прошли аспирантуру в стенах Института и дальнейшую трудовую деятельность полностью посвятили науке. Эти два имени частенько находятся рядом, так как их работа по одной теме, в одном секторе, под руководством одного и того же ученого, совместное участие во многих мероприятиях Института – все это позволяет и мне о них говорить одновременно о двоих. Однако, как бы ни была схожа их судьба, у каждой личности своя жизнь, своя деятельность, свои интересы и творческие особенности.

Урал Фазуллович Надергулов, еще будучи учителем, директором школы, собирал материалы из разговорной речи башкир тук-суранского басссейна в Оренбургской области и в Куйбышевской и Саратовской областях в бассейне рек Иргиз и Камелик. В его материалах богато представлены лексические, морфологические и фонетические особенности тук-суранского подговора сакмарского говора и иргиз-камеликского говора южного диалекта. На материале по иргизо-камеликским башкирам он опубликовал статью "Башкирско-казахские параллели" в научном сборнике "Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка" (Уфа, 1983, С.43). Лексический пласт языка данных регионов был введен в третий том диалектологического словаря, увидевшего свет в 1987 году, где он был и соавтором этого тома. Урал Фазуллович свои полевые записи по этим же регионам также использовал при составлении хрестоматийного сборника "Образцы разговорной речи башкир" (Уфа,1988), где представлены тексты на различные бытовые темы.

В 1973 году в Институте началась разработка темы "Диалектологический атлас башкирского языка". Наша небольшая группа диалектологов – Надергулов, Дильмухаметов, я и Р.Г. Азнагулов под руководством Н.Х. Максютовой – с большим энтузиазмом взялись за разработку этой очень трудоемкой, ответственной, новой темы. Так как после монографического изучения почти всех диалектов, говоров башкирского языка на лексическом, морфологическом, фонетическом, синтаксическом уровнях на территории Башкортостана и в башкироязычных реги-онах соседних Челябинской, Оренбургской, Курганской, Куйбышевской, Саратовской областей, Пермского края назрела возможность изучения особенностей башкирского языка в лингвогеографическом плане. То есть мы взялись собирать материалы по специальной программе по сбору материала для Диалектологического атласа башкирского языка, составленной Максютовой Нажибой Хаерзамановной. Урал

Фазуллович также участвовал при составлении этой программы. А в дальнейшем во всех экспедициях по сбору материала по этой программе был правой рукой начальника экспедиции, то есть выполнял все ответственные работы по обеспечению успешной работы экспедиции, порой в довольно сложных климатических или экономических условиях в течение более десяти лет. Он был не только кропотливым собирателем языкового материала, но и всегда был первым из тех, которые создавали условия жизни и деятельности членов экспедиции в полевых условиях. Имея очень скромный, добрый характер, он в коллективе всегда создавал рабочую обстановку, старался поднимать настроения своим веселым, человечным нравом. При необходимости был строгим и требовательным, но не грубым. Всегда и везде был готов помочь коллегам. Умел организовать отдых после утомительных трудовых дней, был веселым собеседником, красиво пел народные песни. Все еще не забывается, как он пел песни «*Соран буйы*» и «*Зөбәйҙә*». Нам посчастливилось несколько раз общаться с его родителями и семьей в его родной деревне и бывать у родителей жены, Лены Ракиповны, где нас, целый коллектив, в обеих семьях принимали как своих родных и оказывали нам всевозможное внимание. С удовольствием общались с нашим коллективом и еще тогда школьники – дети Урала Фазулловича Ильдар и Зульфия.

Урал Фазуллович собирал материалы по программе в 130 населенных пунктах, названия которых опубликованы в Атласе. Заполнена гора дневников с ответами на вопросы Программы, и, хочется подчеркнуть, что характерно, в этих материалах этнограф найдет уйма новых, нигде не зафиксированных названий племен и родовых подразделений, топонимист найдет много параллельных, также нигде не зафиксированных названий деревень, рек и других объектов. Очень жаль, что ученый рано покинул этот мир, еще много интересного мог бы, мне думается, создать по этим данным. Он участвовал в обработке этого огромного материала, был составителем Диалектологического атласа башкирского языка составил карты с 36 по 73 по согласным звукам и написал интерпретации к картам. Опираясь на собранный во время экспедиций и командировок материал, написал диссертацию на тему «Язык башкир Куйбышевской и Саратовской областей». Опубликовал многочисленные статьи в научных сборниках. Вот некоторые из них:

“Ареальное распространение анлаутных ç, c, h в сборнике “Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков” (Уфа, 1986. С.111); “К проблеме реализации некоторых анлаутных согласных башкирского языка” в сборнике «Ареальное исследования в языкознании и этнографии” (Уфа, 1985. С.127-128); “Материалы по фонетике и морфологии языка башкир Саратовской и Самарской

областей” в сборнике «Исследования и материалы по башкирской диалектологии” (Уфа, 1981. С.74) и др.

Миндияр Ишбирдинович Дильмухаметов пришел в Институт в начале 70-х годов, с У.Ф. Надергуловым трудились всю жизнь вместе. Работая по одной теме, вместе выезжали в экспедиции и командировки, сидели в одном 425-м кабинете, общались, помогали друг другу словом и делом, защитили кандидатские диссертации. Миндияр Ишбирдинович работал над исследованием языковых особенностей среднеуральских башкир, так называемых башкир рода упей (өпәй). По материалам, собранным во время экспедиций и командировок, написал диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук “Говор среднеуральских башкир”. Написал статьи по языковым особенностям этого интересного региона, опубликованные в научных сборниках ИИЯЛ. Назовем несколько статей из названной серии:

“Изоглоссы гласных а, ә в башкирских говорах” (в сборнике «Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков.-Уфа, 1986. С.107); “Изолинии гласных а,ә в диалектах башкирского языка” (в сборнике «Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С.60-61); “Особенности наклонений глагола в говоре среднеуральских башкир” (в сборнике «Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С.127), “Словообразование существительных и прилагательных в говоре среднеуральских башкир” (в сборнике «Вопросы диалектологии и ономастики. -Уфа,1986).

Миндияр Ишбирдинович, также как и Урал Фазуллович, участвовал во всех организованных институтом экспедициях по сбору материалов для Диалектологического атласа башкирского языка. Отличался особенно кропотливым собиранием материала, способностью находить общий язык с информаторами любого возраста. Очень любил общаться с детьми, его всегда интересовала детская речь, их находчивость и непосредственность. Некоторые выражения даже находили свое отражение в детских стихах Дильмухаметова. Он выпустил несколько сборников стихов для детей. Был хорошим семьянином, они с женой Райсой-ханум вырастили троих дочерей, всем дали высшее образование, помогли крепко встать на ноги.

Миндияр Ишбирдинович собирал материалы по программе для Диалектологического атласа башкирского языка в 123-х населенных пунктах. В списке населенных пунктов, опубликованных в Атласе, также много интересных названий родовых подразделений, параллельные названия деревень, рек и других объектов. Он переписал этот огромный материал в картотеку, которая тоже находилась в 425 ком-нате, где мы, работающие над одной темой, сидели вместе. Составил карты №№ 121-124, 126, 138-141. Написал всем картам комментарии и интерпретации.

Ученый с поэтической душой, М.И. Дильмухаметов был всегда интересным собеседником, любил говорить о поэзии, особенно о детской поэзии, о жизни и творчестве башкирских поэтов.

Мне всегда вспоминается особая обстановка того времени. Мы были молоды, работали дружно и с большим энтузиазмом, хотели увидеть конечный результат нашего интересного труда. Ведь наш Диалектологический атлас башкирского языка представляет собой уникальный труд, который профессор Фирдаус Гильмитдиновна Хисаметдинова в статье «От редактора» называет «памятником прошлого и настоящего башкирского языка". Мы постарались и дошли до победного конца. К сожалению, руководителю этой темы Нажибе Хаерзамановне, Уралу Фазулловичу не суждено было увидеть выход в свет данного труда. Мне хочется надеяться, что этот огромный труд – Диалектологический атлас башкирского языка – достойно будет оценен и признан. Найдет своих почитателей среди ученых-языковедов и станет данью памяти моим современникам и уважаемым коллегам Уралу Фазулловичу Надергулову и Миндияру Ишбирдиновичу Дильмухаметову.

Савельева Ю.Б., г. Уфа

О ТИПЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ

При рассмотрении Словаря русских говоров Башкирии нужно отметить, что по охвату слов — это сводный словарь разнородных говоров, по отбору лексики — дифференциальный словарь, т.е. охватывает лишь ту лексику, которая отличает говоры от литературного языка. В рассматриваемой нами группе можно увидеть собственно-лексические диалектизмы:

а) с неизвестными литературному языку основами (алама, абыз, вахлак, куркуль, легошка, сапун, своебышница);

б) диалектные образования от известных литературному языку основ (скороделка, смиренный, самосуд, тихомольный);

В эту группу входят также семантические диалектизмы:

а) омонимичные по отношению к литературным эквивалентам (лайка, тайна, шатающий).

Среди местных вариантов слов выделяются слова, выступающие в тождественном с литературным эквивалентом значении и близкой по звуковому виду форме, если вариативность обусловлена имма-нентными особенностями развития отдельных слов и не связана с фонетической или грамматической структурой того или иного говора, лексика которого отражена в СРГБ. Сюда относятся следую-щие различия:

а) фонематические, выражающиеся в разном составе или в качестве некоторых или одной корневой или аффиксальной фонемы или в расположении фонем (любопытливый, отлет, рассудливый);

б) грамматические, связанные с особенностями грамматической принадлежности, характеристики отдельных слов, проявляющиеся в категории рода и склонения или его разновидности(подхалима).

Теперь перейдем к рассмотрению одного из типов лексических диалектизмов в словаре русских говоров Башкирии.

Характеристика личности и поведения человека по отношению к нормам нравственности.

Слова, которые мы включили в данную группу, выражают внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Поэтому здесь можно разделить лексику 2 подгруппы:

«поведение, удовлетворяющее общественные нормы».

Отлет. О бойком, шустром человеке.

Скороделка. 1.(экспресс.) О ловком, проворном человеке.

Ловкий. 1. Покладистый, жизнелюбивый.

Рассудливый. 1. Рассудительный, благоразумный.

Свойчатый. 1. Ласковый, обходительный.

Смиренный. 1. Смирный, скромный.

Сноровливый. 1. Услужливый, внимательный.

Тихомольный. 1. Скромный человек.

Чистёный. 1. Очень чистоплотный, аккуратный;

«поведение, не удовлетворяющее общественные нормы».

Абыз. 1. Упрямый человек.

Алама. 1. Нехороший.

Буянец. 1. Человек, склонный к буйству.

Вахлак. 1. (неодобр.) Грубый, невежественный, неопрятный человек.

Ветродуй. 2. Ветряный человек.

Колчушка. 2. О темном, забитом человеке.

Куркуль. 1. О жадном человеке.

Лайка. 1. О человеке, который много бранится, ругается.

Легошка. 1. О легкомысленном человеке.

Лихоманщик. 1. О человеке с дурными наклонностями.

Подбойка. 1. О человеке, которого легко уговорить на что-либо.

Подофеня, похалима, подхалюзина. 1. Подхалим (от xoliti – холить)

Самосуд. 1. О своевольном, своенравном человеке.

Сапун (неодобр.). 1. О неразговорчивом, угрюмом, замкнутом человеке; 2. О непослушном, своевольном ребенке.

Своебышница. 1. О своенравной, упрямой, непослушно девочке.

Сорва,сорван,сорвач (экспресс.). 1. Сорванец, проказник, озорник, драчун.

Супротивник. 1. Человек, делающий все наперекор.

Сутяга (неодобр.). 1. О вздорном человеке.

Тайна. 1. О скрытом человеке.

Хабалка. 1. О бесстыдной, наглой женщине.
Любопытливый. 1. Любопытный.
Своебышнный. 1. Упрямый, своенравный, не послушный.
Славущий. 1. (неодобр.) Хвастливый.
Созлый. 1. Злобствующий.
Страмной. 1. Нехороший, не уважающий других.
Шатающий (неодобр.). 1. О развратном человеке.

Мы рассмотрели в своей работе имена существительных, формирующие лексико-семантическое поле «физические свойства человека» в русских народных говорах Башкирии. Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы об особенностях диалектной номинации предметов. По своему строению, принципам номинации, словообразовательным моделям диалектизмы не так сильно отличаются от лексем современного русского литературного языка. Большинство из рассмотренных нами диалектизмов образованы от известных литературных корней. Однако встречаются и заимствованные слова: абыз - заимст. из тат., мулла (тамбов., рязан.), алама - заимст. из тат., худой, старый (об одежде), сапун - тюрк. происхождение; мыло (тат.). Кроме того, среди представленных нами слов встречаются такие, которые имеют эмоциональную окраску (скороделка, вахлак, сапун, сорва, сорвач, сорван, сутяга, славущий, шатающий). Подавляющее большинство диалектных слов – славянские по своему генотипу: по мотивирующим корням и словообразовательным формантам, а также по способам словообразования. Выделяются единичные случаи влияния тюркских языков.

Литература:

Здобнова З.П. Словарь русских говоров Башкирии. – Уфа 1997, 2000, 2003, 2005.
Кузнецов П.С. Русская диалектология. – М., I960.
Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990.
Фасмер М. Этимологический словарь. – М, 1987.

Сибәъәтова Р.Ю., Өфө к.

1920–1930 ЙЫЛДАР ДИАЛЕКТОЛОГИК ЭКСПЕДИЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ТАРИХИ СЫҒАНАҠ БУЛАРАҠ ӘҺӘМИӘТЕ

1920–1930 йылдар – башҡорт әҙәби теленең тарихында иң яуаплы һәм киҫкен үҙгәрештәргә һәм яңылыҡтарға бай осор. 1920 йылдар башы әҙәби телебеҙҙең формалашыу дәүере булһа, билдәләнгән дәүерҙең ҡалған йылдары уның лексик, фонетик һәм грамматик нормаларын яйға һалыу һәм нығытыу, уны лексик яҡтан байыу осоро булып тора. Тап ошо йылдарҙа барған эҙләнеүҙәр телебеҙҙе артабан юғары кимәлгә күтәрергә ярҙам итә.

Билдәле булыуынса, 1922 йылдың 5 декабрында Башҡортостан хөкүмәте башҡорт телен тормошҡа ашырыу тураһында айырым ҡарар

сығара. Шул сәбәпле башҡорт теленең ҙүҙ алфавитын булдырыу тәүге маҡсат итеп билдәләнә. Ошоға бәйле икенсе ҙур мәсьәлә килеп тыуа – башҡорт әҙәби теленең лексикаһын һәм терминологияһын булдырыу. Был үҙ нәүбәтендә башҡорт телендә йәшәп килгән бөтә һөйләштәрҙе (диалекттарҙы) өйрәнеү талабын ҡуя. Шул уҡ ваҡытта ошоларҙан сығып, әҙәби телдең нигеҙе итеп бөтә башҡорт теленең үҙенсәлеген, матурлығын асҡан бер диалектты һайлап алыу мәсьәләһе лә хәл ителә.

Үрҙә әйтелгән талаптарҙан сығып, төрлө төбәк халҡының һөйләштәрен һәм лексик байлығын йыйыу башлана. Сөнки йәшәйешебеҙҙең бөтә нескәлектәрен сағылдыра алған осраҡта ғына милли телдең ҡулланыу сфераһы киңәйә, башҡа телдәргә тиң булараҡ, үҙ аллы йәшәргә хоҡуҡ ала. Шуға ярашлы рәүештә, мәҫәлән, 1928–1940 йылдарҙа ундан ашыу лингвистик экспедициялар ойошторола. Был эштәрҙе башлап ебәреүселәрҙең береһе булып күренекле ғалим тюрколог Н.К. Дмитриев була [РФА ӨҒҮ Ғилми архивы Ф.94, оп.1, д. 6–10].

Был эшкә айырыуса Н.К. Дмитриев, М.Билялов, Т. Баишев, Ф. Ғималов, Ғ. Дәүләтшин, С. Мирасов, З. Шакиров ҙур өлөш индергәндәр. Улар тарафынан төрлө коллектив һәм индивидуаль экспедициялар барышында телебеҙҙең бөтә нескәлектәрен һәм байлығын асып биргән бай фактик материал туплана. Бөгөнгө көндә улар Рәсәй фәндәр академияһының Өфө фәнни үҙәгенең Ғилми архивы фондтарында һаҡлана.

Тәүге экспедиция 1928 йылда Рәсәй Фәндәр академияһы тарафынан ойошторола. Уның етәксеһе итеп билдәле ғалим-тюрколог Николай Константинович Дмитриев билдәләнә. Экспедиция ағзалары алдында хәҙерге Белорет һәм Учалы райондары башҡорттарының һөйләш һәм фольклорын өйрәнеү маҡсаты ҡуйыла. Уның эшенә урындағы белгестәр ҙә ылыҡтырыла. Мәҫәлән, М.М. Билалов, З.Ш. Шакиров, Ғ. Й. Дәүләтшин, С.Мирасов [РФА ӨҒҮ Ғилми архивы Ф. 94, оп. 1, д. 7. 43-сө бит].

Мөмкин булғанса киңерәк майҙандағы ауылдарҙы байҡау маҡсатынан сығыптыр, экспедиция өс төркөмгә бүленә һәм өс йүнәлештә йөрөй. Тәүге төркөмдөң маршруты: Белорет – Туҡан – Усманғәле; икенсе төркөмдөң: Белорет – Сәрмән – Инйәр; өсөнсө төркөм Белорет – Тирлән – Мейәс йүнәлешендә йөрөй. Шуға күрәлер, ҡыҫҡа ғына ваҡыт эсендә экспедиция ағзалары яҡынса 40 ауылда булып, ерле һөйләш буйынса байтаҡ материалдар туплауға өлгәшә.

Бөгөнгө көндә Ғилми архивта Н.К. Дмитриевтың ошо экспедиция буйынса үҙ ҡуллы менән яҙған һәм машинкала баҫылған отчеттарының варианттары һаҡлана. Унда ғалим йыйылған бөтә материалдарға дөйөм күҙәтеү яһай һәм экспедицияла йыйылған материалдарҙан ҡыҫҡаса үрнәктәр бирә.

Экспедиция ағзалары булған һәр бер ауылда туҡтап, фольклор өлгөләре, лексик берәмектәр, айырым атамаларҙы белдергән һүҙҙәр яҙып алалар. Мәҫәлән, бөгөнгө көндә Белорет районына ҡараған

Хоҙайбирҙе ауылында бер информаторҙан 80 һүҙ яҙып алына. Һуңынан һәр бер һүҙгә русса теүәл тәржемә лә бирелә. Ауылдарҙағы һөйләштәрҙең айырмаһын билдәләү һәм сағыштырыу маҡсатынан сығыптыр, йыйылған һүҙҙәр нигеҙҙә тормош-көнкүреш характерындағы. Мәҫәлән, *атлар – лошади, аттың – коня* (род.п.), *атты –коня* (вин.п.), *ҡыҙтар – девицы, ҡаҙтар – гуси, ҡаҙҙың – гуся* (род.п.), *ҡаҙҙы – гуся* (вин.п.), *баллар (балалар) – дети, синерткә – кузнечик* һ.б.

Шулай уҡ З.Ш. Шакиров [Ф. 94, оп. 1, д. 11.] һәм Т.Байышовтарҙың да [Ф. 94, оп. 1, д. 12, 13; ф. 3, оп. 2, д. 11.] төрлө район төбәктәрендә үткәнэкспедициялар буйынса үҙ ҡуллы менән яҙылған отчеттары бар.

Диалектологик экспедицияларҙың башҡорт әҙәби телен лексик яҡтан байытыуҙағы роле ҙур. Улар шулай уҡ ошо осорҙа сыҡҡан төрлө терминологик һүҙлектәрҙең төп сығанағы ла булып торалар. Мәҫәлән, һуңынан Н.К. Дмитриев ошо йылдарҙа ойоштороlған диалектологик экспедицияларға һәм эш барышында тупланған фактик материалдарға юғары баһа бирә. Ошоға бәйле ғалим түбәндәгеләрҙе яҙа: “Үҙ ваҡытында был экспедицияларҙың материалдары әҙәби телдең нормаларын булдырыуҙа һәм ябай эшсәндәр халҡының бай теле иҫәбенә лексиканы байыҡтырыуҙа файҙаланылды. Шулай уҡ улар төрлө терминологик, рус–башҡорт һәм башҡорт–рус һүҙлектәрен төҙөү эшендә нигеҙ булып хеҙмәт иттеләр” [Русса–башҡортса һүҙлек. Н.К. Дмитриев редакцияһында. М., 1948].

Дөйөмләштереп әйткәндә, был осорҙа башҡорт халҡына үҙ телен формалаштырыуҙа алда ҡуйылған фәнни талаптарҙы тормошҡа ашырыу һәм әҙәби тел составын туплау төп маҡсат булып тора. Был йүнәлештә иҡтисади ауырлыҡтарға һәм ғилми кадрҙар етешмәүенә ҡарамаҫтан ойоштороlған һәм бай фактик материал тупларға ярҙам иткән диалектологик экспедицияларҙың роле баһалап бөткөһөҙ ҙур.

Әҙәбиәт:

РФА ӨҒҮ Ғилми архивы Ф. 94, оп.1, д. 6–10.

Ф. 94, оп. 1, д. 7. 43-сө бит.

Ф. 94, оп. 1, д. 11.

Ф. 94, оп. 1, д. 12, 13; ф. 3, оп. 2, д. 11.

Русса–башҡортса һүҙлек. Н.К. Дмитриев редакцияһында. М., 1948.

Сиивонен А.Т., г. Москва

ВОКАЛИЗМ ПРИБЕЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Прибельский диалект, вокализм которого рассмотрим в данном докладе, включает в себя говоры, распространенные на северо-западе Башкирии по реке Белой в Дюртюлинском, Илишевском районах, а также в некоторых населенных пунктах Бирского района.

Система гласных прибельского диалекта отличается от вокализма других марийских диалектов, прежде всего диалектов лугового наречия, наличием гласных переднего ряда **ӓ,** **ӛ**; отличием акустико-артикуляционных характеристик гласной **а**, которую в исследуемом диалекте мы определяем как гласный смешанного ряда (тяготеющий к заднерядности), в литературном языке (или в подлитературном диалекте) она определяется как гласный переднего ряда. Фонема **а** в наре-чиях неодинакова. В горном и северо-западном наречиях - заднего ряда, неглубокого образования, в луговом наречии – с более передним укладом языка, смешанного ряда (имеет оттенки переднего ряда) - (Л.П.Грузов 1965, 102). В диалектах лугового наречия гласный а определяется “как максимально открытый гласный переднего ряда” (Соврем. марийский язык. 1960, 48). В диалектах восточного наречия она тоже неодинакова, в прибельском же диалекте ее можно отнести к смешанному ряду, тяготеющему к заднерядности. “Заднерядность этого гласного вызвана наличием в вокалической системе широкого гласного переднего ряда ӓ, отсутствующего в литературном языке и его базовых диалектах ”-(Исанбаев 1987, 39). Э. Итконен, О.Беке считают, что **а** древнемарийский гласный, в древнемарийском он был гласным заднего ряда и несколько лабиализованным (Итконен 1954, 187, 192; Беке 1911, 252).

Гласные диалекта противопоставляются по подъему, ряду, лабиальности и иллабиальности.

По вертикальной артикуляции языка (по степени его подъема) вокализм представлен гласными верхнего подъема: ӱ, і, u; среднего подъема: е, о, ӧ; среднего второго подъема: ӛ, ӧ; нижнего подъема: а, ӓ.

По месту артикуляции (горизонтальному ряду), в марий-ском языке гласные подразделяются на переднерядные, задне-рядные и смешанного ряда. В данном диалекте передне-рядными являются і, е, ӓ, ӧ, ӱ, ӛ, заднерядными – о, u, ӛ, смешанным а.

Все гласные данного диалекта оральные. По участию губ в артикуляции звука гласные разделяются на лабиальные (губные) и иллабиальные (негубные). Лабиальными являются о, ӧ, u, ӱ; иллабиальными – а, ӓ, і, е, ӛ, ӧ.

Гласные полного образования а, о, u, ӓ, ӧ, ӱ, і, е противо-поставляются кратким гласным ӛ, ӧ.

В прибельском диалекте, как и в других диалектах восточ-ного наречия, распространенных на территории Башкортос-тана, действует гармония гласных

– явление прогрессивной ассимиляции. Она базируется на качестве первого слога, т.е. под влиянием переднерядного гласного первого слога в непервых слогах появляется гласный переднего ряда, под влиянием заднерядного гласного – гласный заднего ряда.

В данном диалекте, как и в некоторых финно-угорских языках имеются нейтральные гласные по отношению к гармонии, таковыми в нем являются е, і : šiń ä' –[šiń a']'глаз; сидит', šiδä'n- [šiδa'n] 'злобный', jo-rij 'нарочно', və-žij 'вертихвостка', mu-ńij 'лягушка' cü-cij 'дядя', ä-vij 'тетя'; äläkle'm 'нажалуюсь', čije'm 'одежда; одеваюсь', kue'r 'берез-няк', tə're' 'шустрый', kore'm 'канава; овраг', er-γəm 'мой сын', tes-ka-re' 'упрямый'. Также гласные а и ə в прибельском диалекте в отношении гармонии гласных являются нейтраль-ными, они встречаются в последующих слогах как после гласных переднего ряда, так и после гласных заднего ряда: er-ka 'неженка', er-kən 'медленно', ši-kar 'сахар', i-śər 'яловый; бездетный'. Парные гласные а – ä, u-ü, o-ö, ə-ə̈ действуют по закону простой прогрессивной ассимиляции: alka' 'серьги', arγaša'š 'ругаться', ärämä' 'ивняк', älä'k 'жалоба; причина; повод', ku'ru'k 'гора', kü'mü'ž 'тарелка; миска', kü'škö' 'вверх', kö'rγəškö' 'внутрь', ə'štə'r 'онучи', kä'rlə'k 'стыд'.

В диалекте существуют палатальная, лабиальная и регрес-сивная гармония гласных. Сущность палатальной гармонии заключается в том, что после гласных переднего ряда ä, ö, ü, ə̈, всегда выступают гласные переднего ряда, за заднерядными о, u корня слова в ауслауте следует заднерядный о: ärä'm 'напрас-но', kö'zlək 'сетка-накомарник', kü'kšütüškö 'в высоту', kü'škö 'вверх', šü'rö 'суп', šü'δö'сто', ku'γo 'большой', ko'mδo 'корзина, лукошко', ku'ško 'куда', šorvo'nδo 'грабли', ku'mδukuško 'в ширину', o'ləkəšto 'на лугу'.

Палатальная гармония гласных тесно связана с лабиальной гармонией: гласные уподобляются не только по ряду, но и по огубленности/неогубленности: tö'rəštö 'на ровном месте; на почетном месте (в красном углу)', šö-rəš-kö 'в молоко', šü-kəš-kö 'в мусор', kü'kšütüš 'на высоту', o-lək-əš-to 'на поляне', ku-ru-kuš-to 'на горе', ku-žu-tuš-ko 'в длину', a'rkaške 'на возвышенность', pärδäske' 'на занавеску', eηe'rəšte 'на реке', i'mńəške 'на лошадь', ə'štərəške 'в онучи', ərəmčə'kəške 'в (сладкий) творог'.

В прибельском диалекте, как и в других диалектах восточного наречия, наблюдается действие обратной (регрессивной) гармонии гласных: гласный последующего слога влияет на качество гласного предшествующего слога. Распространяется как на слова исконной лексики, так и на тюркские и русские заимствования: älämönəstäkäj 'что-то такое' из 'ala-mo + nästäkäj', köηγämbäl 'лежанка на печи' из 'koηγa + ümbäl', šärγüj 'галька' из 'šar + küj'. Имеется немало заимствованных слов, где отмечается ä при отсутствии соответствующих условий для регрессивной гармонии: kärävät 'кровать', kärziηγä'корзинка'. Замещение русского а марийским ä в восточных наречиях может быть под влиянием волжско-тюркских языков, где фонетическое освоение большинства лексических заимствований из русского языка почти одинаково с диалектами восточного наречия.

Типичным для диалекта является количественное и качественное чередование гласных. При образовании сложных слов наблюдается такое явление, как выпадение (синкопа) гласных: izəðe'r/i'zðer 'санки' (iz-e 'маленький' + ter 'сани'), kuγγorem 'овраг' (kug-o'большая' + korem 'канава'). В устной речи носителей наблюдается вставка/выпадение гласных в инлауте (čoštəra'/čoštra' 'грубый (о поверхности)', karəs/kars 'соты') и выпадение в ауслауте (erðe'ne/erðe'n 'утром', kaśtene'/kaśte'n 'вечером', ðene'/ðen 'с, у, возле'. К качественным чередованиям гласных относится переход гласных о, ö, е в редуцированный ə (ə) при сочетании с суффиксом или в конце первого компонента сложного слова: iźəka'j 'женское имя Изыкай' (iźe 'маленькая'+akaj 'старшая сестра'), o'žnəśo 'прежний, древний' (ožno 'прежде, раньше' + суф.

śo), ke'čələk 'для дня; на весь день' (keče 'день' + суф. -lək), šü'rələk 'предназначенное для супа' (šürö 'суп' + суф. -lək), təläðä' 'вам' (te 'вы' +суф. датива -lan + лично-притяж. суф. –ða Встречаются случаи изменения качества гласных: šavəlaš/šaulaš'шуметь', śavərnaš / śaurnaš' повернуться' -вследствие выпадения или ослабления позиции согласного v, слог və переходит в неслоговое u, что приводит к появлению дифтонгоидного сочетания au.

Наличие дифтонгоидных сочетаний можно отнести к особенностям прибельского диалекта. В основном они присутствуют в заимствованиях из тюркских языков: saŋgəraɣ 'глухой', sakaɣ 'косноязычный', čaršaɣ 'занавес', saklaɣ 'лес'; äü –igäü 'напильник', buraɣ, puraɣ 'бурав', kanaɣ 'канава' (русское слово, вероятно, было заимствовано через татарский язык). Подобные сочетания Н.Исанбаев определяет как "дифтонги, появившиеся под влиянием татарского языка" (Вопросы марийского языка 1979, 184).

В Дюртюлинском и Илишевском районах традиционно превалирует тюркское население, и поэтому говоры прибельского диалекта восточного наречия марийского языка в данных районах издавна и очень активно подвергались влиянию тюркских языков. Марийцы и татары являются ближайшими соседями, и сейчас нередко в старших классах средних школ дети марийцев и татар обучаются вместе. В Бирском районе татарское влияние несколько слабее из-за более тесных контактов с русскоязычными соседями, этот район традиционно считается русским. В настоящее время, бесспорно, влияние русского языка на все языки России огромно благодаря телекоммуникации.

Поскольку носители прибельского диалекта в течение многих веков взаимодействуют с соседним тюркоязычным (главным образом с татарским) и с русским населением, то в результате длительных контактов в языке марийцев усвоено значительное количество иноязычных заимствований. Контакты с иноязычным окружением привели к многочисленным лексическим заимствованиям, что повлияло и на фонетическую систему диалекта.

Литература:

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. - Москва, 1975.

Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. - Йошкар-Ола, 1969.
Исанбаев Н.И. Некоторые фонетические особенности прибельского говора марийского языка по итогам диалектологической экспедиции 1976 г. // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. - Йошкар-Ола, 1979.
Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч.I: Татарские и башкирские заимствования. - Йошкар-Ола. 1989.
Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. - Йошкар-Ола, 2001.
Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологи. - Ижевск. 1998.
Коведяева Е.И. Кунгурский диалект марийского языка. - Москва - Hamburg. 1991.
Beke Ő. Cseremisz nyelvtan. - Budapest, 1911.
Itkonen E. Zur Geschihte der Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den Permischen Sprachen, FUF, XXXI, 1954.
Современный марийский язык. Фонетика. - Йошкар-Ола. 1960.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Каримова Р.Н., г. Уфа

О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ ДАННЫХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДФОНДА "МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА"

Данная база создается в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации". В сборе и подготовке текстов участвуют сотрудники отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН

В рамках Машинного фонда башкирского языка функционирует диалектологическая база данных [1]. С целью дальнейшей аккумуляции материалов по диалектологии башкирского языка в единое целое, в рамках этого подфонда создается текстологическая база данных. Работа по данной базе данных началась в Институте истории, языка и литературы в 2009 г. В текстологической базе дается интегрированное представление о речи носителей говоров башкирского языка. Здесь представлены образцы устной речи, собранные во время экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. Объемы самих текстов разные: от предложения до нескольких страниц формата А4. Интерфейс базы позволяет производить выбор текстов по следующим лингвистическим и экстралингвистическим параметрам: диалект, говор, год записи информатора, образование информатора, пол информатора, возраст информатора, национальность.

Все параметры, за исключением года записи, выбираются из ниспадающего меню. Год записи пользователь вводит сам. Образование включает следующие поля фиксации: без образования, начальное, неполное среднее, среднее, среднее техническое, высшее.

Возраст информатора задается в виде шкалы лет: 5-10, 11-20, 21-30, 31-40, 41-50, 51-60, 31-70, 71-80, 81-90, 91-100.

Программное обеспечение позволяет производить поиск текстов по любому из 7 параметров или по комбинации этих параметров.

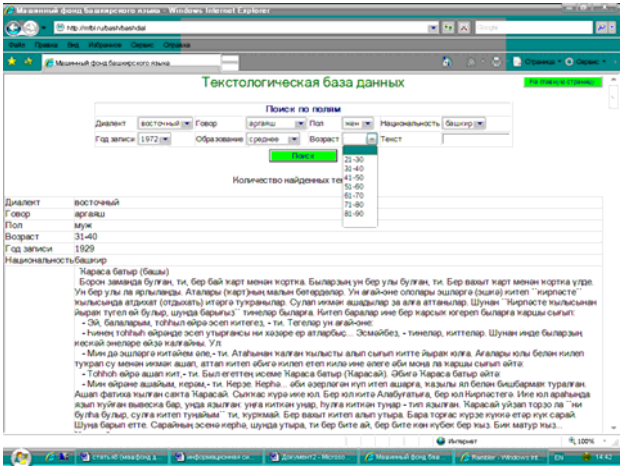


Рис.1 .Интерфейс текстологической базы данных.

Текстологическая база данных позволит быстро выбрать иллюстрационный материал для лингвистических исследований, также явится ценным аппаратом и источником данных для социолингвистических исследований на уровне носителей диалектов. Последнее направление в башкирском языкознании пока остается вообще вне поля зрения лингвистов.

Объем текстологической базы данных на данное время составляет 500 текстов, охватывающих все говоры диалектов башкирского языка. В ближайшее время объем текстологической базы будет значительно увеличен.

База данных может заполняться и редактироваться в удаленном режиме.

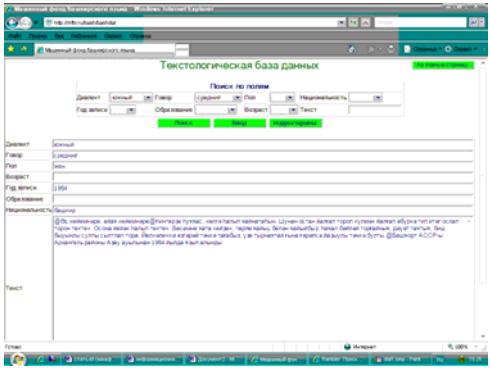


Рис.2. Режим редактирования и заполнения текстологической базы данных.

Литература:

Сиразитдинов З.А. О диалектологической подсистеме Машинного фонда башкирского языка/Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук. Стерлитамак, 2008.

Кәримова Р.Н. Башҡорт һөйләштәренең текстологик электрон корпусы / Урал—Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010.

Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д., Ишмухаметова А.Ш., г. Уфа

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДФОНД МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Диалектологический подфонд Машинного фонда башкирского языка разрабатывался в лаборатории лингвистики и информационные технологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН с 2008 по 2009 гг. [1]. Работа велась в рамках реализации гранта РФФИ №08-06-97004-р_поволжье_а “Разработка диалектологической базы данных машинного фонда башкирского языка”.

Диалектологический подфонд интегрирован в Машинный фонд башкирского языка, над созданием которого сотрудники лаборатории института активно работают в последнее время [1,2,3,4]. Базы данных этого подфонда включают экспедиционные материалы по диалектной лексике, карты распространения изоглосс, иллюстрационные тексты.

На сегодня этот подфонд состоит из трех самостоятельных баз данных: лексическая, картографическая, текстологическая.

Лексическая база имеет следующую структуру:

— диалектное слово
— показатель части речи
— литературный нормативный эквивалент
— русский перевод слова
— дополнительная информация о сфере употребления слова
— диалект
— говор
— пример употребления в речи

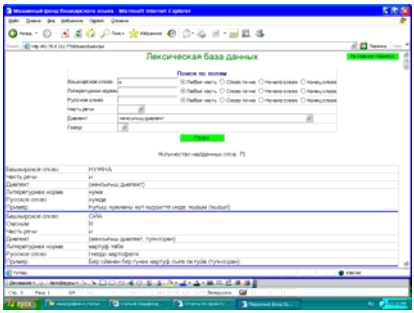


Рис.1. Вид интерфейса лексической базы данных диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка.

По базе данных возможен поиск и выдача результатов по следующим записям: диалектное слово, часть речи, диалект, говор,

литературная норма, русский перевод.

Система позволяет по лексическим записям базы данных (диалектное слово, литературная норма, русский перевод) осуществлять поиск информации в следующих режимах: по точному совпадению слова, по совпадению фрагмента с началом слова, по совпадению фрагмента с концом слова, по совпадению фрагмента с любой частью слова. Сочетание разных записей с разными режимами поиска позволяет получить многообразные выборки из базы данных, отсортированных по замыслам лингвистического эксперимента.

На Рис.2. представлена выдача результата поиска по маске фрагмента “**лы**” с концом слова по записям из базы данных, относящихся к миаскому говору, имеющих пометы части речи как прилагательные.

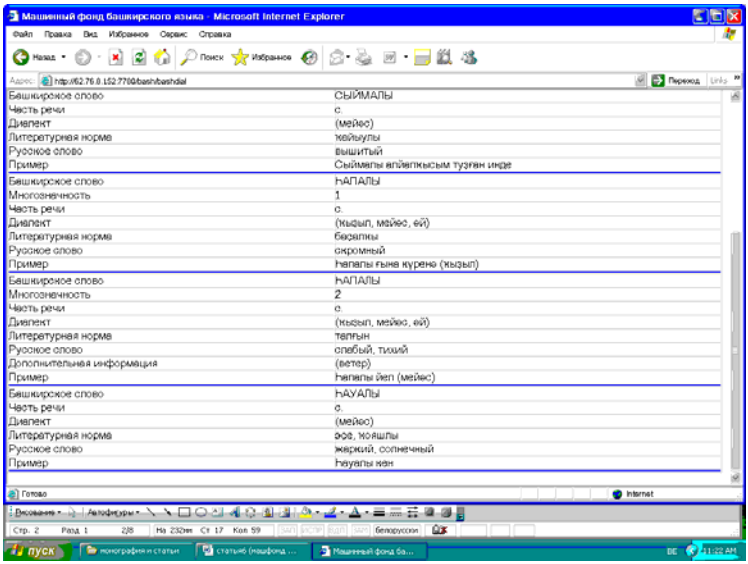


Рис.2. Пример выдачи результата поиска.

База данных диалектологического атласа включает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические явления. Интерфейс состоит из меню 3-х уровней: 1. Меню выбора типа языкового соответствия: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. 2. Меню выбора подтипа языкового соответствия, например для фонетических соответствий: по сонантам и консонантам. 3. Меню выбора конкретного языкового соответствия (в виде конкретного противопоставления лигвистических явлений в разных позициях в опорных словах и конструкциях). На рис. 3

представлена выдача списка населенных пунктов, характеризующих изоглоссы по противопоставлению сонант **а** — **ы** в конечном слоге в опорном слове **саңғы** (**саңға**).

Изоглоссы фонетических явлений выделяются по 250 опорным пунктам, включающим населенные пункты Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской, Самарской, Саратовской, Пермской, Курганской, Свердловской областей, по которым сотрудниками Института истории, языка и литературы были собраны экспедиционные материалы с 1973 г. по 1980 г. [5].

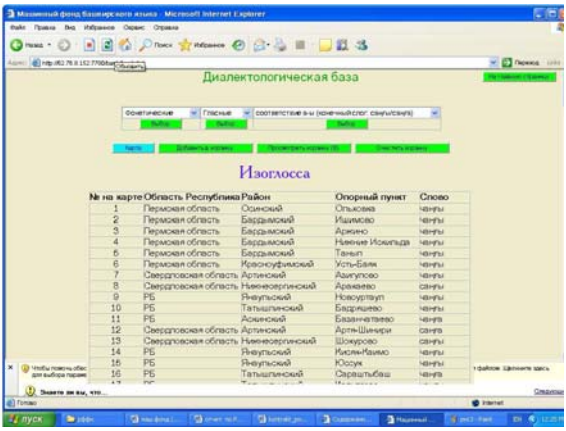


Рис. 3. Выдача списка населенных пунктов, характеризующих данную изоглоссу.

Текстологическая база данных начала создаваться в 2009 г.[10] В этой базе дается интегрированное представление о речи носителей говоров. Здесь представлены образцы устной речи, собранные во время экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. Объемы самих текстов разные: от предложения до нескольких страниц формата А4. Интерфейс базы позволяет производить выбор текстов по многим лингвистическим и экстралингвистическим параметрам.

Объем текстологической базы данных на данное время составляет 500 текстов, охватывающих все говоры диалектов башкирского языка. В ближайшее время объем текстологической базы будет значительно увеличен.

Диалектологический подфонд Машинного фонда с представленными базами данных функционирует в сети Интернет (http://www.mfbl.ru)

Литература:

Сиразитдинов З.А. О диалектологической подсистеме Машинного фонда башкирского языка/Теория и практика башкирского языка и

[10] Данная база создается в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН. В сборе и подготовке текстов участвуют сотрудники отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН.

литературы в свете современных достижений филологических наук. Стерлитамак, 2008. С. 178-182.

Сиразитдинов З.А., И.У.Надергулов О создании Машинного фонда башкирского языка/Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Вып.3, Уфа, 1992.

Сиразитдинов З.А. О подсистеме генеральной картотеки машинного фонда башкирского языка// Гуманитарные науки в Башкортостане. История и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 75 летию ИИЯЛ УНЦ РАН. 16 ноября 2007 г. С. 199-201.

Сиразитдинов З.А. Каталог рукописных книг Машинного фонда башкир-ского языка//Семья и семейные традиции у народов Башкортостана. Уфа 2008. С. 109-114

Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа, Гилем, 2005. 234 с.

Сулейманова Р.А., г. Уфа

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИИ БАШКИР

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ" № 09-04-84407 а/У.

Вариантность в личных именах, являясь отличительной стороной башкирского антропонимикона, до сих пор не нашла всестороннего освещения в языкознании. В современном башкирском именнике очень много имен, которые употребляются в различных фонетичес-ких вариантах. Известно, что фонетические системы русского и баш-кирского языков не соответствуют друг другу. Поэтому в свидетельствах о рождении встречается различное написание одних и тех же имен.

Основная цель настоящей статьи – показать особенности транслитерации имен, рассмотреть некоторые варианты исконно баш-кирских имен, а также имен иноязычного происхождения, попавших в башкирскую языковую среду и подвергшихся фонетическим и графическим изменениям.

Звуки в составе башкирских личных имен	Передаются следующими буквами в русском написании	Примеры	
Ә	*Я* в середине и конце имени после мягкого *л* в мягких основах после буквы *к*	Зилә (Зиля), Нәйлә (Наиля), Гөләндәм (Гуляндам), Йәмилә (Ямиля) Иркә (Иркя), Бикә (Бикя)	
Ә	*А* в начале имени в середине имени	Әхмәт (Ахмет), Әнүәр(Ануар) Әхмәр (Ахмер) Мәхмүт (Махмут)	
Ә	*Е* в середине имени	Ләйсән (Лейсан), Ләйлә	

	буква *ә* после мягкой *л* (если далее следует буква *й*)	(Лейла)	
Ө, О	*У*	Гөлнур (Гульнур), Гөлдәр (Гульдар), Зөлфиә (Зульфия), Рөстәм (Рустем), Морат (Мурат), Солтан (Султан), Мөнир (Мунир),	
Ө, О	*Ю* при сочетании с передней буквой й	Гөлйөзөм (Гульюзум)	
Ү	*У*	Фәнүзә (Фануза), Әнүзә (Ануза), Мәхмүт (Махмут), Рәүф (Рауф)	
Ү	*Ю* в середине после мягкой буквы *л*	Илүзә (Илюза), Гөлүзә (Гулюза)	
Ҡ	*К*	Ҡасим (Касим), Саҙиҡ (Садык)	
Ғ	*Г*	Ғата (Гата), Ғайсар (Гайсар), Ғәфүр (Гафур), Ғәлиә (Галия), Ғәзинур (Газинур)	
Ҙ	*Д*	Иҙел (Идель), Әҙиб (Адип), Ғәҙел (Гадель)	
Ң	*Н*	Таңһылыу (Тансылу), Таңсулпан (Тансулпан), Миңсәлим (Минсалим)	
Һ	*Х* в начале имени в середине имени	Һәҙиә (Хадия), Һиҙиәт (Хидият) Гәүһәр (Гаухар), Зөһрә (Зухра), Таһир (Тахир)	
Һ	*Г*	Загит (Загит), Загир (Загир), Фәһим (Фагим)	
Һ	*С*	Алһыу (Алсу), Таңһылыу (Тансылу)	

Вышеперечисленные имена образованы с помощью специфических звуков башкирского языка. В таких именах различия в написании появляются там, где нужно передать графически на русский язык звуки, соответственно и буквы, которых нет в русском языке. Кроме того, на различное написание влияет также специфика произношения интернациональных имен в разговорной речи, как, например, в именах *Резеда (Резида, Ризида, Разида), Земфира (Зинфира, Зенфира, Зимфира)* и т.д.

Вариантность наблюдается и в таких именах, как *Ринат (Рэнат), Ришат (Решат), Денис (Дэнис), Ирек (Ирик), Венер (Винер — Винир — Венир)* и т.д.

Самое большое количество вариантов создают твердые и мягкие окончания мужских имен: *Вәкил (Вакиль), Вәсил (Василь), Рәмил (Рамиль), Шамил (Шамиль), Рәсүл (Расуль), Йәмил (Ямиль)* и т.д.

В таких именах, как *Илдар, Илдус, Илһам, Илфат, Илшат, Илнур, Илсур,* в русском языке после *л* также пишется мягкий знак.

Варианты возникают и в результате оглушения или озвончения согласных в конце имени*: Ринат (Ринад), Альфред (Альфрет), Рашит (Рашид), Гульназ (Гульнас*) и т.д. Подобное чередование звонких и глухих согласных наблюдается и в середине имени, например, *Радмир (Ратмир), Фаргат (Фархат)* и т.д.

Варианты имен появляются в результате их фонетического освоения.

Также наблюдается написание совершенно другой буквы вместо необходимой по транскрипции*: Ильмир (Эльмир), Ринат (Ринарт), Эльвир (Альвир)* и т.д. Объяснить каким-либо грамматическим законом такое написание невозможно. Вероятно, требуется большая внимательность при оформлении документов.

Таким образом, в именнике башкир существует значительное количество имен, образованных в результате фонетической вариантности, которая появилась в ходе развития языка, и чем больше взаимосвязь с другими языковыми системами, тем чаще наблюдается рост вариантности антропонимов.

Султангареева Р.А., г. Уфа

ОБРЯДОВОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО (МЕТАФОРИЧНОСТЬ, СИМВОЛИКА, РЕАЛИИ)

Язык обрядовой поэзии – национальный фонд в изучении особенностей и специфики национального образа мысли, психологии и ментальности. Соединенные в комплексе различные компоненты: атрибутика, действа, верования, напевы – образуют практическую сложную модель, слово в котором проводит функции не только комментирования, но и символизации сознания, жизненной идеоло-гии народа. Зачастую слово в обрядовом контексте всегда мета-форично, образно иллюстрирует движение мысли. На фоне известных понятий, ряда слов возникают выражения, позволяющие глубже понять представления, философию, дух народа.

В благопожеланиях невесте ”Тығыҙ бешкән икмәктәй бергә йәшәгеҙ, тиң булығыҙ!” – “Будьте как новоиспеченный хлеб. И живите дружно! Равными будьте друг другу!” Замысел назидания эффективно действует на слушателя: образ целостной драгоценной пищи – хлеба на подсознательном уровне закрепляет брачные узы: так облик (идеальной) чело-

века приближается к пище, для создания которой требуется много усилий, знаний, любви, умения, соблюдения древних традиций и также собственная импровизация.

Метафоричное слово приобретает в обрядовой поэзии новые акценты, не обнаруживающие в профанной речи. Невестке желают: “Йомортҡалай аҡ бул, Ағын һыуҙай пак бул! Һайыҫҡандай һаҡ бул! Минең һымаҡ сираҡ бул!” – “Будь белее яйца, чище воды текучей, осторожнее сороки трескучей! Будь, как я, крепка!” (сираҡ – досл. крученая нить) (БНТ, 2010).

Включая человека в триединый мир (вода, небо, земля), обрядовое (магическое) слово санкционирует обязанности достойной невестки в доме свекрови (“будь, как я!”).

Жизнесмысловые силы, действующие в природе (яйцо – символ начала жизни, текучая вода, птица – представитель небесной и земной сфер) выстраиваются в семантическом ряду для наиболее убедительной санкции статуса невестки и обозначения её обязанностей. Эта художественная модель проводит идеи красоты, жизненной устойчивости и применяется во всех жанрах обрядового фольклора. Популярно пожелание “белой дороги” (Аҡ юл). Только человек, имеющий благие намерения, цели, чистую душу и совесть, может прожить жизнь, олицетворением которой является и мифическая, и реальная, и доступная сфера – дорога. Пожелание кратко и лаконично передает идеи духовного роста и необходимого нравственного совершенствования личности и светлой будущности.

Образ Мирового древа жизни участвует во всех жанрах олицетворением вечного бытия, жизненной силы, продолжения рода. В благопожеланиях супругам говорится: “Имәндәй муртайып, Ҡайындай ҡартайып, Тигеҙ ғүмер итегеҙ!” (Живите вместе, Как березы, состарьтесь, Словно дуб, сгиньте (“муртайыу” означает сгнить в воде) (БНТ, 2010).

Кажущийся парадокс (сгинуть, как дуб), имеющий негативный оттенок, в контексте пожелания молодым раскрывается иначе. Сравнение применяется для передачи идей долгой и полезной жизни, за которую дуб осваивает много воды (источник жизни, силы), а значит, и обеспечивает устойчивую, благополучную и многолетнюю бытность.

Триада мира: земля – небо – человек, таким образом, присутствует во всех благопожеланиях, присказках, обнаруживая особенности национального мировидения и поэтизации. Справедливо мнение о том, что “в метафорах наиболее глубоко выражает себя дух народа, они вернее всего передают разницу в мышлении и чувствовании рас и племен” (Потебня, 1990, с. 203). На фоне знакомых явлений и сфер жизнь человека преподносится как природное явление с прекрасным надежным будущим и традиционно акцентируется позитив: “будь опорой мужу”, “пусть будет много детей”, “гостей принимай с солнечным ликом!”, “котел пусть будет полный!”, “доля воды твоей пусть много будет!” и т.д.

Идеи благополучной жизни в фольклоре народов едины, типологичны, но однако различны образы, мотивы и стиль передачи. В калмыцких йорол-благопожеланиях: “Невестка, вошедшая в наш дом, поклоняясь, просит благополучия, чтобы жила она в новом доме в счастье и благоденствии!” Или: “Пусть у нее будет крепкая и дружная семья!” (Борджанова, 2007, с. 349).

Всесильный природный мир, участвующий в благопожеланиях, также актуализирует их исполнение. В алтайских пожеланиях наблюда-ются наиболее близкие аналогии и мотивы в передаче напутствий невестке: “Пусть дети будут дружны, как пчелы!” (Тадина, 1995, с. 133)

Примечателен созерцательный и психологический тип мышления башкира, позволяющий сотворить слово, единовременно обобщающее и передающее и признак, и качество, и функции, и свойства: “Ҡабағандан ҡаптырма, Тибәгәндән типтермә!” (Кусачим не будь укушенной, Лягающим не будь побежденной (досл.: лягнутой) (БНТ, 2010).

Семантическую, функционально ярко выраженную параллель с этими пожеланиями обнаруживают и алтайские приговоры:

“Пусть языкастым не будь оскорблена,

Пусть плечистым не будь поборена!” (Тадина, 1990, с. 135)

В башкирском пожелании слова “лягающий”, “кусачий” обобщают понятия злостные, коварные существа, также и людей, явления природы.

Этикет, избирательность слов и точность в передаче идей, понятий, наблюдаемые в обрядовой поэзии, акцентируют “поэтический инстинкт” (Парандовский, 1982, с. 160), в сакральном фольклоре сохранившем свои яркие проявления.

В алтайских приговорах “языкастый” имеет семантический подтекст “любящий сплетничать, клеветать, злословить”, а “плечистый” обобщает понятия “сильный, напористый”. Так, метафорическое словотворчество обнаруживает поэтические, психологические особенности, художественно-эстетические нормативы творчества народа.

В свадебной поэзии ярко и четко обнаруживаются следы принадлежности к определенной культуре, обычаям, этикету. “Затоскуешь – зови воду, дитя мое. Запечалишься – зови гору, дитя мое!” (отражаются природопоклонческие взгляды); “Пусть кумыс пенится и всегда будет хорошо взбитым (бешкәкле)” (хозяйственные, трудовые особенности); “Пусть деревнями сидять твои дети (Ырыу-ырыу балаларың ауыл-ауыл ултырһын!)” (культ родословной и многодетной семьи); “Вперед мужа в постель не ложись” (этикет почитания мужа) и т.д. (БНТ 2010).

Благопожелания, приговоры, песни, заговоры свадебной поэзии как и весь обрядовый фольклор, закрепили и мифологические, и хозяйственно-бытовые, и ментальные стереотипы, отражающие особенности не только осознания человеком мира, но и модели, способы гармоничного проживания в нем.

Обрядовая словесность как живой образец архаики и современности свидетельствует о длительном процессе развития языка, речи, ритуальных

практик. Сохранившиеся в обрядовом фольклоре словесные формулы, близкие к фразеологическим, позволяют выявить архетипы, эталоны, многовековые словотворческие установки народа.

Обрядовое слово, применяемое всегда в меру и строго по месту, времени, способу исполнения, есть яркий фрагмент картины мира. Фольклоризованный обрядовый мир соединяет прошлое, настоящее, охватывает бесспорный опыт переживаний и жизнедеятельности предыдущих поколений (снохи, свекровь желают добра невестке на основе прожитого!). В этой связи проецируются некие архетипические прототипные ситуации, материальные свидетельства и реальные события, которые в процессе передачи переосмысливаются и формируются в образы – всеобъемлющие, точные, яркие и действенные. Так, в причитаниях невесты: “Ой, каменный кумган. Вода в нем не греется”; или “Повесив такию на дерево, плачет, изливается девушка: “Не усаживай меня на телегу, брат мой!” В текстах прочитываются мотивы каменного века, ритуалы (реалии) прощания и “оставления” девичества в поле, обряд усаживания невесты на телегу и т.д. Так обеспечивается содержательная и информативная внутренняя форма словесных текстов, близких к фразеологизмам, идеи и сюжеты, позволяющие относить эти произведения к культурному наследству и достоянию языкового творчества. Составляющую часть духовной жизни башкир – обрядовый язык необходимо изучать с точки зрения семантики, мифологем, психоментальных особенностей, структурных языковых канонов и т.д.

Литература:

Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост.авт. вступ.статьи и коммент. Р.А. Султангареева, А.М. Сулейманов.- Уфа: Китап, 2010.- 570 с.

Борджанова Т. Обрядовая поэзия калмыков.- Элиста, 2007.

Башҡорт теле һүҙлеге. Т. 1..- Өфө, 1991.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика.- М., 1990.

Парандовский Я.А. Алхимия слова.- М. 1982.

Суфьянова Н. Ф., г. Уфа

У. М. ЯРУЛЛИНА – ЛЕКСИКОГРАФ И ДИАЛЕКТОЛОГ

Урия Мухаметовна Яруллина родилась 1928 году в Салаватском районе д. Миндеш. После окончания Башкирского государстенного педагогического института имени К. А. Тимирязева (ныне Башкирский государственный университет) работала учительницей в Белорецком районе и в Оренбургской области. С 1952 по 1989 год – научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Она и диалектолог и лексикограф. Исследование вела под руководством Касима Закировича Ахмерова “Демский говор башкирского языка”, но ей всю жизнь пришлось работать в области лексикографии. Так она оказалась между двух огней. Как лексикограф участвовала при составлении больших академических словарей: “Башкирско-русский словарь” (Уфа, 1958; М. 1996), “Русско-башкирский словарь” (Уфа, 1964), а в

двухтомном Толковом словаре башкирского языка (М. 1993) была не только составителем, но и редактором. Несмотря на это Урия Мухаметовна осталась верной своей теме по диалектологии: выезжала в научные командировки, экспедиции по сбору материала. Написала много статей и выступала на научных конференциях о языковых особенностях демского говора башкирского языка. В соавторстве с Н. Х. Максютовой выпустили работу “Из наблюдений над башкирскими говорами” (Уфа, 1963). В книге “Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках” (Баку, 1969) у нее вышла статья «К изучению категории наклонения глаголов в башкирских диалектах (на материале демского говора)», где автор описывает характерные отличительные черты демского говора в формах глагола. В статье “Некоторые лексические особенности говора демских башкир”, которая напечатана в сборнике “Башкирская лексика” (Уфа, 1966), Урия Мухаметовна делает обзор отраслевой лексики демского говора, останавливается своеобразной лексики ткачества, рыболовства, пчеловодства, скотоводства, строительства, охоты и звероловства, ботанических и зоологических терминах. Она считает, что одним из интересных особенностей говора являются заимствования из других языков и их фонетические изменения в произношении. Уделяет внимание на фразеологию, так как она является “неотъемлемой частью лексики любого языка, художественным богатством и украшением его являются пословицы и поговорки” [Яруллина, Уфа, 1966].

В настоящее время У. М. Яруллина находится на заслуженном отдыхе, но все еще занимается своей любимой темой. 2009 году она выпустила по собранным во время научных командировок и экспедиций лексическим материалам монографию “Лексика демского говора”. В первой главе автор дает тематичесую характеристику лексики демского говора по функционированию. А вторая глава посвящена структурной и семантической характеристике лексики демского говора. Анализируя лексические пласты с точки зрения происхождения она делает вывод, что “основу словарного состава говора составляют тюркские и собственно башкирские по происхождению слова. Определенное число диалектизмов носит общетюркский характер, имеется пласт тюрко-монгольских параллелей, есть единицы, восходящие к древнетюркским основам, зафиксирована так же лексика, имеющая соответствия с финно-угорскими языками. Особый пласт составляют заимствования из арабского, персидского и русского языков [Яруллина, 2009].

В работе исследуются не только лексические, но и фонетические и морфологические особенности говора: лексико-фонетические и лексико-морфологические варианты.

Урия Мухаметовна Яруллина работала в Институте истории, языка и литературы около сорока лет научным и старшим научным сотрудником. За плодотворную, добросовестную работу два раза была награждена

Почетной Грамотой Президиума Верховного совета Башкирской АССР (1976, 1983), является Заслуженным работником культуры Республики Башкортостан.

Литература:

Яруллина У. М. Некоторые лексические особенности говора демских башкир. В кн. Башкирская лексика. – Уфа. 1966. с. 146.

Яруллина У. М. Лексика демского говора. – Уфа. 2009. с. 124.

Сәъәзиева Ф.Х., Бүздәк районы

ДИМ ҺӨЙЛӘШЕ ШАРТТАРЫНДА БАШҠОРТ ТЕЛЕН УҠЫТЫУ

Беҙ йәшәгән Бүздәк районы Ҡаңлы-Төркәй ауылы көньяҡ диалектҡа, Дим һөйләшенә ҡарай. Һөйләш таралған территория һәм уның сиге ***ҫ*** өнөн ҡулланыу менән билдәләнелә. Был уҡыусыларҙың телмәрендә бик нык ҡулланыла, мәҫәлән: *һалам-ҫалам, һин-ҫин, һыйыр-ҫыйыр, һарыҡ-ҫарыҡ, туҡһан-туҡҫан* һ. б.

Диалект шарттарында әҙәби телгә өйрәтеү башҡорт теле методикаһының әлегәсә эшләнмәгән актуаль мәсьәләләренең береһе булып ҡала. Ерле һөйләш, диалект үҙенсәлектәре телмәрҙә ныҡлы урын биләй, һөҙөмтәлә уҡыусыларҙың телмәре әҙәби тел нормаларына яуап биреп етмәй әле, уҡыусыларҙың һәм хатта уҡытыусыларҙың телмәрендә диалект хаталар күҙәтелә. Уҡыусыларҙың һөйләү һәм яҙыу телмәрендәге күпселек орфоэпик һәм орфографик хаталар ерле һөйләштең көслө йоғонтоһо аҫҡаһында барлыҡҡа килә. Мәктәптә әҙәби тел солғанышы булдырылһа ғына уҡыусыларҙы дөрөҫ һөйләргә һәм яҙырға өйрәтергә мөмкин. Шуға күрә мәктәптә уҡытыу-тәрбиә эштәре ниндәй телдә алып барылһа, шул телдә дөрөҫ һөйләү һәм яҙыу, уҡыусыларға әҙәби тел ҡанундарына ярашлы үрнәк биреү бөтә фән уҡытыусыларының, бөтә педагогик коллективтың төп бурысы ул.

Башҡорт теле һәм әҙәбиәте дәрестәрендә башҡорт теленең диалекттарын һәм һөйләштәрен ентекле өйрәнеү, уларҙың әҙәби тел менән уртаҡ һәм айырмалы яҡтарын дәрестәрҙә иҫәпкә алыу уҡыусыларҙың телмәр культураһын үҫтереүҙә мөһим роль уйнаясаҡ.

Балаларҙы әҙәби телдә дөрөҫ һөйләргә һәм яҙырға өйрәтеү уларҙың телмәр культураһын тәрбиәләү һәм артабан камиллаштырыу эштәренән башлана. Был эштәр тел һәм әҙәбиәт дәрестәрендә эҙмә-эҙлекле алып барылырға тейеш.

Беҙҙең мәктәптә күрше Таллыҡул ауылы балалары уҡый. Был ауыл кешеләренең һөйләше беҙҙең телмәрҙән айырылып тора Дим һөйләшенә ҡараған һүҙҙәрҙә лә даими рәүештә икенсе бер өн-хәрефтәрҙе ҡулланыуға ҡайтып ҡала. Улар күберәк h, ҫ өндәре урынына с, з. ҙ өнө, с өнө урынына ш өнө ҡулланалар һәм инша, диктант, изложениелар яҙғанда ла шул хаталарҙы ебәрәләр: *һин-син, һеҙ-сеҙ, һыуҙары-сыуҙары, сисәм-шишәм, һүнмәҫ-сүнмәҫ, һимеҙ-симеҙ.*

Шулай уҡ уҡыусылар күплек ялғауҙарында ла бик күп хаталар ебәрәләр: аттар-атлар, эттәр-этләр, бесәйҙәр-бесәйләр һ. б.

Ни сәбәпле балаларҙың телмәрендә диалект хаталар барлыҡҡа килә һуң. Иң беренсе балалар баҡсаһында баланың телмәрен формалаштырыу һәм үҫтереү, башҡа бөтә тәрбиәүи эштәр башҡорт телендә алып барылмау.

Балалар баҡсаһынан һуң башланғыс класта уҡығанда, һөйләгәндә һәм яҙғанда барлыҡҡа килгән диалект хаталарҙы даими төҙәтә барыуға иғтибар бирелмәй.

Шулай уҡ дәрестәрҙән һуң уҡыусыларҙың өйҙә ата-әсәләре менән ерле һөйләш мөхитендә аралашыуы ла әҙәби телде өйрәнеүҙә ҡыйынлыҡ тыуҙыра. Башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы алдында уҡыусыларҙың телмәрендәге диалект хаталарҙы алдан күрә белеү, иҫкәртеү һәм уларҙы бөтөрөү бурысы тора. Быныҡ өсөн һәр дәрестә, һәр теманы үткәндә системалы, эҙмә-эҙлекле эшләү кәрәк.

Ерле һөйләш, диалект шарттарында әҙәби тел нормаларына өйрәтеү буйынса эш, нигеҙҙә, дөйөм методиканың принциптарына, методтарына һәм алымдарына таянып алып барыла.

Күсәгилешлелек принцибына нигеҙләнеп, диалект шарттарында башҡорт телен уҡытыу буйынса башланғыс кластарҙа өҫтөнлөк алған һәм тамам нығынған алымдарҙың ҡайһы берҙәрен 5-9 кластарҙа ла, бигерәк тә 5-6 кластарҙа ҡулланыу яҡшы һөҙөмтәләр бирергә мөмкин.

Башҡорт теле һәм әҙәбиәте дәрестәрендә диалект шарттарында түбәндәге эш төрҙәрен башҡарам:

— фонетика бүлеген өйрәнгәндә өндәрҙең яһалыу юлдарын, яһалыу урынын аңлатам, телмәр органдары эшмәкәрлеге менән таныштырам, һәр бер өндө ҡабат-ҡабат әйттерәм,

— хор менән, сылбыр алымы менән уҡыуҙы ойошторам,

— уҡыусыларҙың телмәрен дәрестә лә, тәнәфестә лә даими күҙәтәм, телмәрҙәрен төҙәтәм, әҙәби телдә һөйләүҙәрен талап итәм. Шулай уҡ дәрестә уҡыусыларға диалект хаталы булған текстарҙы редакторларға, төҙәтергә ҡушам.

Мәктәп дәреслектәренең теле менән ерле һөйләштәр араһындағы лексик айырмалыҡтарҙан сығып, дәрестәрҙе дөрөҫ ойоштороу өсөн беҙгә, уҡытыусыларға, һәр дәрестә, һәр сарала диалект хаталары китергә мөмкин булған өн-хәрефкә, һәр формаға, һәр һүҙгә иғтибарҙы бермә-бер арттырырға кәрәк. Шулай балаларҙың һүҙлек запасын яңынан-яңы төшөнсәләр менән байытыу уларҙың күңелендә яңы донъя асыу тигән һүҙ.

Сәйәхова С.Г., Бөрйән районы

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШҠОРТ ТЕЛЕНӘ ӨЙРӘТЕҮ

Һәр уҡытыусы, уҡыусыларҙың телмәрендәге диалект хаталарын ентекләп өйрәнеп, башҡорт теленең «Фонетика, графика һәм орфография» бүлеге буйынса үтелә торған материалдарҙы үҙенсә

планлаштырырға, сәғәттәргә бүлергә мөмкин. Уҡыусыларҙың телмәрендәге диалект хаталарҙың кимәленә ҡарап, ҡайһы бер бүлектәрҙе, темаларҙы өйрәнеү өсөн бүленгән сәғәттәр һанын арттырырға йәки кәметергә була. Ерле һөйләштең фонетикаһына нигеҙләнгән орфоэпик һәм орфографикхаталарҙы иҫкәртеүҙә, артабан төҙәтеүҙә бөгөнгө уҡытыусының ҡулында материал етерлек. Бының өсөн дәреслектәрҙе, һәр класҡа тәғәйенләнгән махсус дидактик материалдарҙы, диктанттар һәм изложениелар йыйынтыҡтарын, фонояҙмаларҙы, таблицаларҙы, орфографик, аңлатмалы, синоним, омоним, фразеологик һүҙлектәрҙе, ҡыҙыҡлы грамматика буйынса сығарылған һәм башҡа ҡулланмаларҙы файҙаланырға мөмкин.

«Фонетика, графика һәм орфография» бүлеге буйынса тәүге дәрестәрҙән үк әҙәби телдең дөрөҫ әйтелеш һәм дөрөҫ яҙылыш нормаларына уҡыусыларҙы бер юлы өйрәтә башлау үҙен аҡлаясаҡ. Бала өндө (хәрефте) —ижекте — һүҙҙе — һүҙбәйләнеште — һөйләмде орфоэпик һәм орфографик нормаларға ярашлы дөрөҫ әйтергә һәм яҙырға бер юлы өйрәнә, күнегә барырға тейеш.

Уҡытыусыға уҡыусыларҙың үҙ аллы танып белеү күнекмәләрен, ижади фекерләүен үҫтереүсе төрлө күнегеүҙәр үткәреү өсөн өҫтәмә материалдар тупларға, орфоэпик карточкалар, орфоэпик схема-таблицалар, фонетик, морфологик, лексик таблицалар, киҫмә хәрефтәр әҙерләргә һәм дәрестәрҙә файҙаланырға, диалект ерлегендә барлыҡҡа килгән телмәр хаталарының үҙенсәлегенә ҡарап эш алымдарын асыҡларға тура килә.

Диалект шарттарында уҡыусыларҙы әҙәби тел нормаларына өйрәтеүҙә, уларҙың һөйләү һәм яҙыу телмәрен үҫтереүҙә билдәле бер тема буйынса телдән йәки яҙма рәүештә ярышҡа ҡоролған инша һөйләтеү йәки яҙҙырыу мөһим алымдарҙан һанала. Бындай иншалар йыл миҙгелдәре, берәй урынға экскурсияға барғанда килеп тыуған тәүге тойғолар, тәбиғәттә күҙәткәндән һуң барлыҡҡа килгән кисерештәр, йә булмаһа конкрет берәй предметты һүрәтләү, ҡыҙыҡлы осрашыуҙарҙы тасуирлау тураһында булырға мөмкин. Шулай уҡ ундай иншалар рәтенә берәй әҙәби геройға, иптәшенә, яратҡан яҙыусыһа характеристика биреүҙе лә индереп була. Һуғыш һәм хеҙмәт ветерандарының ҡаһарманлығын, ауыл йәки колхоз тормошоноң үткәнен, бөгөнгөһөн, киләсәген һүрәтләүгә арналған инша-дарға ла иғтибарҙы йүнәлтергә кәрәк.

Уҡыусыларҙың һөйләү телмәрендәге хаталарҙы ваҡытында төҙәтеп бармаһаң, улар яҙыу телмәренә күсә, сөнки бала һүҙҙе нисек әйтергә күнекһә, шулай яҙырға ла тырыша. Шуға күрә, мөмкин булғанда, һәр дәрес һайын тиерлек һүҙлек эшенә иғтибар бирергә кәрәк.

Диалект шарттарында уҡыусыларҙы башҡорт әҙәби теленең

нормаларына ярашлы уҡырға, һөйләргә, яҙырға өйрәтеү, уларҙың бәйләнешле телмәрен үҫтереү, балаларға әҙәби текстарҙы, күнегеү өсөн тәкдим ителгән һәр өҙөктө, һәр һөйләмде тасуири уҡыу күнекмәләрен биреү һәр уҡытыусының изге бурысы.

Әҙәбиәт:

5-9 кластарҙа башҡорт телен уҡытыу методикаһы, Р.Ф.Аҙнағолов редакцияһында. - Өфө, «Китап», 1996.

Ерле һөйләм шарттарында башҡорт теленә өйрәнеү методикаһы, Р.Ф.Аҙнағолов. - Өфө, 2006;

Тамбовцев Ю.А., г. Новосибирск

РАЗДЕЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ДИАЛЕКТЫ И ЯЗЫКИ ПО ДАННЫМ ФОНОСТАТИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Мы выработали метод определения расстояний между лингвистическими объектами на фонетическом уровне. Данный метод позволяет вычислять расстояния между звуковыми оболочками языков, под которыми мы понимаем сумму звуковых цепочек, т.е. звуковую картину, которую создает язык в процессе коммуникации. Далее доказательством по аналогии [Тамбовцев 2010] можно будет определять, является ли какой-нибудь лингвистический объект отдельным языком или это диалект какого-то языка. Это будет зависеть от того порогового значения расстояния, которое мы выберем на основании уже известных данных, например, расстояние между русским и украинским языком. Это расстояние будет называться “эталоном” [Тамбовцев 2009-а].

Типологические расстояния между некоторыми тюркскими и финно-угорскими языками и диалектами измерялись при помощи критерия “Хи-квадрат” на основе величины частоты встречаемости 9 групп фонем в звуковых цепочках этих языков [Tambovtsev 2008].

В качестве признаков для вычисления сходства звуковой цепочки были выбраны такие, которые полностью характеризуют звуковую картину языка. По работе активного органа речепроизводства (т.е. месту образования): 1) губные; 2) переднеязычные; 3) среднеязычные; 4) гуттуральные. По характеру шумообразующей преграды можно выделить: 5) сонорные; 6) смычные; 7) щелевые. По работе голосовых связок выделяются 8) звонкие шумные. Еще одним признаком служит 9) частота встречаемости гласных.

Можно обсудить несколько языковых объектов из разных языковых семей, статус которых до сих пор окончательно не решен. В качестве примера нерешенности вопроса о статусе языкового объекта в тюркской языковой семье можно привести алтайский язык, имеющий множество диалектов, которые сильно отличаются друг от друга. Традиционно южно-алтайский (алтай-кижи) и северно-алтайские языки (кумандинский, телеутский и др.)

считались одним языком – алтайским. Однако в последнее время специалисты по алтайскому языку все чаще высказывают мнение, что алтай-кижи, кумандинский, телеутский, челканский и тубаларский являются разными языками. Ситуацию усложняет то, что до сих пор нет достаточных оснований считать их ни отдельными языками, ни диалектами одного языка. Наши исследования с применением информационных технологий помогут принять окончательное решение об их статусе.

Также в тюркологии до конца не решен вопрос о статусе языка долган, который до сих пор квалифицируется в тюркологической литературе то как отдельный язык, то как диалект якутского языка. Известные тюркологи В.М. Наделяев и Е.И. Убрятова считают долганский язык диалектом якутского языка. Они неоднократно подчеркивали, что совокупность объективных лингвистических, функциональных и социальных факторов позволяет считать язык долган самостоятельным языком, отличным от якутского. Результаты, полученные нами с помощью методов фонологической статистики, подтверждают правомерность данного утверждения. При трактовке полученных данных мы исходили из постулата о том, что, если русский и украинский признаются самостоятельными языками (ТМВ=3,90), то лингвистические объекты, расстояние между которыми по коэффициенту ТМВ превышает этот пороговый показатель, безусловно, должны квалифицироваться как имеющие статус отдельных языков. Именно поэтому с фоно-типологическим эталоном (3,90) следует сравнить некоторые тюркские языковые объекты. Типологическое расстояние между татарским (казанским) и крымско-татарским (3,16) меньше значения эталона. Из этого следует, что их нужно признать диалектами одного языка. Определенные выводы можно сделать и в отношении следующих тюркских языковых объектов. Значение их фоно-типологических расстояний значительно больше эталона: Алтайский-Телеутский – Алтайский-Челканский (6,71); Алтайский (Шорский) – Алтайский (Челканский) — 7,39; Татарский (Казанский) – Татарский (Чулымский) — (7,58); Алтай-кижи – Киргизский (8,79); Татарский (Казанский) – Татарский-Барабинский (9,48); Алтай-кижи – Алтайский-Чалканский (9,48); Алтай-кижи – Алтайский-Телеутский (12,66); Татарский (Казанский) – Башкирский (14,18); Алтайский-Кумандинский – Алтайский-Телеутский (16,29); Алтай-кижи – Алтайский-Шорский (18,69). На основании величины фоно-типологического расстояния следует опровергнуть гипотезу о типологической близости алтай-кижи и древнетюркского (18,02) языка.

Проблема «диалект – отдельный язык» существует также в финно-угорских языках [Тамбовцев 2005]. Сравнение звуковых

картин эрзя-мордовского и мокша-мордовского языков показало наличие некоторых расхождений их звуковых цепей по критерию хи-квадрат – величина их коэффициента ТМВ больше единицы (ТМВ=1,59). Тем не менее, из этого нельзя сделать вывод, что звуковые картины этих языков сильно различаются. Сравнение с эталонным значением (3,90) не дает оснований для трактовки эрзя-мордовского и мокша-мордовского лингвистических образований в качестве самостоятельных языков. Звуковые картины мокша-мордовского и эрзя-мордовского языков намного более сходны с типологической точки зрения, чем звуковые картины восточнославянских языков, которые нами взяты в качестве эталона близости. Из этого можно сделать вывод, что эрзя-мордовский и мокша-мордовский, несомненно, следует рассматривать в статусе диалектов. В последнее время горно-марийский и лугово-марийский лингвистические объекты считаются отдельными языками. По нашим данным, этому есть все основания, потому что фоно-типологическое расстояние между ними значительно превышает эталон и составляет 17,27. На том же основании тихвинский, ливвиковский и людиковский диалекты карельского языка следует признать отдельными языками [Tambovtsev 1992], так как фоно-типологическое расстояние между карельским-тихвинским и карельским-ливвиковским равно 18,24, а между карельским-тихвинским и карельским-людиковским составило 58,77. Достаточно далеко расположены друг от друга северный и кондинский диалекты мансийского языка (19,58), поэтому их нужно считать отдельными языками [Tambovtsev 1998]. Еще больше различаются северный (казымский) и восточный диалекты хантыйского языка (98,44). За ними нельзя оставлять статус диалектов, а следует признать отдельными языками. Мы установили, что эстонский язык и его южный диалект (выро) должны быть признаны отдельными языками [Тамбовцев 2009-б].

Предлагаемый нами метод исследования близости лингвистических объектов (языков или диалектов), основанный на использовании информационных технологий, позволяет делать выводы о близости языков на основании фоно-типологических расстояний между ними [Тамбовцев 2002]. Если русский, украинский, белорусский, эстонский, водский, монгольский, бурятский, чешский и словацкий признаются лингвистами самостоятельными языками, то есть все основания для внесения поправок в классификацию некоторых тюркских и финно-угорских диалектов. Тихвинский, ливвиковский и людиковский диалекты карельского языка следует квалифицировать в статусе отдельных – хотя и близкородственных – языков, но никак не диалектов [Tambovtsev 1984]. Литературный алтайский язык (алтай-кижи)

ближе к киргизскому, чем к своим диалектам. Из этого следует, что диалекты алтайского языка нужно считать отдельными языками. Якутский и долганский, несомненно, являются самостоятельными языками. К сожалению, до сих пор такие разные лингвистические объекты, как северный и кондинский диалекты мансийского языка, в лингвистической литературе фиксируются в качестве диалектов, что совершенно нелогично: точнее было бы северный и кондинский диалекты мансийского, а также казымский и восточный диалекты хантыйского тоже признать самостоятельными языками. Это же касается барабинского и чулымского лингвистических объектов, до настоящего времени рассматриваемых некоторыми языковедами в статусе диалектов татарского языка.

Фоно-типологическое расстояние между некоторыми языками и диалектами по коэффициенту TMB [Тамбовцев 2003]:

1)Эрзя-мордовский – Мокша-мордовский (1,59); 2)Татарский (Казанский) – Крымско-Татарский (3,16); 3)Русский – Украинский 3,90; 4)Эстонский – Водский (4,87); 5)Русский – Белорусский (5,49); 6)Монгольский – Бурятский (5,75); 7)Чешский – Словацкий (6,00); 8)Алтайский-Телеутский – Алтайский-Челканский (6,71); Алтайский (Шорский) – Алтайский (Челканский) — 7,39; Татарский (Казанский) – Татарский (Чулымский) — (7,58); Алтай-кижи – Киргизский (8,79); Татарский (Казанский) – Татарский-Барабинский (9,48); Алтай-кижи – Алтайский-Чалканский (9,48); Алтай-кижи – Алтайский-Телеутский (12,66); Татарский (Казанский) – Башкирский (14,18); Алтайский-Кумандинский – Алтайский-Телеутский (16,29); Алтай-кижи – Алтайский-Шорский (18, 69); Якутский – Долганский (23,33).

Литература:

Тамбовцев Ю. А. 2002, Лингвистическая таксономия: компактность языковых подгрупп, групп и семей. – Baltistica 37 1, с. 131–161.

Тамбовцев Ю. А. 2003, Типология функционирования фонем в звуковой цепочке индоевропейских, палеоазиатских, урало-алтайских и других языков мира: компактность подгрупп, групп, семей и других языковых таксонов, Новосибирск: Сибирский Независимый Институт.

Тамбовцев Ю. А. 2005, Классификация языков на основе новых методов определения межъязыковых расстояний (на примере языков самодийской и финно-угорской семей). – FU 27, с. 122–140.

Тамбовцев Ю. А. 2009-а, Численное моделирование типологической схожести языков в некоторых языковых таксонах. - Acta Linguistica, № 2, 2009, с.37 — 48.

Тамбовцев Ю. А. 2009-б, Эстонский и выро: два отдельных языка или два диалекта одного языка? - Fenno-Ugristica, № 28, (Tartu, Estonia), с. 86 - 92.

Тамбовцев Ю. А. 2010, Эвфония звуковой цепочки языка. - Сибирский Филологический Журнал, 2010, № 1, с. 108 — 115.

Tambovtsev Yuri A. 1984, Phoneme Frequency and Closeness Quotient: Establishing Relationship Degrees by Phonostatistics. – Ural-Altaic Yearbook 56, с. 103–119.

Tambovtsev Yuri A. 1988, The Linguistic Distances Among Some Languages of Asia. - The Study of Sounds 22, (Tokyo), December, p.17–34.

Tambovtsev Yuri 1992, Phonostatistical study of the Vepsian language. - In: The Bulletin of the Phonetic Society of Japan, № 201, 1992, p. 9 – 14.

Tambovtsev Yuri A. 1998, Some phonological features as measure of closeness of dialects. – Philologia Fenno-Ugrica 4, c. 1–19.

Tambovtsev Yuri 2008, The phono-typological distances between Ainu and other world languages as a clue for closeness of languages. – Asian and African Studies 17 1, (Bratislava, Slovakia), p. 40–62.

Тихонова В.М., г. Стерлитамак

МЕСТО МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ РОДСТВЕННЫХ (УРАЛЬСКИХ) И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Мордва (мокша и эрзя) – один из древних народов Поволжья. Этнос мордва состоит из 2 субэтносов – мокша и эрзя, каждый из которых имеет свой язык. Мокшанский и эрзянский языки относятся к волжской группе языков уральской семьи. Кроме мокшанского и эрзянского языков в уральскую языковую группу входят: венгерский, финский, эстонский, марийский, удмуртский, коми, саамский, карельский, хантыйский, ижорский, вепсский, ливский, самодийские (ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, саяно-самодийский) языки.

В финно-угристике доказано, что все перечисленные выше языки образовались в результате расщепления некогда существовавшего единого уральского праязыка. Прародина уральцев шесть тысяч тому назад находилась в северной части Западной Сибири, в районе между нижней Обью и Уральскими горами, на территории, которая в тот период отличалась весьма благоприятными климатическими условиями. Относительное единство, наличие диалектов, большая территориальная рассеянность их носителей, слабость контактов, прирост населения, необходимость поиска более удобных мест проживания привели к распаду единого уральского языка.

В IV тыс. до н.э. из единого уральского праязыка выделились финно-угорский и самодийский праязыки-основы. В конце III тыс. до н.э. из финно-угорского праязыка выделился угорский язык-основа, который, в свою очередь, распался на венгерский, хантыйский и мансийский языки, и финно-пермский язык-основа, из которой во II тыс. до н.э. выделились пермский язык-основа (в VIII в. н.э. распался на коми и удмуртский языки) и финно-волжский язык- основа (в I тыс. до н.э. распался на прибалтийско-финскую языковую основу, из которой до I в. н.э. выделились языки: финский, эстонский, карельский, ижорский, вепсский, водский, ливский) и на волжские языки (общемордовский и марийский языки). В середине I тысячелетия н.э. общемордовский язык распался на мокшанский и эрзянский языки.

А в настоящее время носители мордовских языков проживают на территории Республики Мордовия, Самарской, Оренбургской, Ниже-

городской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской областей, Башкортостана, Татарстана, Чувашской Республики, Красноярского края.

Несмотря на то, что уральская языковая общность распалась несколько тысячелетий тому назад, в родственных уральских языках сохранилось много общего в грамматическом строе и лексике. Финно-угроведы насчитывают около 500 родственных слов, отражающих лексику уральской эпохи. В этот древний слой лексики входят местоимения (я, ты, он), названия частей тела (язык, сердце, рука, глаз), имена родства (отец, брат, сын), названия объектов или явлений природы (вода, огонь, дерево), элементарные действия (жить, есть, пить). Слова уральского и финно-угорского происхождения составляют основной словарный фонд всех родственных языков. От этих слов при самостоятельной жизни отдельных языков было образовано большинство производных и сложных слов.

Как в древности, так и в наше время отдельные языки не находятся в изоляции, поскольку отдельные племена не проживают обособленно. Мордовский народ также с древних времен вступал в торговые и политические связи со своими соседями, что не могло не наложить отпечатка на мордовские языки. Влияние одних языков обнаруживается только на уровне лексики, другие же оказали воздействие и на фонетику, и на словообразование.

Диалектный состав мокша- и эрзя-мордовских языков представляет собой довольно пеструю картину. В развитии мокшанских и эрзянских диалектов и говоров обнаруживаются противоположные тенденции. Во-первых, одни мордовские (мокшанские или эрзянские) диалекты проявляют большую консервативность и устойчивость, продолжая удерживать в фонетико-грамматической системе древние особенности общемордовской и домордовской речи вплоть до праязыкового состояния. Во-вторых, в мордовских диалектах наблюдаются ускоренные процессы обновления и структурных преобразований. В-третьих, для мордовских диалектов характерны процессы межъязыкового (мокшанско-эрзянского/ эрзянско-мокшанского) смешения. В-четвертых, для живой мордовской диалектной речи характерны явления интерференции и сильного воздействия на ее развитие других языков.

В лексическом составе мордовских языков встречаются заимствования из иранских, балтийских, тюркских, славянских языков. Самыми древними в мокшанском и эрзянском языках являются слова иранского происхождения, например: морд. **азор** «хозяин», морд. **кшни** «железо»; мокш. **седь,** эрз. **сэдь** «мост», мокш. **узерь,** эрз. **узере** «топор», морд. **тарваз** «серп».

Контакты мордовских племен с тюркоязычными племенами восходят к IV в. н. э., ко времени прихода гуннов в районы Прикаспия и Донских степей.

На мордовских языках сказались отношения мордвы с булгарами. Булгары в X в. н.э. на Средней Волге создали сильное государство – Волжскую Булгарию со столицей Булгар, которая стала одним из важных торговых центров в этой части Европы. В состав Булгарии входила часть мордовских земель. К булгарскому периоду относят некоторые заимствования, например: морд. **синдемс** «сломать», мокш. **сюма** «корыто».

С давних пор мордва соседствует с чувашами. В результате длительных контактов в мокшанский и эрзянский языки из чувашского вошел не один десяток слов, например: морд. **ака** «старшая сестра», морд. **ила** «обряд», морд. **комля** «хмель», мокш. **келда**, эрз. **кендял** «клоп».

Первое место из тюркских заимствований в мордовских языках занимают татарские слова. В мокшанском языке татарских слов больше, чем эрзянском. Очевидно, потому, что мокшане занимали более южные районы и чаще соприкасались с татарами. Одни татарские слова можно найти в обоих мордовских языках, например: **сокор** «слепой», **сакал/сакало** «борода», **айгор** «жеребец», **алаша** «лошадь» и др.

Самые тесные и продолжительные связи исторически сложились у мордвы со славянами и, прежде всего, с русскими. Эти связи уходят корнями в эпоху, когда мордовский народ жил еще одной племенной общностью, т.е. в V-VI вв. н.э. Уже в мордовском письменном источнике XVII в. встречаются большое количество слов, например: **туця** «туча», **пуль** «пыль» и др. Русский язык оказал влияние и на звуковую систему мокшанского и эрзянского языков. Под влиянием русского языка в речи мордвы появились звуки **х, ф,** начальные звонкие **б, г, д, ж, з** (в начале исконных мордовских слов исторически эти звуки отсутствовали). Под влиянием русской звуковой системы в мокшанском языке смягчился шипящий **ч.** Особенно сильное влияние русский язык оказал на синтаксис мокшанского и эрзянского языков. Из русского языка заимствованы почти все союзы, очень похожи по структуре мордовское и русские сложные предложения: мокш. **Ётась тялось, сась тундась –** эрз. **Ютась телесь, сась тундось –** рус. **Прошла зима, пришла весна.**

Таким образом, на протяжении тысячелетий мордовский народ, кроме родственных племен, имел тесные связи с соседними неродственными народами, языки которых оказали определенное влияние на мокшанский и эрзянский языки. Мордовский народ и в настоящее время контактирует с другими народами, но влияние на мокшанский и эрзянский языки в основном оказывает русский.

Литература:

Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. редкол.: Н.П. Макаркин (гл. ред.), А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин (зам. гл. ред.) и др. Сост. С.С. Маркова. – Изд. доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 992 с.

Современные мордовские языки. Фонетика. Л.В. Бондарко, О.Е. Полякова. - Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. – 208 с.

Тугужекова Т.Н. г. Абакан

ЦВЕТОВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДИАЛЕКТАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Изучение диалектов хакасского языка началось ещё в дореволюционной России. Прогрессивный акт вхождения Хакассии в состав Российского государства вызвал практический интерес к хакасскому языку. Однако планомерное и всестороннее изучение диалектов хакасского языка стало проводиться в послеоктябрьский период, особенно – в послевоенные годы.

Одной из важнейших проблем, стоящих на сегодняшний день перед языковедами, является изучение закономерностей развития национальных языков, решение которых невозможно без исследования местных диалектов. Поэтому анализ диалектных особенностей имеет актуальное теоретическое и прикладное значение в условиях Республики Хакассия. Исследование диалектной лексики необходимо для решения важнейших проблем развития хакасского литературного языка, так как основным источником его обогащения служат местные говоры и диалекты. В настоящее время роль и значение родного языка в жизни народов, в развитии их культуры и просвещения все более возрастают. Полученные результаты такого рода исследований лексики способствуют более глубокому усвоению родного языка в школе и вузе.

В диалектологических исследованиях специальное место отводится характеристике фонетических, грамматических и лексических особенностей вариантов сравнительно с литературным языком. Сделано немало в изучении различных говоров и диалектов хакасского языка, но предстоит сделать гораздо больше. В задачи лексикологии входит изучение словарного состава диалектов с точки зрения его соотношения с лексикой литературного языка, его происхождения, сферы употребления, стилистической и эмоционально-экспрессивной дифференциации и т.п. Изучение диалектной лексики как системы, установление ядра и периферии, выявление синтагматических и парадигматических отношений лексических единиц, их синонимических и антонимических связей позволят создать словари различных типов, что будет способствовать не только более глубокому знанию своего родного языка, но и выявлению его связей с тюркскими и другими языками.

Поскольку длительный процесс образования хакасских диалектов происходил в разное время и в различных исторических условиях, о чем свидетельствуют результаты археологических, антропологических, лин-

гвистических и других исследований, то и словарный состав каждого из них имеет свои особенности. Диалекты представляют богатейший материал для изучения истории языка и истории народа, говорящего на нём.

Современный хакасский язык объединяет в себе качинский, сагайский, кызыльский и шорский диалекты, которые в свою очередь включают в себя несколько говоров и подговоров. Качинский и сагайский диалекты послужили основой хакасского литературного языка, представляющего собой инвариант по отношению ко всем его диалектам, говорам и подговорам, выступающим в качестве его вариантов. Лексическую основу хакасского языка составляют слова тюркского происхождения, а также заимствования из других языков.

Лексические единицы основного словарного фонда составляют ядро хакасского языка, к которому относятся слова, существующие параллельно во всех его вариантах в одном и том же значении, в том числе и основные цветовые прилагательные. В то же время в диалектах обнаружены структурно одинаковые производные и сложные слова, в состав которых входят цветообозначения, имеющие некоторые различия в семантике, а также выявлены лексемы, присутствующие лишь в каком-нибудь из его вариантов.

Хакасский язык развивается и в литературной форме, и во всем многообразии его диалектов, которые являются основным средством устного общения хакасов, особенно в сельской местности. Лексика литературного языка, как и его фонетическая и грамматическая структура, оформилась и развивалась на диалектной основе, но в своем современном состоянии она заметно отличается от словарного состава любого из его диалектов. Обогащение лексического фонда происходит, прежде всего, за счет развития своих собственных ресурсов, реализации различных потенциальных возможностей хакасского языка, в том числе и диалектных.

Пополнение словарного состава хакасского языка происходит главным образом за счет его ядра, включающего лексемы, отличающиеся высокими частотными характеристиками, большим словообразовательным потенциалом, многочисленными связями с другими лексическими единицами. Расширение семантики этих единиц происходит также за счет вторичной номинации, что способствует увеличению объёма семантического содержания этих слов и расширению их синтагматических, парадигматических и других связей. Особая роль в обогащении словаря отводится диалектизмам, которые служат ярким выразительным средством изображения местного колорита, создания неповторимых образов, индивидуализации речи персонажей художественного произведения, описании обычаев и традиций хакасского народа.

Значительная часть лексики пополняется за счет заимствований из других языков, но в каждом из диалектов они имеют свои специфические особенности. Иногда наблюдаются некоторые расхождения в

употреблении заимствованных слов в диалектах хакасского языка. Например, заимствованное из монгольского языка прилагательное *ноҒан*, называющее зеленый цвет, употребляется в значении *‘зелёный’*, когда речь идет о цвете материи в качинском и кызыльском диалектах [Патачакова 1962, 13], а в бельтырском говоре оно имеет форму *нуҒан.* В то же время бельтырское *чазыл ‘зелёный’* не встречается в других диалектах хакасского языка [Баскаков 1953, 306].

В бельтырском говоре существительное *сархайах* употребляется для обозначения религиозного праздника, имеющего в русском название *Масленица*, в то время как в литературном языке для этих целей используется сочетание *СарыҒ хайах*. Такие сложные слова с участием цветовых прилагательных, как *сабал кӱк ‘изумрудно-зелёный’, ах хузах ‘кедр’, хара]хат ‘смородина’, харабаара ‘хомяк’* и другие, составляют значительную группу в бельтырском говоре хакасского языка. [Боргояков 1973, 97– 104]. Производные и сложные прилагательные, имеющие одинаковый звуковой состав, имеют разный смысл, так, *аҒылбай* в литературном языке употребляется в значении *‘беловатый’, ‘белесый’* [Субракова 2006, 28], тогда как в бельтырском говоре оно используется в значении *‘голубой’* [Боргояков 1973,102]. Подобное явление можно наблюдать и в других говорах и диалектах. Например, в литературном языке для обозначения синицы употребляется сложное слово *кӧк пас*, в шорском диалекте название этой птицы имеет форму *кӧкпеш ‘синица’* [Межекова 1973, 62]. Часто в диалектах и говорах для обозначения различных представителей мира животных и растений используются сложные слова с участием цветовых прилагательных. Так, в шорском диалекте для обозначения соломы пользуются сочетанием *ах чічір (*досл. *‘белая солома’),* а сложное образование *кӧк чічір* служит для обозначения зелёнки (досл. *‘зеленая солома*) [Межекова 1973, 63]. Устойчивое сочетание *ах чичек* в качинском диалекте хакасского языка употребляется в значении *‘цвет (плодово-ягодных растений)’*. Первый компонент *ах ‘белый’* является основным словом, выражающим понятие ‘белый’, в литературном языке, а стержневой компонент *чичек ‘цветок’,* заимствованный из монгольского, вне этого сочетания самостоятельно не употребляется [Патачакова 1962, 14].

Таким образом, лексико-семантические диалектизмы являются словами общенародного характера, имеют свои особенности, составляя определенный фонд слов, не повторяющийся в других диалектах хакасского языка.

Литература:

Баскаков Н.А. и А.И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. [Текст] / Под ред. Н.А. Баскакова – М., 1953.

Боргояков М.И. Бельтырский говор сагайского диалекта. [Текст] / М.И. Боргояков. // Диалекты хакасского языка. – Абакан, 1973.

Межекова Н.Н. Шорский диалект. [Текст] / Н.Н.Межекова. // Диалекты хакасского языка. – Абакан, 1973.

Патачакова Д.Ф. Материалы к изучению истории лексики хакасского языка [Текст] / Патачакова. // Вопросы хакасской филологии. – Абакан, 1962.
Хакасско-русский словарь. [Текст] / Под общ. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.

Уразбаева З. Ғ. Өфө к.

ҒАЛИМӘ ҺӘМ ЙЫРСЫ

Күренекле диалектолог, арҙаҡлы шәхес Сәриә Фазулла ҡыҙы 1924 йылдың 24 декабрендә Башҡортостан Республикаһы Әбйәлил районы Асҡар ауылында тыуған. Ул 1948 йылда Магнитогорск ҡалаһында уҡытыусылар институты, ә 1959 йылда К.А. Тимирязев исемендәге Башҡорт дәүләт педагогия институтын тамамлай. 1967 йылда "Башҡорт теленең Күбәләк һөйләше" темаһына кандидатлыҡ, 1984 йылда "Башҡорт теленең көньяҡ диалекты" буйынса докторлыҡ диссертацияһы яҡлай.

Сәриә Фазулловна Миржанова 1955 йылдан алып Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында эшләне. СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы тарафынан республика райондарында тел мәғлүмәттәре һәм ауыҙ-тел ҡомартҡыларын йыйыу маҡсаты менән ойоштороlған фәнни экспедицияларҙа ҡатнаша. Халыҡ менән тиҙ аралашыу ҡеүәһе уға материал йыйғанда ныҡ ярҙам итә. Һөйләү теленең нескәлектәрен белеү, һәр һүҙҙең мәғәнә төрҙәрен, төҫмөрҙәрен тойоу уның ғилми йүнәлешен билдәләй һәм ул бөтә ғүмерен башҡорт һөйләштәрен өйрәнеүгә арнай. Башҡорт һөйләштәрен тикшереп, 40-тан ашыу хеҙмәт яҙа.

Күренекле диалектолог Сәриә Фазулловна башҡорт һөйләштәрен ғилми яҡтан тикшереп, башҡорт диалекттарына башҡорт ғалимдары тарафынан быға тиклем бирелгән классификациянан айырмалы рәүештә көнсығыш һәм көньяҡ диалекттарынан тыш өсөнсө - төньяҡ-көнбайыш диалектты айырым өйрәнеү мәсьәләһен ҡуя, йәғни ул Төньяҡ-көнбайыш диалектын үҙаллы диалект тип таный.

Ул быны түбәндәгесә иҫбатлай: "Беренсенән, ти ул, был төбәк тарихи сығанаҡтар нигеҙендә башҡорт теленең көньяҡ һәм көнсығыш диалекттары менән тығыҙ бәйләнгәнлектән бер бөтөн лингвистик ареалды тәшкил итеп, уның органик диалект системаһына инә, икенсенән, территориаль-географик, тарихи-этнографик һәм тел йәһәтенән дә үҙаллы диалект билдәләмәһенә тап килә ала" [Миржанова 1979, 15].

Был ҡараш Сәриә Фазулловнаның артабанғы хеҙмәттәрендә лә сағылыш таба, йәғни ул төньяҡ-көнбайыш диалектын һуңғараҡ айырым монографик хеҙмәт итеп яҙа [Миржанова 1991, 295].

Сәриә Фазулловнаның иң ҙур хеҙмәттәренең береһе булған "Башҡорт теленең көньяҡ диалекты" хеҙмәтенә бер аҙ туҡталып китәйек. Сәриә Фазулловна тәүгеләрҙән булып тел ғилеменең көньяҡ диалектын монографик планда өйрәнә. Ул был хеҙмәтендә

башҡорт теле һөйләштәре һәм диалекттарын өйрәнеү тарихына, уларҙы классификациялау проблемаһына туҡтала һәм көньяҡ диалектының көнсығыш диалекттан, шулай уҡ башҡорт яҙма әҙәби теленән айырмалылығын күрһәтә. Һәм уның башҡорт теле диалекттары системаһындағы урынын билдәләп, башҡа төрки телдәре һөйләштәренә мөнәсәбәтен асыҡлай.

Ошонан сығып, автор көньяҡ диалекты системаһында өс һөйләште ҡалдыра һәм улар Эйек-Һаҡмар, Урта һәм Дим буйы һөйләштәре исеме менән һәр ҡайһыһы үҙаллы бүлектәрҙә яҡтыртылған.

Бик күп материал туплау һәм эҙләнеүҙәр һөҙөмтәһендә автор көньяҡ диалектының барлыҡҡа килеүендә, нигеҙҙә, бөрйән, үҫәргән, түңгәүер кеүек боронғо башҡорт ырыуҙары ҡатнашҡан тигән һығымта яһай.

Сәриә Фазулловна көньяҡ диалекттың фонетик, морфологик, лексик үҙенсәлектәренең һәр береһен айырым бүлектәрҙә өйрәнә. Фонетик үҙенсәлектәрҙе башҡорт теле фонетик системаһының үҫеш закондары нигеҙендә тикшерә, шулай уҡ автор тарихи бәйләнештәр, тышҡы һәм эске йоғонто факторҙарын да иҫәпкә ала.

Морфология өлөшөндә диалекталь һүҙҙәрҙең һүҙ үҙгәртеүсе һәм һүҙ яһаусы формалары төрлө яҡлап анализлана, уларҙың үҫеш юлдары, шулай уҡ мәғәнәләре һәм функциялары асыҡланған. Бигерәк тә ҡылым һүҙ төркөмөнөң һүҙ үҙгәртеү һәм һүҙ яһау аспекттары тәрән өйрәнелгән, шулай уҡ инфинитив формалар, исем ҡылым, сифат ҡылым, хәл ҡылымдар ҙа ярайһы рәүештә яҡтыртылған.

С.Ф. Миржанова көньяҡ диалект һөйләштәрендә һүҙ үҙгәртеүсе һәм һүҙ яһаусы грамматик моделдәрҙең сикһеҙ үҫешкәнлеген билдәләй. Бындай эске ресурстар һәм был грамматик мөмкинселектәр, уның фекеренсә, яңы һүҙ һәм һәм терминдар барлыҡҡа килтереүҙе ифрат киң файҙаланыла. Автор һәр бер грамматик күренешкә һөйләштәрҙән конкрет миҫалдар килтерә. Мәҫәлән, бер балыҡтың исеменә генә лә утыҙлаған вариант теркәлгән. Бындай сағыштырыуҙар башҡорт теленең икенсе бер һөйләш материалдары, боронғо төрки теле, башҡа төрки тел һөйләштәренең үрнәктәре менән үрелеп бирелә. Күренеүенсә, С.Ф. Миржанова башҡорт теленең көньяҡ диалекты һәм уның үҙенсәлеген сағылдырыусы бай материалға йомғаҡ яһаған, был иһә башҡорт теленең сағыштырма тарихи грамматикаһын эшләүгә нигеҙ булып тороуы мөмкин.

Лексика өлөшөндә әлегә тиклем булған хеҙмәттәрҙән айырмалы рәүештә этнография, топонимия, фразеология өлкәһенә ҡараған материалдар төркөмләп бирелгән һәм был йүнәлеш сағыштырма тарихи планда тикшереү үткәрергә, тарихи һәм хәҙерге бәйләнештәге лексик берәмектәрҙе һәм тик ошо диалектҡа ғына хас булған лексик ҡатламды айырып күрһәтергә мөмкинлек биргән.

Сәриә Миржанова, үрҙә әйтеүебеҙсә, баштан уҡ төньяҡ-көнбайыш диалектын айырып, үҙаллы диалект итеп өйрәнеү яғында була һәм үҙенең был ҡарашын тормошҡа ашыра. Уның авторлығында “Төньяҡ-көнбайыш диалекты” (1991 йыл) монографияһы донъя күрә. Автор был диалектҡа ингән һөйләш һәм һөйләшсәләрҙе лингвистик планда нигеҙләй, уның таралыу сиген күрһәтә, был диалектта һөйләшкән халыҡтарҙың этник нигеҙен һәм формалашыуын билдәләй. Бик күп фактик материал нигеҙендә төньяҡ-көнбайыш диалектының фонетик һәм грамматик, бигерәк тә лексик үҙенсәлектәре башҡорт әҙәби теленә лә хас, тигән һығымта яһай. Шуға ла был хеҙмәт бөгөн дә бик көнүҙәк тема булып, ҙур әһәмиәткә эйә.

Күренекле ғалимә “Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге” нең өс томын, “Башҡорт теленең диалектологик атласы” һәм лексикограф булараҡ “Башҡортса-русса һүҙлек”, “Русса-башҡортса һүҙлек”те төҙөүгә тос өлөш индерә. Диалектологик конференцияларҙа “Башҡорт ҡыпсаҡтарының теле”, “Фин-уғыр элементтары башҡорт һөйләштәрендә”, “Һөйләштәрҙең үҙ-ара мөнәсәбәте”, “Башҡорт һәм венгрҙарҙың боронғо этник тел бәйләнештәре тураһында” тигән темаларға сығыштар яһай.

Сәриә Фазулловна телсе генә түгел, фольклорсы ла ине. Фәнни экспедицияларҙа йыйған, айырым китап итеп сығарырлыҡ, фольклор материалдары уның архивында һаҡлана.

Сәриә Фазулла ҡыҙы телсе генә түгел оҫта йырсы ла ине. Был турала әйтмәү яҙыҡ булыр. Ул бигерәк тә халыҡ йырҙарын оҫта башҡарыуы менән танылыу яуланы. Ғәлимә-йырсы экспедицияла йөрөгәндә, райондарға материал йыйырға сыҡҡанда халыҡ араһында һирәк осраған йырҙар менән ҡыҙыҡһына. Шулай бер ваҡыт экспедицияла йөрөгәндә таныш булмаған йырға осрай. Өйрәнә. Бер ни тиклем ваҡыттан һуң ошо уҡ йырҙы Баймаҡ районында йәнә ишетә. Был “Ғилмияза” йыры була. Был йырҙы бик күп тапҡырҙар дуҫтары араһында ла, сәхнәләрҙән дә, телевидение аша ла башҡара. Унда көслө лирик-драматик сопрано тауыш ине. Ырымбур өлкәһендә тап иткән “Маһисәрүәр” йыры ла уның моңло тауышы өсөн генә яратылған кеүек. Был йыр ҙа пластинкаға яҙылған. С. Миржанова ҡыҫҡа көйлө халыҡ йырҙарын да, шулай уҡ хәҙерге заман йырҙарын да берҙәй оҫталыҡ менән башҡарып, тыңлаусыны әсир итә торғайны.

Ғәлимә Сәриә Фазулла ҡыҙы халыҡ һүҙенә лә, йырҙарыбыҙға ла һөйөү менән ҡараны. Изге күңелле, йомшаҡ холоҡло, ихтирамлы булды, ғилми хеҙмәттәре менән дә тыуған халҡына хеҙмәт итте.

Әҙәбиәт:

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., Наука, 1979.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 1991.

Уртегешев Н.С., г. Новосибирск

«Ҫ»И «ҙ» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТРЕХ ГОВОРОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В январе 2010 г. по инициативе директора Института истории, языка и литературы УНЦ Российской академии наук д.ф.н., профессора Хисамитдиновой Ф.Г. проводилась фонетическая экспедиция в местах проживания носителей дёмского говора (ДГ) южного диалекта (д. Старо-Яппар Давлекановского района РБ, 7 человек), кубялякского говора (КГ) восточного диалекта (д. Рахметово Абзелиловского района РБ, 6 человек), нижнебельско-ыкского говора (Н-ЫГ) северо-западного диалекта (д. Тазиево Илишевского района РБ, 6 человек). Для обследования фонетической ситуации в вышеперечисленных населенных пунктах были использованы разделы «Фонетика» и «Лексика» вопросника «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири», чтобы в дальнейшем можно было провести сопоставительный анализ не только между диалектами и говорами башкирского языка, но и тюркскими языками и их диалектами, расположенными на территории Сибири.

В данной работе представлены некоторые предварительные результаты, полученные после анализа полевых материалов.

Во всех рассматриваемых нами говорах башкирского языка констатируется отсутствие четких систем соответствий или унифицированности соответствий консонантным и вокальным настройкам в других тюркских языках, а также древнетюркским. Фонетические процессы протекают как бы спонтанно, а отсюда и фонетическое 'многообразие' отдельных лексем. Самым вариативным из обследованных говоров выступает демский. Некоторые лексемы в этом говоре имеют столько вариантов произношения, сколько в опросе участвовало дикторов: например, 'восемь' – щигэт ~ ҫийгиҫ ~ ҫигэс ~ сигиҫ ~ сильгыҫ ~ тигэҫ. Менее вариативным выступает кубялякский говор, а самым 'унифицированным' можно считать нижнебельско-ыкский говор северо-западного диалекта. В нем было отмечено меньше всего фонетических вариантов у слов.

В башкирских говорах фонетические варианты лексем связаны как согласными, так и с гласными звуками. Порой возникают спонтанные чередования звуков, которые сложно объяснить, но, не смотря на это, они вписываются в общую картину башкирского языка.

В данной статье более подробно остановимся на вариативности специфических звуков башкирского языка, обозначаемых графемами ҫ, ҙ. Интерес к этим звукам не случайный. Кроме башкирского языка, в других тюркских языках ҫ, ҙ не встречаются, поэтому возникает не поддельный интерес к природе данных согласных.

По нашим наблюдениям, плоскощелевые звуки, обозначаемые графемами ç и ẓ, в разных говорах, у разных дикторов с разным уровнем образования артикулируются по-разному. Так, например, уфимская 'филологическая' интеллигенция произносит эти звуки интердентально апикально четко, напряженно, особенно звонкие настройки типа «ẓ» в финальной позиции. В тоже время в деревнях носители всех рассматриваемых говоров звуки артикулируют при активной работе спинки языка (дорсальный) и пассивной – альвеол (альвеолярный) и только у носителей КГ звонкий ẓ дорсальный дентальный, что говорит о некоторой продвинутости артикуляционной базы вперед. Отсюда и фоны звучат чуть четче, напряженнее, дольше.

В деревнях почти у всех носителей в финальной позиции вместо звонкого «ẓ» отмечается глухой согласный «ç», например: 'рог' – ДГ мөгүçь (6 чел.), КГ мөгүç (6 чел.), Н-ЫГ мөгүсь (4 чел.) ~ мөгүс (1 чел.) ~ мөгүт (1 чел.); 'лицо': ДГ, КГ, Н-ЫГ - йууç, исключение составляют некоторые слова, которые имеют вариативное произношение, например, 'след': ДГ – эẓь (2 чел.) ~ эẓ (1 чел.) ~эзь (1 чел.) ~ эçь (3 чел.), КГ – эç (2 чел.) ~ эẓ (3 чел.), Н-ЫГ – иẓ (1 чел.) ~ из (1 чел.) ~ ис (2 чел.) ~ ит (1 чел.); 'восемь': ДГ – çигэт ~ сийгиç ~ сиигэç ~ çиигиç (4 раза) ~ сильгыç ~ hигэç, КГ – х'игиç (5 чел.), Н-ЫГ – сегыт (1 чел.) ~ сегыс (5 чел.). На наш взгляд, в башкирских говорах происходит процесс оглушения финального плоскощелевого «ẓ» в плоскощелевой «ç» как у сибирских тюрок, для которых нехарактерно использование шумных звонких согласных в финальной позиции.

Интересной для анализа является медиальная позиция, например, 'пшеница': ДГ – пыйẓай (2 чел.) ~ бызай (2 чел.) ~ быẓай (3 чел.) ~ буйẓай (1 чел.), КГ – буйẓай (4 чел.) ~ буйдай (1 чел.), Н-ЫГ - быẓай (3 чел.) ~ будай (3 чел.); 'теперь', 'сейчас': ДГ – аẓэр (6 чел.) ~ азэр (1 чел.), КГ – ҳайẓэр (1 чел.) ~ hэẓэр (3 чел.) ~ ҳаẓэр (1 чел.), Н-ЫГ – хазыр (6 чел.); 'святой': ДГ – иẓьге (1 чел.) ~ иẓьгэ (2 чел.) ~ иẓьгы (3 чел.), КГ – изгы (5 чел.), Н-ЫГ – иẓгэ (1 чел.) ~ изги (5 чел.). Как видно из примеров в рассматриваемых говорах наблюдается вариативное произношение плоскощелевого «ẓ» и круглощелевого «з». А в ряде случаев отмечается вариативное произношение и согласного типа «д». Это связано с тем, что при артикулировании этих согласных участвуют одни и те же модуляторы как у щелевых, так и у смычных. У плоскощелевых и круглощелевых различие только в форме щели, образуемой на передней части спинки языка. Возникновение смычного согласного на месте щелевого связано с особенностью артикуляции плоскощелевых свистящих в башкирском языке. При произнесении «ç», «ẓ» между сильнонапряженной передней частью спинки языка и дентами или альвеолами образуется очень узкая щель, которая переходит в слабонапряженную смычку.

Проанализировав большой массив фактического материала по трем говорам, можно предположить, что до недавнего времени в диалектах наблюдался процесс округлощелинивания согласных типа «ç», «ʒ» в «с», «з». Наибольшего распространения он достиг у представителей северо-западного диалекта, которые больше находились в контакте с носителями, в языках у которых отсутствуют плоскощелевые типа «ç», «ʒ». Наши выводы подтверждаются выводами сделанными ранее С.Ф. Миржановой. Она писала, что диалектный материал позволяет сделать вывод о том, что демский говор вместе с нижнебельско-ыкским и караидельским в прошлом составлял единый ареал ç-диалекта башкирского языка [Миржанова 2006, 290]. С распространением и усилением литературных норм башкирского языка, кроме северо-западного диалекта, этот процесс приостановлен. И наоборот, как сверхнорма у представителей демского говора отмечается распространение плоскощелинности на согласные типа «с» разного происхождения:

А. В инициальной позиции вместо фарингального глухого щелевого h возникшего из древнетюркского с, например: 'корова' – çэер (2 чел.) ~ çыер (2 чел.) ~ çэир (1 чел.) ~ эер (1 чел.) ~ хаер (1 чел.) в других говорах: КГ – ҳыир (2 чел.) ~ ҳаир (3 чел.), Н-ЫГ – сыир (5 чел.); 'тебе': ДГ – сэʒдэ (1 чел.) ~ çиньэ (3 чел.) ~ çиңгэ (1 чел.) ~ хиньэ (1 чел.) ~ хинька (1 чел.), КГ – хиньэ (2 чел.) ~ хиңгэ (3 чел.), Н-ЫГ – синька (4 чел.) ~ рсинька (2 чел.).

Б. В медиальной позиции вместо переднеязычно-среднеязычного (сильнопалатализованного) щелевого сь возникшего из древнетюркского ч, например, в слове 'вчера': ДГ – киçьэ (3 чел.) ~ киçьа (1 чел.) ~ кисьа (2 чел.) ~ кисьэ'э (1 чел.), КГ – кисьэ (3 чел.) ~ киçьа (2 чел.), Н-ЫГ – кище (1 чел.) ~ кища (4 чел.) ~ кищау (1 чел.).

Таким образом, использование в демском говоре плоскощелевых типа «ç», «ʒ» даже в тех позициях, в которых их не должно быть, является доминирующей фонетической особенностью этого говора.

В каждом из говоров есть доминирующие фонетические особенности, которые развились и/или продолжают развиваться в результате, как внутренних фонетических процессов, так и под 'давлением' из вне именно на данной территории и которые характерны только для него, но при этом где-то на периферии системы параллельно присутствуют другие, доминирующие в других говорах, способные при благоприятных условиях занять ведущую позицию. Так, например, в говорах северо-западного диалекта под влиянием башкирского литературного языка возможен переход среднеязычного шипящего согласного типа «щ», развившегося из древнетюркского «ч», в среднеязычный «сь» как в говорах других диалектов или замена круглощелевых типа «с», «з» литературными плоскощелевыми типа «ç», «ʒ», находящимися сейчас на периферии

системы в данном диалекте, например, Н-ЫГ – иҙгэ (1 чел.)~ изги (5 чел.) 'святой'.

Литература:

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 2006. 300 с.

Автор статьи приносит глубочайшую благодарность всем жителям д. Старо-Яппар Давлекановского района, д. Рахметово Абзелиловского района и д. Тазиево Илишевского района РБ, особую благодарность – носителям башкирского языка, принявшим участие в фонетическом опросе. Автор также благодарит сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ Российской академии наук, а особо Ишкильдину Л.К. за оказанную помощь в работе экспедиции.

Пользуясь случаем, автор выражает признательность директору Института истории, языка и литературы УНЦ Российской академии наук док. филол. наук, профессору Хисамитдиновой Ф.Г. за организованную экспедицию.

Хабибов Л.Г., г. Уфа

АРХАИЧНЫЕ СЛОВА И СЛОВОФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МИФТАХЕТДИНА АКМУЛЛЫ

Как известно, поэт-импровизатор Мифтахетдин Акмулла вышел из народа, формировался как сэсэн среди башкир и как акын среди казахов. Он страстно и самозабвенно служил простому народу, воспевал в своих пламенных стихах природную мудрость, жизненную и созидательную силу человека труда, его тягу к знаниям, способствующим преобразовывать окружающий мир и его самого. Своим пытливым умом и искренним сердцем он достиг глубокого понимания чаяний и надежд трудового народа.

Будучи поэтом-импровизатором Мифтахетдин Акмулла кочевал из одного населенного пункта в другой по всей тогдашней южной Башкирии и северо-западной части Казахстана. Зачастую свои зарождающиеся стихи-назидания он и рассказывал непосредственно перед собравшимися людьми.

Поэзия Акмуллы – своеобразный целый мир. В нем отражены думы и устремления, радостные голоса, пробивающиеся через страдания и невзгоды того времени. Поэт сумел поднять насущные проблемы, определяющие общественное развитие эпохи, пытался решать эти проблемы, исходя из интересов людей труда.

Акмулла был поистине поэтом-новатором своего времени. Его просветительская деятельность сыграла громадную роль в возврате литературы на светские рельсы, очистив от схоластики средневековья, в пропаганде идеи возрождения, демократизации литературы и ее языка.

Акмулла всем своим естеством был народным поэтом. Его каждая строфа соткана народной мудростью и может легко превратиться в пословицу или в афоризм, потому что она подпитывалась восточной классикой и прекрасными традициями устного народного творчества башкирского, татарского и казахского

народов. Поэтому он сотворил себе поэтический памятник в истории литературы вышеназванных народов [Вильданов 2006, 7].

Поэт в своем творчестве ярко продемонстрировал свое умение пользоваться неисчерпаемым богатством языка.

В своих произведениях по логике изложения мысли он употреблял, на наш взгляд, необходимые и нужные архаизмы, и устаревшую лексику. Таких лексических единиц в творчестве поэта в количественном отношении немного. Из них несколько архаизмов относится к глаголу (*йейеү – йеймәү* «есть, кушать – не есть, не кушать»; *ору* «ударять, бросать»), к прилагательным (*сырлы* «разрисованный», *етек* «проворный», *алаша* «низкий»). Остальная часть архаизмов относится к именам существительным.

Рассмотрим происхождение некоторых архаизмов и устаревших слов, а также словоформ, употребленных поэтом в его стихах.

Атаҡ «известность, авторитет; имя». *Артыңда ҡалыр атаҡ юҡ* «Нет после тебя известности (доброго имени)». Это слово происходит из древнетюркского *ат-аг* «слава; имя», которое восходит к форме *айт* < *ай-ыт* «имя, слава, известность» (Радлов). Корень слова *ай-* «показать, отвечать» [Ахметьянов 2001, 21].

Алаша «низкий, нерослый» *Был ерҙә бөйөктәрҙән алашабыҙ* «Мы находимся ниже, чем великие».

Болаҡ «речушка, река». *Болаъы саф, сәйгә һәр кем һыу алъандай...*«Река чистая, словно каждый зачерпнет воду...». В древнетюркском языке это слово употреблялось в форме *булаҡ*, образованное от глагола *бул-ъа-* со значением «кипеть, бурлить». В некоторых тюркских и монгольском языках древнетюркское слово *булъаҡ* в том же значении встречается в несколько фонетически измененном виде. См. каракалпак. *булака*, кумык. *боллак* и монгольск. *булаг* «родник».

Етек «проворный, ловкий». *Файҙаһы юҡ буш һүҙгә һәр кем етек* «Бессмысленному изречению каждый проворен и ловок». В общетюркском языке глагольная основа *йәт-* означала «достичь, успеть, хватать» [Ахметьянов 2001, 72]. Ср. древнетюркское *йитик, йитиг* «быстрый, ловкий».

Йейеү ~ ҙйәү «кушать, есть». *Эсем! Һин дә ҡараһаң – Кеше хаҡын күп ейдең; Бауырһаҡ та йеймәгән Аҡмулла инем, Сәйнәем ҡара нанны (икмәкте) ҡашыр-ҡашыр* «Живот мой! Если подумать, то ты много ел чужого; Я был Акмуллой, не дотрагивающийся до мучных кусочек, Теперь-то жую черный хлеб с хрустом».

В древнетюркском и общетюркском языках слово *йэ-, йэй-* означала *ашау* «есть, кушать». Впоследствии посредством форманта *-м* образовалось новое слово *йем,* которое бытует в диалектах башкирского и татарского языков в значении «корм, пища, еда». От него образовано башк. *йемеш*, татар. *җимеш,* чуваш. *çимеç,* мари. *емыш* со значением «плод».

Япан «степь, долина». *Киң япан тар булалыр, ҡаза килһә, Юҡ ъәйеп бар булалыр, яза килһә.* «Широкая степь становится тесной, если придет беда. Отсутствующая вина становится явью, если нагрянет кара». Это слово в настоящее время в башкирском и татарском языках употребляется лишь в парном слове *кыр-япан* в значении «поля и долины». По мнению Р.Г. Ахметьянова, это слово в древнекыпчакском языке бытовал в форме *йабан* [Ахметьянов 2001, 264]. Этот язык, по всей видимости, заимствовал данное слово из персидского языка через чагатайский и карлукский языки. В персидском и таджикском языках употребляется в значении «дикая степь» слово *бийабан* или *йawwайин*.

Сырлы аяҡ «узорный (крашеный) сосуд». *Сырлы аяҡның сыры китһә, һыны китмәҫ, яҡшының, үҙе үлһә, исеме китмәҫ* «Если даже утратится узор из сосуда, то некуда не уйдет сам сосуд, У хорошего человека даже после его смерти доброе имя не исчезнет». В диалектах башкирского и татарского языков слова *һыр* и *сыр* имеют значение «краска, узор». В алтайском языке *сыр* «краска, лакировать», в уйгурском и узбекском языках *сир* «красная краска». Ср. в таджикском и персидском языках *сурх* также означает «красный» [Ахметьянов 2001, 185]. В монгольском *шир* и бурятском *шэрэ* также имеет значение «краска». Что касается архаичного слова *аяҡ* «сосуд», то оно образовалось из древнего общетюркского корня *аң* со значением *«ауыҙ, тишек* (рот, отверстие)». Образованный от него слово *аңак* имело значение «рот, отверстие, пустота, горшок». В более позднее время оно претерпело фонетическое изменение (*айаҡ*) и дифференцировалось его значение «сосуд, ведро, горшок». Эволюцию корня-основы *аң* можно проследить на примерах алтайских и уральских языков. Так, в хантыйском языке *аң (ан), анəх (анəк*) «сосуд, блюдце». В мансийском языке *ане* «тарелка», в монгольском языке *аяга* «сосуд», в марийском *аң, əң* «отверстие, горловина сосуда» [Ахметьянов 2001, 25].

Ыу «яд». *Битенең бере көлөр, бере һүгəр, туры һүҙе – берəүгə им, берəүгə ыу* «Одно лицо улыбается, другое гневится, Правдивое слово – кому как лекарство, кому как яд». Р.Г. Ахметьянов и Э.В. Севортян считают, что в татарских диалектах и в общекыпчакском языке слова *у, уы* означают «яд» [Ахметьянов 2001, 10; Севортян 1974, 67]. Так, слово *у* в значении «яд» в языке сибирских татар зафиксировано И. Гигановым в его «Словаре российско-татарском» в начале XIX века (1804 г.). Как нам кажется, в составе слова *чуан* «чирей» также обнаруживается часть *уа* со значением «опухоль».

В общетюркском и в османском языках *аъыу,* а также в марийском и удмуртском языках *агу-* выражает значение «кислый». В бурятском языке слово *аг* также означает «кислый; яд».

В своих стихах Акмулла также употреблял архаичные и диалектальные словоформы, относящиеся, в основном, к глаголам.

Форма на *-мак/-мәк*. Инфинитив и имя действия с таким аффиксом является в языке отжившей формой. Она употреблялась в качестве инфинитива и имени действия с древних времен до начала века. Данная форма уже встречается в поэме «Юсуф вә Зулейха» Кул Али (1212г.): Һорар ирсә, яуап *вирмәк* кәрәк имди (Если спросить, надо ответить). Как литературная норма она наблюдается и в более позднее время. Она также представлена в стихах Акмуллы. Например:

Яҡшы һүҙ *тыңламаҡҡа* хуп, мөбәрәк,
Яҡшыға хоҙа-мәдәд, аҡыл – сәбәп.
(Пусть слово доброе мое вам новых сил придаст,
Пусть каждый своему уму по должному воздаст).

Эта форма встречается позже (в начале XX в.) в некоторых произведениях Г. Тукая: Иртә менән *ҡайнамаҡ* был базар «Утром кипит этот базар».

В стихотворениях Акмуллы определенная часть имени действия (в некоторых тюркских грамматиках их называют субстантированными формами глаголов) представлена при помощи этого же аффикса:

Уйлағәан моратына етә алмаһа,
Әҙәмдең шунан булыр *ҡартаймаҙы*.
(Если не достигнет цели, что задумал он,
То является старением человека).
или
Теләнмәкте халыҡтан
Күрәмен бының барын ғар.
(Побираться у народа
Считаю это постыдным).

Форма на *-ҙыл/-гел*. При помощи этого аффикса образовалась категоричная форма повелительного наклонения. В современном башкирском литературном языке нет повелительного на *-ҙыл/-гил*. В диалектах и в фольклоре данный аффикс употреблялся довольно активно. Например: Көтөп *торҙол*, бай уғлы (Подожди, сын богача. [Заятүләк менән Һыуһылыу]).

В произведениях поэта эта древняя форма повелительного наклонения употреблялась единожды:

Илаһым, бөтәхәжәтем,
Ҡабул *иткел* мөнәжәтем.
(Бог мой, всю нужду мою
Прими мой мунажат).

Данная форма «интенсифицирует значение повелительного наклонения...с оттенком сильного желания» [Ахметов 1978, 83].

Как видим, эти архаичные слова употреблены поэтом для точного обозначения описываемого предмета, явления, различных

их свойств или какого-либо процесса. Акмулла применял устаревшую лексику также для составления более благозвучной рифмы с целью достижения совершенного ритмико-интонационного оформления своих стихотворных строф. Например, архаичное слово *ыу* «яд» более точно рифмуется со словом *су* «вода», чем с его синонимом *агу* «яд», хотя последнее как литературная норма широко употреблялось в то время, когда жил и творил поэт. А архаичное диалектальное слово *алаша* со значением «низкий, низко» более слаженно составляет рифмованную пару только со словом *тамаша* «представление». Замена слова *алаша* на его литературный синоним *түбән* с таким же значением невозможна, ибо нарушилось бы созвучие рифмованной пары, а также испортилась бы метрика строфы.

Таким образом, при изучении творчества поэта-импровизатора и просветителя Мифтахетдина Акмуллы необходимо более точно определить значение употребляемых им архаичных и устаревших слов, установить их происхождение и выяснить причину их применения.

Литература:

Ахметов М.А. Глагол в языке Орхоно-енисейских памятников. – Саратов, 1978.

Акмулла. Стихотворения. – Уфа: Китап, 2006 (на башкирском языке).

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001 (на татарском языке).

Вильданов А. Оставшаяся в памяти народа мелодия // Акмулла. Стихотворения. – Уфа: Китап, 2006 (на башкирском языке).

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. т. I. – М., 1974.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

Хадыева Р.Н., Сабирьянова С.Г., г. Уфа

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ исследовательского проекта “Духовный мир башкир: лингвокультурологический словарь” 10-0484411 а/У

Большим достижением современной башкирской диалектологической науки нужно считать создание “Диалектологического атласа башкирского языка”(–Уфа: Гилем, 2005. –234 с., 169 карт.), который содержит карты, ценные сведения по истории ареала, диахронии явлений, связи ареала и явлений.

Диалектологический атлас башкирского языка представляет собой итог многолетнего изучения языковедами республики диалектной системы башкирского языка, одного из интереснейших тюркских языков с его сложным делением на диалекты и говоры, распространенные не только в пределах Башкортостана, но и в других регионах России. Он не имеет своих аналогов в башкирском языкознании. Атлас является уникальным памятником прошлого и настоящего башкирского языка и в дальнейшем ни по содержанию, ни по объему охвата исследованной территории, ни по качеству факти-

ческого материала невозможно повторно выполнить подобную работу. Так как многих информаторов, из уст которых записаны языковые данные настоящего атласа, уже нет в живых. Накопленный лингвогеографический материал является основой не только для Диалектологического атласа, но и дает возможность для разработки новых проблем.

Атлас состоит из двух частей. Первая часть содержит вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. В комментариях отражается линия распространения языковых явлений, определяется регион функционирования форм с указанием их плотности, переходности, а также исчезновения. Комментарии дают информацию о составлении карт, освещают линии распространения картографируемого материала и его интерпретацию.

Вторая часть состоит из карт, где представлены ареалы распространения, формы проявления, локализация лексических, фонетических, морфологических, синтаксических явлений языка, предусмотренных Программой Атласа. Карты отражают объективную лингвистическую действительность, так как на основе собранного по единой программе материала они исключают субъективную оценку отраженных на них явлений.

Определение границ распространения того или иного языкового явления возможно лишь в результате лингвогеографического исследования языка. За годы исследования диалектологами было собрано материала в 400 опорных пунктах не только в республике Башкортостан, но и за ее пределами (в Оренбургской, Пермской, Саратовской, Свердловской, Самарской, Челябинской областях). Только список обследованных опорных пунктов с необходимыми справочными материалами, указанием фамилий собирателей и алфавитный указатель картографированных опорных пунктов в книге занимают более 50 страниц.

ДАБЯ был составлен в результате лингвогеографического изучения башкирского языка по научной теме Института истории, языка и литературы в 1973-1987 гг. на основе «Программы сбора материала для диалектологического атласа башкирского языка», которая была составлена Н.Х.Максютовой и опубликована в 1973 году.

К этому времени были изучены все диалекты и говоры башкирского языка. Появились монографические работы по трем диалектам с их говорами. Вышли словари башкирских говоров в трех томах и сводный Диалектологический словарь башкирского языка (Уфа, 2002). Таким образом, к этому времени складывались все условия для разработки ДАБЯ.

Программа предусматривала изучение каждого явления, каждой особенности башкирских диалектов и говоров, которые в конечном

итоге должны были дать линию изоглоссы с точки зрения исторической, ареальной, смысловой нагрузки

По данной программе в течение 10 лет было обследовано 400 опорных пунктов, в том числе по 250 опорным пунктам составлена 171 карта и написаны комментарии, интерпретации М.И.Дильмухаметовым, У.Ф.Надергуловым, Н.Х.Максютовой, С.Г.Сабирьяновой, Г.А.Гареевой.

Установочные, теоретические вопросы, программа атласа, история изучения башкирских диалектов, список обследованных населенных пунктов, алфавитный указатель картографированных пунктов к атласу были подготовлены научным руководителем ДАБЯ Н.Х.Максютовой. Она же провела и первичное редактирование текстов атласа.

В процессе сбора материалов для атласа собиратели не ограничивались получением ответа лишь на вопросы программы, а также стремились охватить разряды лексики, которые характеризуют различные области деятельности людей, явлений природы и т.д. В результате диалектологический фонд пополнился богатым фактическим материалом, который позволил разработать новые проблемы, непосредственно связанные с атласом.

Для сбора материалов для ДАБЯ Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала академии наук СССР (в настоящее время УНЦ РАН) ежегодно организовались экспедиции и командировки в населенные пункты Башкортостана, а также в Оренбургскую, Курганскую, Челябинскую, Свердловскую, Саратовскую, Самарскую, Пермскую области России.

Материалы для атласа были собраны Н.Х.Максютовой, У.Ф. Надергуловым, М.И.Дильмухаметовым, Г.А.Гареевой, С.Г.Сабирьяновой (Гильмановой). Кроме них в сборе материалов и их обработке принимал участие Р.Г.Азнагулов.

На материалах лингвогеографического изучения диалектов башкирского языка был издан 3-х томный словарь диалектов башкирского языка. (-Уфа, 1969, 1970, 1987), составлен хрестоматийный сборник «Образцы разговорной речи башкир» (Уфа,1988), куда вошли тексты, отражающие народные ремесла, быт, народную медицину, обычаи, обряды, а также произведения народного творчества, в которых прослеживаются диалектные особенности. Материалы расположены в тематическом порядке по диалектам, говорам и подговорам с переводом на русский язык, ориентированным на близость к оригиналу. Даны сведения о том, от кого, когда и кем записаны тексты. Во всех работах локальные особенности башкирского языка представлены в связи с описанием истории деревень, обычаев, обрядов, профессии, жизнедеятельности башкирского народа.

На основе лингвогеографического изучения башкирского языка был составлен и в 2002 году издан сводный Диалектологический словарь башкирского языка, вышли монографии.

В работе лингвогеографические исследования охватывают два крупных этапа: 1) подготовка и составление карт (атласов), 2) их интерпретация (чтение). Лингвистические карты (атласы) сами по себе являются важными исследованиями и в то же время серьезным видом источников для дальнейшей работы диалектологов. Ведь определение темы лингвистической карты, отбор материала для картографирования, его классификация, установление количества иерархии оппозиций и обозначение их посредством тех или других картографических средств на карте уже являются именно лингвистической интерпретацией картографируемого материала , лингвистической карты вообще.

Материалы лексических и других лингвистических карт и атласов в своих исследованиях могут использовать не только лингвисты, но и историки, этнографы, специалисты других дисциплин. Лингвистические, особенно лексические, карты имеют многоплановые интерпретации: ареалогическую, лингвистическую в синхронном и диахронном аспектах, в том числе и этимологическую. Лингвистическую карту можно интерпретировать с точки зрения истории, этнографии, географии. Поэтому лингвисты, историки, этнографы в лингвистических картах могут находить нужные для определенного исследования данные.

Башкироязычное население на многих территориях проживает смешанно с татарским, тюменско-тюркским, кунгуро-тюркским, мишарским, тептярским, карагачевским, нагайбакским и другими тюркоязычными группами. В результате образуются многовариантность явлений, что в свою очередь приводит к сложностям передачи легенд, знаков, влияет на структуру карт. Например, лексическая изоглосса өләсәй «бабушка" имеет лексические варианты ҡартинәй, әңкәй, нәнәй,ҙуринәй дәүинәй, фонетико-грамматические варианты ҡәртнәй, ҡартый, ҡәрсей, семантические варианты оләсәй - әсәйҙең әсәһе «мать матери, бабушка со стороны матери", ҡарсәй "мать отца, бабушка со стороны отца" (южный регион), зурәңкәй, дәүинәй "бабушка со стороны матери", ҡартый "бабушка со стороны отца" (северо-западный регион), ҡәртнәй в едином значении бабушки (восточный регион) и т.д.

Термин инәй дает отдельные небольшие территориальные вспышки почти во всех башкироязычных регионах. Решение карты в таких случаях требует всестороннего исследования с учетом всех моментов – исторического, современного состояния и уровня смешанности диалектов и говоров.

Многие важные вопросы решаются в комментариях к картам. Изоглоссы четко указывают на географию синонима, установленного как нормативная форма литературного языка, как форма-доминанта, форма-эталон. Определение широколокальности (общенародность варианта), узколокальности (диалектизм), индивидуальности (микролокальность варианта) слов-синонимов решается лишь в результате картографирования, в результате лингвогеографического исследования языка. Результаты карт (атласов) указывают, что во многих случаях в силу субъективных причин узколокальные слова определены как нормативный вариант. Карты также указывают на недостаточное использование лексического богатства башкирских диалектов в сфере литературного языка, в сфере нормативной лексики .

Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа

ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Современная тюркология в диалектной системе башкирского языка выделяет три диалекта: восточный, северо-западный и южный [СИГТЯ 2002, 257]. Территориально восточный диалект охватывает восточную часть Башкортостана, отдельные районы Челябинской, Курганской и некоторые населенные пункты Свердловской областей [Максютова 1976]. Северо-западные районы Башкортостана, отдельные районы Пермского края, Свердловской области входят в зону распространения северо-западного диалекта башкирского языка [Миржанова 1991, 5]. Несмотря на ассимиляционные процессы, связанные с административно-территориальными изменениями 20-х годов XX в. в Мензелинском и Бугульминском уездах (кантонах), отдельные особенности северо-западного диалекта башкирского языка, судя по данным татарских диалектов, устойчиво сохраняются в говорах населения восточной части Татарстана [Садыкова 1985, 108-135; Баязитова 1989, 67-83]. А южный диалект в основном распространен в центральных и южных районах Башкортостана, отдельных районах Оренбургской, Саратовской, Самарской областей [Миржанова 1979]. Следует отметить, что башкирские диалекты в сопредельных с Башкортостаном областях и республиках распространены в основном в местах компактного проживания коренного башкирского населения соответствующего субъекта Российской Федерации. В городах и местах дисперсного расселения башкирского населения отмечаются смешанные говоры башкирских диалектов.

Башкирские диалекты расчленяются на говоры. В восточном диалекте отмечаются айский, аргаяшский, кубалякский, кызылский, миасский, салютский, среднеуральский говоры. Северо-западный диалект башкирского языка включает в свой состав гайнинский, караидельский, нижнебельский или нижнебельско-ыкский и

таныпский говоры. В состав южного диалекта входят демский, сакмарский и средний говоры [Максютова, 1976, 12-16]. Отдельные диалектологи выделяют бурзянский, учалинский, зигазинский говоры [Шәкүр, 2002, 218-222]. Диалекты и говоры башкирского языка очень близки между собой. Различия между ними незначительны и не мешают взаимопониманию и общению носителей всех трех диалектов. Известно, что диалекты многих языков мира настолько сильно отличаются друг от друга, что их носители вынуждены общаться друг с другом через язык-посредник. Для примера можно привести мордовские языки. Носители эрзянского и мокшанского языков мордовского этноса вынуждены общаться друг с другом через русский язык. Известно, что язык-посредник со временем “проглатывает” малые языки. По-видимому, в этом и причина интенсивной языковой ассимиляции мордовского этноса РФ. По данным микропереписи 1994 г., лишь 59% мордвы назвали родным мордовский язык [Государственные языки..., 1995]. Для сравнения можем привести ряд урало-поволжских этносов, чьи показатели по родному языку намного выше мордовского. Ср: по данным микропереписи 1994 г., назвали родным язык своего этноса около 80% башкир, 83% марийцев, 85,5% татар, 70% удмуртов, 78% чувашей [О реализации закона..., 2003, 10-14]. Итак, вернемся к башкирскому языку. Как уже говорилось выше, диалекты башкирского языка очень близки между собой. Но тем не менее им, как и диалектам других языков, характерны специфические особенности, отличающие их друг от друга и других тюркских языков. Особенности башкирских диалектов в основном относятся к фонетике, поэтому остановимся на некоторых фонетических особенностях диалектов и говоров башкирского языка.

Наиболее яркой особенностью диалектов башкирского языка являются:

1. Широкое употребление щелевого увулярного звука *h* вместо древнего пратюркского *c*. Ср. пратюркские *suw* 'вода', *sal* 'класть', *bas* 'давить', *basïnčaq* 'униженный, немощный', которые в башкирском языке и его диалектах перешли в звук *h*: *hыу, hал, баh* (в ик-сакм. говоре и *баҫ* – в лит. яз.), *баhымсаҡ* (в кызыл. и кубал., *баҫымсаҡ* – в ай. говорах). Следует отметить, что звук *h:* в пратюркском употреблялся только в конце слова, поэтому и в современных тюркских языках он встречается лишь в конце некоторых междометий (ср.: каз.: *ah!, uh!, oh!*) и заимствованных словах (ср.:в тат. *нава*, туркм. *hova*, узб. *hävä*, уйгур. *hava* 'воздух'). [СИГТЯ, 2002, 283]. Что же касается башкирского языка и его диалектов, то в них, как уже говорилось выше, во-первых, пратюркское *c* переходит в *h*. При этом по диалектам есть различия в его употреблении. Судя по данным диалектологов, последовательный переход пратюркского *c* в *h* отмечается в ряде говоров восточного и ик-сакмарском говоре

южного диалектов башкирского языка. Ср.: *һарымһаҡ* (арг., сальют) 'козлобородник', *йаһы* (кызыл.) 'широкий', *баһ* (бурз.) 'дави'. По употреблению *h* вместо общетюркского и пратюркского *ç* особо отличаются бурзянский и сальютский говоры, в которых звук *h* представлен (кстати, в сальютском хорошо сохранился и сегодня), во всех позициях слова. Ср.: *çаҡау* (бурз.) 'косноязычный', *ҡыһҡа* (сальют) 'короткий', *ҡыһым* (сальют) 'узкий', *өһ* (сальют) 'верх', *өһкитәк* (сальют) 'оборка' и др. В других говорах восточного и южного диалектов пратюркское *ç* в середине и конце слова обычно переходит в межзубный *ç*. Ср.: *аңçат* (дем., иргиз) 'легко', *таçыл* (сред., кубал.) 'опыт, сноровка, уменье', *ыç* (дем.) 'дым', *тәç-тәç* (дем) 'тас-тас – междометие для успокоения кобылицы' и др. Особенно последовательный переход пратюркского *ç* в межзубный *ç* отмечен в демском говоре южного диалекта, в котором звук *ç* употребляется даже в начале слова. Ср.: *çөт* 'молоко', *çарымçаҡ* 'чеснок', *çурау* 'вопрос', *çәндерә* 'лежанка' и др. Что же касается северо-западного диалекта башкирского языка, то в нем пратюркский *ç* хорошо сохранился. Ср.: *çаъызак* 'оса', (в баш. лит. – *һаъыҙаҡ*, тат. лит. – *кормош, шөпшә*), *çаҡал* 'нагрудник' (в баш. лит. – *һаҡал*, яға, в тат. лит. – *изү, күкрәкчә*), *çыбай* 'верхом' (в баш. лит. – *һыбай*, тат. лит – *атлы, җайдак*) и др. Следует отметить, что в говорах северо-западного диалекта башкирского языка звук *h* не употребляется даже в заимствованиях из арабского и персидского языков. Ср.: *аya* (гайн, нижнебельск.) 'воздух', в баш. лит. – *һаya*, в тат. лит. – *һава* (от арабского *hava* 'любовь, страсть', *өнәр* (нижнебельск, танып., гайн.) 'ремесло', в баш. лит. – *һөнәр*, татар лит. – *һөнәр* (от персид. *hünär* 'мастерство, умение', *уш* (сев.-запад) 'память, сознание, рассудок', в баш. лит – *һуш*, в тат. лит. – *аң, һуш* (от персид. *hoš* 'сознание'.

Интересно отметить и то, что в отдельных говорах башкирского языка одновременно, но в разных примерах встречаются все три звука, т.е. древнее пратюркское *ç*, межзубный *ç* и щелевой увулярный *h*. Например, в кубалякском и кызылском говорах восточного диалекта в отдельных словах и формах сохраняется пратюркский *ç*. Ср.: *саралйын/ саралдин* 'бекас', в лит. – *һаралйын; сарымсаҡ* 'чеснок', в лит. яз. – *һарымһаҡ; саташыу* 'бредить', в лит. – *һаташыу*. В то же время в других словах и формах кубалякского говора отмечается употребление звуков *h* и *ç*. Ср.: *һаһыҡ* 'вонючий, зловонный', в лит. – *һаçыҡ*; *çоçа* 'челнок ткацкого станка, в лит. – *һоça*'; *киһәк* 'кусок', в лит. – *киçәк* и др. Аналогичные примеры можно найти и в других говорах башкирского языка. Изложенные факты свидетельствуют о том, что в диалектах и говорах башкирского языка зафиксированы различные этапы перехода пратюркского *ç* в щелевой увулярный *h* через межзубный *ç* (с → ç → h). Судя по материалам, говоры и диалекты башкирского языка прошли специфический путь эволюции системы согласных. На определенном историческом этапе

пратюркский *с* перешел в *h*. Причем отдельные говоры еще сохранили пратюркское *с*, другие далеко отошли от пратюркского состояния и приобрели звук *h*, третьи, типа демского, отошли от пратюркского, но не дошли до звука *h*, они как бы задержались в своем развитии. Поэтому в этом говоре зафиксирован промежуточный *с*, который, судя по данным лингвиста-экспериментатора из Новосибирска Н. С. Уртегешева, находится на стадии перехода в увулярный щелевой *h*.

2. Второе интересное фонетическое явление диалектов и говоров башкирского языка - это употребление межзубного звонкого *ҙ* вместо пратюркского *d*. Следует подчеркнуть, что данное явление объединяет все три диалекта башкирского языка. Оно охватывает почти все позиции слова, если во внимание принимать и заимствования. Ср. в начале слова: *ҙимнәү* (караид.) 'сосватать, лит. *димләү*'; *ҙурәтәй* (сев.-запад) 'дед со стороны отца'; *Ҙөһрә* (нижнебельск), лит. *Зөһрә*; в середине слова: *боҙай* (сев.-запад) 'пшеница', в лит. баш. – *бойҙай*, в тат. лит. – бодай; *быҙау* (нижнебельск) 'теленок', в баш. лит. – *быҙау*, тат. лит. – *бозау*, *аҙаланыу* (среднеурал) 'портиться', в баш. лит. – *аҙыу*; тат. лит. – азу; в конце слова: *баҙ* (сакмар) 'погреб', *ҡаҙ* 'гусь' и т.д. Интересно отметить, что межзубный *ҙ* охватил даже аффиксальную систему башкирского языка и его диалектов. Ср. *барҙыҡ* 'мы ходили', *беҙҙә* 'у нас', *өйҙәр* 'дома', *бармаҙы* 'не ходил', *килмәҙе* 'не приходил' и д.р. Интересно отметить, что переход пратюркского *d* в *ҙ* особенно последовательно проходит в нижнебельском говоре башкирского языка. Как показывают примеры, в данном говоре звонкий межзубный *ҙ* охватывает даже анлаут заимствованных слов. Ср.: *ҙаман* ‘время, период’, *ҙар* ‘печаль’, *ҙакун* ‘закон’, *Ҙакир* – личное имя и др. [Миржанова, 1991, 5; Юлдашев, 2010, 124]. Данное явление настолько широко встречается в нижнебельском говоре башкирского языка, что его носителей – мензелинских башкир татары шутливо называют *ҡыҙыл боҙаулар* ‘красные телята’.

3. Как особенность северо-западного диалекта в области согласных можно привести употребление звука *с* или *ш* вместо пратюркского *Č (ч)* в отдельных словах и формах. Ср.: *әтәс* (караид., танып.) ‘петух’, в баш. лит. – *әтәс*, в тат. лит. - *әтәч*; *сейәләнеү* (караид.) ‘спутываться (о нитках)’, в баш. лит. – *сейәләү*, тат. лит. – *чуалыу*; *шишен* (танып., нижнебельск.) ‘раздеваться’, в баш. лит. – *сисен*, тат. лит. – *чишен*. [Миржанова, 1990, 124].

4.Из особенностей башкирских диалектов и говоров в области вокализма следует отметить редукцию праязыковых узких и последующее сужение широких гласных [СИГТЯ, 2002, 256]. В этом башкирский язык объединяется с татарским, в котором также отмечено данное явление, называемое в тюркологии “булгарским сдвигом” в вокализме. Как показывает термин, редукция

праязыковых узких и последующее сужение широких гласных в урало-поволжских тюркских языках произошло под влиянием булгарского языка. Если учесть, что в составе башкир, по данным Р.Г. Кузеева, представлен значительный булгарский компонент, то в формировании вокалической системы башкирских диалектов и говоров, безусловно, участвовал и язык булгарских племен [Кузеев, 1974]. Поэтому тезисы авторов "СИГТЯ. Региональные реконструкции" о том, что вокалическая система башкирского языка сложилась под влиянием татарского являются некорректными, т.к. башкиро-булгарские контакты, как отмечают историки, происходили задолго до сложения татарского языка. Как отмечают сами же авторы СИГТЯ, основа татарского языка с характерным булгарским сдвигом в системе вокализма складывается во второй половине XV в. [СИГТЯ, 2002, 256]. Да и языковой материал по диалектам башкирского языка показывает о разновременном и разнообъемном булгарском сдвиге в вокализме башкирского и татарского языков. Отличия в вокализме существуют даже в северо-западном диалекте. Например, в северо-западном диалекте в односложных словах и в первом слоге двусложных слов употребляется широкий звук *ә*, в то время как в татарском – узкий *и*: *кәм* 'меньше', в баш. лит. – *кәм*, тат. лит. – *ким*; *кәрәк* 'надо', в баш. лит. – *кәрәк*, тат. лит. – *кирәк*; *кәбәк* 'мякина', в баш. лит. – *кәбәк*, тат. лит. – *кибәк; кәртә* 'жердь', в баш. лит. – *кәртә*, тат. лит. – *киртә*. Сюда же можно добавить и такое явление, как употребление в составе отдельных корневых и аффиксальных морфем в северо-западном диалекте башкирского языка, как и в других диалектах, широких *а* и *ә*. Ср.: *бармәй* 'не идет',*килмәй* 'не придет', *ҡарайыҡ* 'посмотрим', *әйтмәйек* 'давайте не скажем' и др. Что же касается татарского языка, то в нем в указанных формах употребляются узкие *ы* и *и*. Ср.: *бармый*, *килми*, *карыйк*, *әйтмик*. Аналогичные примеры можно привести по всем говорам башкирского языка. Изложенные факты еще раз доказывают близость всех трех диалектов башкирского языка. Имеющиеся различия между диалектами и говорами отражают взаимосвязи башкирского языка с другими тюркскими и нетюркскими языками. Кроме этого, они свидетельствуют о сложной этноязыковой истории самих башкир.

Как отмечают авторы СИГТЯ, опираясь на исторические и лингвистические материалы, вплоть до XVIII в. территория распространения башкирского языка охватывала некоторые юго-восточные районы современного Татарстана. Об этом свидетельствуют и татарские говоры, которые до сих пор сохраняют фонетические признаки, характерные только для башкирского языка. Изменения начинают происходить лишь в XVIII в., когда на башкирских землях появляются припущенники – татары, чуваши, марийцы, удмурты, служилые татары – мишари, которые, вступив в

контакт с местными башкирами, оказали определенное влияние и на их язык. Появились новые реалии и новые слова, консервировались пратюркские особенности, появились дублетные формы. Решающую роль в изменении северо-западного диалекта сыграли мечети, медресе и мектебы, служба и обучение в которых в XVIII-XIX вв. в основном велась на татарском языке. [СИГТЯ, 2002]. Все это способствовало формированию специфических фонетических особенностей северо-западного диалекта башкирского языка.

Литература:

Баязитова Ф.С. Мензелинский говор татарского языка // МТД. Вып.7. Казань, 1989.

Государственные языки в Российской федерации. М., 1995.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского языка. М. 1974.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 1991.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

О реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2003. С.10-14.

Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. Казань, 1985.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Э.Р. Тенишев. М., 2002.

Шәкүр Р. Быуаттар аманаты. Өфө, 2002. 218-222-се бб.

Юлдашев А.А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М., 2010.

Примеры приведены по словарям: Древнетюркский словарь. Л., 1969; Башҡортса-русса һүҙлек. М., 1996; Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. I том (Өфө, 1967), II том (Өфө, 1970), III том (Өфө, 1987); Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө, 2002; Татарско-русский словарь. В 2 Т. Т. I (Казань, 2007), Т II (Казань, 2007).

Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ А.А. ЮЛДАШЕВА, ИЗВЕСТНОГО ТЮРКОЛОГА, БАШКИРОВЕДА

Прошло более 20-ти лет с той трагической даты, когда погиб видный тюрколог, известный башкировед, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор филологических наук, профессор Ахнаф Ахметович Юлдашев. Уроженец деревни Кальшалы Туймазинского района Башкортостана, как он сам говорил, башкир — кыр-йыланского рода, А.А. Юлдашев после окончания отделения иностранных языков Белебеевского педучилища в 1938 году начал работать в Тубинской школе Баймак-ского района учителем немецкого языка. Началась война и учитель А.А. Юлдашев, как и все его сверстники, получил повестку. В Великую Отечественную войну он был на фронте в качестве военного переводчика. После демобилизации А.А. Юлдашев окончил факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института и, как лучший студент, был направлен в Москву в аспирантуру. Написав и защитив под

руководством Н.К. Дмитриева кандидатскую диссертацию, А.А. Юлдашев стал работать в Институте языкознания АН СССР, где он проработал более 30 лет. Начав как языковед – практик (переводчик), работая в Институте языкознания вместе с такими тюркологами, как Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Э.Р. Тенишев и др., А.А. Юлдашев стал одним из крупнейших тюркологов – кыпчаковедов Советского Союза. Как ученик Н.К. Дмитриева, исследовательскую работу А.А. Юлдашев начал с изучения башкирских диалектов. Его кандидатская диссертация «Язык тептярей» посвящен изучению говора тептярского населения Учалинского района Башкортостана. В своей кандидатской диссертации А.А. Юлдашев, подробно описав говор тептярей, блестяще доказал его принадлежность к башкирскому языку. В 1959 г. он обращается к изучению говора башкир Туймазинского района. Чуть позже появляются его статьи, посвященные северо-западному диалекту башкирского языка и методике сбора диалектологического материала по башкирскому языку. В статьях «К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР», «Северо-западный диалект башкирского языка и его отношение к литературному языку» А.А. Юлдашев одним из первых изучил особенности диалекта и под-держал тезис Т.Г. Баишева о том, что язык северо-западных башкир является диалектом башкирского языка. А все изменения в разговорной речи башкир этого региона, по мнению А.А. Юлдашева, происходят под возрастающим унифицирующим влиянием литературного татарского языка, который «благодаря густой сети школ, осуществления всеобщего среднего образования, популяризации литературы, печати на татарском языке проникает во все сферы общества».

Действительно, унифицирующее влияние литературного татарского языка на северо-западный диалект в последние десятилетия оказалось настолько сильным, что часть башкир региона уже потеряла не только язык, но и национальную идентичность, так как сознание этнической принадлежности тесно связано с общностью языка.

Изучение диалектов логично привело А.А. Юлдашева к проблемам истории формирования башкирского литературного языка. Его статьи «К проблеме формирования башкирского национального языка», «Формирование единых норм башкирского языка», «Башкирский язык», «К характеристике современного башкирского литературного языка», написанные не только на материале литературного языка, но и диалектов, дали толчок для изучения истории литературного языка.

Большое значение для развития башкирского языкознания имеют его труды, посвященные грамматическому строю башкирскому языка. Глубокое знание башкирского, других тюркских и западноевропейских языков позволило А.А. Юлдашеву создать фундаментальные труды по категории вида, залога, спряжения и

словообразования глаголов башкирского языка, которые дали толчок для развития грамматического направления в башкирском языкознании. Венцом творческих достижений ученого в развитии грамматического и фонетического направлений башкирского языкознания, как отмечает известный кыпчаковед, башкировед Т.М. Гарипов, по праву является коллективная академическая «Грамматика современного башкирского литературного языка», выполненная в Институте истории, языка и литературы БФАН СССР лингвистами Башкортостана под руководством А.А. Юлдашева. Эта грамматика, написанная разного уровня и взглядов авторами, им была полностью переработана и тщательно отредактирована. В результате была создана фундаментальная, пронизанная единой концепцией работа, которая, как в свое время «Грамматика башкирского языка» его учителя – Н.К. Дмитриева, стала образцом для написания академических грамматик других тюркских языков.

Наряду с башкироведческой проблематикой объектом исследования А.А. Юлдашева были и общетюркологические темы. Защитив в 1966 году докторскую диссертацию на тему «Аналитические конструкции глагола в тюркских языках», А.А. Юлдашев показал себя крупнейшим специалистом по морфологии и словообразованию тюркских языков. Именно поэтому ему и было поручено написание таких сложных разделов тюркской морфологии, как «Категория залога» и «Словообразование глагола» для академической «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Морфология», в которой он выступает не только автором, но и соредактором. Следует добавить, что, кроме тома по морфологии, А.А. Юлдашев принимал участие в подготовке и редактированию первого тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Фонетика». Таким образом, А.А. Юлдашев принимал самое непосредственное участие в создании и редактировании первых двух томов шеститомной фундаментальной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», открывшей новый этап в изучении истории тюркских языков – групповой реконструкции. Как отмечает известный тюрколог А.В.Дыбо, подобного рода исследование является новым не только в тюркологии, но и сравнительно-исторической лингвистике в целом.

Отрадно отметить, что совсем недавно, т.е. в 2010 г. увидел свет еще один труд А.А. Юлдашева. Это большая статья, называемая «Диалекты башкирского языка», вышедшая в коллективной монографии “Диалекты тюркских языков”. Данная монография, написанная в 1967-1972 гг. под руководством Е.И. Убрятовой, представляет собой итог целого периода бурного развития диалектологических исследований в 1950-1965 гг. В данной статье в соответствии с поставленной задачей А.А. Юлдашев башкирские

диалекты описал как в синхронии, так и диахронии. Подробно описав и выделив основные особенности каждого диалекта, А.А. Юлдашев впервые в башкирском языкознании рассмотрел их на широком общетюркском фоне с привлечением пратюркских реконструкций. Это дало возможность установить генезис отдельных явлений башкирского языка.

Подводя итоги, можно сказать, что у большого ученого, лингвиста, тюрколога, башкироведа А.А. Юлдашева есть свое место в башкирской диалектологической науке.

Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа

ДИАЛЕКТОЛОГ Т.Г. БАИШЕВ

Тагир Галлямович Баишев — признанный диалектолог, крупнейший лексиколог, специалист по лексикографии и терминологии тюркских языков родился 15 августа 1886 г. в д. Халилово Златоустовского уезда Уфимской губернии (ныне - д. Старо-Халилово Дуванского района РБ). Получив образование в мектебе, медресе и русско-башкирской школе, он стал работать учителем. В 1907 г. Т. Баишев был призван на военную службу, где поступил в военно-фельдшерскую школу и успешно окончил ее. Позднее в качестве военного фельдшера он участвовал в первой мировой войне, походах русской армии в Монголию и Иран. В 1918 г. он вернулся домой и стал работать учителем. Однако в связи с нехваткой медицинских кадров в регионе ему пришлось оставить школу и до 1923 г. работать фельдшером, ветеринаром в Месягутовском кантоне. В 1923 г. Тагир Галлямович вернулся в школу. Однако вскоре его назначили инспектором сначала в отдел образования Месягутовского кантона, позднее - Башкирского народного комиссариата просвещения. В годы работы в комиссариате Т. Баишев принимал участие не только в организации обучения башкирскому языку, но и в переводе и создании новых школьных учебников, словарей, работе лингвистических экспедиций, то есть всю свою энергию и знания он отдавал языковому и культурному строительству в республике. Поэтому переход его на работу в Институт национальной культуры в 1933 г. был логичен. Именно с этого времени Т.Г. Баишев вошел в историю лингвистической науки как диалектолог, лексикограф и лексиколог.

За время работы в институте он принял участие в 11 диалектологических экспедициях в различные районы республики, систематизировал и обобщил собранные материалы в отчетах объемом более 2,5 тысяч страниц. Опираясь на эти материалы, Тагир Галлямович написал множество статей по различным аспектам башкирского языка. Выступая в качестве одного из основных составителей, он принимал участие в создании двух крупных двуязычных словарей. Однако наиболее ценной работой в башкирском языкознании

является его фундаментальная монография «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку», изданная в Москве в 1955 г. Как пишет известный диалектолог Н.Х. Максютова, эта работа вывела башкирскую диалектологическую науку на всесоюзную тюркологическую арену. В своей монографии Тагир Галлямович сумел систематизировать и осмыслить огромный диалектный материал. Опираясь в основном на фонетический принцип, он провел классификацию башкирских диалектов и говоров, описал их специфические особенности, выделил территории распространения, установил общие лексические и морфологические признаки. Но самое главное — в своей монографии ученый сумел доказать наличие трех диалектов в башкирском языке - восточного, южного и северо-западного с входящими в них говорами, которые назвал: h - ç наречие (айский говор), ç — наречие (демский говор), h - наречие (сальютский говор), ȝ - ç - наречие (аргаяшский говор), с — наречие (северо-западный говор), ȝ - з — наречие (караидельский говор), ȝ — наречие (таныпский говор), п — т - наречие (средний говор).

Исследования диалектологов в последующие годы подтвердили наличие трех диалектов в башкирском языке. Изданные тома диалектных словарей и Диалектологического атласа башкирского языка доказали, что все диалекты базируются на исконно башкирской лексике, связанной с бытом и культурой, историей и менталитетом башкирского народа. Морфемная их структура практически не отличается. Что же касается фонетических признаков, то их отличие связано с историко-позиционными факторами в развитии тюркских, в том числе и башкирского, языков.

В монографии Т.Г. Баишева уделяется внимание и вопросам определения лексической нормы литературного языка. По этому поводу он пишет: «Лексическая норма литературного языка базируется главным образом на основном словарном фонде и словарном составе разговорного языка всех башкир, обслуживаемых на данном литературном языке. Литературный язык не идет за разговорным языком, а творчески возглавляет его — каждое слово и термин разговорного языка он должен подвергнуть научной обработке».

Монография Тагира Галлямовича не потеряла актуальности и сегодня, когда диалектологическая наука в своем развитии вступила на новый этап, когда диалектный материал стал использоваться для реконструкции древней языковой картины мира этноса, когда некоторыми журналистами и отдельными преподавателями вузов муссируется вопрос об изменении норм башкирского литературного языка. Большая экспедиционная работа в районах Башкирии и за ее пределами позволила Баишеву обобщить многочисленные наблюдения за башкирскими говорами и диалектами, их взаимоотношения с литературным языком и создать на этой основе свою концепцию по

диалектной системе и отношению ее к литературному башкирскому языку, внести свои предложения по языку обучения северо-западных башкир.

Им на диалектном материале разработаны впервые терминологии животноводства, родства, растениеводства.

Тагир Галлямович выступил пионером в изучении специфических особенностей языка профессиональных групп, городского башкирского населения, как бы сегодня лингвисты назвали городского диалекта башкир. Изучив язык рабочих-башкир Баймакского, Тубинского заводов, одним из первых он поставил вопрос о русских заимствованиях и употреблении интернационализмов в языке башкир горно-рудной зоны. Его наблюдения и выводы, связанные с изучением функционирования башкирского языка в коллективах со смешанным населением, различными профессиональными группами, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Кроме языкового материала, ученый собрал и систематизировал огромный материал по этнографии, фольклору и истории деревень Башкирии. На основе этих данных ученый позднее создал этническую карту башкир и карту диалектов башкирского языка. Бесспорен вклад в науку Тагира Галлямовича Баишева. Он входит в состав блестящей плеяды таких ученых- башкироведов, как СИ. Руденко, Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, А.А. Юлдашев, А.Г. Биишев, которые своими исследованиями вписали не одну яркую страницу в летопись не только башкирской науки, но и тюркологии в целом.

Хөсәйенова Л.М., Латыпова А., Стәрлетамаҡ ҡ.

АРҒАЯШ ҺӨЙЛӘШЕНЕҢ ЛЕКСИК ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

(Силәбе өлкәһенең Аяҙғол ауылы миҫалында)

Әлеге ваҡытта арғаяш һөйләшендә йыш ҡулланылған һәм һүҙлектә теркәләгән һүҙҙәр: *оро* (ҡоҙоҡ), *әбсәй* (ҡурай еләге), *бәпәй* (бала), *ҡалаҡай* (баланы аяҡҡа баҫтырыу һүҙе), *алъаҙау* (йөрәкһеү, тулҡынланыу), *быуай* (атайҙан оло кеше), *аран* (ерҙе ҡаҙып эшләнгән һарыҡ ояһы), *баҡыу* (ҡарау), *бормаҡай* (бөҙрә сәс), *иген туръайы* (һабан турғайы), *егем* (екке ат), *иген* (баҫыу), *керсек* (тубырсыҡ), *кикел* (аттың маңлай ялы), *кәмәрсек* (аҡ турғай), *ҡаҡылсан* (сана кәйелгән ер), *ҡумалтай йәки ҡуңалтаҡ* (аяҡ кейемен ойоҡһоҙ кейеү), *ҡупа* (һаҙлыҡ), *мыҡты: мыҡты атаһы* (атаһына оҡшаған), *тоҡон / тоҡондай* (бөтөн килеш, мәҫәлән, арпанан тоҡондай үрә бешерҙек), *толъа* (өсаяҡ), *төшәнеү* (һаташыу), *һайъаҡ* (түшәм), *эремек* (эремсек), *таш еләге* (ҡайын еләге), *йорсо* (ҡәйнеш), *күгәл* (һуна өйрәк), *күң* (күтер, йығылған ҡамыш ҡатламы), *ҡоролдай* (ваҡ ҡош), *оҙан* (ата ҡор), *дуйын* (балсыҡ), *жәйенке* (сынаяҡ аҫты), *атҡыс* (мәргән).

Һүҙлектә теркәлгән, ләкин беҙ тикшергән территорияла икенсе фонетик вариантта ҡулланылған һүҙҙәр: *апфын* (килендәш, һүҙлектә - апҫын), *баҙыу* (арыу, һүҙлектә - баҙау).

“Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге”ндә бөтөнләй осрамаған диалекталь берәмектәр: *аҡтатыр үләне* (йәки *асыуат* – солончак), *ҡыр кишере* (йәки *бөтмәрсек / ҡуянтубыҡ*), *үгеҙ-бағa* (йәки *һыу буъаһы* - выпь водяная), *өйәмә* (туп-тулы, мәҫәләп, өйәмә күнәк елəк), *төбәр* (ағас төбө), *төйөҫ* (туҙ һауыт), *халъя* (талпан), *баъым* (көн бите), *боҡай* (баланы ҡурҡытыу һүҙе), *беҙ* (балтаның йөҙө).

Һүҙлектә икенсе мәғәнәлә бирелгән һүҙҙәр: *атау* (күл уртаһындағы утрау; икенсе мәғәнәһе /төньяҡ-көнбайыш/- залежь, луг, лужайка (лесная), *баъыныу* (буйһоноу; икенсе мәғәнәһе – лечиться), *балсыҡ* (тупраҡ, һүҙлектә был мәғәнәһе юҡ), *игәт* (бирнә, һүҙлектә - урта һөйләшәтә “пасынок, падчерица”).

Һүҙлектә башҡа һөйләш материалы булараҡ теркәлгән, шулай ҙа әлеге ваҡытта арғаяш һөйләшендә лә ҡулланылған һүҙҙәр: *балъа* (сүкеш – һүҙлектә төньяҡ-көнсығыш, урта урал, урта һөйләш миҫалы булараҡ бирелә), *биштәрләү* (артмаҡлау — урта, дим һөйләштәрендә), *мәмешкәк* (ҡамырйемеш — дим, ҡариҙел һөйләштәрендә), *еле* (ҡолондар торған урын — ырғыҙ, эйек-һаҡмар һөйләштәрендә), *ҡаҡсан* (йоҡа кәүҙәле кеше, һүҙлектә - мейәс, төньяҡ-көнбайыш, әй һөйләштәрендә), *ҡуйтыр* (тире тун, һүҙлектә — төньяҡ-көнбайыш), *нурыштау* (көн боҙолоу, һүҙлектә — мейәс һөйләше), *сыр* (селбәрә, һүҙлектә - мейәс һөйләшендә), *һаба* (үҙән, һүҙлектә — мейәс һөйләшендә), *һыртлыҡ* (арҡалыҡ, һүҙлектә — ҡыҙыл, мейәс, әй һөйләшендә), *туҙъаҡ* (бәпембә, һүҙлектә — һаҡмар һөйләшендә).

Бер нисә берәмектең һүҙлектә төрлө мәғәнәләре теркәлгән, шулай ҙа арғаяш һөйләшендә уларҙың тағы ла бер лексик мәғәнәһе барлығы асыҡланды.

Олғашыу (арғаяш һөйләшендә “ҡулынан тотоу” мәғәнәһен белдерә), һүҙлектә: 1. дим – аралашыу, 2. ҡыҙыл, эйек-һаҡмар – кәрәк булыу, 3. урта – дусар булыу, 4. урта – ойҡашыу, 5. ҡариҙел, эйек – етешеү.

Сағыр (сағыр күҙле ат - күҙенә аҡ төшкән), һүҙлектә:1. дим – таҫыр, аҡыш, 2. мейәс – йәшкелт күкһел (күҙ), 3. ырғыҙ – һары акация, 4. һаҡмар – ҡау, ҡышлаған үлән.

Алаша (һуғым аты), һүҙлектә 1. мейәс, әй – ат, 2. урта – шөкәтһеҙ ат, 3. ғәйнә - ҡатынһыҙ ҡартайған ир.

Шулай итеп, хәҙерге ваҡытта арғаяш һөйләшендә телебеҙ өсөн ҡыҙыҡлы матераил булыуы асыҡланды. Уларҙы артабан да тупларға һәм өйрәнергә кәрәк.

Шайхулов, А. Г., г. Уфа

АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

(краткий историографический обзор)

В результате практического осмысления и теоретической систематизации языкового эмпирического материала, собранного в

течение многих десятилетий татарскими языковедами-диалектологами в процессе исторической, этнокультурной и лингвогеографической интерпретации в последние десятилетия была проведена, как известно, интенсивная и многоаспектная работа по определению состава диалектной системы татарского языка, что нашло свое отражение в "Атласе татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья" [1989] и в его "Комментарии" [1989]. При этом были выявлены не только новые говоры и подтверждены ранее известные классификационные признаки татарских диалектов, но раскрыты дополнительные специфические черты. Благодаря этому появилась возможность по-новому взглянуть на накопленное и, используя созданный представителями нескольких поколений языковедов базисный материал, приступить к обобщающим исследованиям в самых различных аспектах, к вычленению лингвистических пространств, противопоставленных по определенным признакам остальному лингвистическому континууму, что имеет первостепенное значение прежде всего для исследований по исторической диалектологии любого языка, в том числе и татарского [Бородина 1966, 191; Рамазанова 1988, 3; Закиев 2008, 436-440; Шайхулов, Бикмаева, Садыкова, 2005 и др.]. Как известно, результаты изучения говоров лингвогеографическим методом показали, что в Западном Приуралье сформировалось лингвистическое пространство, включающее говоры как среднего, так и мишарского диалектов [сравн.: Махмутова 1978, 261], испытавшее влияние башкирского языка и характеризующееся сложностью этноязыковой ситуации. Опираясь на достигнутые успехи татарской диалектологической науки, стало возможным по-новому подойти к проблеме формирования говоров этого пространства и дать этнолингвистическую характеристику западноприуральского диалектного ареала татарского языка в целом, включающий в себя и языковые особенности татарского населения Республики Башкортостан [сравн.: Рамазанова 1984; Рамазанова 1998, 3].

В частности, исследовательница монографических описаний, посвященных формированию татарских говоров юго-западной Башкирии, а также выявлению историко-лингвистических особенностей формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка Д.Б. Рамазанова отмечает, что эти исследования как ареальные в общепринятом понимании этого слова опираются на материал, извлекаемый из диалектологических исследований, а также из карт Атласа. При обобщении результатов привлекались работы авторов по ряду говоров западноприуральского ареала как бирский [Махмутова МТД, II - 57-85; Хайрутдинова ИИДТЯ, III - 36-62], байкибашевский [Махмутова МТД, II - 57-85;Рамазанова, Хайрутдинова ИИДТЯ, III - 62-92], златоустовский [Хайрутдинова

1985] говорам, бакалинскому подговору [Баязитова 1986, 35-38], а также в качестве сравнительного материала - по зауральским и южноуральским [Юсупов 1979; Садыкова 1985] говорам [Рамазанова, 1998, 3-4].

В частности, исследователи, определяя некоторые основные пути сложения западноприуральских говоров устанавливают, что в этом процессе большую роль сыграли неоднократные наслоения миграционных потоков татар из Поволжья, взаимовлияние и взаимодействие говоров различных этнографических групп татар, а также влияние как родственных, так и неродственных языков. Большое значение имели своеобразные политико-экономические условия, создавшиеся в Башкирии в составе Русского государства. [Рамазанова 1984; Рамазанова ИИДТЯ, III - 5-36; Рамазанова МТД, VI-20-43; Рамазанова 1996 и ряд др.] и т.д. Все это показало, по мнению Д.Б.Рамазановой, что возникновение рассматриваемого лингвистического пространства в наибольшей степени зависело от экстралингвистических факторов [Рамазанова 1998,4].

Отмечая актуальность диалектологических исследований, некоторые авторы указывают, что татарские говоры Западного Приуралья оставались недостаточно изученными, диалектология не располагала точными данными о составе говоров указанного ареала, об их лингвистической характеристике, границах распространения и истории их формирования. Восполнение этих пробелов стало возможным, по мнению исследователей, в ходе изучения говоров татарского языка методом лингвистической географии [Рамазанова, 1998, 5]. Необходимость исследования говоров определенного - в данном случае периферийного - ареала, как справедливо указывают на то исследователи, заключается также и в том, что в них, в силу изолированного развития, нередко продолжают бытовать архаичные особенности и могут возникнуть инновации, изучение которых имеет большое значение для решения отдельных вопросов истории формирования и современного функционирования татарского, также и других тюркских языков в таком огромном географическом пространстве, каковым является Волго-Камско-Уральский этнолингвистический регион [сравн.: Рамазанова 1998, 5]. Создание общей картины сложения приуральских говоров и этнического формирования их носителей на основе накопленного разнообразного материала с использованием результатов картографической интерпретации Атласов, составленных как татарскими, так и башкирскими диалектологами, может дать, на наш взгляд, возможность решать ряд вопросов лингво- и этногенеза татар, проживающих в Республике Башкортостан.

Примечательно, что в диалектологических исследованиях, посвященных изучению особенностей татарских диалектов и, говоря

в масштабе Урало-Поволжского региона, одним из определяющих направлений и целей является, с одной стороны, этнолингвистическая характеристика татарских говоров Западного Приуралья (включая особенности говоров татар Республики Башкортостан) в связи с историей этнического формирования их носителей и уточнения места этих говоров в общей диалектной системе татарского языка, с другой – создание общей картины формирования татарских говоров западноприуральского ареала и этногенетических процессов, происходивших в ходе формирования их носителей [сравн.: Рамазанова 1998, 5-6].

В диалектологических исследованиях ведущих татарских лингвистов, посвящённых выявлению особенностей говоров татар, проживающих в республике Башкортостан, местный языковой материал, в целом, осмысляется и анализируется в сравнительном плане диалектных данных татарского, башкирского, чувашского языков в рамках таких многофакторных задач, как:

а) изучение на местах говоров рассматриваемого ареала лингво-географическим методом, т.е. на основе единой Программы и по определённой сетке;

б) описание говоров в систематическом сравнении с литератур-ным языком, татарскими говорами, привлекая при этом также и данные по тюркским, монгольским, финно-угорским и другим языкам, по старотатарским и древнетюркским памятникам;

в) уточнение классификации татарских говоров Западного Приуралья, границы и пределы их распространения; установление их внутренних связей и соотношений;

г) раскрытие истории формирования носителей как говоров Западного Приуралья, так и говоров татар, проживающих в Республике Башкортостан, на основе линвистических особенностей и с учётом этногенетических данных, привлекая при этом архивные и историчес-кие источники, легенды, бытующие среди носителей этих говоров;

д) выявление дифференциальных признаков каждого говора и характеристики особенностей, общие для всех западноприуральских говоров [сравн.: Рамазанова 1998,6].

В контексте методологического обоснования проблемы раскры-тия специфики формирования татарских говоров как Западного Приуралья, так и татар, проживающих в Республике Башкортостан в трудах татарских диалектологов приобретают известную актуальность, т.к. исследование языка, как известно, направлено также и на определение этнической принадлежности его носителя. При этом на первый план вполне обоснованно выдвигается принцип объективности и историзма, комплексного подхода в изучении уникального культурно-исторического наследия, каковым является любой говор того или иного языка [сравн.: Рамазанова 1998, 6].

В ходе выполнения исследований по всем говорам Западного Приуралья татарские диалектологи сумели уточнить классификацию и границы распространения мензелинского, бирского, пермского говоров. Исследователями выявлены такие новые говоры, как пермский, тепекеевский, стерлитамакский, турбаслинский; установлены подговоры пермского говора, впервые описаны агрызский, белебеевский, янаульский подговоры мензелинского говора; установлены изоглоссы многих интересных и важных с точки зрения истории формирования татарского языка особенностей [Рамазанова 1998, 8].

Необходимо также отметить, что обобщающие исследования татарских диалектологов по истории формирования говоров и их носителей, материалы и анализы по изоглоссам представляют собой, по справедливому определению авторов, объективный надёжный базис при изучении не только этногенеза татарского народа, но и многочисленных связей его с другими родственными и неродственными народами Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона [сравн.: Рамазанова 1998, 8-9].

Литература:

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья.- Казань, 1989.

Баязитова Ф. С. Говоры татар – кряшен в сравнительном освещении.- М., 1986.

Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка). – М. – Л., Гл. IX.

Закиев М. З. История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие). – М., 2008. Особо: §130. Башкуртское государство и отношение его к булгаро – татарской государственности.

Комментарии к «Атласу татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья». – Казань, 1989.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект татарского языка. – М., 1978.

Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо – западных районов БАССР (по материалам экспедиций 1954 – 1957 гг.)// МТД, II.

Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго – западной Башкирии. – Казань, 1984.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. – Казань, 1996.

Рамазанова Д.Б. Историко–лингвистические особенности формирования западноприуральского ареала татарского языка //Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 1998.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования татарских говоров северо – западной Башкирии // ИИДТЯ, III.

Рамазанова Д.Б. Тепекеевский говор татарского языка // МТД, VI.

Рамазанова Д.Б., Хайрутдинова Т. Х. К вопросу формирования байкибашевского говора мишарского диалекта татарского языка // ИИДТЯ, III.

Руденко С. И. Башкиры. – М. – Л., 1955.

Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. – Казань, 1985.

Хайрутдинова Т. Х. Бирский говор среднего диалекта татрского языка // ИИДТЯ, III.

Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар. – Казань, 1985.
Шайхулов А.Г., Бикмаева Л.У., Садыкова З.Р. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. Том I
Юсупов Ф. Ю. Көньяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. – Казан, 1979.

Шакирова Л.З., г. Казань

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ З.Ш. ШАКИРОВА

Большую работу по изучению Башкирии, ее истории, экономики, культуры, этнографии и языка проводили такие представители интеллигенции, как Закир Шакиров, Габдулла Амантай, Габбас Давлетшин, Вали Хангильдин и др. Так, под руководством Закира Шакирова одна группа башкирских ученых выезжает в Аргаяшский кантон Челябинской области с целью изучения разговорного башкирского языка, фольклора. Некоторые материалы, собранные экспедицией, после соответствующей обработки публикуются З. Ш. Шакировым в качестве статьи "Краткий отчет об экспедиции, организованной Обществом по изучению Башкирии, в мае 1929 года" (журнал "Белем", 1930).

В 1928—1932 гг. Закир Шакиров был одним из активнейших участников комплексной экспедиции лингвистов-фольклористов, организованной Академией наук СССР. Экспедицию возглавил выдающийся тюрколог Николай Константинович Дмитриев. На эти годы приходится знакомство и тесное сотрудничество З. Ш. Шакирова с Н. К. Дмитриевым, переросшее в дальнейшем в крепкую многолетнюю дружбу.

В ходе экспедиции по зауральской глубинке Башкирии Н. К. Дмитриев и З. Ш. Шакиров, будучи в нынешних Баймакском и Абзелиловском районах, встречаются со стариками, записывают с их слов песни, сказки, изречения.

"Особенно теплой была встреча,— вспоминал З. Ш. Шакиров, — с блестящим сказителем и певцом Абдрахманом Узанбаевым в деревне Туктагол Баймакского района". Здесь Николаю Константиновичу и Закиру Шакировичу удалось записать на фонограф мелодии кураистов "Ҡараташ аҫты суҡ муйыл", "Ирәндек", "Төйәләҫ", "Ғилмияза", "Сибай", "Баяс", "Аҡ яурын — сал бөркөт", "Бейеш", "Һакмар", "Наволи-хин", а в тетрадь — легенды.

Экспедиционный отряд под руководством Н. К. Дмитриева весьма плодотворно работал в Учалинском и Белорецком районах, а группу, направлявшуюся в сторону Аргаяша, Коншака, Ялан-Катая, возглавлял Закир Шакиров.

В результате слаженной творческой работы членов экспедиционных групп было собрано около 20 печатных листов диалектологического и фольклорного материала. Здесь было немало записанных впервые народных песен, сказок, пословиц, загадок, рассказов, легенд. Например, лишь число записанных в различных районах песен достигло 800.

Материалы экспедиций в виде обобщенных отчетов публиковались З. Ш. Шакировым в научных журналах "Белем" (1930, № 2), "Культура революцияһы" (1931, № 2—3), "Краеведческий сборник"

(1928— 1930, № 3—4) и др.

Во время экспедициИ Закир Шакиров не только собирает материалы, относящиеся к народному творчеству и разговорному языку, но и уточняет многие факты по истории просвещения башкир. В своей рукописи "Акмулланың бер шиғыры" ("Одно стихотворение Акмуллы") он пишет о своей находке следующих поэтических строк выдающегося башкирского поэта-просветителя XIX века Мифтахетдина Камалетдинова, прозванного народом Акмуллой, который вслед за Салаватом Юлаевым обратился к своему народу "башкорттарым" ("мой башкиры") со стихотворением:

Башҡорттарым, уҡыу кәрәк, уҡыу кәрәк!
Арабыҙҙа наҙандар күп, уҡыу һирәк,
Аңғыра айыуҙан Уралдағы ҡуркҡандай,
Әй, туғандар, наҙанлыҡтан ҡурҡыу кәрәк!
Илтифат ит: уҡыуҙалыр шәрәфәттәр,
Яһиллыҡтан килә ятыр ҙур афәттәр,
Уҡығандар күктә осор, һыуҙа йөҙөр,
Юҡтыр унда әүлиәлек, кәрәмәттәр.
Уҡыганга был донъяла йәләл булыр,
Харам тигән күп шәйҙәр хәләл булыр.
Ырыҫ, дәүләт шишмәһен асам тиһәң,
Ғилем-һөнәр берҙән-бер әмәл булыр.
Алтыға берҙе ҡушып, һан ун булмай,
Сәғәтте алға бороп, төн көн булмай.
Белемлелек — арыҫландай көслө батыр,
Шуға атланмай, һинең төшөң һис өн булмай.

О том, как удалось найти это стихотворение, Закир Шакиров пишет следующее: "Это стихотворение я списал из одной древней книги в 1931 году в деревне Гает Ялан Катайского района Курганской области. Из-за того, что не было первых страниц, я не смог выяснить, какая это книга. Мне сказали, что стихотворение Акмуллы на последнюю страницу вписал один учитель башкирского языка, приезжавший в 1926 году на летние каникулы из Белорецкого района"[1].

Стихотворение Акмуллы выражает чаяния самого Закира Шакирова, поэтому он сделал все возможное, чтобы ввести его в поэтический обиход.

Во время экспедиции он живо интересуется биографическими данными Акмуллы, собирает сведения о его творческой деятельности. По возвращении в Уфу при встречах с учеными беседует с ними о выдающемся поэте и узнает о встречах Акмуллы с М. Уметбаевым. В статье "Хәтерҙә ҡалған бер иҫтәлек" ("Оставшееся в памяти одно воспоминание") З. Шакиров рассказывает об этом факте.

Таким образом, экспедиция, организованная АН СССР с целью изучения Башкирии, позволила ученому-тюркологу значительно обогатить свои познания в области башкирского языка, собрать важные для своей научно-педагогической деятельности материалы, приступить к составлению терминологических словарей, написать ценные для истории башкирской культуры воспоминания. Однако с огромной досадой Закир Шакирович вспоминал о том, что очень ценная

рукопись, в которой были обобщены материалы, полученные в ходе экспедиции, была уничтожена в результате пожара. Эта же участь постигла уникальную по значимости личную библиотеку, которую восстановить не удалось.

Шакирова Н. С.,Өфө ҡ.

БАШҠОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ СЕБЕР-ТАТАР ТЕЛЕ ҺҮҘҘӘРЕНЕҢ ОҠШАШ ЯҠТАРЫ

Төрки телдәренең диалекттарында күрше ҡәрҙәш телдәргә оҡшаш һыҙҙаттарҙы осратырға була. Бындай күренеш бигерәк тә диалекттарҙа асыҡ күренә.

Тюркологтар себер-татарҙарының телен дә, башҡорт теле кеүек үк, ҡыпсаҡ төркөмөнә индерәләр. Был телдәр бер-береһе менән тарихи яҡтан бәйләнеш, ләкин һәр телгә хас үҙенсәлектәрҙе лә табырға мөмкин. Башҡорт телендә 42 хәреф булһа, себер-татар телендә (себер-татар теленең яҙма формаһы нормалары билдәләнмәгән әле) 39 хәреф иҫәпләнә [Сәғиҙуллин 2008, 17]. Был телдәрҙә уртаҡ һүҙҙәр бик күп, мәҫәлән: мөйөш, ҡатын, тупраҡ, ел, йыр, муйыл, кәмә, ауырлыҡ, йылға, ҡылыҡ, ауыл һ.б. Башҡорт теленә хас булған **һ, ҫ, ҙ** өндәре был телдә юҡ. Башҡорт телендәге **ҙ, ҫ**, һәм **х, ф** өндәре урынына **с, п, т, к** өндәре ҡулланыла, мәҫәлән: *тоҙ — тос (соль), әҙер - әсер, тиҙ - тис, ҙур - сур, ҡыҙ - ҡыс, йөҙ — йөс; дуҫ - тус, мәҫәл — мәсәл, оҫта - оста, дөрөҫ — төрөс; файҙа - пайта, ҡаҙак - ҡатаҡ, аҙым - атым, йоҙрок - йоторок, ъәҙәт — ҡәтәт, ҡоҙа - ҡота, майҙан - майтан, бойҙай - потай, аҙна - атна.*

Арғаяш һөйләше вәкилдәренең көнбайыш Себерҙә йәшәгән ырыу-ҡәбиләләр, халыҡтар менән этник бәйләнештәре булған. Ул бәйләнеш, әлбиттә, телдә лә сағылмай ҡалмаған. Көнбайыш Себер телдәрендәге **с - з** фонетик мөнәсәбәттәре хакас телендә лә күренә [Ишбулатов 2000, 160].

Ф < п, х < к өндәренең күсеше себер-татар теле һүҙҙәренә **ф** һәм **х** өндәре хас түгел икәнлеген күрһәтә *(Хәреф — ҡәреп, фил - пил, синыф - синып, әфлисун - әплисун, фәрештә - пәрештә; халыҡ - ҡалыҡ, хайран - ҡайран, сәхнә - сәҡнә, хан - ҡан, хата - ҡата, хәзер — ҡәсер, бөхтә - пөҡтә, хөкөм — ҡөҡөм, ахмаҡ - аҡмаҡ).*

Башҡорт һүҙҙәрендәге **б, г, ғ, д, з, ҙ** өндәре себер-татар һүҙҙәрендә **п, к, т, с** өндәре аша әйтелә. Мәҫәлән, **б < п**: *борол - порол, был - пы, бесән — песән, булды - пулты, бүләк — пүләк, буран - пуран, балык- палыҡ, биш - пиш, баяҙы - пайаъы, беҙ - пес, бала — пала ;* **г < к**: *гел - кел, зәңгәр — сәңкәр, диңгеҙ - тиңкес, изге - иске, һөҙгөс — сөскөҫ, һиҙгер — сискер;* **д < т**: *дәфтәр — тәптәр, булды - пулты, дуҫ - тус, дин - тин, дөйә - төйә, дауыл - тауыл, инде - инте, дарыу — тарыу.* Проф. С. Е. Малов фекеренсә, һүҙ башында **п** өнө боронғо төркиҙәренә ингән сыуаш һәм хакас телдәрендә һаҡланған. Мәҫәлән, сыуашса: *пайтах - байтаҡ, пелев - белем;* хакасса: *паста - башла.* Һүҙ башында боронғо **п** өнө себер татарҙарының һөйләшендә *(пала, пулты, паш)* һәм Егән буйы типтәрҙәре һөйләшендә лә *(пала, пулды, паш)* һаҡланған (Әҙәби башҡорт телендә *бала, булды, баш)* [Кейекбаев 2002, 117].

Башҡорт һүҙҙәренең ижек башында торған һаңғырау **к, п** өндәре себер-татар һүҙҙәрендә **г, б** өндәренә күсә: **к < г:** *төлкө - төлгө, икән — игән, сикә - сигә, иркен - ирген, йүкә - йүгә, үкереп - үгереп, өкө - өгө;* **п <. б***: сепрәк — сөбөрәк, һепертке - себертке, күпер — күбер;* **б < м**: *бынау - мынау, бында — мында; мын<* **п**: *муйын - пуйын, муҡса - пуҡса, менән — пелән.*

Башҡорт һүҙҙәрендәге **г, к, х** өндәре себер-татар һүҙҙәрендә төшөп ҡалалар, мәҫәлән: *ъәрәп - арап, ъәскәр - әскәр, ъалим — алим, һауа - ауа, һәләк - әләк, һәйбәт - әйбәт, һис - иц, хәлүә - әлүә.*

Себер-татар телендә шартлаулы **ц** (тс) һаҡланған. Әҙәби башҡорт теле менән сағыштырғанда: *сәнске — цәнецке, эшсе - эшце, әсе - ацы, өсөн — өцөн, сәй - цай, киске - кицке, өс - өц, сәс - цац, кисә - кицә.* Проф. В. А. Богородицкий башҡорт телендәге **с** өнөн туранан-тура **ц** (тс) өнөнән үҫкән һәм башҡорт теле үҙенең үҫешендә **ц**-ләшеүсе (цокающий) себер-татар теле менән яҡынайған, тип күрһәтә [Кейекбаев 2002, 136].

Көньяҡ диалектта Урта һөйләштең сиге **л, м, н, ң** өдәренән һуң **д** өнө урынына һаңғырау **т** өнө һәм **м, н, ң** өндәренән һуң **ғ, г** өндәре урынына һаңғырау **ҡ, к** өндәре килә: *ҡалты - ҡалды, урманта - урманда, урамта - урамда, утынҡа бара - утынъа бара* [Ишбулатов 2000, 137].

Башҡорт йәнле һөйләү телендә һуҙынҡы өндәрҙең элизияһы булған кеүек, тартынҡы **п** һәм **б** өндәренең дә элизияһын да күҙәтергә мөмкин. Мәҫәлән: *ҡайты-пара, алы-пулмаҫ, ките-паръанда* [Кейекбаев 2002, 91].

Ҡариҙел, урта һөйләштәрҙә диссимилятив өн ҡушылмары **нт, ңт, мт, лт, рт, ңк, мҡ, мк** ҡулланыла: *мында, ҡалты, барты, уңҡа;* себер-татар телендә: *мында, ҡалты, парты, уңҡа;* башҡорт әҙәби телендә *бында, ҡалды, барҙы, уңъа.* Был фонетик күренеш — һөйләштең төп фонетик һыҙығы [Ишбулатов 2000, 172].

Йәнле һөйләү телендә һүҙ башында **ҡ-ғ** һәм **к-г** өндәренең сиратлашыуы башҡорт һәм себер-татар телдәре өсөн дә хас. Миҫалдар килтерәйек. Себер-татар телендә: *кецкенә-ъысым, әр-ъайсы, алты-геше.* Башҡорт телендә: *кес кенә-ъыҙым, алты-геше, хөрмәтле-ъунаҡтар.*

Себер-татар телендә лә, Төньяҡ-көнсығыш диалекты һөйләштәрендә лә бойороҡ һөйкәлешенең күплектәге 2-се заты **-ң (-ың, -ең, -оң, -өң)** ялғауы менән белдерелә: *баъың - ҡараъыҙ, пасың - тороъоҙ, элең - элегеҙ, тороң - тороъоҙ* [Ишбулатов 2000, 102].

Тартынҡы өндәрҙең ассимиляцияһы (прогрессив ассимиляция) башҡорт диалекттарында ла, себер-татарҙары телдәрендә лә күҙәтелә. Сонор **м, н, ң** тартынҡыларына бөткән һүҙҙәрҙең ҡайһы бер аффикстары шул уҡ сонор **н** өнө менән башлана. Мәҫәлән: Көньяҡ диалектта *урман-нар, тың-на, урам-нар;* себер-татар телендә *порон-но, сәләм-нәр, ҡом-ноҡ, аң-нау* [Сәғиҙуллин 2010, 26]. Себер-татар телендәге *порон-ҡо* башҡорт теленең йәнле һөйләү телендә *бороң-ъо* формаһында ишетелә (регрессив ассимиляция).

Тартынҡы өндәрҙең диссимиляция күренеше башҡорт теленең Урта һөйләше, себер-татар теле һәм хәҙерге уйғыр теленең диалекттары өсөн генә характерлы. Ул күренеш Башҡортостанда йәшәүсе Егән буйы типтәрҙәренең һөйләшендә бар. Миҫалдар: *пелте — белде, алты — алды, парты — барҙы.* Себер-татар телендә: *...Улы мән урманта аң эстәп йөрителәр игән. Шаннан паласын...*

ҡалтырып үсе шүнтый аңны эстән цыҙып китәте. (...Улы менән урманда һунар эҙләп йөрөйҙәр икән. Шунан балаһын... ҡалдырып, үҙе һунарҙы эҙләп сыҙып китә) [Кейекбаев 2002, 108].

Себер-татар телендә	Әй-Мейәс һөйләшендә	Башҡорт әҙәби телендә	Аңлатмалар
пецән пыщраҡ	*песән пысраҡ*	*бесән бысраҡ*	Ҡайһы бер һүҙҙәрҙең башында **п** өнө осрай.
шанта	*шанда*	*шунда*	***Шул*** күрһәтеү алмашы **а** өнө менән йөрөй.
үртәк өйрәнкәле	*үрҙәк үрәнеү*	*өйрәк өйрәнеү*	Һүҙ башында ***өй*** өнө ҡушылмаһына **ү** өнө тап килә.

Башҡорт диалекттарының һәм һөйләштәренең башҡа телдәр менән булған бәйләнеше был халыҡтарҙың борон-борондан бер-береһе менән аралашыуын аңлата. Ләкин һәр тел үҙаллылығын һаҡлап ҡалған.

Литература:

Ишбулатов Н. Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. Өфө, 2000.

Кейекбаев Ж. Ғ. Башҡорт теленең фонетикаһы. Өфө, 2000.

Сагидуллин М. А. Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка. Тюмень, 2008.

Сагидуллин М. А. Русско-сибирскотатарский словарь. Тюмень, 2010.

Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953.

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар – Казань: КГПИ, 1994.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992;

Тумашева Д. Г. Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень, 1997.

Сыбыр П. Р. Особенности говора тарской (аялинской) группы тоболо-иртышского диалекта сибиров: дипломная работа – Тобольск: ТГПИ, 2005.

Шакуров Р.З. , г. Уфа.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО МЕСТА В СИСТЕМЕ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА БАШКИР

Вопрос о северо-западном диалекте башкирского языка долгие годы – вплоть до начала 80 – 90-х годов прошлого столетия – не находил удовлетворительного решения. Это связано с особенностями развития и становления самой диалектологической науки в Башкортостане, а также в немалой степени – с болезнями роста этой отрасли башкирского языкознания, на которую оказывали свое воздействие и общественно-политическая ситуация в республике той поры, и ряд не только объективных, но и субъективных факторов. Во всяком случае, как бы то ни было, если

заглянуть в историю башкирской диалектологической науки, можно обнаружить довольно пародоксальное явление: еще задолго до фронтального обследования разговорного языка башкир, расселившихся на огромных, тысячекилометровых просторах от Волги до Тобола, несколько раз были предприняты те или иные классификации его диалектной системы. Понятно, что при таком подходе были неизбежны ошибки и противоречия. Причем некоторые из этих классификаций были выдвинуты довольно поспешно, без учета всего корпуса фактического материала и довольно сложной языковой картины по всей территории расселения башкир, поэтому естественно, что многие положения, выдвинутые, например, в конце 1950-х годов таким крупным научным авторитетом, как профессор Дж.Г. Киекбаев, не могли быть приняты безоговорочно. С сожалением приходится отметить, что именно в этот период и именно благодаря Дж.Г. Киекбаеву башкирские диалектологи окончательно запутались в вопросе о наличии в башкирском языке третьего, северо-западного диалекта. Впрочем, до этого все шло как будто бы вполне логично. Еще 1940 году на 2-й всебашкирской лингвистической конференции с участием выдающегося тюрколога и башкироведа, руководителя первых диалектологических экспедиций в Башкортостане, профессора Н.К. Дмитриева был высказан тезис о наличии в башкирском языке трех территориальных диалектов восточного, южного и западного [Миржанова 2006, С.12]. Вопрос о третьем, западном, диалекте снова был поставлен на повестку дня на научном семинаре, проведенном в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в 1953 г., проведенном по инициативе Н.К. Дмитриева. Участники семинара пришли к признанию языка северо-западных башкир третьим, самостоятельным, диалектом башкирского языка и выступили с предложением начать глубокое научное исследование говоров этого диалекта. Тема была включена в план научно-исследовательских работ института. И уже в следующем, 1954, году под руководством известного башкирского диалектолога Т.Г. Баишева была проведена диалектологическая экспедиция в Аскинсакий, Балтачевский, Бураевский, Янаульский районы республики. В результате был собран довольно богатый материал по фонетике, грамматике и лексике и сделан вывод о том, что “западный диалект составляет неотьемлемую часть башкирского народно-разговорного языка”. Однако в дальнейшем работы по изучению говоров северо-западных башкир были надолго прерваны, а бесценный научный отчет экспедиции, столь скурпулезно и тщательно подготовленный к печати великим труженником науки Т.Г. Баишевым, стал лишь достоянием архива и только спустя болеее полувека увидел свет в академическом издательстве “Гилем” [Баишев 2008], за что, конечно, честь и хвала руководству и сотрудникам Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Необходимо упомянуть и о том, что Т.Г. Баишев, всю свою жизнь посвятивший башкирской диалектологии и лексикографии, первым из башкирских

диалектологов еще в 1949 году на Ученом совете Московского государственного университета под руководством Н.К. Дмитриева успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему “Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку”. В 1955 г. это исследование ученого увидела свет в виде отдельной монографии в издательстве МГУ. (Указанная книга Т.Г. Баишева, так же, как и упомянутый выше научный отчет диалектологической экспедиции 1954 года, ровно через полвека была переиздана и тем самым перестала быть библиографической редкостью [Баишев 2006, 132 с.]). Что очень важно: несмотря на несовершенство методов и критериев классификации диалектной системы, Т.Г. Баишеву удалось, пусть даже в основном только по морфологическим признакам, выделить и обосновать наличие в башкирском языке трех диалектов – восточного, южного и западного. Ученый составил подробную Диалектологическую карту башкирского языка с полным охватом всей территории расселения башкир, которая по своим очертаниям напоминала этнографические карты башкир, составленные профессором С.И. Руденко и, впрочем, вовсе не случайно была опубликована в его монографии “Башкиры”, изданной в том же 1955 году.

В эти же годы на уровне руководства республики, да и среди представителей самих северо-западных башкир время от времени довольно остро начинает ставиться вопрос о языке обучения и об изучении башкирского литературного языка в школах башкирских населенных пунктов данного региона. Т.Г. Баишев, поднимавший этот вопрос в своих письмах и обращениях в органы власти страны и республики, вскоре попадает под опалу, длившуюся до конца его дней, в Башкортостане ему и тем, кто мог поддержать его, навешиваются всевозможные ярлыки. К сожалению, в это время уже не было в живых Н.К. Дмитриева, в Уфе же никто не осмеливался встать в защиту Т.Г. Баишева, и ему приходилось отстаивать свою позицию почти в одиночестве. И вот в такой обстановке в 1958 году в “Ученых записках Башкирского государственного университета” появляется довольно большая статья Дж.Г. Киекбаева “Башкирские диалекты и краткое введение в их историю” [Киекбаев 1958, С. 37 - 76]. Через два года эта же работа под названием “О диалектах башкирского языка” публикуется в книге “В помощь учителям башкирского языка” [Киекбаев 1960, С. 3 - 31]. Работа Дж.Г. Киекбаева, пользовавшегося непререкаемым научным авторитетом, на долгие годы выбила из колеи башкирских диалектолгов в их отношении к северо-западному диалекту. А в Башкирском государственном университете вплоть до конца 90-х годов прошлого века курс “Башкирской диалектологии” включал в себя только два диалекта – восточный и южный. И здесь никто не задавался вопросом: а что же произошло с северными и западными башкирами? Ведь дело даже и не в количестве самих диалектов, а в нарушении пространственной целостности. В связи с этим хотелось бы напомнить о том, что в свое время, например, академик В.В. Радлов действительно высказал мысль о наличии в башкирском

языке двух диалектов – горного и степного (Phonetik der nordlichen Türksprachen. Leipzig, 1882). Вслед за ним профессор Н.Ф. Катанов, в конце XIX века предпринявший две длительные поездки к башкирам Уфимской губернии, также пришел к выводу о наличии двух наречий в языке башкир: наречия западной части губернии и восточного наречия [Миржанова 2006, С. 12]. Выходит, и В.В. Радлов, впервые высказавшийся по данному вопросу, и Н.Ф. Катанов проводили линию разделения диалектов башкирского языка в меридиональном направлении. Видимо, такое представление вполне соответствовало реальному состоянию языковой картины того времени, поскольку разговорный язык южных, западных и северных башкир и в наши дни обнаруживает, особенно в области морфологии, намного больше сходства между собой, чем с говорами восточного диалекта. А главное, деление это не влекло за собой игнорирования говоров ни одного региона, заселенного башкирами. Правда, Дж. Г. Киекбаев попытался избежать этого противоречия. Например, в составе южного диалекта среди других говоров он выделил также дёмско-караидельский и северо-западный говоры. Т.е. он, с одной стороны, и не отрицал наличия в башкирском языке отдельных говоров северо-западных башкир, совершенно неуместно включив их в состав южного диалекта, с другой стороны, и не признал за ними статуса самостоятельного диалекта. Этого было достаточно для противников Т.Г. Баишева. Нам представляется, что Джелиль Гиниятович прибегнул в этом случае к какому-то половинчатому решению вопроса, возможно, рассчитывая со временем внести столь необходимую коррективу в плане признания того самого северо-западного диалекта. Тем более даже само название “южный диалект” подсказывало, что в его составе не может быть ни северо-западного говора, ни караидельского, который занимает территорию на противоположной стороне от дёмского говора, в самых северных Аскинском и Караидельском районах республики. Диалектологи Башкортостана, как было сказано выше, надолго оказались в плену ошибочных взглядов Дж. Г. Киекбаева и только спустя многие годы пришли к признанию северо-западного диалекта башкирского языка. В то же время надо отдать должное таким крупным ученым, как Н.Н. Попе, А.А. Юлдашев, Т.М. Гарипов, которые так или иначе проявляли интерес к данному диалекту. Н.Н.Поппе, профессор Вашингтонского университета, в прошлом член-корреспендент АН СССР, находясь в эмиграции, в 1964 году в г. Блумингтоне выпустил книгу на английском языке “Башкирская грамматика” (“Bashkir manual”), в которой в качестве третьего диалекта башкирского языка выделил северо-западный диалект. Не раз обращался к этой теме и профессор А.А. Юлдашев, работавший в Москве в секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР, и так же как и Н.Н.Поппе, мог позволить себе занять независимую позицию. Одна из его работ, например, напрямую связана с проблемой изучения северо-западного диалекта [Юлдашев 1968, С. 67 - 71]. Между тем “вопрос этот, - как отмечала в свое время С.Ф. Миржанова, - привлекал к себе внимание не только языковедов, но и

общественности и особенно выходцев из северо-западных башкир, которые считают свой язык диалектом башкирского языка [Миржанова 1991, С. 13].

В 70-80-е годы XX века началась интенсивная работа по дальнейшему более углубленному изучению диалектов и говоров практически на всей территории проживания башкир. Естественно, что башкирские диалектологи должны были выполнить свой моральный долг и перед башкирами северо-западного региона. Наконец, соответствующая тема была включена в план научно-исследовательских работ ИИЯЛ. Задачу комплексного монографического описания разговорного языка северо-западных башкир взвалила на свои хрупкие плечи доктор филологических наук С.Ф. Миржанова, ставшая к тому времени известным диалектологом. В итоге многолетней кропотливой работы ученого башкирская наука в буквальном смысле обогатилась новой, третьей по счету, монографией, посвященной системному описанию одного из диалектов башкирского языка. Опираясь на ранее проведенные историко-этнографические и диалектологические исследования и используя собранные в ходе экспедиционных поездок полевые материалы, С.Ф. Миржанова с достаточной полнотой проанализировала фонетические, грамматические и лексические особенности северо-западных говоров и пришла к твердому выводу о том, что “язык северо-западных башкир в своей основе сохраняет единство с башкирским языком в целом и его контактирующими говорами и выступает неотъемлемой частью единого целого – башкирского народно-разговорного языка в качестве его самостоятельного северо-западного диалекта [Миржанова 1991, С. 287]. В составе исследованного диалекта автор выделила четыре говора: караидельский, танып ский, гайнинский и нижнебельско-икский. С.Ф. Миржанова отметила также, что язык башкир Северо-Западного Башкортостана, представляющий собой самостоятельный диалект башкирского языка, функционирует во взаимодействии с языками проживающего по соседству татарского и финно-угорского населения, “носители которых владеют местным диалектным языком и между собой общаются на этом диалекте” [Миржанова 1991, С. 290] и подчеркивает, что язык татарского населения Северо-Западного Башкортостана необходимо квалифицировать как смешанные говоры, “несущие в себе диалектные особенности не только своих родных говоров, но и в первую очередь значительные черты башкирского народно-разговорного, а также финно-угорского языков” [там же. С. 290].

Таким образом, спустя более четырех десятилетий после опубликования упомянутой выше сатьи Дж.Г. Киекбаева был дан убедительный ответ на вопрос о том, что же собой представляет живой разговорный язык северо-западных башкир. Исследование С.Ф. Миржановой, так же, как и ее монография “Южный диалект башкирского языка”, стала ныне настольной книгой для тех, кто работает в области башкирской диалектологии.

В заключение о современной классификации диалектной

системы башкирского языка. В ней, теперь уже по единодушному признанию всех ведущих диалектологов, выделяются три диалекта: восточный, южный и северо-западный. В ходе исследований, проведенных в 80-90-е годы прошлого века, в составе этих диалектов выявлен ряд новых, ранее не обозначенных или по какой-то причине не принятых во внимание территориальных говоров.

В 1999 году, разрабатывая программу по дисциплине "Башкирская диалектология" для студентов факультетов и отделений башкирской филологии высших учебных заведений, мы столкнулись с задачей построения обновленной классификации диалектной системы башкирского языка. При этом мы за основу взяли прежде всего монографические труды, посвященные специальному изучению тех или иных конкретных диалектов и говоров. Так, в составе восточного диалекта Н.Х. Максютова выделила в свое время следующие пять говоров: айский, миасский, кизильский, аргаяшский и сальютский (сальзигутский) [Максютова 1976]. В него мы включили и шестой по счету территориальный говор – асулинский. Этот говор, оригинальнейший по своим особенностям, представляет собой разговорный язык учалинских башкир-тептярей, который когда-то был подробно изучен А.А. Юлдашевым в его кандидатской диссертации "Говор тептярей" (М., 1950 г.) и оказался незаслуженно забытым башкирскими диалектологами. В составе южного диалекта С.Ф. Миржанова выделила и подробно описала три территориальных говора – икско-сакмарский, дёмский и средний [Миржанова 1976]. Однако дальнейшие исследования показали, что на этой весьма обширной по территории диалектной зоне могут быть выявлены и такие ранее не исследованные говоры, как зиганский, уршакский, а также иргизо-камеликский. (Кстати, по двум последним из этих говоров написаны и защищены кандидатские диссертации). Темой кандидатской диссертации стал также говор среднеуральских башкир. В последующем М.И. Дильмухаметов подготовил и издал эту свою работу в виде отдельной монографии (Уфа, 2006 г.). Понятно, что говор башкир Среднего Урала должен был найти свое место в классификационной системе башкирского разговорного языка. Правда, с такой оговоркой: отдельным, собственно среднеуральским, по всем признакам может быть только северная зона изученного М.И. Дильмухаметовым говора, ибо южная зона этого ареала, по признанию самого исследователя, представляет собой подговор айского говора восточного диалекта. Северная же зона по всем своим особенностям (особенно по фонетическим) может быть отнесена как самостоятельный среднеуральский говор в составе северо-западного диалекта. Всего в составе всех трех диалектов мы выделяем в настоящее время 17 территориальных говоров и столько же подговоров.

Сложный и тернистый путь в своем развитии прошла за полвека башкирская диалектологическая наука. Есть на этом пути и потери, и обретения. Но главное в том, что, наконец, найдены ответы на ранее нерешенные вопросы, в том числе и в отношении северо-

западного диалекта. Что касается позиции Дж.Г. Киекбаева к этой проблеме, то диалектологи в дальнейшем, хотя и с большим опозданием, смогли выработать самостоятельную позицию в отношении третьего диалекта башкирского языка. Поспешной оказалась в целом и классификация диалектов и говоров, предложенная Дж.Г. Киекбаевым. И в то же время, несмотря на это, статья выдающегося ученого сыграла безусловно важную роль в развитии башкирской диалектологической науки. Дело в том, что, в отличие от своих предшественников, Дж.Г. Киекбаев выдвинул комплексный метод изучения диалектов, при котором следует исходить как из фонетических, так и морфологических и лексических признаков языка. (По этому методу диалекты различаются друг от друга и от литературного языка в основном по фонетическим и морфологическим, а говоры – по фонетическим и лексическим признакам.) Метод, выработанный Дж.Г. Киекбаевым, берется ныне за основу во всех исследованиях, посвященных изучению башкирских диалектов и говоров. Этот же метод использован при исследовании северо-западного диалекта и в решении проблемы определения его места в системе разговорного языка башкир.

Такова одна из поучительных страниц истории башкирской науки. Хотелось бы завершить свое выступление такими словами: хороши те ученики, которые верны своим учителям, но при этом умеют прокладывать свои собственные пути в безбрежном мире познания.

Литература:

Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. – Уфа: Гилем, 2006. - 132 с.

Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. –Уфа: Гилем, 2006.

Киекбаев Ж.Ғ. Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш // Башҡорт дәүләт университеты. Ғилми яҙмалар, III сығ. Башҡорт филологияһы, № 2. Өфө, 1958. 37 – 76 бб.

Киекбаев Ж.Ғ. Башҡорт теленең диалекттары тураһында // Башҡорт теле укытыусыларына ярҙамға. Өфө, 1960. 3 – 31 бб.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). –М.: Наука, 1976.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 1991; 2-ое изд. Уфа: Гилем, 2006.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. –М.: Наука, 1979.

Юлдашев А.А. Северо-западный диалект башкирского языка и его отношение к литературному // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968.

Шамигулова И.Ф., г. Кумертау

УСВОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ ШКОЛЫ

Задача учителя в условиях диалекта – научить учащихся башкирскому языку в том его виде, в котором он является языком культурных слоёв общества, печати, радио. Таким языком является литературный язык. Его нормы распространяются на произношение, грамматику, лексику и фразеологию, стилистику. Нарушение этих норм может

наблюдаться в речи учащихся. Ученики, обучающиеся родному башкирскому языку и изучающие башкирский язык как государственный в условиях городской школы также допускают в своей устной и письменной речи ошибки диалектного характера. Эти ошибки объясняются тем, что с самого раннего детства будущие школьники дома слышат и усваивают не литературную речь, а похожую на литературную — диалектную. На уроке такие школьники оказываются в значительно трудном положении, чем остальные. Говор также сказывается и на орфографической грамотности ученика.

Перед учителем возникает вопрос: как относиться к речи ученика? Каждый раз поправлять ученика или не обращать внимания на особенности его речи, считая, что они вполне естественны для ребенка, выросшего на селе и переехавшего в город? Наиболее правильным для нас учителей было бы обучение учеников литературному произношению. Ученик, носитель диалекта, в школе овладевает литературным языком, дома все еще будет наряду с литературным языком пользоваться диалектом как разговорным языком. Ни в коем случае нельзя отрывать ученика от естественного источника речи – языка родной семьи и деревни. Поэтому усвоение литературного языка должно происходить постепенно, язык литературный должен дополнять и обогащать родной язык. Обязательным условием успешной работы по устранению ошибок является знание учителем основ орфоэпии башкирского языка и строгое соблюдение орфоэпических норм во время урока с учениками. Учитель должен знать основу диалектологии и знать наиболее распространенные ошибки своих учеников. Только на этой основе учитель сможет правильно организовать преподавание башкирского языка. Успех урока также будет зависеть в значительной мере от того, насколько он хорошо сумеет использовать во время урока своё знание местного говора.

Шәйхисламова З.Ф., Өфө к.

Н.Х. ИШБУЛАТОВТЫҢ БАШҠОРТ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҺЫ ӨЛКӘҺЕНДӘГЕ ЭШМӘКӘРЛЕГЕ ХАҠЫНДА

Күренекле ғалим, төркиәтсе, филология фәндәре докторы, профессор, Башҡортостандың атҡаҙанған фән эшмәкәре Нәғим Хажғәле улы Ишбулатов башҡорт тел ғилемен үҫтереүгә ҙур көс һалған ғалимдарҙың береһе.

Профессор Н.Х. Ишбулатов 1928 йылдың 10 августында БАССР-ҙың Тамъян Ҡатай кантоны Ҡаҙмаш ауылында (хәҙерге БР-ҙың Әбйәлил районы) ярлы крәҫтиән ғаиләһендә тыуып үҫкән. 1943 йылда тыуған ауылында тулы булмаған урта мәктәпте тамамлағас, 1946 йылғаса Баймаҡ районының Теməс педучилищеһында белем ала. 1948 йылға тиклем Силәбе өлкәһендә совхозда эшләй һәм шул уҡ йылда Өфөләге Тимирязев исемендәге Башҡорт дәүләт педагогия институтының (хәҙерге Башҡорт дәүләт университеты) филология факультетына (башҡорт теле бүлегенә) уҡырға инә. 1952 йылда был уҡыу йортон тик

яҡшы билдәләргә генә (хәҙергесә ҡыҙыл диплом менән) тамамлай.

Артабан ул уҡыуын Мәскәүҙәге СССР Фәндәр академияһының Тел ғилеме институты аспирантураһында дауам итә. 1955 йылда Н.Х. Ишбулатов филология фәндәре докторы, Башҡорт АССР-ның атҡаҙанған фән эшмәкәре Ә.Ә.Юлдашев етәкселегендә "БАССР-ҙың Әбйәлил районы Ҡаҙмаш ауылы һөйләше" темаһына кандидатлыҡ диссератцияһын уңышлы яҡлап, филология фәндәре кандидаты дәрәжәһенә күтәрелә.

Йәш ғалим Н.Х. Ишбулатов ғилми эшмәкәрлеген 1955 йылда СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында башлай. 1964 йылдың март айына тиклем кесе, унан өлкән ғилми хеҙмәткәр булып эшләй.

1959-1964 йылдарҙа ул башҡорт диалекттарын өйрәнеү төркөмөн ойоштороусыларҙың береһе булараҡ, диалектологик экспедицияларға етәкселек итә. Ошо экспедициялар материалы нигеҙендә артабан башҡорт диалектологияһы, башҡорт әҙәби теле өсөн мөһим булған байтаҡ фәнни хеҙмәттәр, һүҙлектәр донъя күрә. Билдәле булыуынса, был осорҙа фәнни нигеҙҙә башҡорт диалекттары материалын йыйыу ҙур көс, белем талап иткән мәсьәлә икәнлеге аңлашыла, сөнки дөрөҫ төҙөлгән һораулыҡтар, белешмәләр йыйыу программаларына ҡытлыҡ була. Ҡыҫҡа ғына ваҡыт эсендә "Башҡорт теле һөйләштәренең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ"[1959], "Башҡорт теленең диалектологик атласын төҙөү өсөн белешмәләр йыйыу программаһы"[1959], "Башкирский диалектологический сборник"[1959], "Башкирская диалектология: Говоры Юго-востока Башкирии"[1963] тигән башҡорт диалектологияһы өсөн иғтибарға лайыҡ хеҙмәттәр баҫылып сыға. Әйтергә кәрәк, үрҙә әйтеп киtelгән экспедицияларҙа ҡатнашыусыларҙың барыһы ла тиерлек күренекле телсе-ғалим дәрәжәһенә лайыҡ булалар.

Н.Х. Ишбулатовтың хеҙмәт юлын Башҡорт дәүләт университеты менән бәйле. Ул филология факультетының башҡорт теле кафедраһында тәүҙә өлкән уҡытыусы, 1965 йылдың сентябрынан доцент вазифаһын башҡара, башҡорт-рус теле бүлеге студенттарына "Башҡорт диалектологияһы", "Башҡорт теленең фонетикаһы" курсы һәм "Башҡорт орфоэпияһы" тигән махсус курстар буйынса лекциялар уҡый.

1966-1968 йылдарҙа СССР Педагогия фәндәре академияһы Милли мәктәптәр институты Башҡортостан филиалының мөдире була. Башҡорт дәүләт университетына яңынан эшкә ҡайтҡас, башҡорт теле кафедраһына мөдир итеп һайлана, "Хәҙерге башҡорт теле. Фонетика", " "Төрки телдәрҙең сағыштырма грамматикаһы", "Тюркологияға инеш" курстарын алып бара.

1975 йылда Н.Х. Ишбулатов "Башҡорт теленең диалекттарын сағыштырып өйрәнеү. (Фонетика. Морфология)" темаһына бағышланған докторлыҡ диссертцияһын яҡлай, әммә филология фәндәре докторы дипломын 1977 йылдың апрель айында ғына ҡулына ала. 1981 йылда

Н.Х. Ишбулатов профессор дәрәжәһенә күтәрелә, 18 йыл башҡорт теле кафедраһын етәкләй. 1989 йылдың аҙағынан алып ғүмеренең һуңғы көндәренә тиклем (2006 йыл февраль) башҡорт һәм дөйөм тел ғилеме кафедраһының профессоры була. Башҡорт дәүләт университетында ҡырҡ йыл эшләү дәүерендә монографиялар, мәктәп уҡыусылары һәм студенттар өсөн, дәреслектәр, программалар, методик ҡулланмалар, мәҡәләләр яҙа, бихисап диплом эштәрен етәкләй.

Профессор Н.Х.Ишбулатовтың фәнни мәҡәләләрендә башҡорт теленең диалектологияһы, фонетикаһы, морфологияһы, лексикографияһы, әҙәбиәте, дөйөм тюркология, этимология, мәсьәләләре, башҡорт телен уҡытыу методикаһына, программа, дәреслек йөкмәткеһе, матур әҙәбиәткә ҡағылышлы, бөгөнгө көндә лә актуаллеген юғалтмаған, проблемалар яҡтыртыла.

Билдәле булыуынса Н.Х. Ишбулатов күренекле ғалим ғына түгел, ҡабатланмаҫ, йәғни үҙенә генә хас моңло тауышлы йырсы ла ине. Мәҫәлән “Ҡымыҙ йыры”, “Ханаҡа”, “Матур ҡыҙ Хәтирә”, “Кәкүк”, “Йәйләүек”, “Ирәмәле”, “Ғүмер”, “Ҡалды”, “Саҡырмасы кәкүк” тигән башҡорт халыҡ йырҙарының яҙмаһы Башҡортостан дәүләт радиоһының фольклор фондында һаҡлана.

Профессор М.В.Зәйнуллин [Зәйнуллин, 1998, №8, 40б.] әйтеүенсә, буласаҡ ғалим фәнни эш менән студент йылдарында уҡ ҡыҙыҡһына башлай. Ул халыҡ теленә ерле үҙенсәлектәренә бәйле материал йыйыу эшенә тотона. Ж.Ғ. Кейекбаев лекцияларын тыңлай һәм ул ойоштороған ғилми түңәрәктә ҡатнаша. Ошонан башлап халыҡ теле ынйыларын йыйыу, уларҙы фәнни яҡтан эшкәртеү һәм әҙәби телде улар менән байытыу эшен өҙлөкһөҙ алып бара.

“Ҡаҙмаш ауылының һөйләше” тигән хеҙмәтендә Н.Х. Ишбулатов башҡорт йәнле һөйләү теленең шул төбәккә хас фонетик, морфологик һәм лексик үҙенсәлектәрен яҙып сыҡты. Ғалимдың был тәүге фәнни эҙләнеүҙәрендә Ҡаҙмаш ауылы һөйләшенең әҙәби тел менән оҡшаш һәм айырмалы яҡтары күрһәтелә. Бәләкәй төбәк һөйләше миҫалында тотош Тамъян ырыуы вәкилдәренең тел тәбиғәте күҙәллана, башҡорт телендәге урыны билдәләнә, әҙәби телгә мөнәсәбәте асыҡлана. Шулай итеп, ғалим айырым бер ырыу телен өйрәнеүгә нигеҙ һала”. Бындай хаҡ фекер менән килешмәй мөмкин түгел. Әйтергә кәрәк, Нәғим Ишбулатовҡа кандидат, докторлыҡ дәрәжәһенә лайыҡ булыу фәнни тырышлыҡ ҡына талап итмәй, тормош һынауҙарын да үтергә насип була. Һуғыштан һуңғы ауыр йылдарҙа белем алып, шул белемен артабан камиллаштырыу өсөн алға атлай. Ниндәй генә ауырлыҡтар булмаһын, ғалим алдына ҡуйған маҡсаттарына ирешә [Аҙнағолов, 2008, 23.08.]

Күренекле телсе-ғалим Н.К. Дмитриев фекеренсә, һәр башҡорт ауылы – үҙе бер грамматика, үҙе бер фән. Башҡорт теле һөйләштәренең үҙенсәлектәрен ентекле өйрәнеүҙе күҙ уңында тотҡанда, үрҙә әйтелгән һүҙҙәрҙең актуаллеге бөгөнгө көндә лә юғалмаған, ә артта ғына төшкәнлеге бәхәсһеҙ.

Н.Х.Ишбулатов диалектологияны тел ғилеменең башҡа өлкәләре,

кимәлдәре менән бәйләп өйрәнеү яғында булыуы хаҡында әйтеп үткәйнек. Ғалимдың докторлыҡ диссертацияһы ошо йүнәлештә башҡарылған ғилми эштәрҙең бер ынтылышы: “Н.Х.Ишбулатов яҙған докторлыҡ диссертацияһында диалекттарҙы үҙ-ара сағыштырып өйрәнә. Сағыштырма планда өйрәнеү башҡа ғалимдарҙың хеҙмәттәрендә лә булды. Әммә тикшеренеүҙәр бер яҡлы ғына килеп сығыр ине. Икенсе төрлө әйткәндә, бындай хеҙмәттәр бер һөйләште икенсе һөйләш менән йә әҙәби тел менән сағыштырып өйрәнеүҙән уҙа алманы. Ә Нәғим ағай ҙур биләмәләргә таралған диалекттарҙы һәм уларҙың составына ингән һөйләштәрҙе тәүҙә үҙ-ара, һуңынан боронғо төрки тел материалы менән сағыштыра.

Н.Х. Ишбулатов башҡа ғалимдарҙың да эшмәкәрлегенә иғтибарлы була. Мәҫәлән, Т.Баишевтың “Башҡорт диалекттары һәм уларҙың әҙәби телгә мөнәсәбәте” монографияһы хаҡында ыңғай фекерен белдерә, хуплай. “Башҡорт диалекттары тураһындағы китап” [Ишбулатов, 1956, 12.04] тигән мәҡәләһендә: “Т.Баишев фонетик, морфологик үҙенсәлектәрен, йәғни һүҙгә ҡушылған ялғауҙарҙың ниндәй өндән башланыуына ҡарап, башҡорт телен төп өс диалектҡа – көнсығыш, көньяҡ, көнбайыш диалекттарға бүлә. Ә һөйләштәрҙе, фонетик айырымлыҡтарына ҡарап етегә бүлгән, ти [Ишбулатов 1956, 12.04]. Әммә был һөйләштәрҙең диалект эсендә бүленмәүҙәрен дә иҫкәртеп үтә.

“Башҡорт теле ғилеме үҫешендә мөһим этап” [Ишбулатов, 1959, 28.10] тигән мәҡәләһендә ул осорҙа йәш ғалим Н. Ишбулатов (1959 й.) СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы тарих, тел һәм әҙәбиәт институты тарафынан башҡорт диалектологияһының яңы өлкәһе булған эш башланыуы һәм башҡорт диалектологик атласын төҙөү планлаштырылыуы хаҡында яҙа һәм диалектологик атлас башҡорт тел ғилемендә күп кенә мәсьәләләрҙе, бигерәк тә диалекттарҙы һәм һөйләштәрҙең сиктәрен билдәләү, тел тарихы, халыҡ тарихы кеүек мәсьәләләрҙе хәл итеүҙә мөһим роль уйнаясағын билдәләп үтә [Ишбулатов 1959,28.10].

Бер мәҡәләлә генә Н.Х. Ишбулатовтың һәр төрлө рецензиялары, фекерҙәрен яҡтыртҡан мәҡәләләр хаҡында, уның үҙенең хеҙмәттәренә ҡарата яҙылған фекерҙәрҙе яҡтыртыу мөмкинлеге сикле. Ҡыҙғанысҡа ҡаршы, һуңғы осорҙа ваҡытлы матбуғатта теге йәки был ғилми хеҙмәт тураһында фекер уртаҡлашыусы мәҡәләләр һирәк күренешкә әйләнде.

Н.Х. Ишбулатовтың методик йүнәлештәге эштәренең күбеһе юғары уҡыу йорто, атап әйткәндә, Башҡорт дәүләт университеты менән бәйле. Уның тарафынан 1979, 1980 йылдарҙа “Башҡорт диалектологияһы”[Ишбулатов, 1979, 1980] ике өлөштән торған уҡыу әсбабы баҫылып сыға. Автор дәреслектә диалекттарҙы һәм һөйләштәрҙе тасуирлағанда Ж.Ғ. Кейекбаев классификацияһын нигеҙ итеп ала. Ҡайһы бер һөйләш исемдәре маҡсатҡа ярашлы үҙгәртелә. Ә Н.Х. Ишбулатовтың “Башҡорт теле һәм уның диалекттары” [Ишбулатов,2000]. Монографик хеҙмәтендә башҡорт теленең 3 диалекты һәм уның һөйләштәре тасуирлана.

Милли телдең нигеҙендә халыҡтың йәнле һөйләү телмәре ҡанундары ятырға тейешлеген аксиома тип иҫәпләһәк, (ысынында ул шулай), Н.Х.Ишбулатовтың әсбаптарының әһәмиәте үҙҙәре хаҡында үҙҙәре һөйләй. “Әммә бөгөнгө башҡорт әҙәби теле рус теленең тәржемәһенә әйләнеп барған һымаҡ, башҡорт теленә рус теленең ҡанундары көсләп тағылғанда [Зәйнуллин, Аҙнағолов 2003, 15.09] диалектизмдарҙың телдә биләгән ҡиммәте тағы ла арта төшөп, әҙәби телгә бары тик ыңғай йоғонто яһағаны көн кеүек асыҡ.

Н.Х. Ишбулатовтың башҡорт диалектологияһы буйынса мәҡәләләре шулай уҡ башҡа йыйынтыҡтарҙа ла донъя күрҙе. Мәҫәлән, Ҡазан, Алма-Ата, Ташкент, Фрунзе, Ашхабад, Баку, Ижевск һ.б. ҡалаларҙа үткәрелгән фәнни конференцияларҙағы сығыштары, докладтары баҫылып сыҡты.

Профессор Н.Х. Ишбулатов диалект һәм һөйләш үҙенсәлектәрен тасуирлау маһирлығын студенттары менән дә ихлас уртаҡлашты. Был турала башҡарылған диплом эштәренең исемдәре лә һөйләй. Мәҫәлән, “Дыуан һөйләше”, “Нөгөш һөйләше”, Күҙәй һөйләше”, “Урта Инйәр һөйләше”, “Оло Ҡатай һөйләше”, “Асҡын һөйләше”, “Ҡырҡты һөйләше”, “Соран һөйләше”, “Яйыҡ башы һөйләше”, “Мәндем һөйләше”, “Иҙел башы һөйләше”, “Төй һөйләше”, “Һәләүек һөйләше” һ.б.

Педагогия фәндәре докторы, профессор Р.Ғ. Аҙнағоловтың Н.Х. Ишбулатовтың фәндә үҙ һуҡмағы, үҙ концепцияһы, үҙ ҡарашы булды. Һәр ғалим ана шундай үҙенсәлеге менән бөйөк, тигән фекере менән килешмәй мөмкин түгелдер. Күренекле ғалимдың фәнни эш алып барыуында шундай бер отошло һыҙат хас: ул тел материалын йыйып тәртипкә һала шуның нигеҙендә һығымта яһай. Әҙер схемаға таянып миҫалдар теҙеү – уның өсөн ят нәмә. Ул тел ысынбарлығынан, тел байлығының төрлөлөгөнән сығып эш итә [Аҙнағолов 2008. 23.08].

Башҡорт телен фәнни күҙлектән башлап өйрәнеүсе ғалим Н.К. Дмитриев, Ж.Ғ. Киекбаевтарҙың укыусыһы булараҡ та Н.Х. Ишбулатов уларҙың ғилми йүнәлештәрен дауам итеүсе лә булды. Диалект һәм һөйләштәрҙе монографик тасуирлау менән берлектә уларҙы сағыштырма – тарихи планда өйрәнеүҙе, уларҙың башҡорт яҙма әҙәби теленә мөнәсәбәтен таныны, башҡа ҡәрҙәш төрки телдәренең фактттары менән бәйләнештә ҡарауҙы өҫтөнөрәк күрҙе. Диалект үҙенсәлегенә бәйләп башҡорт топонимикаһын фәнни яҡтан өйрәнгәндә уларҙың башҡорт һәм урыҫ телендә дөрөҫ яҙылышына ҙур иғтибар бүлергә саҡырҙы. Диалектология менән этнонимика, ономастика, этимология мәсьәләләрен тығыҙ бәйләнештә өйрәнеү яғында булыуы менән дә телсе-ғалим Н.Х. Ишбулатовтың башҡорт диалектологияһында үҙ урыны бар.

Әҙәбиәт:

Башҡорт теле һөйләштәренең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ / Төҙөүселәре: Ишбулатов Н.Х., З.К. Ишмөхәмәтов, С.Ф. Миржанова, У.М. Яруллина. - Өфө: Китап, 1959; Башҡорт теленең диалектологик атласын төҙөү өсөн белешмәләр йыйыу программаһы / Төҙөүселәре: Ишбулатов

Н.Х., З.К. Ишмөхәмәтов, С.Ф. Миржанова, У.М. Яруллина. - Өфө: Китап, 1959; Башкирский диалектологический сборник / Под ре. Н.Х. Ишбулатова (отв.ред.) Т. М. Гарипова, А.А. Юлдашева. – Уфа: Изд-во БФАН СССР ИИЯЛ, 1959; Биишев И.Г., Ишбулатов Н.Х. Башкирская диалектология: Говоры Юго-Востока Башкирии. – Уфа: Изд-во БФАН СССР ИИЯЛ, 1963; Русско-башкирский словарь. Около 46000 слов / Составители: Т.М. Гарипов, Н.Х. Ишбулатов, Б.С. Саяргалеев Р.Н,, Р.Н. Терегулова и др. / Под ред. К.З. Ахмерова (отв. ред.), У.М. Яруллиной, З.К. Ишмухаметова, М.Л. Рафикова. – М.: Советская энциклопедия, 1964.

Аҙнағолов Р.Ғ. Башҡорт тел ғилеме уҙаманы // Башҡортостан. – 2008 23 август.

Зәйнуллин М.В. Профессор Н.Х. Ишбулатовҡа – 70 йәш // Башҡортостан уҡытыусыһы. – 1998, № 8, 40-41-се биттәр.

Зәйнуллин М.В., Аҙнағолов Р.Ғ. Арҡа терәр ил ағаһы // Башҡортостан. – 2003, 15 сентябрь.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт диалектологияһы. Башҡорт дәүләт университеты һәм педагогия дәүләт институттары өсөн. - Өфө, 1979, 1980.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт диалекттары тураһындағы китап // Совет Башҡортостаны. – 1956, 12 апрель.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт теле ғилеме үҫешендә мөһим этап // Совет Башҡортостаны. – 1959, 28 октябрь.

Ишбулатов Н.Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. - Өфө, 2000.

Яковлева Е.А., г. Уфа

ТЮРКИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
(на примере городской русской речи Уфы)

Контактирование языков народов, проживающих на огромном пространстве России, описывается учеными уже более двух столетий. Влияние тюркских языков (алтайской группы) на русский – одно из самых мощных. Интересной проблемой в этом плане является взаимовоздействие, отражающее не только пополнение тюркизмами лексического состава русского литературного языка, но и заимствования в профессиональной сфере, жаргонах и арго, когда стилистический потенциал «необычной» лексемы выступает как мощное средство повышения экспрессивности русской речи. Именно это мы видим при анализе давно освоенных русским языком слов типа *байбак, базлан, башли, бирюк, болван, бурда, бурдюк, рухлядь, сабантуй, упырь, шайтан, шалопай* и др., которые приобрели яркую стилистическую окраску, зачастую связанную с негативно-оценочной экспрессией (Елистратов, 1994; Химик, 2004 и др.). Например: апеллятивы со значением лица: *байбак* (башк., тат.) – неповоротливый человек; *базлан* – крикун, говорун; *баламут* (тюрк.) – болтун, подстрекатель; *балбес* (казах., башк., тат., тур.) – глупец; *балда* (тюрк.) – дурак; *барыга* – спекулянт; *басурман* (перс, тат., казах.) – нехристь; *бирюк* (тюрк.) – нелюдимый человек; *бугай* (др.-тюрк.) – здоровый (как бык) человек; *душман* (перс.) – враг; *колпак* – человек-простофиля; *маклак* – перекупщик; *тюфяк* – о вялом, нерасторопном человеке и др.

Картотека Словаря языка Уфы демонстрирует значительное число тюркизмов-жаргонизмов, широко бытующих в русской речи (примеры даны только на букву А): *Абдраган,* неизм. о состоянии недоумения, растерянности. < В Словаре русских говоров Башкирии *абдраган* - 'страх, испуг, боязнь' [СРГБ: 19]. *Абзый,* -я, м. ирон. Обращение к старшему по возрасту. От *абзый* 'дядя' (обращение к постороннему мужчине старшего возраста или к старшему брату с прибавлением имени). – Слушай, Коля-*абзый,* иди-ка отсюда. (Картотека БГУ, 1998). *Айбатненько,* неизм. Отлично, славненько – Вот и славненько, вот и *айбатненько*\ (http://www.bashvest.ru / - 26.05.2004) < От *эйбэт* 'хорошо'. (Картотека БГУ, БГПУ 1998). *Айда-инды.* 1. Выражение нетерпения: давай быстрей; пошли уже, в конце концов. 2. Пошло-поехало. ~ Пришли они, и *айда-инды...* (нечто вроде: и понеслось...) (http:/forum.aldebaran.ru/ – 19.04.2004) < От тат. *эйдэ-инде* 'пошли уже'. (Картотека БГУ, БГПУ 1997). *Акча,* -и, ж. Деньги. ~ Тюркизм по-своему помогает разрешить проблему просьбы. Так, в высказывании «Ой, кошелёк дома забыла! Люсенька, биряле (дай) мне, пожалуйста, *акча»,* говорящий, заменяя русские слова, намеренно выбирает особую манеру речи и при этом как бы занижает психологическую «ценность» объекта просьбы, снимает момент его акцентирования <От *акча* 'деньги'. (Картотека БГУ, БГПУ, 1998). *Алга, неизм.* Вперёд. – Салават, дави Европу. Мы верим в тебя. Весь Башкортостан переживает за вас. Главное не расслабляться. *Алга* и ещё раз *алга*\ (Официальный сайт хоккейного клуба «Салават Юлаев» – http:/www.hcsalavat.ru/ -28.12.2007). *Апа,* -ы, *ж.* Тётя. *Кошмар-апа.* 1. Шутл. Баба-яга. 2. Женщина, обладающая некрасивой внешностью или плохим характером. – Слушай, да она сущая *кошмар-апа.* (Исмагилова 2007 -Вестник БашГУ). *Арака,* -и, ж. Водка. – Надо бы *араки* купить. (Картотека БГУ, БГПУ 1997). *Ашать,* -аю, -аешь, несов. Кушать, есть. ~ Пошли *ашать,* пока народу мало <в столовой>. (Ноябрь 2006) — *Ашать* хочешь?

Среди различных приемов с использованием тюркской выразительности, повышающей экспрессию русской речи, можно назвать фонетические повторы *(хонда-монда, шахид-махид, шурпа-мурпа),* ономастические каламбуры *(не болтай – отправят на Алтай);* макаронизмы *(ишак-матрас, гуталин-малай)* и пр. Все это говорит о важной составляющей заимствований для повышения уровня стилистического потенциала русской речи, своеобразном «этнографическом» отображении сложной языковой картины современной России.

Яндыганова Л. Ш., Мишкинский район РБ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ МАРИЙЦЕВ БАШКОРТОСТАНА

В Башкирии проживает 105,8 тыс. мари. В составе населения Башкирии доля мари равна 2,7%. Марийцы проживают в 19 районах.

Насчитывается более 250 марийских сел и деревень. Наиболее компактно они расселены в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Краснокамском районах.

Ранее других финно-угорских языков начали изучаться венгерский, финский, эстонский и саамский языки. Отправными точками были гипотезы о языковом родстве. Благодаря работам западноевропейских и русских ученых (голлан. ученый Н. Витсен, швед. ученый И. Ф. Сталенберг, русс. ученые – Г. Ф. Миллер, В. Н. Татищев, И. З. Фишер, П. С. Паллас и др.), начавших изучение языков Поволжья, Приуралья и Сибири, к концу 18 в. были установлены границы распространения финно-угорской семьи языков; появились труды, обосновывающие их родство (в произношении слов и фонетике).

Например, для сравнения возьмем марийский, финский, венгерский, мордовский, удмуртский языки:

марла	финла	венгрла	мордвала	удмуртла
вур	вери	веер	верь	вирь
пуй	пии	фог	пей	пинь
кокыт	какси	кеет	кавто	кык

В словах могут быть изменены некоторые звуки или само слово: например, пырыс, шыл, паренге, канде - сравним: Йошкар – Ола, Волжск, Горномарийский район, Калтасинский район – пырыс мече коти пырыс пызе шил пай шыл

У всех финно–угорских народов существует своя литературная норма. Есть и диалекты, говоры, наречия.

У финно-угорских народов при изучении родных языков выявляются некоторые трудности. На последнем съезде финно-угорских языков РФ (г. Саранск 2009) председатель Ассоциации Петр Тултаев отметил: «Мы прежде всего беспокоимся о сохранении наших языков. Чтоб на них говорили еще сотни и сотни лет. Всем нам хочется, чтобы наши языки изучались в школах, вузах. Чтоб сохранилось культурное многообразие, традиции. Сложнее обстоит дело с диаспорами. В диаспорах сложно вести преподавание на родных языках. Мы обеспокоены по поводу будущего своих языков, т.к. живем в многонациональной стране. У нас более 200 народов и говорят они на более 150 языках».

Остаются проблемы развития марийской диаспоры в Республике Башкортостан. К их числу следует отнести ухудшение социально-экономических условий жизни сельского населения. Реорганизация колхозов, сокращение всех видов поддержки села привели к разрушению сельского уклада жизни. Продолжение этой политики будет иметь негативные последствия как для марийского народа, так и для отдельных диаспор. Необходима серьезная работа по повышению национального самосознания, повышению политического и духовного уровня, обеспечению конституционных прав и свобод для реализации прав всех народов на национальное развитие.

Вызывает тревогу такой факт, что престиж марийского языка невысок: молодежь стесняется разговаривать на своем родном языке; некоторых родителей не желают воспитывать и обучать своих детей на родном языке, считая, что, учась в русском классе, их дети станут более “продвинутыми” и образованными во всех отношениях; некоторые и в паспорте указывали себя русскими.

Недостаточно удовлетворяются культурные запросы марийской диаспоры Башкортостана. Знакомство башкирских марийцев с театром и другими видами национального искусства носит событийный характер. В последние годы увеличилось число гастролей артистов РМЭ в Башкортостане. Но они ежегодно проходят по одному и тому же маршруту, в городах Уфе и Нефтекамске и некоторых райцентрах республики. Нет единого информационного пространства для марийского народа. Передачи на марийском языке, подготовленные ГТРК Марий Эл, не транслируются на другие регионы с марийским населением.

Существуют проблемы в деятельности культурно-просветительских учреждений, библиотек, с кадрами и обеспеченностью методической и художественной литературой. Для решения этих проблем необходимы консолидация работы объединений, движений как на республиканском, так и межреспубликанском, межрегиональном уровнях; укрепление сотрудничества в области национальной политики государственных структур Республики Марий Эл и Республики Башкортостан. В этом направлении сделаны первые шаги: в 1998 г. был подписан договор между РМЭ и РБ о дружбе и сотрудничестве; 2000 г. было открыто представительство Республики Марий Эл в столице Башкортостана – г. Уфе Успешно развивается экономическое сотрудничество, устанавливаются тесные связи в области культуры и образования. Созданы Уфимский клуб марийской культуры, Марийский общественный центр РБ.

Марийское общественное движение может говорить о положительных результатов своей деятельности: это – создание марийских культурных центров, издание на марийском языке республиканской газеты «Чолман», открытие новых марийских школ, марийского отделения при Бирском пединституте. Социологические исследования показывают, что башкирские марийцы сохранили свой уровень национального самосознания.

Литература:

Васютин М. З., Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно–угорских народов. -Йошкар–Ола, 2004.

Финно–угорская газета № 6, 29 июня 2010 г., 3-4.

Патрушев В. С.Финно–угры Росси. - Йошкар–Ола, 1992.

Дмитриев С. Д Марий йылме дене занимательный материал. -Йошкар–Ола, 1998.

Латыпова Р.М., Сибай ҡ.

А.Г.БЕССОНОВТЫҢ БАШҠОТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕНДӘ ТОТҠАН УРЫНЫ

Тел ғилеме тарихында башҡорт телен, фольклорын өйрәнеүгә ҙур өлөш индергән, башҡорт диалектологияһына нигеҙ һалған, башҡорттар өсөн әлифба һәм дәреслектәр сығарған күренекле ғалим Александр Григорьевич Бессонов айырым урын алып тора.

Ғалим үҙ аллы башҡорт, ҡаҙаҡ, удмурт телдәрен өйрәнә. Ул тәүгеләрҙән булып, башҡорт телен диалекттарға бүлеп ҡарай: ялан башҡорттары теле һәм тау башҡорттары теле. Һуңғыһын «таҙа башҡорт теле» тип атай, уның татар теленән ныҡ ҡына айырылыуын билдәләй, шунлыҡтан айырым ҡарау талап ителә, тип белдерә. «О говорах казанского татарского наречия и об отношении к нему наречиям и языкам» тигән хеҙмәтендә [1; 200-242] ул бер аҙ «татарлашҡан» ялан башҡорттары (Өфө һәм Ырымбур өйәҙҙәре) телен татар теле менән сағыштыра һәм төп үҙенсәлектәрен асып бирә.

А.Г.Бессонов урыҫ булмаған халыҡтарҙың үҙенсәлекле өндәре өсөн яңы билдәләр өҫтәп, кириллица нигеҙендә яңы алфавиттар төҙөү мәсьәләһен күтәрә. 1907 йылда Ҡазанда башҡорттар өсөн әлифба баҫтырып сығара [2]. Унда көньяҡ һәм көнсығыш диалекттарҙың уртаҡ үҙенсәлектәрен сағылдыра. Был ҡулланма теле буйынса хәҙерге әҙәби телгә бик яҡын тора. Башҡорт теленең специфик өндәре өсөн, диакритик билдәләр өҫтәлеп, урыҫ хәрефтәре алына.

Ошо уҡ йылда (эсендә 1906 йыл тип күрһәтелгән) Ҡазан Үҙәк типографияһында А.Г.Бессоновтың көньяҡ һәм көнсығыш башҡорттары өсөн айырым ике уҡыу китабы баҫылып сыға [3, 4].

Һәр китаптың тиражы 1200 дана [5], күләме 56 бит тәшкил итә. Китаптарҙың тәүге өлөшөндә 16 бит күләмендә башҡорт телендә уҡыу өсөн материлдар бирелгән. Ул В.В.Катаринскийҙың әлифбаһындағы (авторы ул булыуға телселәр араһында шик юҡ) уҡыу материалы менән һүҙмә-һүҙ тап килә, тик тел үҙенсәлектәре менән генә айырыла. А.Г.Бессонов шул уҡ материалды китаптарҙың исемендә күрһәтелгән һөйләштәргә яраҡлаштырып биргән. Ә В.В.Катаринскийҙың әлифбаһында [6] көньяҡ диалекттың, атап әйткәндә, Ырымбур башҡорттары теленең, төп үҙенсәлектәре сағылған.

Башҡорттар өсөн әлифбала (төҙөүсеһе В.В.Катаринский)	А.Г.Бессоновтың көньяҡ-көнсығыш башҡорттары өсөн уҡыу китабында	Хәҙерге башҡорт әҙәби телендә
татлы	тәмде	тәмле, татлы
ҡазы	түрә	түрә
ҡыҙышма	ҡыҙыҡма	ҡыҙыҡма
элгәрге	элекке	элекке
йаҡлы	йаҡты	яҡты
йазык//йазыҡы	көнах	гонаһ
көслө ҡыуатле	көстө-ҡыуатты	көслө-ҡеүәтле

күнеб	баш һалып тор	күнеп, баш һалып
балалар	балдар	балалар
зәһрәһен алыуға	уҫалдығын йиңәрҙек	уҫаллығын еңерлек
йәшенкән	йәшенгән	йәшенгән
йалғансы	алдаусы	алдаҡсы
булһа икән	буһа ине	булһа икән
көннәмә	көндәмә	көнләшмә
маҙаҡҡламағыҙ, мыҫҡылламағыҙ	төләкә итмәгеҙ	көлмәгеҙ, мыҫҡыл итмәгеҙ
муҡталыб	туҡрап тороп	туҡтап тороп
йолдыз	йондоҙ	йондоҙ
көсөм етә	хәлем етә	көсөм, хәлем етә
зарланҡан	зарланған	зарланған
йалбарыб	инәлеп	инәлеп-ялбарып

А.Г. Бессоновтың көньяҡ-көнсығыш башҡорттары өсөн сығарған китабының лексикаһы хәҙерге башҡорт теленә бик яҡын, уның төп өлөшөн башҡорт һүҙҙәре тәшкил итә, сит телдәрҙән ингән һүҙҙәр бик аҙ. Башҡорт теленә күптән үҙләштерелеп, киң ҡулланылған һүҙҙәр генә индерелгән. Мәҫәлән, ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре: *ъүмер, дошман, хәл, хаҡ, фәкир, файҙа, хата, хоҙай, гөнаһ;* урыҫ һүҙҙәре: *әләүкә, эстароста* (староста)*, карауат, эстаршина* (старшина) һ.б. Уларҙың күбеһе башҡорт теленең өн төҙөлөшөнә һәм әйтелеш нормаларына тулыһынса бойһондоролған.

Дәреслектә диалекталь һүҙҙәр байтаҡ. Мәҫәлән, көнсығыш диалектҡа хас лексемалар*: ипмәк, апа, әпсәгеҙ, ҡарындаш, суҡыраҡ (*быраҡ – был һүҙ урта һөйләштә лә осрай*)* һ.б.

Эйәлек килеш ялғауҙарында һуңғы [ң] тартынҡыһының [н]-ға күсеүе күҙәтелә: *кешенен, быларҙын, тәнден* һ.б. Китапта хәҙерге көнсығыш диалектҡа хас грамматик формалар һәм һүҙьяһалыш типтары өҫтөнлөк итә: *аяҡтар, сикәләр, күҙҙәр; уйҙай, һөйҙәй, хөрмәттәй, йоҡтай; татыуҙаш, ямандыҡ, байҙыҡ, һауҙыҡ, дуҫтыҡ* һ.б.

Киләсәк заман ҡылым ялғауҙарында киң һуҙынҡылар ҡулланылыуы күҙәтелә: *булар, итәр, көтәр* һ.б. Был күренеш йышыраҡ көньяҡ һөйләштәрҙә осрай.

Сығанаҡта һүҙҙәрҙең яҙылышы фонетик принципҡа нигеҙләнгән. Хәҙерге башҡорт теле орфографияһында «ваҡыт», «вәғәҙә» рәүешендә ҡабул ителгән был һүҙҙәр А.Г.Бесоновтың уҡыу ҡулланмаһында телмәрҙә ишетелгәнсә бирелгән: *уаҡыт, үәъҙә*. Шулай уҡ *я, ю, е* хәрефтәренең *йа, йу, йе* ҡушымсалары менән бирелеүе күҙәтелә: *йакты, йаратҡан, йибәрһәң, йир, ойалып, йетте, йуҡ, йул, йулдаш һ.б.* Бөгөнгө башҡорт алфавитында һәр өндөң айырым сағылмауын ҡайһы бер телселәр хәҙерге яҙманың етешһеҙлеге тип һанай.

А.Г.Бессонов башҡорт теленең төп үҙенсәлектәрен аңлап эш иткән. Һүҙҙәрҙең яҙылышында сингармонизм законы һаҡланған.

Уҡыу ҡулланмаһында тупланған материалдың йөкмәткеһенән төҙөүсенең башҡорт халҡының тормош-көнкүрешен, шөғөлдәрен, йолаларын яҡшы белеп эш итеүе күренә. Мәҫәлән: «*Һандыҡта кейем: күлдәк-ыштан, сәкмәндәр, йиләндәр* (еләндәр)*, көпө, кәзәки, салбар, бит таҫтамалдары, билъауҙар, бүрктәр* (бүректәр)*, ҡалпаҡтар, яулыҡтар, түшелдерек, таҫтар, сөлгөләр, ашшаулыҡ* (ашяулыҡ)*, һараус* (һарауыс)*, ҡушшаулыҡ* (ҡушяулыҡ)*, сылъау* (силғау)*, ҡыңысбауҙар* (ҡуңысбауҙар)*, ҡата, сарыҡ.» «Йир* (ер) *һөрөп иген сәсеү аларҙың* (уларҙың) *иң оло кәсиптәре* (кәсептәре).»

Китаптың икенсе өлөшөндә, егерме һигеҙ өлөшкә бүленеп, урыҫ теленән тәүге практик дәрестәр бирелгән. Һәр дәрестең материалы айырым темаға арналған, параллель рәүештә урыҫ һәм башҡорт телдәрендә килтерелгән.

Ғөмүмән, А.Г.Бессоновтың башҡорт телен яҡшы белеп эш итеүе күренә. Ул башҡорттар өсөн дәреслектәр сығарып ҡына ҡалмай, ҙур тырышлыҡ менән башҡорт халыҡ әкиәттәрен йыя, уларҙы урыҫ теленә тәржемә итә. А.Н. Самойловичтың отчетында [7] А.Г.Бессоновтың мәҡәлдәр йыйынтығы һәм һүҙлек төҙөүе тураһында хәбәр ителә, тик уларҙың яҙмышы билдәһеҙ.[8] Ғалимдың ғилми мираҫы эҙләнеүҙе көтә.

Әҙәбиәт:

Бессонов А.Г. О говорах казанского наречия и об отношениях его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения, ч. 216. отд.2. – СПб., 1881, №8. - С.200-242.

Бессонов А.Г. Букварь для башкир. – Казань, 1907.

Бессонов А.Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. – Казань, 1907.

Бессонов А.Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для северо-восточных башкир. – Казань, 1907.

НА РТ. Ф.420. оп.1. д.88. л.30 об.

Букварь для башкир. – Оренбург, 1898.

Самойлович А.Н, О рукописном собрании татарских и башкирских сказок А.Г.Бессонова // Отчет Русского Географического общества за 1909 г. – С. 106-109.

Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период./ Под редакцией и с введением А.Н.Кононова. – М., 1974. – С. 127.

Для заметок

Для заметок

Оглавление

Приветствие Президента Республики Башкортостан Р. З. Хамитова 3
Хисамитдинова Ф.Г. Башкирский язык и башкирское языкознание сегодня 4
Аллаяров З.А. Стратегии развития национального образования в Республике Башкортостан 9
Абубакирова Л. Ф. Языковая ситуация и этноязыковые проблемы в Оренбургской области 15
Аҙнабаева Г.Ш. Ишембай районы ономастикаһында диалект сағылышы 18
Аксенова А.Л. Обучение родным и государственным языкам в условиях диалекта 19
Алишина Х.Ч. «Радловская» лексика сибирских татар 21
Аллаярова З.Р. Морфологические особенности заимствованных из русского языка имен существительных в татарских говорах Южного Приуралья 25
Атаманов М.Г. Древнеудмуртский след на башкирской земле 27
Ахмедьянова А.Х. Состояние изучения башкирского языка в Учалинском районе Республики Башкортостан 29
Багаутдинова М.И. Этнографические диалектизмы в башкирском языке 30
Бадамшина В.В. Особенности лабиальной гармонии балтачевского говора марийского языка 32
Баздникина О.И. Особенности говора жителей деревни Старые Ирныкшн Архангельского района РБ 35
Байғускарова М.И. Башҡорт телен укытыу мәсьәләһенә бер ҡараш ... 37
Балтаева Л.Х. Архангельский говор латышей Республики Башкортостан 38
Батыршина Г.Р. Отражение лексики родинного обряда в диалектологических исследованиях 41
Биканачева Р.И. Башҡорт диалектологияһы фәнендә ғалим Ж.Ғ. Кейекбаевтың эшмәкәрлеге 43
Булгаков Р.М. Об одном виде источников становления литературного башкирского языка 48
Бусыгина Л. В. Выражение понятия «пыль» в удмуртских диалектах и ареал его распространения 51
Валеева Р.Р., Яковлева Е.А. Анализ концептосферы «хореография» при описании национального башкирского танца (на примере концепта «рука») 55
Власова Л.В. Локально-территориальные группы заселения приуральских чувашей и формирование их диалектной системы 57

Гарипов А.С. Исследование башкирских говоров Челябинской области 60
Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. Словообразовательная тюркизация славянских имён в бакалинском регионе Республики Башкортостан 62
Гәрәев Р.Н., Рәхмәнғолов М.И. Аҡмулла ижадында поэтик ономастика берәмектәре 69
Гәрәйшина Ә.И. Диалект шарттарында укыусыларҙы әҙәби телдең морфологик нормаларына өйрәтеү 70
Ғайсина Э.Х. Диалект — башҡорт теленең тамыры 71
Ғарипова Ф.Х. Әҙәби телде пропагандалау шарттарында диалекттарҙың йәшәү хоҡуғы 72
Ғәйнетдинова Л.Р. Төньяҡ-көнбайыш диалектының үҙенсәлектәре 74
Ғәләүетдинов И.Ғ., Ҡоҙабаева Ә.Х. Ғәббәс Дәүләтшиндың "Башҡорт теленең имлә һүҙлеге" һәм унда осраған диалект һүҙҙәр 76
Ғәскәрова Г.К. Төньяҡ-көнбайыш диалекты шарттарында башҡорт телен укытыу проблемаһына бер ҡараш 79
Данилова А.Н. К вопросу формульности имен эпических персонажей 80
Доценко Т.И. Традиционная народная культура и ее отражение в лексике диалектов..... 83
Дыбо А.В. К проблемам изучения диалектов тюркских языков 85
Еримбетова А.Х. The archetypes of consonants in the chronicle «Kutadgu bilik» xi) by yusuf balasaguni 88
Жамсаранова Р.Г. Ойконимический формант –ой в топонимии Восточного Забайкалья 90
Зәйнуллина З.Т. Башҡорт һөйләштәрендә тамаҡ төбө менән әйтелгән [аъ] өнө 93
Здобнова З.П. Проблемы русской диалектологии РБ 94
Ибрагимова Э.Р. Особенности диалектно-языкового смешения в употреблении некоторых грамматических форм томского диалекта языка сибирских татар 97
Ilyasova N.A. The cognitive aspect of the word combination of kazakh language 99
Исабекова У.К. Значимость исследования общетюркского корня на материале диалектов средневековых тюркских языков 102
Исхакова Г.Г. Диалектная лексика в заговорах башкир 104
Ишбирҙин Э.Ф. Башҡорт әҙәби теле һәм уның диалекттар менән лексик мөнәсәбәте 105
Ишкильдина Л.К. Чередование анлаутных фонем [й] и [ж] в диалектах и говорах башкирского языка 109
Камалетдинова Р.Ф., Ғәскәрова С.М. Илде белеү телдән башлана 113
Кашапова З.Ә. Диалект шарттарында башҡорт телен укытыу тәжрибәһенән 116

Кульсарина Г.Г. Функционально-стилистические особенности диалектной лексики в фольклорном тексте 116
Курбангалеева Г.М. О некоторых перспективах изучения лексики русских говоров Башкортостана 119
ҠаһарановF.F., Йәғәфәрова Г.Н. Башҡорт диалектологияһы үҫешенән: Х.Ғ.Йосопов 124
Мигранова Э.В. Терминология и традиции хлебопечения у башкир 127
Мирхайдарова К.С., Каац Т.В. Обучение родному и иностранному немецкому языку в условиях диалекта 132
Мудрак О.А. Интерпретация инновативных изоглосс языков и диалектов кыпчакской подгруппы 134
Муратова Р.Т. Отражение символических значений чисел в башкирских диалектных названиях 139
Мурзабулатов М.В. Язык в развитии межэтнической брачности 141
Назарова Г.Ә. Башҡорт теле һәм әҙәбиәте дәрестәрендә халыҡтың йәнле һөйләү телен өйрәнеү 146
Насибуллин Р.Ш. Фонетические особенности закамских говоров удмуртского языка 148
Нафиков Ш.В. Башкирский диалектный ихтионим күтәмә как урало-алтайское слово 151
Orazbaeva F. Sh. Language communication in the professional education system and its heoretical and methodological problems 153
Перехвальская Е.В. История якутской письменности 155
Псянчин Ю.В., Гатин М.К., Гайсина Г. А. Н.Х. Максютова и башкирская диалектология 160
Раемгужина З.М. О норме и вариантности в башкирских антропонимах 166
Rakhmetova R.S. The role of competence formation in a future specialist 168
Рамазанова Д.Б. К вопросу семантического развития соматизмов в татарском языке 170
Сабирьянова С.Г. Незабываемые имена 174
Савельева Ю.Б. О типе лексических диалектизмов в русских говорах Башкирии 178
Сибәғәтова Р.Ю. 1920–1930 йылдар диалектологик экспедиция материалдарының тарихи сығанаҡ булараҡ әһәмиәте 180
Сиивонен А.Т. Вокализм прибельского диалекта восточного наречия марийского языка 182
Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Каримова Р.Н. О текстологической базе данных диалектологического подфонда “Машинного фонда башкирского языка” 186
Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д.,Ишмухаметова А.Ш. Диалектологический подфонд машинного фонда башкирского языка 188
Сулейманова Р.А. Языковые особенности современной антропонимии башкир 191

Султангареева Р.А. Обрядовое словотворчество (метафоричность, символика, реалии) 193
Суфьянова Н. Ф. У. М. Яруллина – лексикограф и диалектолог 196
Сәғәҙиева Ф.Х. Дим һөйләше шарттарында башҡорт телен уҡытыу 198
Сәйәхова **С.Г.** Диалект шарттарында башҡорт теленә өйрәтеү 199
Тамбовцев Ю.А. Разделение лингвистических объектов на диалекты и языки по данным фоностатистической типологии 201
Тихонова В.М. Место мордовских языков в системе родственных (уральских) и неродственных языков 205
Тугужекова Т.Н. Цветовые прилагательные в диалектах хакасского языка 208
Уразбаева З. Ғ. Ғалимә һәм йырсы 211
Уртегешев Н.С. «Ҫ»и «ҙ» в речи носителей трех говоров башкирского языка 214
Хабибов Л.Г. Архаичные слова и словоформы в творчестве Мифтахетдина Акмуллы 217
Хадыева Р.Н., Сабирьянова С.Г. О диалектологическом атласе башкирского языка 221
Хисамитдинова Ф.Г. Диалектная система башкирского языка 225
Хисамитдинова Ф.Г. Диалектологические работы А.А. Юлдашева, известного тюрколога, башкироведа 230
Хисамитдинова Ф.Г. Диалектолог Т.Г. Баишев 233
Хөсәйенова Л.М., Латипова А. Арғаяш һөйләшенең лексик үҙенсәлектәре (Силәбе өлкәһенең Аяҙғол ауылы миҫалында) 235
Шайхулов А. Г. Аспекты этнолингвистического формирования и функционирования диалектов татарского языка в контексте языкового пространства Республики Башкортостан (краткий историографический обзор) 236
Шакирова Л.З. Диалектологические экспедиции З.Ш. Шакирова ... 241
Шакирова Н. С. Башҡорт теле һәм себер-татар теле һүҙҙәренең оҡшаш яҡтары 243
Шакуров Р.З. Северо-западный диалект и проблема определения его места в системе разговорного языка башкир 245
Шамигулова И.Ф. Усвоение литературного языка в условиях городской школы 251
Шәйхисламова З.Ф. Н.Х. Ишбулатовтың башҡорт диалектологияһы өлкәһендәге эшмәкәрлеге хаҡында 252
Яковлева Е.А. Тюркизмы как средство повышения экспресссивности (на примере городской русской речи Уфы) 257
Яндыганова Л. Ш. Некоторые проблемы языка и культуры Марийцев Башкортостана 258
Латыпова Р.М. А.Г. Бессоновтың башҡот тел ғилемендә тоткан урыны..... 261

Научное издание

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы X региональной конференции
(Уфа, 21-23 сентября 2010 г.)

DOI: https://doi.org/10.31833/probl_dial.2010

Печатается в авторской редакции

Компьютерная обработка: Р. Н. Каримова
Корректор: Ф. А. Каримова

Подписано в печать 14.09.2010. Формат 60x90$_{1/16}$
Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 16,56 Усл. печ. л. 15,57
Тираж 1000

Отпечатано на ризографе с готового оригинал-макета
ИП Поляковский Ю. И.
450058 Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, 45-49
Тел.: (347)223-29-07
E-mail: maxles@yandex.ru